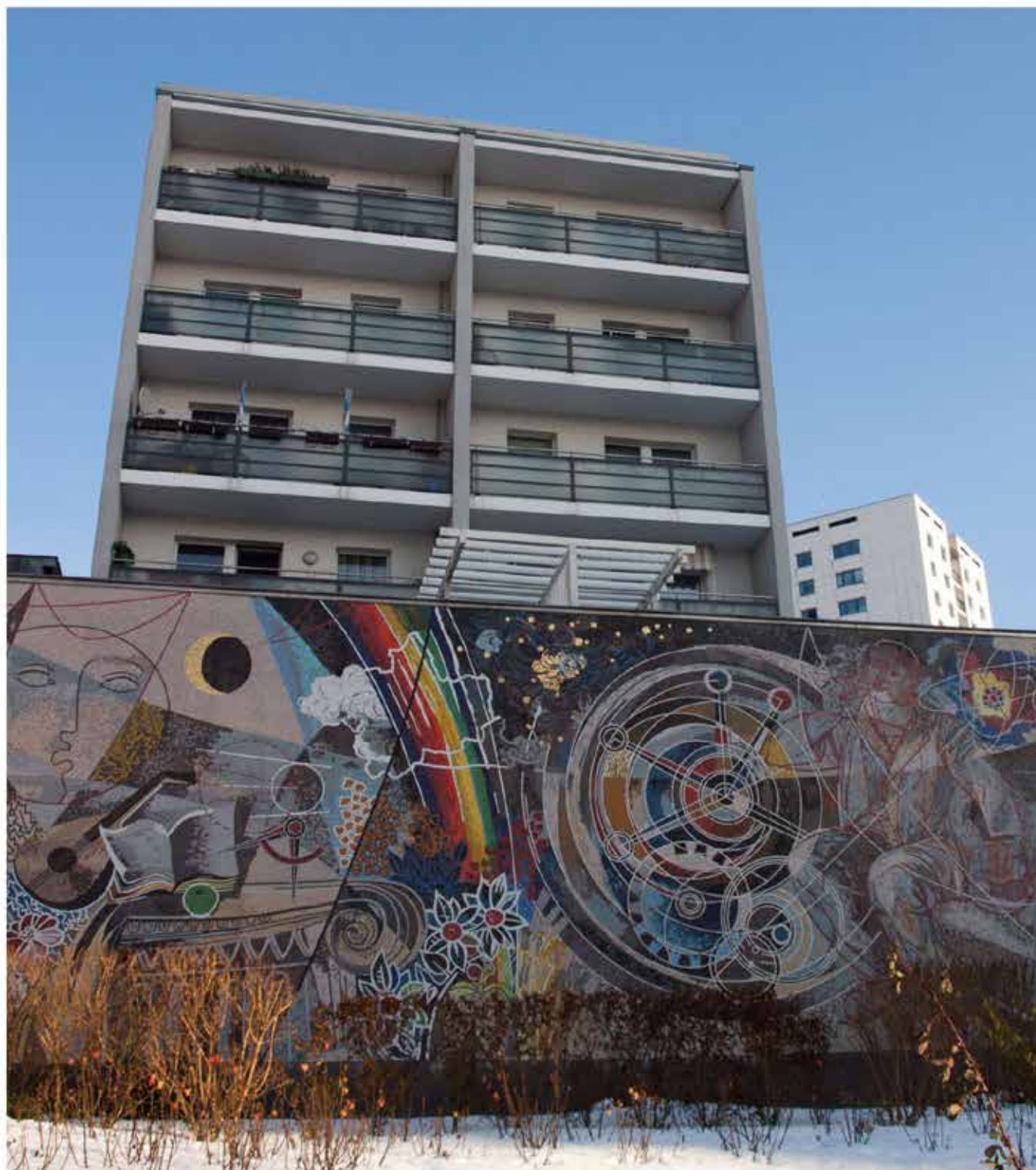

The American Historical Review

ELSEVIER

The American Historical Review

Issue 5 (2), December 2018

VOLUME 123

Oxford University Press

2018

The American Historical Review, Issue 5 (2), (December), Volume 123. Oxford University Press, 2018. - Pages 1850-2193.

The edition materials are posted in Scopus and Web of Science.

Source Normalized Impact per Paper (SNIP): 2.049
SCImago Journal Rank (SJR): 0.619

Impact factor: 1.145

5-Yr impact factor: 2.075

*2016 Journal Citation Reports®, Thomson Reuters

Editorial Board:

AHR Board of Editors

Peter Fritzsche
University of Illinois, Urbana-Champaign

Manu Goswami
New York University

Ruth Mazo Karras
University of Minnesota, Twin Cities

Kenneth J. Lipartito
Florida International University

Ussama S. Makdisi
Rice University

Sarah C. Maza
Northwestern University

Lara E. Putnam
University of Pittsburgh

Carina E. Ray
Brandeis University

William T. Rowe
Johns Hopkins University

Claudio Saunt
University of Georgia

Heidi E. Tinsman
University of California, Irvine

Francesca Trivellato
Yale University

Lynne Viola
University of Toronto

AHR Staff

Editor: Alex Lichtenstein

Associate Editor: Konstantin Dierks

Articles Editor: Jane Lyle

Reviews Editor: Megan Leone Musgrave

Operations Manager: Cris Coffey

Production Assistant: Jessica Smith

Editorial Assistants:

Isabel Álvarez Echandi

Charlene J. Fletcher

Tyler Higurashi Jeffries

Jon Manley

Laura Y. Merrell

Julia Riegel

Daniel J. Story

Print ISSN 0002-8762

© American Historical Association, 2018

Online ISSN 1937-5239

© Oxford University Press, 2018

CONTENTS

The Knife that Still Divides: The Archive of Salamanca and the Heritage of Spain's Civil War in the 21st century <i>Marc Balcells</i>	1856
Diverse Histories, Different Outcomes: Social Policy and Development in Latin America and East Asia <i>S. Draibe, M. Riesco</i>	1868
Gandhi and Tagore: A Critical Analysis <i>Inam Ul Haq</i>	1885
Isaac Ibn Sahula and King Alfonso X: Possible Connections between the Book Meshal Haqadmoni and the C'ntigas de Santa Maria <i>Sara Offenberg</i>	1891
Stories Have the Power to Save Us: A Neurological Framework for the Imperative to Tell Stories <i>Bem Le Hunte, Jan A Golembiewski</i>	1910
Leopold Targler's Contribution to the Development of Fencing in Austria and Poland <i>Maciej Łuczak, Michael Wenusch</i>	1919
The Portrait of Yasser Arafat in Focus the Palestinian-Israeli Conflict <i>S.M. Abramov, T.A. Vetoshkina, S.A. Akulov</i>	1933
National Bolshevik Policy in Action (on the Example of the Assyrian Minority in Ukraine in the 1920's and 1930's) <i>A.Kh. Margulov</i>	1952
Intensification of Interethnic Relations Between Ukraine and Czechia: Politics, Economy, Culture and Tourism (the Beginning of the XXI Century) <i>R. V. Korsak, V.I. Ilnytskyi, I.M. Hodya</i>	1959
The Concept of Higher Specialized Education Development in the Scientific Activities of Professor N. Kravchenko <i>Volodymyr Shulha</i>	1978
Religious Sense of the Russian Revolution <i>Igor Orlov, Marine Polovinkina</i>	1986
The Revolution of 1917 and the Public-Political, Economic Situation in Azerbaijan <i>Irada Huseynova</i>	1999
Methodological Universalism of A. Chechel'nitsky's Astrophysicist in the Context of the Cognitive Aspect of History <i>Irina Gataullina, Olga Gilmutdinova, Olga Kozlova, Anna Sychenkova, Yulia Shagbanova, Dmitry Shmelev</i>	2018
Little-known Information of the Commander of a Soviet Artillery Officer Alexander Bessarab About the Storming of the Reichstag <i>Sergey Fedotov</i>	2036
The Struggle of Ukrainian Diaspora of USA in the Revival of the State Independence of Ukraine (the End of 50-th – Beginning of 60-th Years of XX Century) <i>Yury Neduzhko</i>	2050
Formation of the Ancient State in the Light of the 'Norman Theory' <i>Vasiliy Malinin</i>	2064

The Comparative Analysis of Between National Sovereignty and Islamic Sovereignty <i>Hosein Aliahmadi Jeshfaghani</i>	2085
The Metaphysics of Love in the Works of V.S. Solovyov <i>Olga Putecheva, Alexandr Palapanidi</i>	2110
Participation of People in the Islamic State Analytical Review of the People Role in the System of Velayat Faqih <i>Hosein Aliahmadi Jeshfaghani</i>	2117
Monetary System of Georgia in XI-XII Centuries and Its Effect on Economic Activity <i>George Abuselidze</i>	2144
Foundation of Katerynoslav High Mining School as Manifestation of the Cultural-Educational Policy of Tsarism in the Dnieper Ukraine (The Late 19th and Early 20th Centuries) <i>Peretokin Andriy</i>	2157
Femine of 1932-1933 and Students of Pedagogical Educational Establishments in Soviet Ukraine <i>Olexander Komarnitskyi, Olexander Fedkov</i>	2176

The Knife that Still Divides: The Archive of Salamanca and the Heritage of Spain's Civil War in the 21st Century

Dr. Marc Balcells,

City University of New York - John Jay College of Criminal Justice

Universidad Miguel Hernández de Elche

Open University of Catalonia, USA

Abstract: From 1936 to 1939 a civil war ravaged Spain, resulting in the establishment of the dictatorship of General Francisco Franco and the beginning of decades of a totalitarian regime and the suspension of democracy in the country. As with any armed conflict, art and cultural heritage were victimized: even the deadly toll on human lives was considerable, the conflict affected the preservation of cultural heritage. One of the most important attacks to cultural heritage during the war was the appropriation of the archives from the Generalitat (the government of Catalonia), seized by Franco's troops, among many other documents of people and institutions not akin to his regime. The archives created in the town of Salamanca stored an estimate of two hundred tons of confiscated documents with an important historical value; however, even though attempts have been made for their return to Catalonia (notably, through the passing of a law by the Spanish government in 2005), not much has been transferred to its legitimate owners. The article presents the case of the archives of Salamanca and discusses how the impact of a 73 year old conflict is still being politically and legally felt in the relationship between Catalonia and Spain. Particularly, the theoretical framework used is Richard Quinney's conflict theory, which assumes that the organized state does not represent common interests, but rather the interests of those with sufficient power to control its operations, resulting in the powerful being legally freer to pursue their self-interests, than those less powerful. The article concludes, based on both legal and political grounds, that Quinney's theoretical framework is a perfect tool for further research on the dynamics and conflicts of interest in both the relationship between the affected region and the country when it regards to the documentation seized during Spain's civil war, and how these conflicting interests are still active nowadays, decades after the conflict finished.

Keywords: democracy; art; cultural heritage; archives; historical value; documentation.

Introduction

The Spanish Civil war ravaged the country from 1936 to 1939, and divided regions, cities, neighborhoods and families. As with any armed conflict, art has also been victimized in a much broader scope: wars between nation-states or violent hostilities between social groups not only provoke a deadly toll on human lives, but can also affect the propagation and preservation of a culture. Artworks are especially vulnerable, as artillery, bombings and other forms of weaponry are constantly being perfected. It may be that the destruction is part of collateral damage, or it may be that the cultural heritage of a particular zone has been purposefully targeted for destruction. Another outcome of wars is the seizure of art and other culturally valuable items as 'booty'. The symbols of an ill-gotten booty are various: 'spoils of war' provide tangible evidence of victory; they can engender support for a government or an army among the populace; economic profits finance parties and/or enrich individuals involved in the fighting; and it brings denigration and humiliation to the defeated culture.¹

The main goal of the present paper is to present the case of study, seizure of a huge amount of documents, in a macro perspective, analyzing the ongoing conflict between regions in a same country, and how the shockwaves of a recent conflict are yet being felt after more than seven decades. This particular case is well unknown outside Spain, and even within the borders of the country there is not much where to gather information on the history of the archive. In this sense, The Dignity Commission² work is invaluable as a secondary source and remains the most important piece about the archive.

The layout follows a chronological order: the first section addresses the genesis of the case of study; following this section, it jumps to our times and explains the ongoing situation of the archive; a legal description of the case, which recently came to an end, ensues; and finally, Quinney's theoretical framework is analyzed in regards of the policies and repercussions at play, questioning why it would be possible to interpret that the Spanish government could have transformed what is a booty of war into a legitimate historical archive with total disregard for the victims of the civil war, both deceased and survivors [1].

The Genesis of the Archive

On 26 April 1938, Ramón Serrano Súñer,³ signed the decree establishing the National Department for the Recovery of Documents (also known as DERD). This was the start for the ongoing confiscation of documents from any particular institution or individual whose political views would oppose the established regime. These institutions would include mostly Republican organizations, parties, trade unions and many other types of association. The goal was to achieve documents en masse in order to provide Franco's regime with information on the activities of its enemies. The processing center for all confiscated materials was set up in the city of Salamanca, the capital of the province of Salamanca, located in the autonomous community of Castile and León according to contemporary geopolitical organization of the country [2]. Salamanca was a desired location provided the archives were set up at war, and the city was the most important and safest. Once there, aficionado archivists extracted every useful bit of information that would provide the Francoists with details about the political and social activities of thousands of citizens. Police and military courts, among other institutional organisms, received the information in order to be able to carry out their infamous repressive operations.⁴

Even though the first batch of documentation came from northern Spain. The main target, however, would be Catalonia, for the following reasons: it had a Government and Parliament of its own; Barcelona, its capital city, was seat to both the Spanish Republican and Basque governments. Hence, two days after the occupation of Barcelona (on the 28th of January, 1939) six search teams seized sacks of documents, to an extent that required storage in no less than fourteen premises, occupied for the purpose. Until the 7th of June, 1939, approximately two thousand searches and confiscations were carried out. February would result into the most prolific month, even though most of the searches were carried out in March. The most valuable targets were newspapers, magazines, bookshops and printing presses, when it comes to private institutions. Public institutions would include both the Catalan government, and the Republican and Basque governments. Following the order of relevance, official buildings and the headquarters of the major parties and unions came next [3]. Finally, the personnel assigned to the task searched the homes of both political (councilors, members of the Parliament of Catalonia as well as the President of the Catalan Parliament himself) and union leaders, who were automatically suspected of concealing important documents (the seizure included private

correspondence, correspondence between intellectuals or politicians or complete libraries).⁵

The processing of the documentation that took place in Catalonia would result in failure: a fact that forced the archivists to select which were the most significant documents that had a higher probability to supply them with the information to attack these enemy institutions and individuals [4]. An extra duty of the enemy was to confiscate books and journals that could be considered against the spirit of Franco's National Movement. The task would fall upon the Falangists' Department of Press and Publicity, an institution in charge of 'purging' public libraries, cultural institutions, publishers' offices and bookshops of noxious influences. In this respect, in international crimes it is often found that the official apparatus uses terms to justify these actions, like 'transfer' or 'purification'.⁶

It is estimated that the occupying force seized a total of one hundred and forty tons of documents were to be transported and over two hundred tons of documents were confiscated in Catalonia: they would depart to Salamanca between 21 June and 5 July 1939. As mentioned above, the huge amount of documentation would impede the proper functioning of the archive in Salamanca. Reorganizing the documents would prove to be a daunting task, provided there was not a classification process as such: the goal was to include only documents containing references to suspects' ideological leanings. Investigators, once the information was obtained, opened an information card with the name of the person attached to the particular document that was considered evidence of the illegal activities of the subject. As Andreu points out, 'The classification process was carried out to create a police record office and no professional archivist criteria were respected'. The processing operation is known to have lasted until 1958, resulting in the opening of nonetheless than three million personal cards. The next step was to compile political reports that were sent to both military courts, special 'political responsibility' courts and the courts for the purging of civil servants.⁷ And even though these documents were the base for uncountable acts of politicized justice, estimates about the reminder of unprocessed data indicate the astounding amount of eight hundred tons of unclassified sacks.⁸

The Many Shortcomings of the Archive

The institution of the previous section evolved in contemporary times into the General Civil War Archive of Salamanca. The chaotic distribution of the archive transitioned from war times into peace times. In 1940, authorities decided to move

DERD to a site nearer to Madrid. In that sense, El Escorial was considered as the perfect location. The project, however, was abandoned after considering as an important factor the entire weight of the contents (circa one thousand tons), a factor that militated against the transfer [5]. Shockingly for an archival facility, not all the confiscated materials have been conserved (countless documents have been destroyed) and many others have been forwarded to other institutions: in fact, this factor invalidates the particular claim of those against the return of the documents to their rightful owners, who argue it would damage the principle of unity of the archive. Unfortunately for many owners of the seized documentation claiming its return, the estimates indicate that only ten percent remains of the originals. As indicated in the previous paragraph, the rest was either sent to other State archives or destroyed. As Andreu stated it, 'Twelve railway wagons full of documents left Barcelona in 1939. Today, what remains would barely fill one, however'.⁹

A principle in archival protocols was followed, albeit incompletely: in other words, even though geographical points guide the organization of the archive (based on the cities that became confiscation points), documents are also found among other cities. Therefore, this classification format contradicts the guiding principle of organizing the huge amount of documents according to the place where they had originally been confiscated. Two of the possible cause that Andreu indicates are either the fact that under qualified police agents and other agents of the regime composed the careless staff, or the above mentioned deficient filing system in the original confiscating points, that extended to the archive.¹⁰

The Legal Aspects of the Case

One of the historical problems when looking the claims of repatriation of objects confiscated during armed conflicts is who is available to make them.¹¹ In this particular case, (parallel to other conflicts that erupted in the twentieth century) when the confiscations took place, many of the victims had already fled and those who had not were either in prison or were to act as passive on-lookers as their properties were seized. According to DERD regulations, its agents did not need to identify themselves or give any reason for the confiscations. Also, the State gave out no official information about the existence of the archive. It all provided for a void of information that had a huge impact in years to come for owners or heirs who had suffered confiscations.¹²

However, as Andreu points out, as the contents of the records office are increasingly made known, a growing number of descendants of those who suffered

confiscations are discovering that their documents are still kept in Salamanca [6]. In the case of political institutions such as the Government or Parliament of Catalonia no record was kept of the destinations of the documents confiscated from them. Even today, no pre-1939 Catalan Parliament document is held by Catalan institutions except for a very small number that were fortunately saved by Parliamentary officials¹³.

On 2005, however, looked like the tide turned: on the 17th of November, 2005, the Spanish Government took the decision of returning the Catalan papers to the Catalan government through the enactment of Spanish law 21/2005, named the law of restitution of the seized documents.¹⁴ The law established two goals: on one hand, the restitution of the documents to their rightful owners or, subsequently, to their heirs; on the other, the creation of a center for the documentation of the events that took place during the civil war. Hence, a new archive was created in Salamanca two years later (owned and operated by the Spanish Government), with the purpose of documenting these historical memories coming from the Civil War.

However, immediately after the passing of the law (in February, 2006), the conservative party, Partido Popular (Popular Party), filed a motion of unconstitutionality, claiming that when voting for it, the ministers had not the required documentation to form their vote. The party also considered that returning the papers would be an immediate attack to the Spanish Constitution, as it establishes a clause against the spoliation of cultural heritage.¹⁵ The autonomous community of Castile and León also challenged the constitutionality of the law, provided it denied the archive of a purpose. Because the Constitutional Court did not suspend the law, in that same year only part of the Catalan papers returned.¹⁶ The Spanish Government informed the Catalan counterpart that the full process would have taken place in two years (provided that, in the meantime, the documents were still being catalogued). Up to this day, the agreement has not yet fulfilled, and there are 660 boxes containing documents pending to be returned: 225 have been properly studied while 435 are waiting to be properly examined.¹⁷

Nevertheless, there have been exceptions to the rule of opposing the return of the documents, though they are rarely found amongst leading political parties. Andreu mentions two very significant cases. On one case, the protests of city councilwoman Teresa Carvajal. In a letter that appeared in *La Vanguardia* (a Catalan based newspaper read nationwide) in October 2002, the politician lodged a complaint about the official boycott faced by a Catalan commission's visiting Salamanca on 14 October,

2002. In her letter, the councilor asked: 'How is it possible that local media failed to announce the dignified and democratic visit of a group of Catalans whose intention it was to inform the residents of Salamanca about why they want to recover part of their identity?'.¹⁸ The previous letter would not be the only one to appear in the same newspaper: on the 26th of October, 2002, José A. Frias, the director of the Library Science Department of the University of Salamanca, also showed his sympathy towards the return of the documents.¹⁹ Both cases are, as stated, particularly relevant, provided both have as a source either a political authority or a scholar in the topic of archival conservation.

Again, it is important to remark that claiming the repatriation of objects confiscated during armed conflicts is a complicated legal issue [7]. The difficulty in this particular case was to determine which documents each private individual, organization or institution can claim. The issue ranges from a collective claim (that would be unacceptable before the law) to a detailed petition, yet its creation would be practically impossible and, moreover, there is always the risk of incompleteness.²⁰

2013 will be a decisive year in the return of the documents, provided on the 14th of March the Constitutional Court decided the law was not unconstitutional and therefore, the content of the archives had to be completely transferred to Catalonia.²¹ Less than two months before, the motion of unconstitutionality of Castile and León was also dismissed.²² The main point of the court to do so was, above all, that the goal of the law is to give back the documents to their legitimate owners, and therefore, it is a top priority to protect the interest of them or their heirs to get back the documents that were illegally seized from them. Besides this main point, other arguments establish that the social function of an archive does not depend of its location but rather on the use of the information stored. Because every document that leaves the archive will have an authenticated and digitalized copy, the Constitutional Court rendered the argument of the autonomous community (claiming the return would render the archive purposeless) ineffective.

Quinney's Theoretical Framework Used to Analyze the Present Case

The core of conflict criminology implies that conflicts of interests are inherent to human societies: humans, therefore, will compete over such things as status, money and power. Moreover, when something benefits someone, it is considered right, just and correct. Applied to a state, conflict theorists argue that it does not represent

common interests of its citizens: on the contrary, people in power will see their interests enacted.²³

Quinney, writing within the above mentioned theoretical framework, was worried like other authors about the social construction of crimes and how the most powerful social players used this feature in order to strengthen their position by the shaping of public policies.²⁴ Among some of Quinney's premises, he considered how the state is organized to serve the interests of the dominant economic class (which of course is firmly rooted in capitalism). In fact, the following statement encapsulates not only Quinney's theory but also the main essence of conflict criminology: 'The reality of crime that is constructed for all of us by those in a position of power is the reality we tend to accept as our own. By doing so, we grant those in power the authority to carry out the actions that best promote their interests. This is the politics of reality. The social reality of crime in a politically organized society is constructed as a political act'.²⁵ Hence, Quinney considers that crimes can also be committed by states in what he labels as 'crimes of domination', which include, among others, crimes of control (committed by police), crimes committed by a government or crimes of economic domination (like white collar or organized corporate crimes).²⁶

Discussion of the Case

The entire case, involving broadly a dispute on cultural heritage, revolves around the tense relationship between both the Spanish and Catalan governments that has been antagonistic for an endless list of issues. Hence, Quinney's framework explains better than any other theoretical model the unlawful appropriation by the Spanish state of cultural property seized during an armed conflict from their respective owners. The pivotal point to start with in this discussion is to be aware of which are the colliding interests in the particular dispute: opposite sides dispute the unity of an archive versus the devolution of the documents to the rightful owners or heirs, which logically implies its dispersion.

The conflict of interests can also be seen in the labeling and the perceptions of both opposing sides to the archive: what today is presented as the Archive of the Civil War is also perceived by others, according to Andreu, as a 'glorified police records office'.²⁷ It has been mentioned in previous sections how the distribution of documents, with an apparent lack of order, proves that the content of the archive has been classified according to the repressive aim towards which a particular organization

worked (police, courts, etc). This particular feeling collides with proper scientific criteria regarding cultural heritage policies, or more particularly, archive science.

Another element that boosts the conflict of interests is the fact that Spanish politicians of all political tendencies (as seen below) have seen this controversy over the archive as a vote-winner in order to gain political leverage. As the reader can see in the discussion of the legal aspects of the case, it has not been a widespread practice in Spain to support Catalonia in its attempts to recover the documents withheld at Salamanca. The appeals to the judicial case now terminated (yet pending execution) present the legal arguments. Yet they omit the entirety of political arguments, which appear mostly in the media outlets.

On the issue of the archive, the political disagreement quickly developed into a full-scale dispute at State level. In 1978, Ricardo de la Cierva²⁸ stated that returning the Catalan archives would break up the history of Spain and a short step to breaking up Spain itself. In 1995, President Aznar²⁹ considered the very Spanish nation would be placed in jeopardy. That same year Torrente Ballester³⁰ stated to the people of Salamanca how he considered them the owners of the documentation provided the right of conquest seized it. Not only the conservative party (as stated before, seen as the democratic continuing tradition to Franco's regime) has been blocking the return of the contents of the archive, but also the actions of the main leftist party., despite the fact that it had suffered the confiscation of its documents after Franco's military coup in 1936³¹.

Traditional political attitudes and taboos are the best indicators of this clash of interests that Quinney was so eager to analyze. Even if the whole case has not been dealt as a criminal matter, it cannot be avoided that justice for those citizens who were persecuted by the Francoist regime has not been served, and it might even lead to question the democratic credentials of the Spanish State.

Conclusions

The Civil War in Spain was a huge armed conflict that is still being felt in many layers of the country's society, in the twentieth century. In fact, it is the result and the continuity of this polarity still existing in several regions of the country.

One of the relationships where this polarity is most acute is between the central government and Catalonia, one of the historic regions of the country, as recognized by the Constitution, passed after Franco's death in 1978. Specially, the hardships endured by Catalonia during the Civil War (suppression of the Catalan, persecution of

the Catalan government, among others) are still out there. One good example of these hardships is all the documentation seized during the conflict from the Catalan government, and stored in Salamanca. The archives from Salamanca were transformed by democracy from an instrument of repression to a cultural institution housing all documentation pertaining to that dark period. However, the Catalan claim of returning the papers back home became, once in the democratic period, a pulse between Spain and Catalonia, and more precisely, between the role Catalonia has in Spain.

Even though attempts have been made to return the archives, not everything has been transferred to its legitimate owners. This situation, which happened five years ago, stirred yet even more troubled waters, and a piece of cultural heritage becomes a pawn in a bigger play, where macro identities are being perpetually challenged and contested, and the past is being fought between two opposite ends: either letting it rest or acknowledge fully the extent of the horror (the study of mass burial sites is another of the issues, for example, that make this dialogue so important to the whole nation).

How this case will end is yet to be seen. Until today, the State has still not returned all of the confiscated documents to those who demand them. At this point, the return of the illegally seized documents is an ongoing process with no end or deadline in sight. But the wound is still bleeding and the two brothers are yet opposed in a twenty-first century battle that still echoes of the decade of the thirties of the last one.

¹Thomas Bazley, *Crimes of the art world* (Praeger 2010) 83-84.

²An entity created as a platform for the study and to oversee the safe return of the seized documents to the geographical area of Catalonia.

³Ramón Serrano Súñer (1901-2003) was the initial ministry of the Interior in Franco's regime.

⁴La Comissió de la Dignitat, *Volem els papers: La lluita de la Comissió de la Dignitat per la repatriació dels 'Papers de Salamanca'* (Pagès editors 2004).

⁵Among the many documents stored in this kind of archive, surprisingly an entire set of Catalan literature ranging from the end of the nineteenth century to 1939 was found. A more than possible hypothesis implies the fact that they are books written in Catalan, a language persecuted by the State at the time, and a micro-indicator of dangerousness of an individual.

⁶Itai Sneh, 'History of Genocide' in Mangai Natarajan (ed), *International Crime and Justice* (Cambridge University Press 2011) 271-8.

⁷The former, created to exert financial repression on individuals; the latter, created in order to rid the administration of those of its employees who had not shown 'leanings' towards the new regime.

⁸HR Dammer and J S Albanese, *Comparative Criminal Justice Systems* (4th edn, Wadsworth 2011) 9-10.

⁹La Comissió de la Dignitat (n 4).

¹⁰ibid.

¹¹P Harclerode and B Pittaway, *The Lost Masters: World War II and the Looting of Europe's Treasurehouses* (Welcome Rain Publishers 1999) 332-3.

¹²La Comissió de la Dignitat (n 4).

¹³ibid.

¹⁴Ley 21/2005, de 17 de noviembre, de restitución a la Generalidad de Cataluña de los documentos incautados con motivo de la Guerra Civil custodiados en el Archivo General de la Guerra Civil Española y de creación del Centro Documental de la Memoria Histórica.

¹⁵Recurso de inconstitucionalidad 1278-2006. Interpuesto por más de cincuenta Senadores del Grupo Parlamentario Popular del Senado en relación con diversos preceptos de la Ley 21/2005, de restitución a la Generalidad de Cataluña de los documentos incautados con motivo de la guerra civil custodiados en el Archivo General de la Guerra Civil Española y de creación del Centro Documental de la Memoria Histórica (Appeal of Unconstitutionality filed by more than fifty Senators of the Popular Parliamentary Group of the Senate in relation with diverse precepts of the Law 21/2005, of restitution to the Generality of Catalonia of the documents confiscated with reason of the civil war custodiados in the General Archive of the Spanish Civil War and of creation of the Documentary Centre of the Historical Memory).

¹⁶Recurso de inconstitucionalidad 9007-2005. Interpuesto por la Junta de Castilla y León en relación con diversos preceptos de la Ley 21/2005, de 17 de noviembre, de restitución a la Generalitat de Cataluña de los documentos incautados con motivo de la guerra civil custodiados en el Archivo General de la Guerra Civil Española y de creación del Centro Documental de la Memoria Histórica (Appeal of unconstitutionality filed by the Government of Castile and Leon in relation with diverse precepts of the Law 21/2005, of 17 November, of restitution to the Generalitat of Catalonia of the documents confiscated with reason of the civil war guarded in the General Archive of the Spanish Civil War and of creation of the Documentary Centre of the Historical Memory).

¹⁷La Comissió de la Dignitat (n 4).

¹⁸Teresa Carvajal, 'Salamanca de nuevo' (Salamanca again) *La Vanguardia* (Barcelona, 20 October 2002) 20.

¹⁹José A. Frías, 'Los archivos de Salamanca' (The archives of Salamanca) *La Vanguardia* (Barcelona, 26 October 2002) 32.

²⁰Harclerode and Pittaway (n 11) 332-3.

²¹Sentencia del Tribunal Constitucional (verdict of the Constitutional Court) 67/2013, de 14 de marzo de 2013.

²²Sentencia del Tribunal Constitucional (verdict of the Constitutional Court) 20/2013, de 31 de enero de 2013.

²³T J Bernard, J B Snipes and A L Gerould, *Vold's Theoretical Criminology* (6th edn, Oxford University Press 2010) 246-7.

²⁴Richard Quinney, *The Social Reality of Crime* (Little Brown 1970) 17.

²⁵Richard Quinney, *Critique of the Legal Order* (Little Brown 1974) 16.

²⁶Richard Quinney, *Class, State and Crime* (Little Brown 1977).

²⁷La Comissió de la Dignitat (n 4).

²⁸Ricardo de la Cierva (1926 -) was Adolfo Suárez's (the first president in democratic Spain) Culture Minister.

²⁹José María Aznar (1956 -) was Spain's president from 1996 to 2004. He was the leader of the demo-christian conservative party, the Partido Popular.

³⁰Gonzalo Torrente-Ballester (1910-1999) was a Spanish novelist, critic, journalist and playwright.

³¹La Comissió de la Dignitat (n 4).

References:

1. Bazley T (2010) *Crimes of the art world*.
2. Bernard TJ, Snipes JB, Gerould AL (2010) *Vold's Theoretical Criminology*. Oxford University Press, UK.
3. Dammer HR, Albanese JS (2011) *Comparative Criminal Justice Systems*.
4. Harclerode P, Pittaway B (1999) *The Lost Masters: World War II and the Looting of Europe's Treasurehouses*. Welcome Rain Publishers, UK.
5. La Comissió de la Dignitat (2004) *Volemels papers: La lluita de la Comissió de la Dignitat per la repatriació dels 'Papers de Salamanca'*.
6. Quinney R (1970) *The Social Reality of Crime*. Little Brown. *Critique of the Legal Order* (Little Brown 1974). *Class, State and Crime* (Little Brown 1977).
7. Sneh I (2011) 'History of Genocide' in Natarajan M (ed), *International Crime and Justice*. Cambridge University Press, UK.

***Diverse Histories, Different Outcomes:
Social Policy and Development in Latin America
and East Asia***

Draibe S. and Riesco M.,

University of Campinas, Campinas, Brazil

Abstract: During the 20 century, over two hundred million Latin Americans and South East Asians abandoned their secular, agrarian, traditions and migrated to a modern, urban, way of making a living; at the same time, countless millions housewives joined the workforce. A turbulent, painful, and frequently violent, process that is still ongoing in full **transition** in the regions as a whole. It has been the birth of a century. It was led by the State, through two successive developmental strategies: Initially, the State had to build economic infrastructure by itself, meanwhile, social policy was used mainly as a means to transform backward peasantry into a fairly healthy, and educated, urban workforce. The second strategy took advantage of these achievements, to promote State-led market economies, meanwhile social policy shifted its focus mainly to address the problems of already large urban populations. Both regions are emerging out of this process as significant economic actors of the 21 century, and at the same time their overall indicators measured by UNDP social development index have improved quite dramatically. Yet, in spite of these regularities, wide differences are evidenced in their respective outcomes: Latin America started its **transformation** decades earlier, but East Asia has changed much faster; the former is the most socially unequal part of the world and relies heavily in the rent of natural resources exploited by a tiny part of the workforce, which relegated in large part to commerce and non productive services, remains in large part poorly educated and precariously unemployed or unemployed; meanwhile the latter is amongst the most egalitarian, and bases its economic might in the value added by its highly qualified, fairly decently and fully employed, mainly industrial, workforce. The paper tries to explain these different outcomes in the history of transition in both regions, analysed in the intersecting spaces of tectonic shifts in their social relations, historical starting points and paths, and institutional arrangements

Keywords: Latin America; urbanization; modernization; neoliberalism.

Introduction

Primitive accumulation of capital

On a tectonic level, economic development is all about urbanization. When peasants massively migrate to the cities, and women join the urban workforce, their exhausting work miraculously acquires the Midas Touch: everything they touch turns into gold, although very little of it ends in their own pockets. Before, in the fields, and homes, it had been just as hard, and they had delivered products and services that were just as useful, however, they consumed them mostly themselves or their families: scarcely any of them was sold in the marketplace. Meanwhile, when they join the urban workforce, most of their work is input into goods and services that are sold in the marketplace. Peasants and city **dwellers** have bread and milk for breakfast, but only the latter buy those in the marketplace. Gross Domestic Product (GDP), the core measure of modern economics, only accounts for the value added by human work input into goods and services that are sold in the marketplace. The rest of human work -that is to say, most of it in peasant, and male provider, societies-, does not count for this purpose. This is not the result of a mistaken calculation: human work assumes the form of value only when the goods and services produced are sold in the marketplace. This is the great finding of the classic liberal economists, which according to Marx, changed the course of human thought. Based on this knowledge, the latter author described this great peasant migration as the indispensable basis for the emergence of modern economies: He called it “primitive accumulation of capital”, because it provides the armies of men and women, liberated from their oppressive bonds to lords, land and home, free to be hired by capitalist employers; and also forced to do so once and again, to earn a living, which most of them cannot do otherwise because in the cities they lack land or other means of production and livelihood. It was only after the fall of the Berlin Wall in 1989, that the world has become aware that this is an ongoing process, as formidable capitalist competitors emerged from the other side, while communism remained a phantom. Goldman-Sachs’ Jim O’Neill estimated in 2003 that the BRIC countries, until then considered condemned to eternal backwardness, would swarm into the G6 by mid century; since then, bankers have been greatly exaggerating the speed of this process to entice naive investors into the mother of all speculative bubbles. And there are much more to come, as the UN estimated that in 2008 exactly half of humankind were still peasants. Markus Kopplers, CEO of mining giant BHP Billiton, in a 2008 interview to The Wall Street Journal,

described the same process saying: GDP is growing very fast as new people are arriving to industrial age, as a consequence of massive urbanization. "This journey, which takes place once in the lifetime of each society, is by no means an easy one. Peasants do not change their secular way of life easily; at a certain moment, historical forces force them to do so, usually by violence, economic crisis, war. When migrant peasants mass up in cities, all kinds of social and political turbulences take place along many decades, before the new economy is born, "dripping mud and blood by all its pores, from head to toe "as Marx described it in his famous chapter 24 of *Das Kapital*. Modern revolutions are the best way to map the capricious expansion of this process around the world during the past three centuries. The State presided over it all, increasingly. In pioneering 18 century England, it was instrumental in expropriating peasants off their lands, by "enclosure" and "vagrancy" laws, among other means described at length by Marx. Institutional, social, and economic, changes resulting of the Great French Revolution were more drastic. Newborn 19 century western European unified States, were even more active to catch up with already the already relatively advanced British and French economies, abolishing feudal customs and borders to ensure the free flow of goods, capital, and workers, and protecting and promoting their emerging industries; too much, in fact, because international competition "in a superior, imperialist, phase" as Hilferding and Lenin called it, ended up in devastating war. In the 20 century, catching up with already advanced Western Europe and their "white colonies" enhanced the State role to a new level. Only the State could bring the great fruits of capitalist development, railroads, roads, electricity, telecommunications, steel mills, and others, to backward periphery; nobody else was there to do it. At the same time, the State bureaucracy actively "engineered" social change, through agrarian reform and other expropriatory means, (prudently) following the radical example of the French and Russian revolutions; forcefully confronting decadent landed oligarchies. Social policy became an integral part of State developmentalism, following the example of 19 century European States, which had taught national languages and instituted pensions for their new citizens; they groomed unhealthy and ignorant peasantry into a relatively educated and healthy urban workforce. Thus, a new actor and concept were born: the Developmentalist Welfare State. When these chores were fairly complete, the developmentalist State shifted gears, and promoted the new market actors, workers and capitalists, which it had nurtured into adolescence, to assume many of the economic activities it had previously

assumed by itself. In most countries, this shift from “statist” to “market” State developmentalism was relatively painless, without significant dismantling of their previous constructions, if any. The Japanese model has been exemplary on this matter, followed closely by other East Asian countries, but other cases such as India or Brasil are just as clear in this aspect. As will be discussed, only in a few countries, such as Chile or the ex socialist European countries, this shift of State strategies took the form of destructive retrenchment of the previous achievements of State developmentalism.

The particularities of Latin American development

The above described general case suffered severe distortions in Latin America, stemming from historical and economic particularities, and resulting in the well known insulting inequalities, and relative weakness of its economic emergence, vis à vis similar East Asian experiences. One of these seem to hold a special significance: transplanted, rent seeking, elites. Transplanted populations have played a significant role in modernization. During the second half of the 19 century and the turn of the 20, massive peasant migration had only occurred in Western Europe, but some of them did not end up in London, Paris, and Berlin: they jumped over the ocean, and landed in New York, Buenos Aires, and Sydney, among other lesser destinies around the world; powering early economic emergence wherever they did. In the preceding four centuries, ten million African slaves were exported by European masters of the infamous trade, mostly to America, to replace sparse and depleted indigenous populations in the sweet regions of sugar and coffee that was demanded by nascent metropolitan capitalism. During the same period, poor Peninsular peasantry trickled constantly to Latin America. Together with slaves, they mixed with indigenous Americans to conform the mass of Latin American population. In recent years, immigrants from all over the emerging world, continue to flow to Europe and the “white colonies,” powering most of GDP growth there, replacing what stagnant or diminishing local populations are not able to deliver. Certainly, transplanted workforces have always been a huge engine of economic growth. However, transplanted elites are quite a different thing and the Latin American and other colonial cases around the globe, seem to prove that they exert a rather freakish and distortive influence. Conquistadores transplanted European feudalism over pre-existing American seigniorialisms, according to the suggestive thesis of Dr. Alejandro Lipshutz, an eminent russian born scientist that emigrated to Chile in the wake of the 1905

revolution. In the manner of European condottieri, they provided their superior military techniques to feuding local lords, and replaced them in the process. Dr. Lipshchuz brilliantly argues that for this reason, conquest was amazingly successful in the lands of ancient American empires, where a handful of brutal peninsular soldiery “conquered” tens of thousands of sophisticated Americans. At the same time, they failed miserably, for three centuries, in the North American great plains, Argentinian pampas or in the forests, lakes and fiords of southern Chile: in these relatively barren lands aboriginal Americans, lived in the most primitive communism, and had not been able to generate the surplus required to build pyramids or cities in the sky, or to sustain any lordship whatsoever.

Secular Rent Seeking

Conquistadores came after the gold. And gold they found, and silver. A lot, to be sure. So much, indeed, and so cheap to find and mine, that value of the universal currency fell, and all prices increased accordingly, afflicting Europe with a sort of 16-Century inflation malaise, according to Karl Marx. They fell upon an even richer treasure: agricultural land. Capable of producing delitiae to which Europe soon became addicted, such as tobacco, cacao, and of course, sugar. In addition, especially in the rich Andean valleys of ancient American empires, these lands also provided abundant harvests of maize, potatoes, quinoa, and other wonder crops, which nourished large peasant populations, which in turn provided seemingly endless surplus labour. This was the real El Dorado, the greatest hidden treasure of America: the abundant surplus labour of it's numerous peasantry. Those who grabbed the land possessed this treasure. Accordingly, conquistadores and misioneros turned into landlords. As with their predecessors, their riches were measured in the number of their subjects, and the months in each year they could work for them for free, after providing for their own maintenance. Mostly in this manner, they collected the rent of their appropriated land. In the meagre fringes of the empires, peasants were not numerous, and needed more work to feed themselves. Early peninsular settlers had to work as well, and initially were scarcely different from the peasants in their lands. However, their modest riches had exactly the same origin as those of their opulent neighbours: the surplus work extracted from the peasantry in return for the land ceded to them. Once again, those who owned the land could collect this rent. The paradisaical warm shores of the Atlantic and the Caribbean were uniquely fit to produce sugar and other exquisitiae. But, alas, nobody feeds on sugar alone. Native

populations were scarce and soon became extinct, from diseases and hardships brought upon them by European descubridores and conquistadores. Portuguese slave trade readily provided the alternative. Their Dutch and British successors in the infamous business were more than happy to continue to provide plantation owners with the workforce they needed to extract these treasures out of their land. In this case, as with gold, rent was derived not from surplus work of the slaves, which provided pretty little in fact, but from the unique scarcity of the resource itself. The same kind of treasure-hunting fever possessed modern imperialists that in the past two centuries grabbed nitrate, tin, oil, copper, and other raw materials, and lands apt to produce sugar, coffee, rubber, cotton, and the like. In addition, of course, to more silver and gold. They still do much the same today. LA remains a huge private hunting preserve for mining companies and other transnational rent seeking corporations. With such historical background, no wonder the region remains among the most segregated and unequal in the world, which is a well known fact. In addition, the LA elite has accumulated five centuries of experience as rent-seekers, which most surely pervades to the present day.

Early Latin American modernity

There was, however, at least one, notable, exception. At the turn of the 20-Century, some places in Latin America were also one of the destinies of then massively migrating European peasantry. By that time, this epoch-changing transit of the bulk of the working population to the cities was taking place almost exclusively there, and most arrived to then ebullient cities of the so-called old continent, where it generated what now is universally reckoned to be its most genuine and general result: economic emergence, known then as industrial revolution. Quite a mass of these migrants jumped over the Atlantic and arrived in America. Most in the North of the continent, where they provided the ground troops for the economic boom of the East, and the blazing conquest of the West. A good number of them also landed in the South, mostly in Río de la Plata, where they produced the same result in the flourishing modern twin cities of Buenos Aires and Montevideo, which together had surpassed one million inhabitants by 1900. In part, they also established in significant numbers around the Sao Paulo region, in Brazil, among other places. Others, trickled down to all the rest of LA. They were very few. Chile, for example, at the peak of European immigration in 1906, had 6 per cent foreign born in the overall population. By that time, Argentina received almost half a million every year, which were one third of its

population in the mid 19-Century. Everywhere, they conformed the core of nascent, urban, business, professional, and intellectual, middle classes. Where they arrived massively, they provided the social fabric for modern economic emergence, which in LA started precisely there. As has been the rare and probably unique historical experience in all these overseas offspring of 19 Century European peasant migration, they conformed singularly democratic, non segregated, societies, with a fairly good distribution of income among the majority of the population, and early welfare states provided fairly universal education, health care, and pensions of decent quality. This has been the case in Buenos Aires, and Montevideo, as well, since the early 20-Century, and until today. There is another important economic difference: they industrialised instead of conforming rent seeking economies. The immense plains and pampas, and other wilderness to the north and south of America, initially held nothing of interest for conquistadores, whatsoever. No gold could be found there, and except for what was to become the land of the Confederate slave owners, no valuables could be planted either. In addition, the scarce and nomadic populations were of little use for them, because they were mostly dedicated to their own, harsh, survival. A part from the fact that, precisely for the same reason, they were not used to having lords, and had never been submitted to none at all. Accordingly, they fought fiercely and successfully defended their independence and hunting territories all along four centuries. When at last they were conquered by the expansion of capitalism in the late 19-Century, they were mostly exterminated, everywhere. According to a recent article (Gerard Lyons, Financial Times, October 4, 2010), London investors discussed over the competing chances of Argentina and the US to become their emerging hub, much in the way they argue today about China and India. One century later, it seems quite clear that those who argued in favor of the US had a better idea. It was not a clean start. The lacklustre of traditional, segregated, rent seeking, landed elites from the interior, pulled down early the bustling LA cities. Their destiny was sealed when they lost their 19 century equivalents of the US Civil War to their Confederates from the interior. They grabbed the immense rent of the pampas húmedas, which finally appeared as they became the grain and cattle fields of the world, after the advancing railroads and army opened them in a pincer movement that exterminated the local population all the way down to Patagonia. Nevertheless, these cities managed to create one early beam of modern LA societies, which in spite of everything they still are, at least in the case of Buenos Aires and Montevideo, as any happy visitor may

confirm. They were the scouts of generalised modernisation that soon were to emerge out of the hands of massive internal peasant migration.

Chile: A paradigmatic case of 20-century modernisation

Chile is a quite insular territory, separated by almost impenetrable deserts and mountains from the south of what was the Inca empire. Its history falls in the above described category of segregated, early settler, LA society. It did not possess abundant precious metals, nor the climate needed for cultivating valuable delicia, and productivity in crops was far from spectacular. As a consequence, it was relatively scarcely populated and did not experience slavery. Neither did it receive massive European migration at the turn of the 20-Century, as said. Most of its modernisation is then, almost exclusively, the product of internal economic, social, and political, evolution. That is not to say that international events did not influence, quite on the contrary, as will be seen.

The harsh tale of primitive accumulation

Socio-economic transition was initiated in the last decades of the 19-Century, when peasants began to be enganchados to work in the nitrate mines in the northern deserts, which had been annexed to the country after a war with Perú and Bolivia in 1879. Although the owners of the mines were mostly British, and the produce was exported mainly to then emergent Europe, they worked in similar conditions as in latifundia, far from modern salaried relations. However, the Chilean working class was born mainly in these massive labour concentration camps - in fact, one of the nitrate oficinas was to be reopened decades later by Pinochet as a proper concentration camp. The second moment was the 1930 crisis, which closed almost all the mines and dispatched the licensed workers back south. Most of them arrived in Santiago, which exploded in population, and provided the modern workforce for the State-promoted desarrollo hacia adentro (inward oriented development), to which most countries were forced after the crisis. The third moment came after the 1973 coup, when most peasants were forcibly expelled from the land in the course of two or three years. In the wake of the coup, at least a hundred thousand were expelled, and at least two thousand were assassinated, for having supported the radical agrarian reform implemented by presidents Frei and Allende. Far more were expelled during the following years, after their lands were given back to the sons of the old landlords, or auctioned to forest companies who grabbed over half a million hectares at a token price. In both cases, the old tenant farming system was immediately replaced by

outside salaried labour. It must be mentioned that Pinochet did not reinstate latifundia, but instead complied in his brutal manner with the agrarian reform law, including the delivery of about 40 per cent of the expropriated land to peasants considered loyal to their old masters. This new land property structure propelled the agriculture and forestry export boom in the following decades. In addition, normal rural migration increased in speed all along this period, peaking by mid century, and maintaining its force until the late 1980s. Even today, about 10 per cent of the population remains in rural areas, down from 50 per cent in the 1930 census, and continues to migrate fast. Another significant transition at this tectonic level was the massive incorporation of women into the workforce since the 1980s. They account for much of the fast growth of the labour force since then, and continue accelerating up to this day. It is interesting to ascertain that from 1929 to 1971, GDP growth was pushed mainly by the huge productivity gains of migrating peasants, whose hands receive the touch of Midas, when their hard and extensive traditional farm work destined mainly to self consumption, suddenly becomes an input to commercial goods and services in the cities. The workforce did not grow significantly faster than the population in that period. Meanwhile, from 1971 to 2006, GDP growth was due mainly to the fast growth of the workforce fuelled by the explosive incorporation of women, who were not counted previously as workers. For this reason, productivity remained stagnant during this period. It is quite an irony that the "Chilean economic miracle" during the Neoliberal years was caused mainly by women joining the workforce. It is also interesting to substantiate that in each of the above mentioned periods Chilean GDP multiplied exactly 3,7 times, which gives very similar annual growth averages - the average GDP growth for the whole period is 3,5 per cent a year (Riesco). Thus went the harsh tale of what Marx called primitive accumulation of capital, by which he meant the accumulation of a massive workforce, mostly urban and in any case freed from traditional agrarian bondages, reasonably educated and healthy, which in turn is the social premise for the surge of modern capitalism.

The Developmentalist State

This essential premise was clearly understood by the group of young, progressive, military officers and liberal professionals, mostly medical doctors, most of them belonging to nascent middle classes, when they assumed power in September 11, 1924, in the aftermath of a bloodless military movement. Their program was very simple: the State had to promote progress, building directly those institutions,

infrastructure, and modern industries, already born in Europe and other advanced countries. At the same time, the State had to nurture the social actors that had produced those miracles abroad, mainly, a modern urban workforce and an entrepreneurial class. None of the above had a significant presence in Chile at the time, where the majority of the population remained sleeping their secular siesta campesina, trapped in the depths of illiteracy, insalubrity, and subservience, of traditional agrarian relations. The reformers were carried in the wings of widespread social agitation, which had been severely repressed in the previous years, including a massacre of nearly a thousand unarmed striking nitrate workers in the northern city of Iquique in 1907. During the following half a century, a series of governments of all political inspirations, democratically elected since 1931, carried out this program unhesitatingly, pushed from below by an increasingly powerful labour movement, which exploded in the mid 1960s when peasants finally woke up from their siesta and spearheaded a truly revolutionary agitation. In three vibrant years, all the main reforms were completed, including a massive agrarian reform and nationalisation of mineral resources, among many others. However, this did not happen in isolation, as lighting in a clear day. Quite on the contrary, it was the coronation of half a century of State developmentalism. The man who best impersonates this whole period of progress was a young medical student when his teachers provided the young military with a developmentalist program in 1924. He was a student leader in the turbulence of the early 1930s, which terminated military rule and instated a long series of democratic governments. He was the youngest ever cabinet member, as Health Minister in the government of Popular Front president Pedro Aguirre Cerda, whose motto was "governing is educating." As such, he drafted a bill to create a National Health Service, which was enacted unanimously by parliament in 1952, when he had become President of the Senate. years later he was elected President of the Republic, and as such he declared that during his government no Chilean was born without being received by the hands of a medical doctor, in a gratuitous clinic of the National Health Service, and being entitled to half a liter of milk a day until his adolescence; despite all, every Chilean keeps this right until today. During his government, 30 per cent of the overall population was enrolled in an establishment of the national educational service, which was gratuitous in every level, and had good quality which was recognised internationally. As a reference, in 2010, only 27 per cent of the population is enrolled in educational system, considering every level and both public and private

schools. With the significant differences that quality is very low, as every international and national report proves year after year, and now families are forced to disburse half of overall educational costs, 86 per cent of university costs and 100 per cent of tertiary technical schools. If at the same time, the country has managed to increase its educational coverage in all age segments, its has been because the number of young people has decreased significantly in proportion to overall population, not because the country is trying any harder, quite the opposite. Between 1929 and 1971, GDP multiplied 3.7 times, that is, it almost quadrupled, as said. However, the overall earnings of workers multiplied 6.8 times, mainly because real wages multiplied 3.5 times. This means that the share of workers in national income roughly doubled. By contrast, real wages fell by half in the wake of the 1973 coup, and remained depressed until 1990. Only in December 1999, average real wages recovered their precoup levels in real terms, and in 2006 they were 20 percent above that level. Even considering the fast increase in the number of workers during the second period, the overall earning of workers multiplied 3 times between 1971 and 2006. As GDP again grew exactly 3,7 times, this means workers participation in the overall pie shrank by almost one fourth, after falling by no less than half in the wake of the coup, as said [1]. This figure is highly indicative of the overall changes in Chilean society along the past century: five decades of State developmentalism democratised society, greatly improved income distribution, and built all the necessary institutional, economic, and social preconditions of economic emergence; mainly, the State transformed the mass of the working population from traditional peasants into a modern urban workforce, which by the end of the period was a true protagonist of history. This means that the secular Apartheid-like segregation, and basic inequality of society, had been in effect pretty much demolished. Shift to the market under Neoliberalism, during the the cold war. In a brutal turn of history, after the the 1973 coup, the mass of the population was repressed, and all democratic advances were reversed during 17 years of dictatorship. Income distribution initially regressed at least to where it was in 1929, and for forty years, workers disappeared from any kind of protagonism. What happened in between? After half a century of singularly advanced, and democratic, State developmentalism, which had gained the sincere admiration and likes of the whole world, Chile turned against itself, and destroyed, and severely dismantled, what it had built before. The same military that had started the whole process in 1924, turned against it in 1973, and ironically in the same day, September 11. Chile during the

developmentalist period exemplifies what happened in almost every country that initiated or completed its transition to modern urban societies during the 20-Century. All around what was then called the under developed world, the same as in Chile, the State assumed the twin challenges of bringing economic and social progress to backward, agrarian societies. Their forms and inspirations were very different, but their deeds were pretty much the same. Similarly, when the social and economic preconditions for the functioning of modern market economies had been created, the developmentalist State itself promoted this new strategy, especially, fostering a vigorous entrepreneurial class. Certainly, while performing this strategy shift, the developmentalist State took good care of, not destroying but on the contrary, enhancing what it had built before. Japan was the classic role model of this seamless shift from pure State developmentalism to market oriented State developmentalism. A similar path was followed later by Korea and the asian tigers, and most significantly, by China, among other countries.

Many countries in LA were also able to perform a rather non destructive shift from one strategy to the other, under the guidance of the State. Brazil and Mexico, the largest economies in the region, are the most notable cases in point, but also others such as Argentina, and even small Costa Rica, managed fairly well in the process, when compared to what happened in the most extreme cases. In the case of Chile, as happened later in the ex-socialist countries, the shift in developmentalist strategies coincided with severe economic downturns, State dismantling, and significant hardships for the population, all of which went on for one or two decades in the least. Why? In the Chilean case, at least two factors conspired especially against a seamless strategy shift: cold war, and the neoliberal hegemony in the last three decades, which in turn now seems to have been mostly a consequence of the contemporary global rise and hegemony of financiers, seconded by rentseeking transnational corporations. The cold war was key to turning the military against the people and the developmentalist process they had started in the first place. In 1973 they had been influenced by a foreign power that they were pursuing an "internal enemy," which had got hold of the civil part of the State, especially in the largest services such as education and health, among others. As they are taught, they secured and significantly destroyed these supposedly "enemy positions." In the case of education, for example, they occupied the whole system, replaced rectors with military personnel, expelled teachers, professors, and students, closed faculties, tranced the national educational

services in many parts, reduced the budget by half, teachers' salaries by two thirds, and even shrunk overall school enrollment; there were less students enrolled in 1982 than they were in 1974. Evidently, nothing of this makes any sense at all, except in a counter revolutionary climate during the cold war. The global hegemony of Neoliberalism also played a significant role all along, until now [2]. As seen today, in the wake of the financial crisis, this ideology appears as a sort of demented liberalism, with serious influence of a kind of bourgeois anarchism, as British historian Eric Hobsbawm has noted. In the case of Chile, several of the extremist Neoliberal views were readily embraced with fervour by the young siblings of the traditional landed elite; which is what the renowned Chicago boys were, in fact. In particular, Neoliberal sermons against State intervention were well received by them, because of the leading role the State had played during the previous half century, when they had been stripped of most of their land and secular privileges. In addition, Neoliberal disregard of rent theory appealed to their secular experience of being precisely a rentist elite, as will be argued below. Finally, Neoliberal hegemony expressed through "third way" theories prevailed in the technocratic cadres that within the post 1990 democratic governments played the role of containing supposedly "populist" leanings of progressive political parties. They always counted with the support and close watch from the entrepreneurial organisations, and rightist leaning media, and political parties; in addition to the international network built under the guidance of the Bretton Woods organisations. In the transitional agreements that severely limited the post dictatorship governments, these technocratic cadres played a significant institutional role, led by the Finance Minister, who acted as a virtual proconsul, whose de facto powers exceeded those of the President in sensible economic matters. All this has become quite evident for everyone after the end of transition in the recent election: the new centre right president has an authority that his predecessors simply lacked, even though all of them used better forms to exert power. The Minister of finance and the technocrats have simply disappeared, as their institutional role became extinguished.

Overcoming segregated inequality sustained by rent-seeking LA elites

This paper wants to highlight two aspects of the last decades of Neoliberal-inspired policy in Chile and several LA countries, which do not seem to have been sufficiently reckoned: the persistent social segregation and inequality in many countries and, the rent seeking feature of regional elites. Both problems seem to be related to each other, and probably are the single most negative aspects that hamper

economic emergence in this region of the world, and must be addressed. As has been argued at the beginning of this paper, segregated elites and deep inequalities are in major part an historical inheritance of the European colonial period. This is quite obviously true, and has been highlighted by a recent World Bank report, among others (Riesco). However, contrary to this report, it does not mean that it is an intractable problem. Quite on the contrary, the Chilean developmentalist experience shows that at least once in recent history, this segregation and inequality were corrected by State policy, which consciously and decisively promoted democratization and equality, with great success in both counts. Recent South African experience in undoing Apartheid shows that it is perfectly possible to unwind secular segregation, in a singularly peaceful and democratic manner, when societies reckon and address this problem, institutionally; Latin America in general, and Chile in particular, has quite a lot to learn from this experience. In the case of rent-seeking, recent economic debate (see for example, a especial section under this title in the Martin Wolf Exchanges in the Financial Times) has highlighted that Neoliberalism and its predecessors in economic theory, disregarded ground rent theory in economic thinking. This runs head on against classical liberalism, which as is well known, was the theoretical argument of nascent industrialists against precisely, landlords. As they argue, capitalism derives its revolutionary dynamism and its main social justification from its constant quest for innovation, pressed by competition, which results in successively improved and cheaper products and services, the value of which depends entirely on the amount of work needed to produce it. Landlords, on the contrary, as stated by classical economists, do not create any value whatsoever, but are able instead of appropriating part of the value created elsewhere by productive work, because they have grabbed a scarce resource that industrialist need. In short, they are parasites of industrialists, whose main purpose is to preserve and if possible increase the scarce resources under their dominion, and secure a hefty rent for its use. As was masterly described by the Financial Times in a June 1, 2010, editorial in support of Australian ex premier Kevin Rudd's bold attempt to properly tax mining companies, the economics of miners and other rent-seekers is similar to that of treasure hunters. That is, once the treasure is found and extracted, its value has little relation to the costs of these operations, and depends instead on whatever customers are willing to pay for it. For this reason, concludes the FT, countries where the treasure is found should capture a hefty part of this price. In present economic reality and especially under Neoliberal inspiration, the

classical opposition between industrialists and landlords has faded away, theoretically and practically, and several of the world's largest corporations are in fact hybrids, which derive most of their earnings not from the industrial operations that they carry out as well within them, but from the scarce resources they have appropriated.

- Giant private transnational oil and mining companies are an example of such hybrids, half capitalist, half landlords. In this precise and deep theoretical sense, Exxon or BHP Billiton are completely different in nature from, for example, Apple or Toyota. The latter operate in a highly competitive environment and are constantly forced to innovate, improve, and lower the price of their products. The former derive most of their earnings from the resources they have appropriated, for which purpose they use huge budgets for lobbying and outright political intervention, as became clear when they recently orchestrated a bloodless coup - as the financial Times called it against the Australian Prime Minister. Happily, most of the world's largest mining companies are State owned, which eliminates this problem in its roots. A simple remedy for this malaise was devised by classic economists: David Ricardo was in favour of nationalisation of land, so that the State would control and charge a rent for scarce resources, thus levelling the play field for every actor, those who control scarce resources and those who do not. Paul Samuelson, among others, made significant contributions to rent theory, when he suggested that instead of nationalising resources, the State should tax them specifically, so that most of the ground rent were appropriated by the State, avoiding subsidies to those industries based on them. In addition, Samuelson proposed quasi-rent, as a concept for explaining monopolistic behaviour even in industries that are not based on scarce resources. Some countries that are rich in mineral resources have followed these theoretical directions to enormous success, as the notable example of Norway shows. Others, like Chile, followed them in the past, when it nationalised its mining resources in the early 1970s and secured most of its State budget from this source during the next two decades, most of them under Pinochet. However, the Neoliberals under the direction of José Piñera, the older brother of the current Chilean president and ex Pinochet minister, devised a legal twist to lease mining resources that according to the present Chilean constitution belong exclusively to the State. Using this catch which they did not dare to touch under the transitional arrangements, democratic governments permitted that in the course of the last two decades, a few giant miners appropriate 70 per cent of copper production - State owned CODELCO account for most of the rest -, out of which

they have earned over 76 billion dollars in the last five years, more than three times their total investments in Chile since 1974, and the equivalent to roughly half the State budget in the same years [3]. This is only the tip of the iceberg of the gigantic distortion that rent-seeking has meant for the Chilean economy. Along the last four decades since 1974, half of overall foreign investments have gone to just one sector, mining, which occupies less than one per cent of the overall workforce. The sectors that follow as investment destinies are electricity and fisheries, both based mainly in the appropriation of water rights. The next destiny is forestry, which depends mostly on the rent derived from more rapid than average growth of trees in Chile. So forth and so on. The largest industry in Chile, by far, is mining, whose mostly foreign owners have appropriated most of the country's valuable minerals, mainly copper, but others as well, including lithium. The two largest Chilean private conglomerates are sitting on top of half a million hectares of forests and own good part of the fishing rights. The third group is electricity generation, where one company, now owned by Italian ENEL - it was owned by the Chilean State until 1988, and now is controlled by the Italian State - , has the rights over 90 per cent of all water for power generation. The next groups in line own the shopping malls that have displaced small commerce all along the country, and of course, most of their earnings derive from the rent they charge to tenant shops. Other groups control State protected semi monopolies, such as banking, pensions and health administration. And so on and so forth. In such an economy, proper industry has no place whatsoever. The share of manufacturing in GDP has fallen to 10 per cent, from circa 30 per cent before the 1973 coup. In such a rent-seeking environment, it is no wonder that in Chile unemployment has averaged almost 8 per cent since the coup, up from 2-3 per cent during the developmentalist period. It is no wonder that such an elite has not cared while the national public educational system falls apart in shambles, literally, as was exposed during the recent so called "penguin revolt" of secondary students. A rent-seeking economy could not care less about the extent and qualification of its workforces. That has been the case of Chile under long lasting neoliberal influence. This must change, is changing and will change further. In the plight of the 33 miners buried alive, the real Chilean working class appeared again in the surface after four decades of oblivion, again to planetary audience. The same day that the miners were being shuttled back to life by technicians from CODELCO, parliament was doubling up from 4 per cent to 8 per cent of operational profits, the modest super tax the country has been charging since 2003.

In the parliamentary discussion, over half of the MP expressed that this should be enhanced further, soon. Calls have been made by wide and influential actors to re-nationalise water resources. And so on. The debate over the appropriation of the rent of natural resources has changed significantly in recent years. Precisely, because everybody is now aware of the fact that in a few decades, peasant migration of unprecedented massiveness will generate widespread economic emergence in the regions where 90 per cent of humanity lives and works. This has generated better conditions for developing countries to rightfully establish or re-establish their ownership over the resources that rightfully belong to them. This is a central element of the new State developmentalism that seems to be in the making. Perhaps, the end of rent-seeking will have a crucial side effect on the stature of workers. As was discovered by classic liberalism, they are the one and true source of the riches of modern nations, and deserve a better deal.

References:

1. Riesco M (2009) Change in the Chilean Social Model. *International Labour Review* 148: 283-300
2. Sonia D, Riesco M (2007) *Latin America: A New Developmental Welfare State Model in the Making?* Palgrave-Macmillan, Houndmills 456.
3. CENDA (2010) *Tributación y ganancias de la industria minera en Chile: 2005-2009.*

Gandhi and Tagore: A Critical Analysis

Inam Ul Haq,

Central University of Gujarat, Gandhinagar, Gujarat, India

Short Communication

History is full with the great personalities, who can never be forgotten as they had contributed a lot in their life period. Among them are Gandhi and Tagore, who made a great contribution in world history. Both of them are born in last quarter of the nineteenth century. Tagore in 1861 and Gandhi in 1869 and lived up to the India got independence from the colonial rule [1]. Gandhi and Tagore were so famous that their mutual friend Andrews once argued Tagore as modern, while as Gandhi is the St. Francis of Assisi. While as John Haynes Holmes compared Gandhi and Tagore as Erasmus and Luther (the poet's anxiety). Although both of them were close friends of each other throughout their lives, but there was difference in their intellectual understanding. Besides these differences their **friendship** remains entirely unbroken.

By reading about Gandhi and Tagore conclusion comes that they argued each other with love and there was no selfishness among them. Their arguments were fully combined with learning, understanding, knowledge, feelings and emotions [2]. By virtue of Andrews Gandhi and Tagore knew each other. When Gandhi was in South Africa fighting for human rights got publicity in India and Tagore respected Gandhi's mission and sent his blessings through Andrews and Pearson and this was the beginning that they began to know each other [1]. When Gandhi left South Africa in 1915 and leaving his phoenix ashram, Tagore provided accommodation to Gandhi and his inmates in santiniketan. This was the first face to face contact between Tagore and Gandhi in 1915 and Gandhi spend six days and some says one month [1,2]. Gandhi tried to imply the experiments which he had done in South Africa like how to run the kitchen and keep the ashram clean and pointing out that special treatment should be provided to Brahmin boys. When Tagore came to know about this statement of Gandhi, he did not tolerate these practices. The other thing that the inmates of Gandhi influenced the Tagore's ashram and students of ashram gave up sugar and ghee and started fasting in order to do well. Tagore did not accept such ideas of Gandhi and called Fasting an evil instead of doing well. "Between 1915 up to 1941

Tagore and Gandhi argued upon personal, national and international issues. Their intellectual difference countered on non-cooperation movement, nationalism and internationalism, the significance of charkha for the attainment of swaraj and on science and faith [2]. Besides these differences their friendship remained unended as it was Tagore whom Gandhi had invited to open annual Gujarati literary conference in 1920 and it was Gandhi who gave the Tagore the title of Gurudev. Meanwhile Tagore has given the name Mahatma to Gandhi when he came back to India 1915. However both Gandhi and Tagore had same aspirations for the freedom of India, but they could not understand the principles of non-cooperation for achieving complete independence. Tagore supported Gandhi whole heartily during the Rowlatt Acts. However Tagore had some differences on Hindi-Urdu as a national language. His view was that it creates problem for the people living in south. In this connection Gandhi said that Kabir, Nanak, Shivaji greater than Raja Ram Mohan Roy and Tilak. Tagore was not pleased and strongly protested saying Gandhi is admired in his own principles, which is dangerous form of egotism that even greater people suffer at times [1]. However when the tragedy of the Jallianwala bagh massacre happen, Tagore followed whole heartily and first he used the word "Mahatmaji" for Gandhi when he was arrested on 08 April 1919. In an open letter Tagore wrote to Gandhi that you can lead the country to the path of conquest [1]. Tagore was disappointed with the actions of General Dyer and opposed openly and supported Gandhi. After that Gandhi launched non-cooperation movement in 1920. Tagore was outside India, after returned back he feel himself disturbed in such environment and soon he attacked the non-cooperation movement of Gandhi in his famous speech at Calcutta university institute called Satyagraham or the call of truth. Tagore openly criticizes the noncooperation calling it as political asceticism. He argued that instead of non-cooperation, India should stand on cooperation of all people of the world. Tagore further wrote that non-cooperation hurts the truth. Love is the ultimate truth of soul in meeting the east and west [2]. The other difference between them was like nationalistic and Internationalistic, Gandhi was a nationalistic and Tagore argues that nationalistic is always selfish and leads to moral pervasion. The burning of foreign clothes is selfish nationalism. While Gandhi argues that anyone who is not nationalist does not become an internationalist. Not only Tagore, their mutual friend C.F Andrews also criticized Gandhi on behalf of word foreign. They both thought that it created hate chaos among the people.

Gandhi respected the criticism of Tagore and gave answer to the poet in an essay called the poets anxiety. In this essay Gandhi praised the works of Tagore and said that the poet of Asia has rendered his service to India by his poetic interpretation. Gandhi argues that the poet is anxious that India must take false steps and poet should not fear that it is a step of separation, exclusiveness, narrowness. It is only a doctrine of negation and despair. "He thinks that non-cooperation is like Chinese wall between India and west. Non-cooperation is based on voluntary and mutual respect and trust. Non-cooperation is a protest against an unwitting and unwilling participation in evils" [3]. The poet was anxious that the students leave schools and joined in the non-cooperation that is not good for the development of India. Tagore firmly criticized Gandhi that the students should not be called upon to leave the governments schools. Gandhi answered him that I am sure that the government schools unmannered us, rendered us. They filled our hearts with discontent and intended to become clerks and interpreters and take their own benefits. They are keeping us as slaves. Gandhi argues that it becomes sinful to send our children to government schools [4]. For Gandhi non-cooperation is a kind of invitation to government to cooperate with their own terms and it is right of every nation and it is duty of every government [2]. The debate of Gandhi and Tagore were published in two newspapers like modern review and young India. Reading the arguments behind non cooperation movement given by Gandhi in the poet's anxiety. Tagore issued an essay in October 1921, namely the call of truth. Tagore argues that that all human beings were parasites of the environment. Their progress and growth is dedicated with nature. Tagore argues that man enjoys his inner freedom, for him nothing is impossible. First a man should not attain Swaraj at his inner environment then they would be deprived of the Swaraj from the outside world also. Tagore argued that the inner freedom is more precious than the prayers and petitions that create constant burden. Tagore warned in this essay that Gandhi's main motive is to hate the foreigners and not love of country [5].

Non-cooperation took many forms like civil disobedience, fasting, swadeshi, burning of foreign clothes and use clothes produced in the country and propagation of spinning wheel, strikes, Hartals and nonpayment of taxes. Tagore did not like these ideas of Gandhi and he termed these as narrowness [1]. In the call of truth, Tagore argues that these things create hatred towards foreigners and Tagore was fully supported by Andrews on the matter of burning of foreign clothes. Tagore argues that "power in all forms is irrational" [6]. It is like a horse cart that drags the people blindly.

Tagore remained critical towards burning of foreign clothes and spinning wheel. He argued that it leads us towards destruction and closed the doors of economic advances. He further argued that "Swaraj is not a matter of mere self-sufficiency in the production of clothes. Its real place is with us, the mind with its diverse power goes on building Swaraj for itself" [6]. Tagore firmly said that that I don't obey to burn foreign clothes as I strictly put fight against bad habit of obeying blindly orders and secondly the clothes burnt were not mine, but they belonged to those who sorely need them. My eyes did not see the nakedness, which had already kept our women as prisoners in their homes [5]. Tagore criticizes both non-cooperation and khadi movements as there is to create despotism, chaos and hatred among the country and lead bad effect on economy. Thus the call of truth ends with the limitations of narrow nationalism and sees the vast dimensions of India in world context. So call of truth of Tagore was to know the answer of urgent call of universal humanity [6]. The Tagore-Gandhi controversy is based on two aspects of the meaning of Swaraj in its fullest sense. Tagore argued that India choose a leader who did not lead the country towards the development but towards destruction, as India followed him blindly without not knowing the result of that. Tagore argues that Gandhi's teachings had implications at international level and restricted the freedom of India without the knowledge and advances of western world [6].

Gandhi replied back on 13th October 1921 in young India. His article "the great sentinel". Gandhi appreciated the poet that had criticized the charka, boldly declare revolt against it and there is blind obedience on scale of his leadership. it is a true fact that the educated did not understand the truth underlying spinning and weaving [1]. As Tagore's essay warns all those whose impatience are betrayed into intolerance and Gandhi called the poet as a sentinel warning us against the enemies' bigotry, intolerance and ignorance. Gandhi in his essay tried to answer the arguments which Tagore had highlighted in the call of truth charkha and why charkha was considered important. Gandhi believed that the spinning wheel as the giver of plenty. Gandhi tried to prove the truth which was underlying beneath the spinning wheel. Gandhi argues India as a house on fire, as man hood is being daily scorched. People are dying with hunger, as there is no work to buy food. Gandhi's vision was that only cities were not India. India has seven hundred and fifty thousand villages. Gandhi believed that India is growing poorer and poorer and if we don't look towards it, India will collapse together [7]. Gandhi called Tagore as undisputed master of the world as he lived in the world of his own creations, own ideas and me as a slave of somebody else creation the

spinning wheel. The poet is an inventor and he creates, destroys and recreates and me as an explorer discover a thing and cling to it. Gandhi argued that poet is thinking that charka as the death of the nation. The truth is that charka is essential to live an honorable life like prince. There should be no difference between a prince and a peasant [5]. For Gandhi spinning wheel was the recognition of dignity of labour. Tagore criticizes Gandhi's charkha not only in the call of truth, but in another essay the cult of charkha and raised question that why Gandhi narrowly say spin and weave, spin and weave and why not bringing all forces of land into action [2]. Gandhi considered it as a sin to wear foreign clothes or to eat American wheat and let my neighbor grain dealer starve for customers. To wash my sins I consider that foreign clothes should go into flames and it is better to wrap my naked body with the cloth that my neighbor spins at home. In my country it is insult to naked by giving them cloth instead of work which they sorely need. It is act to commit sins by giving them cloth, which I cannot do [7].

Another difference that arose between Gandhi and Tagore when Bihar was rocked by a severe earth quake on 15th January 1934. Gandhi this time was working on the untouchables and considered the earthquake as a divine punishment sent by God and we are doing sins and related untouchability with the Bihar earth quake saying that there is some connection between them. When Tagore read this statement he got angry and condemned the statement strongly. As Gandhi considered modern science as destruction for humanity. Not only Tagore, Nehru and Andrews also criticize Gandhi for relating everything with God and don't look behind the scientific reason [1,8].

Conclusion

By summarizing the whole debate between Gandhi and Tagore, we came to the conclusion that both Gandhi and Tagore were close friends and intellectually opponent in nature. Louis Fischer argued that both Gandhi and Tagore were opposite in nature. "Gandhi as wheat field and Tagore as the rose garden". Both Gandhi and Tagore were great personalities who sacrificed their every portion of life for the welfare of their country. They respected each other a lot and were friendly related. However there were differences in their ideas, thoughts. Their arguments were not based on learning, knowledge, understanding and emotions. Both gave names to each other like Tagore gave the name Mahatma to Gandhi and Gandhi gave him the title Gurudev. Both of them met in March 1915, when Gandhi came to shantiniketan and their intermediary Andrews played a great role in between them. The poet was an imaginative thinker, while as Gandhi was a reflective thinker. Both were the worshippers of Satyam, Shivam and Sundram. The poet was known for his universality

and his love for humanity. This came to know through his songs which he played during swadeshi movement in Bengal and Gandhi got inspired with these songs.

Tagore fully supported Gandhi against the Rowlatt act and he uses Mahatmaji in his letters and was hopeful that Gandhi can lead us towards the path of conquest. However with the adoption of noncooperation movement which comes out in different shapes like civil disobedience, burning of foreign clothes, strikes, hartals, fastings, charkha and non-payment of taxes. Tagore did not like the ideas and thinking of Gandhi and termed his non-cooperation a political asceticism and burning of foreign clothes as selfish nationalism. Tagore believes that Gandhi's egoism can lead India towards destruction and Gandhi is leading the people blindly. In short we can say that their differences in ideas were based on non-cooperation, burning of foreign clothes, charkha, fasting, Hindi-Urdu as a national language. Both arguments in the essays or letters namely the poet's anxiety, the call of truth, the great sentinel and the cult of charkha. According to Jawaharlal Nehru, both Gandhi and Gurudev were one hundred percent India's children, the inheritors, representatives and expositors of her age culture. The surprising thing is that both of these men should differ from each other so greatly. No two persons could probably differ as much as Gandhi and Tagore.

References:

1. Harold C (2003) Indian critiques of Gandhi. State University of New York Press 33: 243-245.
2. Bindu P (2001) Mahatma Gandhi and his temporaries. Indian Institute of Advanced Study, Shimla.
3. Sabyasachi B (1997) The mahatma and the poet. National Book Trust of India.
4. Humer AJ (1994) The Gandhi Reader. Grove Press, New York.
5. Narayan D (2009) My life my message. Oriental black swan private limited.
6. Denis D (1993) Mahtma Gandhi non-violent power in action. Columbia University Press, New York.
7. Charles AF (2005) Mahatma Gandhi his life and ideas. Jaico Publishing House.
8. Shriman N (1968) The selected works of Mahatma Gandhi. Navajivan Publishing House.

***Isaac Ibn Sahula and King Alfonso X:
Possible Connections between the Book Meshal
Haqadmoni and the C'ntigas de Santa Maria***

*Dr. Sara Offenberg,
Bar-Ilan University, Israel*

Isaac Ibn Sahula and King Alfonso X

At the beginning of the 1280s, two books were published in Castile. One was written by the Castilian King Alfonso X, the other by the Jewish author Rabbi Isaac Ibn Sahula. Alfonso X's illuminated book of stories and songs, the *Cántigas de Santa Maria*, portrayed the miracles of the Virgin Mary and was dedicated to her. It was written over a period of three decades and completed in the year 1284 [1,2]. Isaac Ibn Sahula's Hebrew illuminated book of fables, *Meshal Haqadmoni*, was written in 1281, and the stories in it are accompanied by illuminations with captions written by the author [3-13]. Raphael Loewe's book *Meshal Haqadmoni: Fables from a Distant Past*, offers an annotated edition with English translation, and I will use his translation throughout this paper [7].

A book written by (or under the supervision of) the King over such a long period of time may have been familiar to the Jewish doctor Ibn Sahula, and therefore this paper examines the possible connections between Alfonso's book and Ibn Sahula's, with an emphasis on the Jewish-Christian polemic in thirteenth-century Castile [14]. My main focus will be on the historical and cultural context in which the books were written, through a discussion of one of *Meshal Haqadmoni*'s fables against the background of contemporary Christian literature. According to Revital Yeffet, there are three main polemics in *Meshal Haqadmoni*: the inner community polemic, the cultural-literary polemic against foreign literature, and the Jewish-Christian polemic [12]. Since the similarities between some of the characters in *Meshal Haqadmoni* and Alfonso X have already been pointed out by Yitzhak Baer and Raphael Loewe [15-18], I rely on their assumptions in my examination of both books. For example, they note that two of the characters in the fables are a lion and an eagle, both rulers of the animal kingdom. Scholars have agreed that the lion and the eagle are allegorical figures of

King Alfonso X, suggesting the existence of a direct connection between Meshal Haqadmoni and Alfonso's book [15,16].

The novelty of the current study lies in the proposed connection between the two texts and their images. While the association between some characters in Meshal Haqadmoni and Alfonso X has been noted in the past, there has never been a study that connected the writings of the King and Ibn Sahula's book. ([14,19] on the possible connections between Meshal Haqadmoni and the *Cántigas de Santa Maria*.) I would like to conduct a re-examination of the book's fables, and, more precisely, to suggest that there is a connection between Meshal Haqadmoni and the *Cántigas de Santa Maria*.

The *Cántigas de Santa Maria* could have served as part of the cultural and literary background of Ibn Sahula's time and place. I do not claim that Alfonso X's poems were the main influence over Ibn Sahula, and, moreover, he completed the writing of Meshal Haqadmoni before the entire *Cántigas* were published. Rather, I suggest that the writings and illuminations of the time should be taken into consideration in order to understand the period's cultural and social atmosphere, in particular if we take into account the performative aspect of the *Cántigas* [20]. Furthermore, in Meshal Haqadmoni we find testimony regarding Alfonso X's attitude toward the Jews, so the King's writing cannot be ignored.

I would like to begin by discussing the *Cántigas de Santa Maria*, which had great importance and value in the history of Christian poetry. The purpose of this discussion is to explore the cultural environment in which Ibn Sahula lived and wrote, and to examine an example of the "foreign" literature against which he wrote, and which was so widespread in Castile. The reign of Alfonso X (1252–1284) is characterized by a variety of cultural and political developments [21-23]. Alfonso X was renowned as a learned king, and thus received the title: 'El Sabio,' the wise [24]. Hundreds of poems are ascribed to him, mainly those dedicated to the Virgin Mary, the *Cántigas de Santa Maria*. He also authored an extensive seven-part book of law titled *Las Siete Partidas* [25,26] and two history books: *Estoria de Espanna*, on the history of Spain [27] and *General Estoria*, a world history intended to reach his own era, but actually ending at the period of Jesus [28]. (Whether he actually wrote the entire corpus ascribed to him remains doubtful.)

Alfonso X also translated into the vernacular (Galician-Portuguese) a number of works on a vast range of topics, including fables, books on the game of chess, a

biography of Alexander the Great, and more. In this endeavor, he relied largely on the assistance of Jews, especially for the translations on astronomy and Arab philosophy. According to Raphael Loewe, we should read Meshal Haqadmoni with the knowledge that Ibn Sahula was aware of the literary enterprise of Alfonso X's court and perhaps even familiar with some of the King's Jewish assistants and translators [7,29]).

The non-Christian residents of Castile, i.e., the Muslims and the Jews, enjoyed religious freedom, but there was also legal discrimination against them. For example, the ban on Muslims and Jews ruling over Christians prohibited them from entering into governmental institutions. According to Baer, some Jews held high key offices in the kingdom, but not in the army or in the high courts [15,18,25,30]. In keeping with the decision of the Fourth Lateran Council in 1215, although Jews were not obligated to wear an identifying badge [31-33], they were required to wear special clothes that marked them as different from the Christians. In *Siete Partidas* 7.24.11, we learn that the Jews had to wear special headgear to distinguish themselves from the Christians [25].

The *Cántigas de Santa Maria* appeared in some illuminated manuscripts in the last quarter of the thirteenth century (around 1283), and some of the manuscripts that were written and illuminated under the supervision of Alfonso X still remain. We have four original manuscripts, two of them illustrated with over two thousand miniatures: *Códice Rico*, El Escorial, Biblioteca de San Lorenzo, Ms. T.I.1, made in 1283 and entirely decorated [34] and Biblioteca Nazionale at Florence, Banco Rari 20, which was also decorated, but whose illuminations were not all completed; *Códice de Toledo*, Biblioteca Nacional de Madrid 10069, which contains one hundred poems; and the fourth manuscript, J.B.2 (Escorial E), which contains over four hundred poems, including all of those that appear in the other three manuscripts as well as unique poems that appear only here. It was made in the years 1281–1282, with decorated initials, and on every tenth poem an illustration of a musician appears [1,35,36]. The *Cántigas de Santa Maria* is written in the vernacular Galician-Portuguese common in Castile [37], and some of the poems in it were designed to be read and sung aloud, as they are accompanied by musical notes.

The stories in Meshal Haqadmoni were part of the cultural background in which Ibn Sahula lived and worked, and several of them contain Jewish characters, as do their illuminations. The book's anti-Jewish illustrations and stories have been discussed in previous research. Louise Mirrer addressed the portrayal of the bodies

of Jews in the book's text and illuminations [38]. Albert Bagby identified five main subjects regarding the Jews in this text: the Jew as the enemy of Christianity; the Jew as the devil's disciple; the Jew as a symbol of avarice; the traitorous Jew; and the converted Jew [39].

Bagby studied Alfonso X's attitude toward the Jews by comparing the songs that refer to Jews in the *Cántigas de Santa Maria* with other contemporary popular songs that also referred to the Jews that were circulating in Europe. According to Bagby, of thirty songs in Alfonso X's book, only eight are familiar in other collections of stories. Thus, according to him, the rest of the songs must have been composed by Alfonso X. Bagby claims that even in the only three songs in which the Jew does not receive malicious characteristics, the only positive aspect of the Jew's behavior consists of his pleas for Mary's help. Vikki Hatton and Angus Mackay suggest that the attitude towards the Jews in the *Cántigas de Santa Maria* was ambivalent, as the anti-Jewish phrases balance the more neutral phrases regarding the Jews, especially in comparison to other anti-Jewish stories of the time [40].

Dwayne E. Carpenter offered five categories different from those proposed by Bagby regarding the Jews in the *Cántigas de Santa Maria*: Jewish culpability for the death of Jesus; Jewish disparagement of the Virgin, Jesus and Christianity; Jews as allies of the Devil; Jews as avaricious; and the rescue and salvation of Jews [41]. Carpenter studied the amount of hostility against the Jews in the *Cántigas de Santa Maria* by researching the poems that mention the Jews. He relates not only to stories where the Jews are mentioned as main characters, but also to incidental references where, he claims, the true nature of the attitude towards the Jews is more clearly revealed [41].

Pamela Patton suggests studying the image of the Jew in Alfonso X's book not as a measure of the King's hostility towards the Jews, but rather in order to learn about the anti-Jewish attitude of Christian Castilian society. This notion is apparent in the poems, whether it is the King's position or not [19,42]. Therefore, the illustrations are less representative of Alfonso X's attitude toward the Jews, and more reflective of the social atmosphere around him, so although the manuscripts were produced in his court, they represent ideas prevalent in society at the time. The illuminations in Alfonso's book not only illustrate the text, but also interpret it; in some instances, the artists added information to the poem, so even if the Jew did not participate as a main

character in a story, the artist portrayed him in most scenes and emphasized his grotesque nature [42].

Patton points to an example of this phenomenon in the illuminations of *Cántiga* 3, which tell the story of Theophilus. Although the Jew in the song is mentioned in only a single verse, the illustrations nonetheless portray the Jew in two scenes out of six. The text states that Theophilus acted on the advice of a Jew: “per consello dun judeu,” [1], and the scenes portray the Jew as associated with and resembling the Devil in his grotesque appearance [42,43]. Hatton and Mackay, on the other hand, claim that in comparison to the story *Milagros de Nustra Señora*, written by Gonzalo de Berceo (c. 1198–after 1252), the Jew’s presence is minor, and he is mentioned as merely a consultant [40]. However, the negligible mention of the Jew implies the anti-Jewish nature of the text in the *Cántigas de Santa Maria*, for the audience needed no further information to understand the close relationship and supposed alliance between the Jew and the Devil.

It is clear that there was a public demand for such depictions, since most of the stories in the book were already familiar in Western Europe, and only a few of them were original. Therefore, the image of the Jew in the eyes of Castilian Christian society is of interest when studying the period in which Ibn Sahula wrote his book. Patton’s methodology will guide us here, as my intention is to portray that Ibn Sahula wrote some of the fables in *Meshal Haqadmoni* as a response to the Castilian Christian milieu, and not merely in reaction to the King’s approach toward the Jews.

I would like to focus on *Cántiga* 34 of the *Cántigas de Santa Maria*, where we read the story of a Jew desecrating an icon of the Virgin Mary (**Figure 1**). The story takes place on the streets of Constantinople, the location of an unusual, beautiful wooden panel painting of Mary and Child. One night a Jew steals the icon and hides it under his mantle. He brings the icon to his house, throws it into the lavatory and contaminates it. Mary allows the Devil to kill the Jew as punishment for his crime, and nothing remains of the Jew. Meanwhile, a good Christian finds and rescues the icon from the impure place and carefully cleans it. Afterwards, he places the icon in a worthy location in his home, offering it a tribute as a means of securing his salvation, and the icon emits a pleasant scent [1,2,19,35,39]. Interestingly, we find similar stories in the book *De Locis Sanctis*, written around 683–686 by Adamnan (ca. 625–704), the Abbot of Iona [44], and in twelfth and thirteenth century France and Germany [45,46].

Figure 1: Figure of King Alfonso X, suggesting the existence of a direct connection between Meshal Haqadmoni and Alfonso's book.

Figure 1: Figure of King Alfonso X, suggesting the existence of a direct connection between Meshal Haqadmoni and Alfonso's book

Like most of the illustrated poems in the *Cántigas de Santa Maria*, the story is portrayed in six scenes, and the Jew occupies three of them. In the first scene on the left, the Jew appears in grotesque profile, walking by the city's buildings, dressed in a red garment and a pointed hat as he raises the icon in his right hand. In the next scene, we notice that the garment reaches his knees and thus shows his pointed red shoes, part of the distinguishing mark required in the *Siete Partidas* 7.24.11. (On the distinguishing mark [25]). In this scene, we notice the Jew throwing the icon into the lavatory, while a devil stands next to the door behind him. In the third scene, we observe two demons carrying the Jew's body. All three characters are portrayed in profile, showing their grotesque noses and pointed chins. The next three scenes portray the good Christian's acts. In all but one of the scenes, the viewer can clearly the icon of the Virgin and child, so viewing the Jew's theft and contamination of the

icon must have had a shocking impact on Christian audiences. Below, we shall how this effect may be reflected in Meshal Haqadmoni.

Let us now turn to a discussion of Isaac Ibn Sahula's Meshal Haqadmoni. None of the original manuscripts remain, not even manuscripts from the author's time and place. However, we do have five fully illuminated manuscripts from Germany and Italy, all from the fifteenth century: Oxford, Bodleian Library, MS Opp. 154, produced in 1450, Germany [47]; Munich, Bavarian State Library, MS Heb. 10, produced in 1458, Germany [48]; Oxford, Bodleian Library, MS Can. 59, produced in 1470-1480, Italy; Rothschild Miscellany, Jerusalem, Israel Museum, Ms. 180/51, produced in 1470-1480, Italy, fols. 298v-371r [49-51]; Milano, Ambrosian Library, MS X 112 sup, produced in 1483, Italy. The images in the five manuscripts and the first printed edition are similar in terms of their subjects and their iconography [3,6,9,12].

The book was first printed in Brescia by Gershom Soncino ca. 1491 and wood cuts replaced the manuscripts' illuminations [52]. Notably, this is the first printed Hebrew book with a full cycle of illustrations, and it ms that Soncino ordered these illustrations specifically for this book [4]. As mentioned, the fables are accompanied by some eighty illuminations with captions written by the author.

Most scholars agree that Ibn Sahula illustrated the images himself or at least supervised their production. In his introduction, Isaac Ibn Sahula explains the purpose of the illuminations: "Likewise, methinks, the pictures which conjoint/ I place with texts they illustrate, should point to/ The moral, and retain the interest/ Of children, while for those that are oppressed/ By cares, providing light relief through art; Thus peradventure they shall find their heart/ Drawn to essentials by my goad, and lay/ Aside their Homer, and will put away/ What heretics and what free-thinkers say" [7]. Thus, he declares that he is fighting the tendency to follow foreign literature, and calls upon his nation to repent. Thus the illustrations' purpose is to appeal to the audience and direct attention to the essence of the book by artistic means. It is worth mentioning that Gronemann doubts whether the book was originally illustrated in its entirety, and suggests that only the fables that discuss the planets in the fifth chapter were illuminated [6]. Though there are no remaining manuscripts made by Ibn Sahula, I find this claim unjustified in light of the author's introductory statement [7]. As Ayelet Oettinger-Salama maintains, the purpose of the illustrations is didactic, so the illuminations of the planets alone would not be sufficient [9]. Although it may be somewhat problematic in terms of methodology to refer to illuminations made

approximately two hundred years after the book was written, the illuminations remained consistent over the years, which suggests both that the author closely supervised the exact location of the scenes and the appropriate captions and that they all derived from earlier similarly illustrated manuscripts. Taking this issue into account, I will focus here mainly on the text, since some of the illuminations are connected to their own place and time, and less to that of Ibn Sahula.

Meshal Haqadmoni is divided into five main chapters (On Wisdom, On Penitence, On Sound Counsel, On Humility, and On Reverence), each opening with the vices of a given character and ending with the author's praise of the virtues of the respective trait. Every chapter opens with a polemic dialog between the cynic and the author, with both of them referring to scientific knowledge in the realms of nature, medicine, and philosophy, all disguised in fables. Aside from being a physician, Ibn Sahula was a Kabbalist (on possible Kabbalistic ideas in Meshal Haqadmoni [53]; for more on Ibn Sahula's Kabbalistic writings [15,54-58]). The stories all begin with the perspective of the cynic, whose goal is to undermine the author's faith with fables that m to prove that virtues are not beneficial, but rather harmful. All of the chapters contain fables, mainly about animals. Some of these begin in the middle of a given story, when one of the characters (usually an animal) starts to read the fable. Only following a long discussion does the plot return to the original tale, which is outside the main frame of the story. This literary motif is characteristic of the structure of the maqama and books such as *Kalila wa-Dimna*. (On the relationship between this genre of literature and its connection to Meshal Haqadmoni [3,11,12,59]).

Both the humans and the animals in the fables can be characterized as Jewish on account of their words and customs. Furthermore, they use biblical verses, the Talmud, and the Midrash to deliver moral messages, even when they are not identified as Jewish, but as members of other religions [11]. While Ibn Sahula did relay stories from "other origins," his use of Jewish sources is in line with his aim to reintroduce his readers to these texts: "For I observed its golden rhetoric was dulled for many folk, who were so quick to con the works of the heretics, and k Philosophy dependent on the Greek, Arabic saws, tags from each several part. ... The Torah's precepts ye have cast aside, with them that choice tongue, wherein are applied analogies the jurists use – so fair a maiden, and so delicate her flair" [7]. After long deliberation, at the end of the book the cynics admit their errors and justify the author's words.

I would like to focus on one of Meshal Haqadmoni's fables, from the first chapter: "The Lion upon whom attend Companions" [3,7,14]. In the story we find a connection to the Jewish-Christian polemic, so we shall examine the fable's text and images from this perspective. Our consideration of the fable will take place in the context of the place and culture in which Ibn Sahula lived, while the main reference shall be to King Alfonso X, whom, according to the scholars, is represented by the lion in the fable [7,15,16]. The fable "The Lion upon whom attend Companions" tells the story of a kingdom ruled by a lion, who has two companions and advisors: the hart and the fox, who are facing a serious problem in the kingdom. At the beginning, we learn that the animals are complaining that the lion eats them, so they decide to unite and rebel against the king. Scholars have pointed out that this story reflects the actual historical event in which the nobles in Alfonso X's court rebelled against him in 1271 [7,18,23]. The author's approach is to emphasize the notion that there should be no rebellions against the kingdom. (On the notion that it is prohibited to rebel against the kingdom [60]).

After the animals leave the kingdom, the lion has no more animals to eat, so the fox, in a cunning gesture of flattery, offers him his own flesh, but and immediately informs him that his flesh is not as tasty as that of the hart (his rival courtier). Thus, the fox ostensibly offers his own flesh to be eaten by the lion, yet at the same time makes it clear that it is not good enough for the king. The scene is illustrated in the same way in all the manuscripts: the fox and hart are standing in front of the lion. Despite the fox's words, the lion refuses to harm the hart, since doing so would be a violation of the alliance between them. The fox speaks badly of the hart and claims that the hart has no noble genealogy, unlike the fox. This claim leads the lion to call upon all his ministers and investigate the hart's pedigree. The fox represents the anti-Jewish stance in King Alfonso X's court, when, according to Loewe, he demands to inspect the hart's *limpieza de sangre* (purity of blood), while the hart represents the Jewish courtiers [7,16]. The fox gives a speech, at the end of which the lion calls him a murderer and expels him from his court. From this point on, the fox conspires to rebel against the king and assassinate him with poison. Finally, after a trial is held, the fox is executed by decapitation, just as it was customary to punish aristocrats accused of treason against the King [16].

Scholarly interest in this fable has mainly concerned the question of the historical context of Alfonso X and his fickle attitude toward the Jews. I would like to

examine another historical aspect of the story that mainly concerns the Jewish-Christian polemic as it is reflected in the hart's sermon delivered before the lion. The hart, realizing he is in danger, prays to God, declares his love and loyalty to the king, speaks of his genealogy and matters of the soul. The hart convinces the lion, who declares: "What penalty the wicked have to pay/ How those whose worth is scant just fade away/ How some, through wanton error, are cut off/ Destruction dragging those who, sinful, scoff" [7].

The hart begins to clarify the vices of the wicked soul that speaks against the Talmud and insults it: "On scholarship [Talmud] she loads insults obscene/ Her heart full of contempt; precepts she spurns/ And from their highway into byways turns/ To roam, her outrages past numbering/ All the commandments from her back to fling/ The holy law of God dishonoring" [7]. (It is worth noting that Loewe translated the word Talmud as scholarship, but, as we shall below, it is important to follow the accurate meaning of the word, which here refers to the rabbinic writings.) It is that here we find criticism against the Jews who have drifted from the Holy Scriptures, prefer foreign literature, and even convert to Christianity.

The hart declares that the penalty of the wicked is that they will not have a part in the afterlife, and goes on to explain: "I catalogue here those who, by their sin/ Have forfeited all claim to share therein/ Ones who, unorthodox, affirm a lie/ All unbelievers; those who would deny/ The law, the resurrection of the dead/ Or the Messiah's coming; all these, led/ Into apostasy, with those who lead/ Astray the public; those, too, that secede/ From laws which the community maintained/ Insurgents; those who trespass in disdain/ Defiant: all informers; those whose lies/ Spread slander, or by surgery disguise/ Their covenantal seal" [7]. We hear in these words an echo of the blessing of the apostates (Birkat Haminim), part of the Amidah prayer [7]. (On Birkat Haminim [61]).

The hart elaborates on the punishment of the wicked, noting that in addition to being deprived of an afterlife, they are doomed to "excrement that they". This phrase is mentioned in the Babylonian Talmud, Gittin 57a: "He then went and raised Balaam by incantations. He asked him: Who is in repute in the other world? He replied: Israel. What then, he said, about joining them? He replied: Thou shalt not know their peace nor their prosperity all thy days for ever. He then asked: What is your punishment? He replied: With boiling hot semen. He then went and raised by incantations the sinners of Israel. He asked them: Who is in repute in the other world? They replied: Israel.

What about joining them? They replied: k their welfare, k not their harm. Whoever touches them touches the apple of his eye. He said: What is your punishment? They replied: With boiling hot excrement, since a Master has said: Whoever mocks at the words of the Sages is punished with boiling hot excrement”.

Furthermore, in the hart's words we may find an utterance regarding the public polemics, such as the Paris Talmud Trial in 1240 between Rabbi Yehiel of Paris and the converted Nicolas Donin. (There are Hebrew accounts of the “Talmud Trial” and a Latin text [62], originally published by Isadore Loeb [63]. For an English translation of the Latin text Hyam Maccoby [64]). The Paris Talmud Trial of 1240 was the first of three public disputes initiated by converted Jews, where the Talmud was the main focus of discussion. The aftermath of the 1240 trial was the burning of the Talmud in 1242. In 1263 in Barcelona, R. Moses ben Nahman (Nahmanides) defended the Talmud against the converted Pablo Christiani, who also debated with R. Abraham in the second Paris trial in 1271/1273 [61,65-82].

According to the Hebrew account of the 1240 Talmud trial, the punishment of the wicked to be doomed to “excrement that thes” is also mentioned. Nicolas Donin claimed that the Jews wrote in the Talmud that Jesus was condemned to boiling hot excrement, and on the basis of the Talmud, Balaam's punishment is ascribed to Jesus [45,62,75,83,84]. In the Jewish tradition, Balaam is sometimes replaced with Bela ben Beor, the first king of Edom. Therefore, Balaam is identified both with Esau and Jesus [83,85]. Hence, when the Talmud mentions the punishment of Balaam and the criminals of Israel as being punished “with boiling hot excrement”, it refers to Jesus.

The response of R. Yehiel of Paris to the text was that it did not refer to Jesus of Nazareth, but was the punishment of some other man called Jesus. Therefore, we can in this statement in Meshal Haqadmoni a reference to the Paris Talmud Trial and to the punishment of Balaam/Jesus. Even if this notion was not actually raised in the Talmud Trial itself and is recorded only in the later written text, there is important value to its inclusion in the Hebrew account. While it may have been written some decades after 1240 [75], nonetheless it had been written (and probably widespread) by 1280s, when Ibn Sahula wrote Meshal Haqadmoni. Hence, whether or not these exact words were mentioned in the actual Talmud Trial is of less importance to our discussion than the fact that they appear in the account written before Ibn Sahula wrote his book.

Returning to the illumination of Cántiga 34, the fact that the icon of Virgin and Child is desecrated by being thrown into the lavatory ms to indicate a Jewish intention

to punish Jesus and Mary with “excrement that thes.” This kind of abuse could show the punishment that the Virgin and Child deserve in the eyes of the Jews, when at the end of the story the Jew is condemned to hell. The story in *Cántiga* 34 is not the only one in the *Cántigas de Santa Maria* to display Jewish mockery of Christian symbols. The Christian notion in this book is that the Jews are allegedly already trying to implement the Talmud’s ideas about the punishment of the wicked. In *Cántiga* 12 we are told that the Jews of Toledo were caught by the Archbishop and his congregation as they were spitting at and cursing a wax image of Jesus and later placing him on an improvised cross [2,41].

The idea of Jews mocking a wax crucifix appears also in Alfonso X’s book of law, *Las Siete Partidas*, 7.24.2 [25], where the King wrote that he had heard that in some places the Jews abduct Christian children on Good Friday and place them on a cross, but if they do not find such children, they create a wax image and crucify it. Alfonso X mentions that if these incidents turned out to be true in his kingdom, the Jews who carried them out would be executed. He also orders the Jews to stay behind close doors on Good Friday [25,40,86-89] (In 408 Theodosius II forbade the Jews from burning a figure like Haman on Purim, as it was understood to be mockery on the Crucifixion. [86-89]). Elliot Horowitz discusses at length cases in which Jews were accused of mocking the cross, and testimonies of such actions appear in Jewish texts [90-92].

The King’s reference to this issue in his law book and in the *Cántigas de Santa Maria* indicates the prevalence of such stories. The fact that these incidents appear both in a popular illuminated book of poetry and in a book of law reinforces the notion that it is not merely a legend or rumor, and suggests that they are true. Although Alfonso X wrote that he had heard rumors of such accusations, and did not report actual incidents in his kingdom, the fact that he enacted a law to be used in case such events occurred strongly suggests that the story represents a situation that could conceivably be faced.

The hart in the Meshal Haqadmoni fable symbolizes the voice of the Jewish writer, who is fighting both the wicked among his people and the Christians. The sense of persecution in the Meshal Haqadmoni stories may derive from the attitude of Christian society toward the Jews. For the Christian public, the King’s attitude toward the Jews is expressed in his book, despite the fact that Alfonso X is considered a tolerant monarch and beneficent toward the Jews. Most scholars have studied his

book king an answer to the question of whether or not it and its author were expressing an anti-Jewish attitude. Examination of the book reveals that the anti-Jewish stance is consistent, and while King Alfonso himself may have treated the Jews fairly, his book conveys an anti-Jewish message to his audience. In Meshal Haqadmoni we find a possible response to this message.

Research for this paper was supported by the Israel Science Foundation (ISF), Grant no. 326/13.

References:

1. Mettmann W (1986-1989) (ed.) Alfonso X, Cantigas de Santa Maria (3 volumes). Castalia, Madrid.
2. Kulp-Hill K (2000) (trans.) Songs of Holy Mary of Alfonso X, The Wise: Translation of the "Cantiga de Santa Maria". Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, Tempe, AZ.
3. Ayalon Y (2002) The illustrations to Meshal ha-Kadmoni of Ishaqibn Sholomoibn Sahulah, MA Thesis, Tel Aviv University (Hebrew).
4. Beinenfeld E (1991) Meshal Ha-Kadmoni by Isaac B.SolomonibnSahula [Brescia: GershomSoncino, ca. 1491]: The book and its illustrations," MA Thesis, The Hebrew University of Jerusalem.
5. Cuffel A (2011) IbnSahula'sMeshal ha-Qadmoni as restorative polemic. *Journal of Medieval Iberian Studies* 3.2: 165–186.
6. Gronemann S (2006)'http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CI/CI/pdf/mow/nomination_forms/Israel_Rothschild.pdf' title='Click here'> Extant 15th century Ashkenazi Illuminated manuscripts of MeshalHakadmoni by Isaac ibnSahula. PhD dissertation. The Hebrew University of Jerusalem (Hebrew).
7. Sahula IS, Loewe R (2004)'<http://www.worldcat.org/title/meshal-haqadmoni-fables-from-the-distant-past-a-parallel-hebrew-english-text/oclc/49805487?Page=citation>'title='Click here'> MeshalHaqadmoni: Fables from the distant past: a parallel Hebrew-English text. Littman Library of Jewish Civilization, Portland, OR.
8. Schubert U, Schubert K (1983) *JüdischeBuchkunst*. Teil 1, Graz.
9. Oettinger-Salama A (2002) 'I place with texts the illustrate, should point/ The moral': Exploring the connection between the verbal art and the visual Art in the book MeshalHaqadmoni by Isaac ibnSahula. *Dapim Le-Mehkar Be-Safrut* 13: 229–256 (Hebrew).

10. Schirmann J (1971) Hebrew poetry in Spain and Provence (volume 2). Dvir, Tel Aviv and The Bialik Institute, Jerusalem (Hebrew).
11. Schirmann J (1997) (edited, supplemented, and annotated by Ezra Fleischer) The history of Hebrew poetry in Christian Spain and Southern France. Magnes and Ben Zvi Institute, Jerusalem (Hebrew).
12. Yeffet R (2001) Meshal ha-Qadmoni by Isaac IbnSahula: A book of debate, moral, and good advice. PhD dissertation, Bar-Ilan University (Hebrew).
13. Yeffet R (1995) The uniqueness of 'Meshal ha-Qadmoni' by Isaac IbnSahula: Relationship between form and content. MA Thesis, Bar-Ilan University (Hebrew).
14. Offenberg S (2008) Expressions of meeting the challenges of the Christian milieu in Medieval Jewish art and literature. PhD Dissertation, Ben-Gurion University of the Negev. Chap. 5 (Hebrew).
15. Baer Y (1961) A history of the Jews. The Jewish Publication Society of America, Philadelphia.
16. Loewe R (1996) Who was the fox in the court of Alfonso X?. *Donaire* 6: 49–53.
17. O'Callaghan JF (1998) Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria: A poetic biography. Brill, Leiden.
18. O'Callaghan JF (1993) The learned king: The reign of Alfonso X of Castile. University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
19. Patton PA (2012) Art of estrangement: Redefining Jews in Reconquest Spain, Pennsylvania State University Press, University Park PA: 135–169.
20. Keller JE (1990) Drama, ritual, and incipient opera in Alfonso's cantigas. In: Emperor of culture: Alfonso X the Learned of Castile and his thirteenth-century renaissance. Robert I. Burns (ed.) University of Pennsylvania Press, Philadelphia: 72–89.
21. Kosmer E, Powers JF (1990) Manuscript illustrations: The cantigas in contemporary art context. In: Emperor of culture: Alfonso X the Learned of Castile and his thirteenth-century renaissance. Robert I. Burns (ed.) University of Pennsylvania Press, Philadelphia: 46–58.
22. Burns RI (ed.) (1985) The world of Alfonso the Learned and James the Conqueror: Intellect and force in the Middle Ages. Princeton University Press, Princeton NJ.
23. O'Callaghan JF (1975) A history of medieval Spain. Cornell University Press Ithaca NY.

24. Burns RI (1990) Stupor mundi: Alfonso X of Castile, the Learned. In: Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his thirteenth-century renaissance, Robert I. Burns (ed.) University of Pennsylvania Press, Philadelphia: 1–13.
25. Carpenter DE (1986) Alfonso X and the Jews: An edition of and commentary on SietePartidas 7.24 'De los Judíos'. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, and London.
26. Pérez I (2014) Nuevo fragmento de las 'SietePartidas' descubierto en la Biblioteca Nacional de Israel. *Hispania Judaica Bulletin* 10: 251–271.
27. Catalan D (1992) La estoria de Espana de Alfonso X: Creacion y evolucion (5 volumes). Seminario Menéndez Pidal, Universidad Complutense de Madrid, Cronísticas Fuentes de la Historia de España, Madrid.
28. Borja PS-P (ed.) (2001) Alfonso X el Sabio, General Estoria. Biblioteca Castro, Madrid.
29. Roth N (1990) Jewish collaborators in Alfonso's scientific work. In: Emperor of culture: Alfonso X the Learned of Castile and his thirteenth-Century renaissance. Robert I. Burns (ed.) University of Pennsylvania Press, Philadelphia: 59–70.
30. Glick TF (1992) Introduction. In: Convivencia: Jews, Muslims, and Christians in Medieval Spain. Vivian B. Mann, Thomas F. Glick and Jerrilynn D. Dodds (eds.). George Brazzillier, New York: 1–9.
31. Grayzel S (1966) The Church and the Jews in the XIIIth century (vol.1) Hermon, New York.
32. Kisch G (1957) The yellow badge in history. *Historia Judaica* 19: 89–146.
33. Straus R (1942) The 'Jewish Hat' as an Aspect of Social History. *Jewish Social Studies* 4: 59–72.
34. Alfonso X (2011) Alfonso X El Sabio, Las Cantigas de Santa María. Códice Rico, Ms. T- I-1 Real Biblioteca del Monasterio de San Lorenzo de El Escorial, Prólogo Inés FernándezOrdóñez, 2 vols. Madrid (facsimile edition).
35. Keller JE, Cash AG (1998) Daily life depicted in the "Cantigas de Santa Maria". University of Kentucky Press, Lexington.
36. Scarborough CL (2000) Introduction. In: Songs of Holy Mary Songs of Holy Mary of Alfonso X, The Wise: Translation of the "Cantiga de Santa Maria". Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, Tempe, AZ: xix-xxxvi.
37. Doron A (1998) On the affinity between the Hebrew creation in Toledo and its literature environment: The Prologue of Alfonso el Sabio's Cántigas de Santa

- Maria and the Personal Poems of Todros Ha-Levi Abulafia," *Biqoret U-parshanut* 32: 81–94 (Hebrew).
38. Mirrer L (1994) *The Jew's Body in Medieval Iberian Literary Portraits and Miniatures: Examples from the Cantigas de Santa Maria and the Cantar de mio Cid*. *Shofar* 12.3: 26–27.
  39. Bagby AI (1971) The Jews in the *Cántigas* of Alfonso X, El Sabio. *Speculum* 46.4: 673-674.
  40. Hatton V, Mackay A (1986) Anti-Semitism in the *Cantigas de Santa Maria*. *Bulletin of Hispanic Studies* 60.3: 189-199.
  41. Carpenter DE (1998) The portrayal of the Jew in Alfonso the Learned's *Cantigas de Santa Maria*. In: *In Iberia and beyond: Hispanic Jews between cultures*. Bernard Dov Cooperman (ed.) *Proceedings of a Symposium to Mark the 500th Anniversary of the Expulsion of Spanish Jewry*. University of Delaware Press, Newark, DE. Associated University Presses, London: 15-42.
  42. Patton PA (2008) Constructing the Inimical Jew in the *Cantigas de Santa Maria*: Theophilus's Magician in Text and Image In: *Beyond the Yellow Badge: Anti-Judaism and Antisemitism in Medieval and Early Modern Visual Culture*. Mitchell B. Merback (ed.) Brill, Leiden and Boston: 233-256.
  43. Jackson D (2007) The influence of the Theophilus legend: An overlooked miniature in Alfonso X's *Cantigas de Santa Maria* and its wider context. In: *Under the influence: The concept of influence and the study of illuminated manuscripts*. John Lowden and Alixe Bovey (eds.) Brepols, Turnhout: 75-87.
  44. Schäfer P (2002) *Mirror of his beauty: Feminine images of God from the Bible to the early Kabbalah*. Princeton University Press Princeton and Oxford: 191-195.
  45. Marcus IG (2002) A Jewish-Christian symbiosis: The culture of early Ashkenaz. In: *Cultures of the Jews: A New History (vol.) 2*, David Biale (ed.) Schocken, New York: 147-214.
  46. Camille M (1989) *The Gothic Idol: Ideology and Image Making in Medieval Art*. Cambridge University Press, Cambridge.
  47. IbnSahula I. (nd) *MeshalHaqadmoni* (entire manuscript). Oxford, Bodleian Library.
  48. IbnSahula I (nd). *MeshalHaqadmoni* (entire manuscript). Munich, Bavarian State Library.
  49. Fishof I (1989) *The Rothschild miscellany*. Facsimile Editions, London.

50. Ta-Shema I (1989). The literary content of the manuscript. In: Iris Fishof (ed.) *The Rothschild miscellany*. Facsimile Editions, London. 39-88.
51. Mortara-Ottolenghi L (1989). The illuminations and the artists. In: *The Rothschild miscellany*. Iris Fishof (ed.). Facsimile Editions, London: 127-241.
52. IbnSahula I. (nd) MeshalHaqadmoni (scan of the printed book) Jerusalem, National Library web site aleph.nli.org.il/nnl/dig/books/bk001021249.html.
53. Lachter H (2010) Spreading Secrets: Kabbalah and Esotericism in Isaac ibnSahula's "Meshal ha-kadmoni." *Jewish Quarterly Review* 100.1: 111–138.
54. Green A (1987) Rabbi Isaac ibnSahola's commentary on the Song of Songs. *Jerusalem Studies in Jewish Thought* 6/3–4: 393–491 (Hebrew).
55. Green A (1987) The Song of Songs in early Jewish mysticism. *Orim* 2.2: 57-58.
56. Huss B (2008) Like the radiance of the sky: Chapters in the reception history of the Zohar and the construction of its symbolic value. Bialik Press & Ben Zvi Institute, Jerusalem (Hebrew).
57. Scholem G (1931/32) The first citation from ha-Midrash ha-Ne'elam. *Tarbiz* 3: 181-183 (Hebrew).
58. Stern S M (1956) Rationalists and Kabbalists in medieval allegory. *Journal of Jewish Studies* 6.2: 73-86.
59. Pagis D (1976) Change and tradition in the secular poetry: Spain and Italy. Keter, Jerusalem. (Hebrew).
60. Albeck S (1964) 'DinnoD'malchusoDinno' in the Jewish communities of medieval Spain. In: *The Abraham Weiss Jubilee Volume*, Samuel Belkin (ed.) Hotsa'at Va'ad Sefer ha-Yovel, New York: 109-125.
61. Langer R (2012) *Cursing the Christians?: A history of the BirkatHaminim*, Oxford University Press, Oxford.
62. GalinskyJD (2012) The different Hebrew versions of the 'Talmud Trial' of 1240 in Paris. In: *New perspectives on Jewish-Christian relations: In honor of David Berger*. (The Brill Reference Library of Judaism 33) ElishevaCarlebach and Jacob J. Schacter (eds.), Brill, Leiden and Boston: 109-140.
63. Loeb I (1881) "La controverse de 1240 sur le Talmud," *Revue des étudesjuives*. 39-57.
64. Maccoby H (1982) *Judaism on trial: Jewish-Christian disputations in the Middle Ages*. Fairleigh Dickinson University Press, Rutherford NJ.

65. Einbinder SL (2002) *Beautiful death: Jewish poetry and martyrdom in medieval France*. Princeton University Press, Princeton and Oxford.
66. Grünbaum S (1873) *Sefervikkuah R. Yehi'el*. C. Dombrowski, Thorn (Hebrew).
67. Rose PL (2011) When was the Talmud burned at Paris? A critical examination of the Christian and Jewish sources and a new dating: June 1241. *Journal of Jewish Studies* 62: 324-339.
68. Margalioth R (ed.) (1910) *R. Yehiel of Paris' dispute*. (publisher not mentioned), Lvov (Hebrew).
69. Dahan G & Nicolas É (eds.) (1999) *Le brûlement du Talmud à Paris, 1242–1244*. René-Samuel Sirat, Paris.
70. Chazan R (1992) *Barcelona and beyond: The disputation of 1263 and its aftermath*. University of California Press, Berkeley.
71. Chazan R (2005) Christian condemnation, censorship, and exploitation of the Talmud. In: *Printing the Talmud: From Bomberg to Schottenstein*. Sharon LibermanMintz and Gabriel M. Goldstein (eds.), Yeshiva University Museum, New York 2005: 53-59.
72. Chazan R (1983) From Friar Paul to Friar Raymond: The Development of Innovative Missionizing Argumentation. *Harvard Theological Review* 289–306.
73. Cohen J (1999) *Living letters of the law: Ideas of the Jews in Medieval Christianity*. University of California Press, Berkeley.
74. Cohen J (1999) The second Paris dispute and the Jewish Christian polemic in the thirteenth century. *Tarbiz* 68: 557–579 (Hebrew).
75. Eisenberg S (2008) *Reading Medieval religious disputation: The 1240 'debate' between Rabbi Yehiel of Paris and Friar Nicholas Donin*. PhD dissertation, University of Michigan.
76. Hames HJ (2004) Reason and faith: Inter-Religious polemic and Christian identity in the thirteenth century. In: *Religious Apologetics – Philosophical Argumentation*, Yossef Schwartz and VolkhardKrech (eds.), Mohr Siebeck, Tübingen: 267-284.
77. Jordan WC (2001) Marian devotion and the Talmud trial of 1240. In: *Ideology and royal power in Medieval France: Kingship, crusades and the Jews*. William Chester Jordan (ed.) Ashgate, Burlington VT: 61-76.
78. Malkiel D (2009) *Reconstructing Ashkenaz: The human face of Franco-German Jewry, 1000–1250*. Stanford University Press, Stanford CA.

79. Müller D (2009) Die Pariserverfahren gegen den Talmud von 1240 und 1248 im Kontext von Papsttum und französischem Königtum. In: *Interaction Between Judaism and Christianity in History, Religion, Art and Literature*. Marcel Poorthuis, Joshua Schwartz, and Joseph Turner (eds.), Brill, Leiden: 181-199.
80. Ragacs U (2001) *Die zweite Talmuddisputation von Paris 1269*. P. Lang, Frankfurt am Main.
81. Joseph Shatzmiller, *La deuxième controverse de Paris*, Paris 1994.
82. Soloveitchik H (1998) Catastrophe and halakhic creativity: Ashkenaz-1096, 1242, 1306 and 1298. *Jewish History* 12: 71-85.
83. Dalman GH (1893) *Jesus Christ in the Talmud, Midrash, and Zohar, and the liturgy of the synagogue*. Deighton, Bell, & Co., Cambridge; George Bell & Sons, London and New York.
84. Schäfer P (2007) *Jesus in the Talmud*. Princeton University Press, Princeton NJ.
85. Cohen GD (1967) Esau as symbol in early Medieval thought. In: *Jewish Medieval and Renaissance studies*. Alexander Altmann (ed.), Harvard University Press, Cambridge MA: 19-48.
86. Horowitz ES (1994) The rite to be reckless: On the perpetration and interpretation of Purim violence. *Poetics Today* 15/1: 9-54.
87. Kogman-Appel K (2005) The tree of death and the tree of Life: The hanging of Haman in Medieval Jewish manuscript painting. In: *Between the Picture and the Word: Manuscript Studies from the Index of Christian Art*, Colum Hourihane (ed.), Princeton University Press, Princeton NJ: 187-207.
88. Roth C (1933) The feast of Purim and the blood accusation. *Speculum* 8/4 521-522.
89. Trachtenberg J (1961) *The Devil and the Jews*. Yale University Press, New Haven CT: 109-133.
90. Haberman AM (1945) *Sefergezerot Ashkenaz ve-Zarfat*. Tarshish, Jerusalem.
91. Horowitz ES (2006) *Reckless rites: Purim and the legacy of Jewish violence*. Princeton University Press: Princeton and Oxford: 149-185.
92. Chazan R (1987) *European Jewry and the First Crusade*. University of California Press, Berkeley CA.

Stories Have the Power to Save Us: A Neurological Framework for the Imperative to Tell Stories

Bem Le Hunte,

University of Technology, Sydney, Australia,

Jan A Golembiewski,

Schizophrenia Research Institute, Australia

Abstract: The evolutionary advantage of humans is in our unique ability to process stories – we have highly evolved ‘narrative organs.’ Through storytelling, vicarious knowledge, even guarded knowledge, is used to help our species survive. We learn, regardless of whether the story being told is ‘truth’ or ‘fiction.’ Humans place themselves in stories, as both observer and participant, to create a ‘neural balance’ or sweet spot that allows them to be immersed in a story without being entirely threatened by it – and this involvement in story leads to the formation of empathy – an empathy that is integral to forging a future humanity. It is through empathy, we argue, that stories have the power to save us. The hippocampi process narrative details. Situated alongside are the amygdalae – organs that place the reader in the story. The temporal lobes store ‘story nuggets.’ Finally there’s the frontal cortex to inhibit full participation in narrative, so that the story can be experienced vicariously.

Keywords: storytelling; empathy; ipseity; evolution; narrative; neuroscience.

Introduction

When an invented character, fabricated by a writer of fiction, reveals a ‘truth,’ sometimes that truth can beg for greater scrutiny. The doctor who narrates the novel, *There Where the Pepper Grows* [1], Benjamin Rahabi, tells the story of his escape from Nazi occupied Poland to the welcoming embrace of Calcutta, on the premise that stories have the power to save us. He does so with the authority of a physician who has explored the dark edges of human storylines and the impact they have on the body. The claim that stories have the power to save us is audacious, yet it is one that can be validated by neuroscience. This article demonstrates that the brain is hard-wired to process stories in a most fundamental way, indicating the evolutionary

priority that storytelling has had in human development, and the importance it has in forging a future humanity.

This article considers how human organs are devoted to narrative function. More specifically, it looks at the validity of fictional truth – the way the human brain uses ‘fictional worlds’ to expand understanding about the ‘real world’ or phenomenal reality. It gives a neurological foundation to Kenneth Burke’s notion that literature provides us with ‘equipment for living.’ That stories work as ‘proverbs writ large’ – helping us to understand the fundamentals of survival – the workings of cooperation and conflict [2].

Supposing we were to treat the words of the above fictional character, Benjamin Rahabi, as a hypothesis. Is there any way to explore whether stories have the power to save us or not? Early thinkers like Charles Darwin and Herbert Spencer wrote that the lack of ability to adapt to events puts a species at an evolutionary disadvantage [3,4]. More recent research into the nature of the human brain pleads an evolutionary advantage to our capacity for narrative. Central to our evolution has been the development of ‘narrative organs,’ which we will discuss below.

The human brain, above all others, has the most developed ability to extrapolate meaning and implications from stories. Moreover, one of the great evolutionary advantages of being human is that we don’t need to actually live through an event to gain the perspective of someone else’s experience. We can identify a potentially disastrous or beneficial event because we can recognise these through story, mythology, recount and other narrative structures describing comparable situations. Moreover, dangers and opportunities don’t have to be identical, as they would have to be for a dog or monkey (dogs salivate only to the sound of a bell – not the sound of a gong). Unlike animals, we can infer meaning from metaphors. We can translate scenarios into our own lives. We can imagine ourselves out of our familiar comfort zones into a situation where we are genuinely feeling threatened, even in a cozy bed with a novel in hand and a partner snoring nearby. These are the functions of a storytelling brain, which have developed over time, as an evolutionary imperative.

Not only does the human brain have this capacity, but it has some well-developed neurological mechanisms that have evolved to help us to store, recall and interpret situations and stories. These are located in two parallel sets of organs – the two hippocampi (on the left and right sides of the brain), which provide the capacity to store and recall episodic memory, better known to fiction writers as narrative. They do

this by recording and recalling schemata or story nuggets, which are largely stored in the nearby temporal lobes [5].

Before we speculate on the narrative function of the left and right hippocampi, we should do so within the context of scholarship on the differences between the two. McGilchrist argues that the left side of the brain is used for processing focused intention [6]. He describes a bird using its left brain to look for seed [7]. The left hippocampus stores and recalls smaller, less abstract narrative nuggets. It's the narrative that's concerned with the functional and physical plane rather than the metaphysical plane. In other words, the left hippocampus is more tightly focused on what is going on right now – the so-called realities of a situation – the narrow context of the story. How is that bird going to get the seed? How is a character going to find her long lost brother who was given up years ago for adoption? Which physical location would characters go to if they were seeking spiritual enlightenment? [8].

In contrast, McGilchrist [7] asserts that the right side of the brain is used for processing global attention. The bird uses the right brain to look out for broader context and circumstances, such as danger. The right hippocampus stores and processes the meta-narrative in which every story has to take place. In other words, what this story means on a grander scale. The right hippocampus stores and recalls the notions of time, place and setting – the context of the story rather than narrative particulars – as well as the grand themes [9]. At the same time, it allows the reader to ponder over the bigger issues – the themes of the novel – and locate themselves in those themes. For example, if someone is reading *Animal Farm* [10], they will understand the analogy between the governance of the animal farm and the corruption of real life political elites. The ability to contextualise and step outside an immediate narrative, into an allegorical theme or metanarrative, gives the reader a sense of perspective – even distance – on story.

In terms of narrative, one story is nested in another and both aspects of the brain contribute to a single picture. Similarly, in fiction, these two aspects of story are fully integrated in a seamless fashion within a single narrative structure. The reader absorbs a grand theme (right brain), whilst observing the purely functional movements of characters in a fictional setting (left brain).

Intersecting with the hippocampi are the amygdalae, a paired set of organs that sit directly against the hippocampi. These moderate the sense of ipseity – the location of the 'I' or 'me' in any particular story. The amygdalae are instrumental in creating a

sense of whether or not we are involved in the story. As such, they are key processors of emotion [11].

Once again, the right and left amygdalae correspond with the global picture of the right brain and the specificity of the left brain. On a grand scale, and the grand scale is what is moderated by the right hemisphere, the right amygdala gives the reader contextual awareness – if they are reading a thriller, it allows them to think, “I am not at risk. I am reading a novel.”

The left amygdala, simultaneously, tells us whether the story has any *direct* effect on us as individuals, right now – the prosaic reality. It’s the organ that exerts the power of immediacy and imminence. The ipseity – or sense that this concerns ‘me’ (the vicarious experience) – locates the audience in the anguish of the present circumstances (albeit via the experiences of the protagonist). In literary terms, it allows us to plant a personal perspective into the story as if it were our story. This type of ipseity allows us to watch the drama unfold while sitting on the shoulder of the protagonist. Directors like Spielberg actually film from the shoulder of the protagonist to get this sense of identification – the left amygdala telling the audience “this directly concerns me.”

In a page-turner such as the *Da Vinci Code* [12], the reader is required to surrender the left amygdala to directly experience the trials of the protagonist, as if they were their own – as if they themselves were being chased around Paris by an albino Corpus Dei monk! All the time, the contextual ipseity that resides in the right amygdala would remind the reader that they are sitting in the comfort and security of their own home.

The contrast of what we would describe as *dual ipseity* (I’m in the action, yet observing it) has been recognised by many thinkers. Scholars as early as Aristotle, writing about catharsis, explained how tragedy served to purge the audience of similar emotions [13]. Kant observed how the overwhelming experience of awe is moderated by the knowledge that we are actually safe [14].

The ability to locate oneself in a narrative is an essential element of empathy. If one cannot feel the heartbeat of the protagonist as one’s own, then either the author is implicated (for distancing the reader – perhaps through experimental or meta-fictional devices, such as those used by Bertolt Brecht [15]) or the reader may be defined as someone who has lower capacity for empathy.

Neurological studies on empathy typically focus on *the Theory of Mind* (TOM), which outlines the capacity of one individual to comprehend and relate to another person's emotional state [11]. In the terms that we're discussing here, the Theory of Mind can only be constructed if there is sufficient dual ipseity to have a sense of 'I' (right brain) as well as a sense of 'I am transferred into the experience of another' (left brain). This ability to understand another person's 'I-ness' is interesting. We can't say whether this comes from fiction or from socialisation, but either way it is this mechanism that allows us to empathise with each other, as well as with fictional protagonists. The very fact that Theory of Mind can be applied to real people as well as fictional people means that on a profound level, fiction provides an equally 'real' milieu for the human brain to develop emotionally and express its full humanity.

If the healthy mind organises narrative around a sense of 'I-ness' or ipseity, then a mind that doesn't is declaratively unhealthy. Neuroscientists Louis Sass and Josef Parnass propose that this loss of self is a neglected, but fundamental feature of schizophrenia [16]. Certainly, the loss of ipseity is characterised by the most extreme and troublesome cases of schizophrenia. The grueling first person account of schizophrenia by Clara Kean, recounts a time of complete loss of 'global' self. Even though the ipseity of mundane awareness remained, her sense of self was completely lost. "The real 'me' is not here any more. I am disconnected, disintegrated, diminished. Everything I experience is through a dense fog... It was not even my own distress—I was totally separated from myself, not knowing what action I was taking" [17]. Schizophrenia appears to cause underactive amygdalae – on both sides of the brain, but particularly on the right – perhaps explaining why those suffering are unable to locate themselves in their 'story' [18].

In contrast, in disorders that feature overactive amygdalae, such as in affective paranoia, patients find it hard to relate to others, primarily because they are manically fixated on their own personal 'story' and they transfer their 'character' into every conceivable scenario. Patients often find it very hard not to believe that every story concerns them, as a central protagonist. A classic example is the story of Chadwick, a schizoaffective patient who perceived radio and television commentators speaking to him personally, as if they were part of his internal narrative. "I listened to the radio 'for messages' a great deal in the summer of 1979" [19]. Balanced amygdalae are essential for understanding others, as demonstrated in many Theory of Mind studies. In this context, Chadwick says, "I had very little capacity to integrate thought and

feeling,” and that, “my gist and context processing were poor...I would often be accused of being tactless, cheeky, offbeat, saying inappropriate things [20].”

In cases of both affective and non-affective psychoses, there is ample evidence to suggest that the coupling of the amygdalae (the I-ness), with the sense of story in the hippocampi, has gone askew. Too much or too little ipseity both seem to be problematic, as if there is some kind of sweet spot in between, where safety of observation can be combined with the terror of absorption – where there is enough ipseity to empathise, but not so much that personal concerns override those of the fictional protagonist.

A sensitive balance between observer and participant is required to promote engagement with story. Too much observer and there is no longer any ‘fictional reality.’ Too much participant and the story becomes scarily real – the vortex of story has swallowed the reader in the telling of the tale. The well-balanced work of fiction (not to mention, the well balanced life story) requires a type of neural balance that has not received much in the way of scholarly attention in healthy individuals.

In an evolutionary sense, this balance has been thousands of years in the making, which takes us back to our central premise that stories have the power to save us. Stories serve an important function in our lives, and stories are generated by our brains. Our brains turn the random nature of events and string these into meaningful narrative. Stories are all about what directly impinges on our humanity. We see the world in terms of story, and this creates the world we see. In other words, the world becomes full of stories – sometimes they are our own and sometimes they belong to others, but we recognise these stories and follow them with deep fascination, which must have been the evolutionary foundation of empathy. As Aristotle points out, in a great tragedy like *Oedipus Rex*, the audience can identify that there is a disaster looming, and regardless is hooked on seeing it unfold. Yet if this tragedy were to happen in real life, probably few would want to watch it.

Throughout evolution, stories have had the power to save us, because instinct is tied to narrative. If evolution is all about the survival of the fittest, then we have to be fit enough to tell stories. Thanks to storytelling, evolution can take place in a single lifetime. You don’t need to die of thirst to realise that going into the desert without water is a bad idea. Stories precede us and guide us, even to outfox hermetic knowledge, which would often evade the evolutionary principle. In the words of Ian McEwan, through fiction, ‘what was once a personal secret is now ours.’ [21]. There could be

very few people in Australia, for example, who haven't heard stories about travelers dying in the outback when their vehicles break down and their water evaporates. Clearly, humanity has a need for story, as there isn't a culture anywhere in the world that survives without them.

Another distinguishing feature of human brains is that we have very well developed frontal cortexes. These are used to inhibit the storytelling mechanisms in both right and left hemispheres – to choose the stories that we immerse ourselves in [6]. Humans can move beyond the stories that are linked to our physical survival to evolve into deeper thinkers. Storytelling in humans allows for the survival of ideas and ideologies – often those that are metaphysical, abstract and complex. This ability to choose the stories that are relevant to humanity has given us the unique capability of abstraction, imagination and even vision.

Less developed animals have smaller or even non-existent frontal lobes. This means they have considerably less ability to abstract themselves from the narrative of nature, or the simple narratives of reality. The bird referred to earlier, eating seed, doesn't have a choice other than to use their right hemisphere to look out for danger and mates, and use the left to look out for seed. Humans have the ability to put all of those detailed concerns on hold and devote themselves to more abstract activities, for large lengths of time even – perhaps even long enough to read *War and Peace* [22]. Humans even have the capacity to put aside their hunger in order to pander to abstraction. An animal's sense of ipseity, on the other hand, is constantly channeled towards the most basic needs – there is little capacity for such abstraction.

Storytelling, then, is essential to the way we construct our humanity. It's also vital to our study of the future (as there is no sense of future without a sense of a past – and perhaps this explains our fascination as a species for the study of history). Storytelling is central to humanity because it is through narrative that we learn about ourselves and prepare ourselves for the future in an evolutionary sense. But here's what's interesting: we don't only learn from 'truth' that is verifiable. We learn equally, and potentially even more, from fiction. In words attributed to Ralph Waldo Emerson, 'fiction reveals truth that reality obscures.' The truth that literature provides does not need to prove itself in any empirical way, except in the sense that this truth resonates with the reader's sense of truth. And this, in turn, becomes a point of reference: a story nugget that is stored in the temporal lobes, to emerge as insight and revelation in the context of real life. These nuggets, in turn, become parts of new stories, and together

the metanarrative of human culture spins a half-real, half-fictional reality. In the words of David Wilson, the narratives 'that prove most innately satisfying spread and become culture.' When we search only for verifiable 'truth' we miss a historically rich and complete source of data that forms the basis of our humanity [23]. Truth is to be found in empathy, and it is the empathy in storytelling that Benjamin Rahabi is referring to when he states that 'stories have the power to save us.'

References:

1. Le Hunte B (2005) *There, Where The Pepper Grows*. Fourth State, Sydney, Australia.
2. Burke K (1973) *Equipment for Living*. University of California Press, Berkeley, USA.
3. Darwin C (1872) *The Origin of Species by Means of Natural Selection; Or The Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life and The Descent of Man and Selection in Relation to Sex*: Modern Library.
4. Spencer H (1874) *The Principles of Biology*: Appleton.
5. Golembiewski J (2012) Salutogenic design: The neural basis for health promoting environments. *World Health Design Scientific Review* 5: 62-68.
6. McGilchrist I (2010) Reciprocal organization of the cerebral hemispheres. *Dialogues in clinical neuroscience* 12: 503-515.
7. McGilchrist I (2011) *The Divided Brain*. Journal 2011.
8. Le Hunte B (2001) *The Seduction of Silence*. HarperCollins, Sydney, San Francisco.
9. Burgess N (2002) The hippocampus, space and viewpoints in episodic memory. *The Quarterly Journal of Experimental Psychology* 55A: 1057-1080.
10. Orwell G (1948) *Animal Farm*. Penguin Harmondsworth, UK.
11. Baron-Cohen S, Leslie A, Frith U (1985) Does the autistic child have a 'theory of mind'? *Cognition* 21: 37-46.
12. Brown D (2006) *The Da Vinci Code*: DC Books.
13. Lucas DW (1968) *Poetics*. Oxford University Press, Oxford, New York.
14. Kant I (1952) *The critique of judgement*. Oxford: Clarendon Press.
15. Willett J (1964) *Brecht on Theatre*. New York: Hill & Wang.

16. Sass L, Parnas J (2001) Phenomenology of Self-Disturbances in Schizophrenia: Some research findings and directions. *Philosophy, Psychiatry, & Psychology* 8: 347-356.
17. Kean C (2009) Silencing the Self: Schizophrenia as a Self-disturbance. *Schizophr Bull* 35: 1034-1036.
18. Anticevic A, van Snellenberg JX, Cohen RE, Repovs G, Dowd EC, et al. (2012) Amygdala recruitment in schizophrenia in response to aversive emotional material: a meta-analysis of neuroimaging studies. *Schizophr Bull* 38: 608-621.
19. Chadwick P (1993) The stepladder to the impossible: a first hand phenomenological account of a schizoaffective psychotic crisis. *J Ment Health* 2: 239-250.
20. Chadwick P (2007) Peer-professional first-person account: Schizophrenia from the inside; phenomenology and the integration of causes and meanings. *Schizophr Bull* 33: 166.
21. McEwan I (2005) Literature, science and human nature. In: Wilson E, Crews F, Gottschall J, Wilson DS, eds. *The literary animal: Evolution and the nature of narrative*. Northwestern University Press, Chicago.
22. Tolstoy L (1869 (2006tr)) *Война и миръ (War And Peace)*: Vintage.
23. Wilson E (2005) Forward to the Scientific Side. In: E. Wilson, F. Crews, Gottschall J, Wilson DS, eds. *The literary animal: Evolution and the nature of narrative*: Northwestern University Press.

Leopold Targler's Contribution to the Development of Fencing in Austria and Poland

*Dr hab. Prof. AWF Maciej Łuczak,
Poznan University of Physical Education,
Dr. Michael Wenusch, Vienna*

Abstract: Der österreichische Fechttrainer Leopold Targler leistete nach der Wiedererlangung der Unabhängigkeit Polens 1918 einen wichtigen Beitrag zur Entwicklung des sportlichen Niveaus der Fechter im damaligen Polen. Er lehrte die Fechtkunst nach der zu dieser Zeit sehr populären italienischen Methode und war auch in der Ausbildung der Fechttrainer aktiv. Er organisierte Turniere mit und nahm an Fechtvorführungen teil, die zu verschiedenen Gelegenheiten veranstaltet wurden. Damit machte er die Fechtkunst in vielen gesellschaftlichen Kreisen populär. Oft war er zur Freude von Sportlern und Zuschauern als Schiedsrichter tätig.

Die treibende Kraft hinter seinem Erfolg war zweifellos sein Engagement, das in den fechterischen Bewerben Erfolg brachte. Charakteristisch für ihn waren seine Verbindung mit dem Militär, die von dem italienischen Fechtmeister Luigi Barbasetti erhaltene fachliche Vorbereitung für das Training der Fechter und die Ausbildung an der österreichischen Fechtschule von Wiener Neustadt.

Auch seine Tochter Elisabeth Targler leistete einen maßgeblichen Beitrag zur Entwicklung des Frauenfechtsports in Österreich und nahm als erste diplomierte Fechtlehrerin in Wien eine Vorreiterrolle in einer bisher für Frauen noch völlig unentdeckten Domäne ein.

Keywords: Geschichte des Sports, Fechten, Biografie.

Das sportliche und außersportliche Leben von Athleten und Trainern ist permanent im Fokus der Massenmedien und deshalb von großem Interesse für die globale und lokale Gemeinschaft. Die Erfolge der Sportler und Ausbilder in Wettkämpfen werden mit dem betroffenen Land, der Region oder der Stadt in Zusammenhang gebracht und erweisen sich als wichtige Werbung für ihr Heimatland. Manchmal bringt man eine Region mit einer bestimmten Sportdisziplin in Verbindung¹, weil ihre Entwicklung von der Stadtverwaltung, und lokalen

Gebietskörperschaften gefördert wird. Die größten Einflüsse auf den Aufschwung einer bestimmten Sportart haben die Trainer, d.h. die Personen, die bei der Entwicklung der körperlichen und technisch-taktischen Anlagen der Sportler eine führende Rolle spielen. Hier sind jene technischen Fähigkeiten entscheidend, die der spezifischen Sportart entsprechen. Noch wichtiger ist die Persönlichkeit der Trainer, die ihre Schüler sowohl in körperlicher als auch in intellektuell-geistiger Hinsicht nachhaltig prägt.

Einer dieser Trainer war Leopold Targler, der sich um die Fechtkunst in Österreich und Polen verdient gemacht hat. Seine Schüler waren nach Erhalt ihrer Fechtmeisterdiplome sowohl vor als auch nach dem Zweiten Weltkrieg als Trainer aktiv.

Die Leistungen von Leopold Targler standen bisher wenig im Fokus von wissenschaftlichen Untersuchungen. Er wird zwar in mehreren polnischen und deutschen Studien und Monographien erwähnt, allerdings wird dort nur ein unvollständiges Bild dieses verdienstvollen Lehrers der Fechtkunst präsentiert. Unter anderem erschienen Artikel von Maciej Łuczak, die in der Zeitschrift *Chronik der Stadt Posen*² publiziert wurden, und die Kapitel in den Monographien zur Fechtkunst in Polen von 1918-1945. Als hilfreich erweist sich auch der Artikel von Ryszard Wryk, der in *Leibeserziehung und Sport – Akademischer Sportverband in Posen in den Jahren der Zweiten Republik Polen (1919-1939)*³ publiziert wurde. Erwähnenswert sind zudem die Kapitel in den Monographien von M. Łuczak – *Das Fechten in Großpolen bei den Olympischen Spielen*⁴ und *Aus der Geschichte des Sportfechtens mit dem Säbel in Großpolen in den Jahren 1919-1945*⁵ von Julian Jaroszewski und M. Łuczak. Monographien zu den genannten Themen, die Beachtung verdienen: *50 Jahre Bezirksfechtverband in Posen in den Jahren 1948-1998* von M. Łuczak⁶ und *Das Wirken des Akademischen Sportverbandes in Posen 1919-1969* von Seweryna Warsickiego⁷, *90 Jahre Akademischer Sportverband in Posen*⁸, *Abriss der Tätigkeit des Akademischen Sportverbandes in Posen 1919-1949*⁹, *Akademischer Sportverband 1908-1939* von R. Wryk.¹⁰ Sie enthalten eine Menge von wichtigen Informationen, mit denen man sich ein Bild der Trainer machen kann.

Ziel dieses Artikels ist es, das Schicksal des Wiener Fechtmeisters Leopold Targler, eines Mitbegründers des Erfolgs der österreichischen und polnischen (bzw. Posener) Fechtkunst einem breiteren Publikum näher zu bringen und die wichtigsten Erfolge seiner Schüler zu präsentieren und zu analysieren.

Grundlage dieser Arbeit sind die Unterlagen und Archivalien, die in diversen Zentral-, Gebiets- und Unternehmensarchiven aufbewahrt werden. Dazu gehören private Chroniken, Ausschnitte aus Zeitungen, Zeitschriften, veröffentlichten und nicht veröffentlichten Studien.

In der Folge wird ein Porträt des Fechtmeisters Leopold Targler präsentiert, der in der Zwischenkriegszeit den Umgang mit der Blankwaffe in Posen lehrte, dessen Trainingsmethoden, Fachkenntnisse und Intuition die Sportler auf ein sehr hohes fechterisches Niveau brachten und es erlaubten, Trainernachwuchs auszubilden.

Leopold Targler wurde am 15. November 1865 in Gattendorf im heutigen Burgenland geboren.¹¹ Er war neben Gottlieb Ryschánek und Martin Werdnik einer derjenigen österreichischen Fechtmeister, die sich besondere Verdienste um die Verbreitung der italienischen Fechtschule in Wien in der Nachfolge von Luigi Barbasetti erworben hatten. Er war von Barbasetti selbst in die italienische Schule eingeführt und in ihr vervollkommnet worden.¹² Sein Name ist untrennbar mit der Einführung der italienischen Fechtmethode in den Wiener Fechtvereinen „Fechtclub Friesen“ und „Wiener Cyclisten-Club“ (später „Wiener Sport-Club“) verbunden.¹³

Leopold Targler besuchte 1889/90 den „Normalkurs“ für Unteroffiziere im Militär-Fecht- und Turnlehrer-Curs in Wiener Neustadt,¹⁴ in dieser Zeit nahm er als Feldwebel-Lehrgehilfe in der Gruppe der Lehrgehilfen (Unteroffiziere) am Armeefechturnier teil.¹⁵ Nach erfolgreicher Beendigung des Wiener Neustädter Kurses fungierte Targler als Assistent von Martin Werdnik im „Fechtclub Haudegen“.¹⁶ Seit Dezember 1900 war er als Fechtmeister beim „Wiener Cyclisten-Club“¹⁷ Nachfolger des erkrankten Alois Gastinger, der dort schon die italienische Fechtschule eingeführt hatte.¹⁸ Targler gelang es, das Interesse für den Fechtsport im WCC neu zu wecken,¹⁹ am 19. Februar 1901 fand ein erstes öffentliches „Schulfechten“ der WCC-Fechtsektion anlässlich des 18jährigen Gründungsjubiläums des Vereins statt.²⁰ Das erste öffentliche Auftreten der WCC-Fechter - die bisherigen Fechtvorführungen waren bloß intern gewesen - fand anlässlich des 20. Gründungsfestes des „Wiener Cyclisten-Clubs“ am 20. Februar 1903 in „Gschwandners Etablissement“, Hernalser Hauptstraße 41, statt.²¹

Seit Ende 1902 war Targler auch Fechtmeister des Wiener „Fechtclubs Friesen“, wobei er in diesen Verein vom damaligen „Friesen“-Mitglied und später bekannten Amateurfechter Josef Mühlberger eingeführt worden war.²² Im Dezember

1912 wurde Leopold Targler für sein zehnjähriges Jubiläum als Fechtmeister im „Fechtclub Friesen“ durch ein internes Festessen geehrt, bei dem ihm der Club „zum Gedenken an diese Jubelfeier“ einen schön gearbeiteten Ehrensäbel überreichte.²³

Im Januar 1904 übernahm Targler zusätzlich auch noch den Fechtunterricht der neugegründeten Fechtriede des Wiener Ruderclubs „Lia“.²⁴

Nach Ausbruch des Ersten Weltkriegs veranstaltete Fechtmeister Targler am 20. Februar 1915 eine Wohltätigkeits-Fechtakademie zugunsten von Kriegsoptionen in „Hopfners Parkhotel“ in Hietzing, deren Reinertragnis dem „Witwen- und Waisenfonds für die gesamte bewaffnete Macht“ zufließen sollte. Die spärlich besuchte Veranstaltung, die ein Reinertragnis von 500 Kronen lieferte, stand unter dem Protektorat des Generals der Infanterie Freiherrn von Schönaich.²⁵

Dem Vorstand der 1904 nach dem Vorbild der französischen „Académie d'armes“ und der italienischen „Academia nazionale di scherma“ gegründeten „Akademie der Fechtkunst in Wien“ (AdFk)²⁶ gehörte Targler zunächst als Beisitzer an,²⁷ ab Januar 1910 war er Vizepräsident der AdFk.²⁸ Nachdem sich der Präsident der AdFk, Martin Werdnik, im Juni 1915 im Alter von 50 Jahren freiwillig an die italienische Front gemeldet hatte,²⁹ wurde an dessen Stelle im März 1916 Leopold Targler zum Präsidenten der AdFk gewählt.³⁰ Targler behielt diese Funktion bis zur Hauptversammlung der AdFk im Februar 1919, auf der Werdnik zum Präsidenten wiedergewählt wurde.³¹

Nach dem Ersten Weltkrieg baute Leopold Targler als Fechtmeister eine neue Mannschaft des „Wiener Sportclubs“, des früheren „Wiener Cyclisten-Clubs“ auf,³² dessen Fechtsektion spätestens im Winter 1919/20 ihren Betrieb wieder aufnahm.³³ Bald darauf ging Targler als Fechtlehrer nach Polen,³⁴ wo er in Posen aktiv war. Wahrscheinlich war die Auflösung des „Fechtclubs Friesen“ 1923/24 eine direkte Folge des Weggangs Targlers nach Polen, weil dieser Verein dadurch seinen langjährigen Fechtmeister verlor.³⁵

Am 27. Mai 1922 nahm Targler an einer in Lemberg stattfindenden Fechtakademie teil, die die Gründung des Polnischen Fechterbundes einleitete. Die dort anwesenden Trainer Hauptmann Leon Berski und Oberleutnant Kazimierz Laskowski von der Posener Zentralen Militärschule für Gymnastik und Sport waren von seinen pädagogischen Fähigkeiten begeistert und unterbreiteten ihm den Vorschlag, in Posen zu arbeiten³⁶. Ab Juli 1922 arbeitete Leopold Targler schon in der Zentralen Militärschule für Gymnastik und Sport in Posen als Fechkursleiter³⁷.

Bald darauf lehrte er die Fechtkunst in allen drei Waffentypen (Florett, Säbel und Degen). Den Unterricht führte er in Spezialfechtkursen und in Sportkursen für Offiziere durch. Zunächst lehrte er nach der französischen Methode³⁸, nach der schon seine Vorgänger Louis Raul Pouzerque³⁹ und Oberstleutnant Friedrich Golling⁴⁰ unterrichtet hatten. In den nächsten Kursen Targlers wurde die italienische Methode angewandt, aus der später die österreichische Schule hervorgegangen ist⁴¹.

1923 begann er im Posener AZS⁴² in jährlichen Sportkursen in Posen⁴³ (seit 1922 bis 1922/1923)⁴⁴ und im Institut für Sportunterricht an der Universität Posen (1924)⁴⁵ die Fechtkunst mit Florett und Säbel zu unterrichten. Wahrscheinlich arbeitete er auch kurz im Lemberger Fechtclub⁴⁶.

Als sich Anfang der 20er Jahre des 20. Jahrhunderts in Polen die italienische Fechtmethode⁴⁷ durchsetzte, äußerte sich Targler zu diesem Thema: *Technika poruszania i władania bronią musi być doskonała nim pozwoli się uczniowi, aby swą zdolność szermierczą wypróbował z przeciwnikiem. Niewyćwiczony traci na postawie i walce i tym więcej trzeba pracy, by go tego oduczyć. Zasada jest, by trudności dające się podzielić, dzielić i pokonywać osobno. Die Technik der Bewegung und des Umgehens mit den Waffen muss perfekt sein, bevor dem Schüler erlaubt wird, seine fechterischen Fähigkeiten an einem Gegner auszuprobieren. Wenn der Schüler nicht ausgebildet wird, verliert er Haltung und Kampffähigkeit, und wir brauchen dann um so mehr Arbeit, es ihm wieder abzugewöhnen. Die Regel ist, dass wir Probleme, sofern sie getrennt werden können, trennen und separat in den Griff bekommen müssen⁴⁸.*

Nach dem Militärfechtturnier von 1924 schrieb er: *Mam nadzieję, że najnowsza metoda szermiercza, którą do Polski przeszczepiłem i która zwyciężyła na turnieju szermierczym, przyjmie się na tym gruncie i zapanuje głębokie korzenie. Ich hoffe, dass die neueste Fechtmethode, die ich in Polen eingeführt habe und mit der das Fechtturnier gewonnen wurde, sich in Polen einspielen wird und hier Fuß fasst⁴⁹.* Die Methode von Leopold Targler wurde auch von Leopold Sedlaczek, einem Absolventen der Wiener Neustädter Schule, mitentwickelt. Ein wesentliches Merkmal dieser Methode war die *Genauigkeit*⁵⁰.

Targler trug auch durch die Organisation von Fechtvorführungen in Posen und anderen polnischen Städten (z.B. in Warschau an der Pionier-Kadettenschule)⁵¹ wesentlich zur Popularisierung des Sportfechtens bei. Bei Fechtturnieren war er als

Schiedsrichter tätig und fungierte auch als Vorsitzender des Schiedsrichterausschusses. Zudem half er bei der Ausarbeitung von Turnierregeln⁵² und veröffentlichte in Wochenzeitungen Berichte über Fechtakademien und Fechtturniere.

Ferner war Targler der Autor von *Das Fechten mit der Stoß- und Hiebwaaffe in sportlicher und moderner Auffassung*.⁵³ Nach diesem Buch erstellten seine Schüler Ignacy Hoffa und Jerzy Kurpisz ein Skriptum für die Hörer der Offiziersschule für Technik in Warschau.⁵⁴

Leopold Targler blieb bis zum 30. August 1925⁵⁵ in Posen (an diesem Tag verließ er die Zentrale Militärschule für Gymnastik und Sport) und kehrte sodann wieder nach Wien zurück.⁵⁶

Er bildete viele Fechtmeister aus: Kazimierz Laskowski, Leon Koza-Kozarski, Jan Pieczyński, Stanisław Zagacki, Ignacy Hoffa, Leszek Lubicz-Nycz, Jerzy Buczak, Władysław Kurpiewski, Antoni Taranda, Stanisław Dąbrowski i Michalak.

Nach dem Weggang Targlers aus Posen, lehrten seine Schüler Kazimierz Laskowski, Leon Koza-Kozarski, Jan Pieczyński, Stanisław Zagacki die Fechtkunst in Klubs und CWSGiS⁵⁷ nach der italienischen und der Wiener Neustädter Methode.

Über eine Tätigkeit Targlers als Fechtlehrer nach seiner Rückkehr nach Wien ist nichts bekannt.

Sechs Jahre später wurden seine Lehrmethoden (deren Schwerpunkt darauf ausgerichtet war, die Technik schematisch zu perfektionieren) von einem unbekanntem Autor eines Artikels in *Przegląd Sportowy* 1931 kritisiert: *Er machte sie* (die Sportler – Kommentar von M.Ł.) *zu schablonenhaften Maschinen*. Der Autor beklagte sich, dass die Fechtkämpfe der Offiziere *langweilig und eintönig*⁵⁸ gewesen seien. Trotzdem ist Targlers Beitrag zur Entwicklung der Fechtkunst in Posen und Polen unbestritten.

Am 1. September 1939 wurde Leopold Targler Mitglied der NSDAP, außerdem gehörte er der NS-Kriegsopferversorgung an.⁵⁹ Er starb am 20. Februar 1945 im damals zu Wien gehörenden Maria Enzersdorf.⁶⁰

Elisabeth (Elsa) Targler

In weiterer Folge soll auch Elisabeth (Elsa) Targler, eine Tochter Leopold Targlers, nicht unerwähnt bleiben, die eine Vorreiterin des Frauenfechtensports in Wien und Österreich war.⁶¹ Elisabeth Targler wurde am 7. Februar 1893 in Pressburg

(Bratislava) geboren.⁶² Sie erwarb als erste österreichische Fechtlehrerin das Diplom der „Akademie der Fechtkunst“ und führte „eine neue Ära weiblichen Fechtunterrichts“ ein.⁶³

Am 28. November 1902 stellte Leopold Targler seine beiden Töchter Elisabeth und Stephanie, zehn bzw. acht Jahre alt, im „Wiener Cyclisten-Club“, wo er als Fechtmeister tätig war, erstmals Zuschauern als damals jüngste Fechterinnen Wiens vor, die in Lektionen mit ihrem Vater große Geschicklichkeit bewiesen.⁶⁴ Weitere Schaulektionen vor Publikum folgten am 23. Februar 1903 in „Gschwandners Etablissement“⁶⁵ und am 27. April 1907 im großen Saal des „Hietzinger Hofes“.⁶⁶ Die Targler-Schwestern traten auch beim wahrscheinlich ersten Fechtturnier für Frauen in Österreich-Ungarn an, dem Damenflorettturnier in Pressburg (Bratislava) vom 12. Februar 1909, auf dem sie unter elf Teilnehmerinnen den zweiten und dritten Platz erringen konnten.⁶⁷ Die am 18. Oktober 1894 in Pressburg (Bratislava) geborene Steffi Targler⁶⁸ erreichte dann noch beim Damenfechten des „Residenz-Fechtclubs“ am 28. April 1910 unter acht Teilnehmerinnen den dritten Platz,⁶⁹ danach ist von einer weiteren fechterischen Betätigung ihrerseits nichts bekannt. Sie heiratete einen Hans Dekner⁷⁰ und lebte im Februar 1945 als Schauspielerin Stefanie Dekner in Aussig an der Elbe (Ústí nad Labem).⁷¹ Am 19. Februar 1975 starb sie geschieden und kinderlos in Wien.⁷²

Am 5. September 1910 legte Elsa Targler gemeinsam mit den beiden Münchnerinnen Josefine Aman und Frida Köhler vor einer Prüfungskommission der „Akademie der Fechtkunst“ in Wien die Fechtmeisterprüfung ab. „Alle drei Damen wurden auf Grund der vollständig zufriedenstellenden Prüfungsleistungen für befähigt erkannt, Fechtunterricht im Florett zu erteilen.“⁷³ Danach machte sich Elsa Targler als „erste diplomierte Fechtlehrerin, die ihre Prüfung bei der Akademie der Fechtkunst ablegte“, selbständig, was allgemein als positiv für den weiblichen Fechtsport begrüßt wurde.⁷⁴ Im Februar 1911 eröffnete Elsa Targler Fechtkurse für Damen im Lokal des „Wiener Akademischen Sportvereins“ (WASV) in Wien 8., Lerchenfelder Straße 46. Übungszeiten waren täglich außer Donnerstag von 10 bis 13 Uhr.⁷⁵ Elsa Targler war auch Trainerin der seit Januar 1911 bestehenden Damenfechttruppe des WASV.⁷⁶ Ende 1912 wurde sie Assistentin von Luigi della Santa im „Wiener Fechtclub“, und nahm als einzige Frau an der Internationalen Fechtakademie des „Wiener Fechtclubs“ am 13. Dezember 1912 im „Hotel Continental“ teil.⁷⁷ Ab Herbst 1913 leitete Elsa Targler nach dem Tod des Gründers

und Leiters dieser Fechtschule kurzzeitig einen Damenfechtkurs in der Fechtschule Micsiesco in Wien 1., Heßgasse 7, einer der ältesten Fechtschulen Wiens.⁷⁸

Nach dem Ersten Weltkrieg war Elsa Targler vorübergehend als Assistentin von Oberstleutnant Groh Fechtlehrerin beim „Wiener Sport-Club“.⁷⁹ Leider ist nicht bekannt, ob Elsa Targler nach 1923 weiter als Fechttrainerin arbeitete.

Ab 1916 war Elisabeth Targler mit einer zweijährigen Unterbrechung in verschiedenen Dienststellen im Polizeidienst tätig, spätestens seit den 1930er Jahren als Polizeisekretärin im Fahndungsdienst der Kriminalpolizei bzw. im Redaktionsbüro des Fahndungsblattes. Während der Zeit des Parteiverbots der NSDAP in Österreich (ab 19. Juni 1933) unterstützte sie die Angehörigen inhaftierter Nationalsozialisten durch Geld- und Sachspenden. Im Januar oder Februar 1938 trat sie schließlich der NSDAP bei und wurde in einem Schreiben der Gauleitung der NSDAP vom 21. April 1939 als „alter Kämpfer“ anerkannt. In einer politischen Beurteilung des Gaupersonalamtes der NSDAP an die Staatliche Kriminalpolizeistelle vom 2. November 1940 wurde hervorgehoben, dass Elisabeth Targler „sich in der Verbotszeit stets für die Bewegung eingesetzt“ habe.⁸⁰ Am 21. April 1947 wurde sie vom Volksgericht zu neun Monaten schweren Kerkers verurteilt, weil sie bei der Registrierung ehemaliger NSDAP-Mitglieder mehrere Tatsachen unrichtig dargestellt hatte.⁸¹

Elisabeth Targler starb unverheiratet am 24. August 1959 in Wien-Hernals.⁸²

Conclusions

Zusammenfassend kann man feststellen, dass Leopold Targler nach der Wiedererlangung der Unabhängigkeit Polens 1918, einen wichtigen Beitrag zur Entwicklung des sportlichen Niveaus der Fechter im damaligen Polen geleistet hat. Er lehrte die Fechtkunst nach der zu dieser Zeit sehr populären italienischen Methode und war auch in der Ausbildung der Fechttrainer aktiv. Er organisierte Turniere mit und nahm an Fechtvorführungen teil, die zu verschiedenen Gelegenheiten veranstaltet wurden. Damit machte er die Fechtkunst in vielen gesellschaftlichen Kreisen populär. Oft war er zur Freude von Sportlern und Zuschauern als Schiedsrichter tätig.

Die treibende Kraft hinter seinem Erfolg war zweifellos sein Engagement, das in den fechterischen Bewerben Erfolg brachte. Charakteristisch für ihn waren seine Verbindung mit dem Militär, die von dem italienischen Fechtmeister Luigi Barbasetti

erhaltene fachliche Vorbereitung für das Training der Fechter und die Ausbildung an der österreichischen Schule von Wiener Neustadt. Leopold Targler zeichnete ein hohes Maß an pädagogischen Fähigkeiten, Grundkenntnissen in der Lehre und technisch-taktischen Kenntnissen aus, seine Persönlichkeit war von Konsequenz und Entschlossenheit geprägt. Dies führte zu den Erfolgen der von ihm trainierten Sportler, die dann immer sehr gute Ergebnisse auf nationaler Ebene erreichten.

References:

1. S. FUNDOWICZ, *Prawo sportowe (Das Sportrecht)*, Warszawa 2013, p. 15.
2. M. ŁUCZAK, „Tradycje szermierki w Poznaniu“ („Die Tradition des Fechtens in Posen“), *Kronika miasta Poznania (Chronik der Stadt Posen)* (2010)1, pp. 395-407.
3. R. WRYK, „Akademicki Związek Sportowy w Poznaniu w latach Drugiej Rzeczypospolitej (1919-1939)“ („Akademischer Sportverband in Posen in den Jahren der Zweiten Republik Polen (1919-1939)“), in: *Wychowanie Fizyczne i Sport (Leibeserziehung und Sport)* (1997)3.
4. M. ŁUCZAK, „Wielkopolska szermierka na igrzyskach olimpijskich“ („Das Fechten in Großpolen bei den Olympischen Spielen“), in: J. KWIECIŃSKI/M.TOMCZAK (bearb.), *Wybrane zagadnienia kultury fizycznej – aktualny stan badań (Ausgewählte Fragen der Körperkultur – der aktuelle Stand der Forschung)*, Konin 2012, pp. 211-228.
5. J. JAROSZEWSKI/M. ŁUCZAK, „Z dziejów szermierki sportowej na szable w Wielkopolsce w latach 1919-1945“ („Aus der Geschichte des Sportfechtens mit dem Säbel in Großpolen Region in den Jahren 1919-1945“), in: M. ZOWIŚŁO/J. KOSIEWICZ (bearb.), *Sport i turystyka w zwierciadle wartości społecznych (Sport und Tourismus im Spiegel der gesellschaftlichen Werte)*, Publikationsreihe: Monographien Nr. 28, Bronisław Czech Akademie für Körpererziehung, Kraków 2015, pp. 189-199.
6. M. ŁUCZAK, *50 lat działalności Poznańskiego Okręgowego Związku Szermierczego 1948-1998 (50 Jahre Bezirksfechtverband in Posen in den Jahren 1948-1998)*, Poznań 1998, p. 116.
7. S. WARSICKI, *Działalność Akademickiego Związku Sportowego w Poznaniu 1919-1969 (Die Tätigkeit des Akademischen Sportverbandes in Posen 1919-1969)*, Poznań 1969.

8. R. WRYK, *90 lat Akademickiego Związku Sportowego w Poznaniu (90 Jahre Akademischer Sportverband in Posen)*, Poznań 2009, pp. 96, 151-163.
9. R. WRYK, *Zarys działalności Akademickiego Związku Sportowego w Poznaniu 1919-1949 (Abriss der Tätigkeit des Akademischen Sportverbandes in Posen 1919-1949)*, Poznań 2007.
10. R. WRYK, *Akademicki Związek Sportowy 1908-1939 (Akademischer Sportverband 1908-1939)*, Poznań 1990.
11. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Döbling, Verlassenschaftsakten A4/1: 1A 171/45.
12. *Mitteilungen des Wiener Cyclisten-Club* (June 6, 1902), p. 58.
13. M. WENUSCH, *Geschichte des Wiener Fechtsports im 19. und 20. Jahrhundert. Gedruckte Diss*, Wien 1996, p. 99.
14. Vgl. A. Martincic, *Die Bedeutung der Wiener Neustädter Schule für den europäischen Fechtsport*, Graz 1980, p. 8.
15. *Allgemeine Sport-Zeitung* (in der Folge zitiert als: ASZ) (May 22, 1898), p. 563.
16. Vgl. ASZ (May 26, 1901), p. 565.
17. *Mitteilungen des Wiener Cyclisten-Club* (December 7, 1900), p. 120.
18. ASZ (May 26, 1901), p. 565.
19. Ibid.
20. *Mitteilungen des Wiener Cyclisten-Club* (February 1, 1901), p. 11.
21. *Mitteilungen des Wiener Cyclisten-Club* (February 27, 1903), p. 21f.
22. ASZ (December 15, 1912), p. 1716.
23. Ibid.
24. ASZ (January 31, 1904), p. 118.
25. ASZ (March 7, 1915), p. 138.
26. H.K. OLDOPREDI, „Ein halbes Jahrhundert Fechtsport in Oesterreich“, in: *Der Fechtsport. Festschrift des Österreichischen Fechtverbandes aus Anlass der Europa-Meisterschaften 1931*, Wien 1931, p. 10.
27. ASZ (November 20, 1904), p. 1455.
28. ASZ (January 23, 1910), p. 79.
29. Österreichisches Staatsarchiv: Kriegsarchiv, Qualifikationslisten, MK Sr. M. 1918: 13-3/1881 (Werdnik Martin).
30. ASZ (March 5, 1916), p. 135.
31. ASZ (February 23, 1919), p. 167.

32. *Jubiläumsausgabe zum 100-jährigen Bestehen der Fechtsektion des Wiener Sport-Clubs*, Wien 1983, p. 8f.
33. Vgl. *Illustriertes Sportblatt* (March 20, 1920), p. 9.
34. *Vierzig Jahre Wiener Sport-Club 1883-1923*, Wien 1923, p. 16.
35. WENUSCH, *Geschichte des Wiener Fechtsports*, p. 162.
36. *Wojskowy Rocznik Sportowy (Militär Sport-Jahrbuch)* (1923), p. 71; „Szermierka“ („Fechten“), *Tygodnik Sportowy (Sportwochenblatt)* (1922)57, p. 10. Während der Akademie lieferte Leopold Targler sich Vorführkämpfe gegen Włodzimierz Mańkowski und Eugeniusz Linnemann. In diesen Vorführkämpfen zeigte Targler „ein großes Temperament und sehr gute Technik“; „Akademia jubileuszowa Klubu Szermierzy we Lwowie“ („Jubiläumsakademie des Lemberger Fechtvereins“), *Sport* (1922)13, p. 222.
37. A. PAWEŁEK, *Centralna Szkoła Wojskowa Gimnastyki i Sportów w Poznaniu 1921-1929 (Militär-Zentralschule des Turnen und Sportes in Posen 1921-1929)*, Poznań 1929, p.10.
38. R. IONESCU-PETROVICI/P. SLAVESCU/T. STAMA, *Scrima de la A la Z*, Bucuresti 1984, p. 65. Die Florettschulung erfolgte nach der französischen Methode, die darin bestand, dass nach dem Einnehmen der Fechtstellung der Körper geneigt werden musste und die Paraden wurden eng und dicht am Körper genommen. Die Waffe wurde mit den Fingern geführt. Angriffe wurden mit aufrechten Schultern ausgeführt. Franzosen, die die Harmonie und die Eleganz der Fechtbewegungen bevorzugten, nannten das Fechten „eine Kunst“. Italiener gaben dem Fechten eher den Rang von „Fähigkeiten“. Der Fortschritt der Weltfechtkunst ist eher der französischen Schule des Fechtens zu verdanken.
39. PAWEŁEK, *Centralna Szkoła Wojskowa*, p. 30. Louis Raul Pouzerque, der erste Fechttrainer in der Militär Zentralschule des Turnens und Sportes in Posen lehrte Florett und Säbel nach der französischen Methode 1921-1922.
40. *Ibid*, p. 30.
41. Die österreichische Methode ist durch Präzision und gesteigerte Schwierigkeit gekennzeichnet. Die Handbewegungen sind umfangreich und werden mit dem Ellbogen durchgeführt. Prim-Second-Quint- Paraden sind die Hauptparaden, Terz und Quart die Hilfsparaden. Anfangs lehrte er Florettfechten (5 Monate lang) und dann Säbelfechten.

42. WARSICKI, *Działalność Akademickiego Związku Sportowego*, p. 36-37. *Akademik (Studentenwohnheim)* (1923)17-18, p. 199. Targler führte Florett- und Säbelkurse für Männer und Frauen im Akademischen Sportverband durch; WRZYK, *Zarys działalności Akademickiego Związku Sportowego*, pp. 33, 146.
43. „Ze Studium Wychowania Fizycznego Uniwersytetu Poznańskiego“ („Aus der Abteilung für Körpererziehung an der Universität Posen“), *Wychowanie Fizyczne (Körpererziehung)* (1923)4-5, p.113-114. Der zweite einjährige staatliche Körpererziehungskurs fand vom 5.10.1922 bis zum 30.07.1923 statt.
44. Z. ZAGÓROWSKI (bearb.), *Spis nauczycieli szkół wyższych, średnich, zawodowych, seminariów nauczycielskich oraz wykaz zakładów naukowych oraz władz szkolnych (Die Zusammenstellung von den Hochschulen- Sekundar-, Lehrerseminare-, Berufslehrern und die Zusammenstellung der Bildungsanstalten und Schulbehörden)* Lwów/Warszawa 1924, p. 116.
45. „Ze Studium Wychowania Fizycznego Uniwersytetu Poznańskiego“ („Aus der Abteilung für Körpererziehung an der Universität Posen“, *Wychowanie fizyczne (Körpererziehung)* (1923)5, p. 60.
46. W. SOBOLEWSKI, „Rumunia bije Polskę w szermierce“ („Rumänien schlägt Polen im Fechten“), *Stadjon* (1927)23, p. 13. Sobolewski erwähnt ihn neben u.a. Jan Pieczynski.
47. L. TARGLER, „Echa turnieju szermierczego“ („Fechtturniersechos“), *Stadjon* (1924)4, p. 8.
48. *Kurier Poznański (Posener Kurier)* (June 4, 1925)204, p. 8.
49. TARGLER, „Echa turnieju szermierczego“, p. 8.
50. PAWEŁEK, *Centralna Szkoła Wojskowa*, pp. 84-85.
51. „Akademia Szermiercza w Szkole Podchorążych“, („Fechtakademie in der Fähnrichschule“), *Polska Zbrojna (Bewaffnetes Polen)* (1923)343, p. 5. Während der Akademie gab Targler Gruppen- und Einzellektionen in Säbel, Degen und Florett. Targler kämpfte u.a. mit L. Berski im Florett und mit S. Zagacki im Säbel.
52. TARGLER, „Echa turnieju szermierczego“, p. 8.
53. L. TARGLER, *Das Fechten mit der Stoß- und Hiebwaaffe in sportlicher und moderner Auffassung*, Wien 1913.
54. Militär Zentralarchiv in Rembertów, Signatur: Instruktion 4905. J. KORPISZ/I. HOFF (bearb.), *Szermierka na florety i szable (Das Fechten mit der Florett- und Säbelwaaffe)*, Warszawa 1927/1928.

55. WENUSCH, *Geschichte des Wiener Fechtsports*, p. 39.
56. Vgl. *75 Jahre Akademie der Fechtkunst Österreichs*, Wien 1979, o. S.
57. Z. CZAJKOWSKI, *Teoria i metodyka współczesnej szermierki (Theorie und Methodik des modernen Fechtens)*, Warszawa 1968, p. 90.
58. „Najlepsze klingi polskie w mundurach“ („Die besten Klingen in polnischen Uniformen“), *Przegląd Sportowy (Sportschau)* (February 21, 1931)13, p. 3.
59. Wiener Stadt- und Landesarchiv, NSDAP Wien, Gauakten: K1 – Kartei zu den Gauakten: Targler Leopold.
60. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Döbling, Verlassenschaftsakten A4/1: 1A 171/45.
61. vgl. WENUSCH, *Geschichte des Wiener Fechtsports*, p. 310.
62. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Hernals, Verlassenschaftsakten A4/3: 3A 860/59.
63. ASZ (January 1, 1916), p. 11
64. ASZ (December 7, 1902), p. 1491; neben Elisabeth und Stephanie (Steffi) hatte Leopold Targler noch die 1904 geborene Tochter Anna, die 1945 als Oberstleutnantwitwe Anna Böt(t)icher aufscheint (vgl. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Döbling, Verlassenschaftsakten A4/1: 1A 171/45). Im Februar 1975 lebte sie als Anna Gutmann in Wien (vgl. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Innere Stadt, Verlassenschaftsakten A4/2: 2A 208/75).
65. *Mitteilungen des Wiener Cyclisten-Club* (February 27, 1903), p. 21f.
66. ASZ (May 4, 1907), p. 480.
67. ASZ (February 21, 1909), p. 195.
68. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Innere Stadt, Verlassenschaftsakten A4/2: 2A 208/75.
69. ASZ (May 8, 1910), p. 535.
70. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Innere Stadt, Verlassenschaftsakten A4/2: 2A 208/75.
71. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Döbling, Verlassenschaftsakten A4/1: 1A 171/45, hier falsch als Stefanie Deckner.
72. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Innere Stadt, Verlassenschaftsakten A4/2: 2A 208/75.
73. ASZ (September 25, 1910), p. 1287. AZS (October 15, 1910), p. 1398.

74. ASZ (October 29, 1910), p. 1470.
75. ASZ (February 5, 1911), p. 140.
76. ASZ (January 15, 1911), p. 63.
77. ASZ (December 22, 1912), p. 1745.
78. ASZ (November 1, 1913), p. 1541.
79. *Jubiläumsausgabe*, p. 8f.
80. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Volksgericht: A1 – Vg Vr-Strafakten, 1197/49.
81. Ibid.
82. Wiener Stadt- und Landesarchiv, Bezirksgericht Hernals, Verlassenschaftsakten
A4/3: 3A 860/59.

The Portrait of Yasser Arafat in Focus the Palestinian-Israeli Conflict

***Abramov S.M., Vetoshkina T.A., Akulov S.A.,
Ural State Mining University, Russia***

Abstract: This work deals with the subjective, personal manifestations of Yasser Arafat. as one of the trends of Palestinian society's transition to an anti-system. At the same time, the article says that the Palestinian-Israeli conflict, in which the Palestinian world views its situation as incorrect, as a consequence of which it needs to be corrected, is permeated by many deep contradictions, and therefore is highly unstable. At the same time, the paper analyzes the reasons for the growing interest of Palestinian youth in the personality of ya. Arafat and her transition to sectarian-motivated terrorism.

Keywords: Palestinian-Israeli conflict, Palestinian extremism, anti-system, Jihad, terrorism, myth.

Осмысливая деятельность палестинских арабов в условиях палестино-израильского конфликта, в котором Израиль и Палестина противопоставляют себя друг другу и ставят перед собой несовместимые цели для осуществления своих замыслов и в котором мотивы раздоров далеко не уничтожены, неизбежно сталкиваемся с драматургическим (самоинсценированным) действием политических лидеров, с «искренностью» их намерений - если не разрешить проблему взаимоотношений израильтян и палестинцев, то по крайней мере снять опасное напряжение, чтобы не допустить перерастания региональной проблемы в глобальный кризис. И здесь, в частности, нельзя не учитывать деятельности харизматичного лидера и вождя палестинских арабов Я. Арафата, стремившегося одновременно проводить собственную политику, и внимательно учитывать все нюансы и интересы своих «креатур» на Ближнем Востоке, что мало способствовало урегулированию конфликта и его последствий по причине допущенных им катастрофических ошибок – отказ от переговоров и переход к вооруженной Интифаде, разыграв «... проверенную террористическую карту,

которая так часто выручала его за время длинной и извилистой карьеры дипломата-террориста» [6, с. 29].

Анализ, обобщение и детальное изложение деятельности Я. Арафата стали предметом специальных исследований отечественных и зарубежных историков-международников, в частности Е.М. Примакова, Г. Мирского, А. Эпштейна, А. Дершовица, М. Штереншиса. Бесспорно, важнейшие выводы содержатся в мемуарах политических деятелей и дипломатов (В. Брандт, Б. Клинтон, Бутрос Бутрос Гали), оценочная часть которых достаточно субъективна и находится в полной зависимости от политических и идеологических предпочтений, в которых анализ подменен оценочными суждениями.

«Новый» Я. Арафат, партийное прозвище которого было «Абу Амар», чей узнаваемый образ вышел за пределы национальных границ Палестины – это не столько биография яркого политического лидера, сколько попытка осмыслить и синтезировать пласт деструктивных палестино-израильских отношений через призму уникального сочетания личных качеств Я. Арафата – характера, интеллекта, организованности, Арафата, бесспорно обладавшего даром производить впечатление на людей и извлекать выгоду из политической конъюнктуры обстоятельств, в политической деятельности которого мистическим образом соединились судьба и случай. Как сказал бывший посол РФ в Израиле, А.Е. Бовин: «Это, конечно, очень умный человек, хитрый, коварный, жестокий, очень много может быть разных определений, когда все это соберете, это и будет Арафат. Человек идущий к цели...».

«Фокус» нашей концепции сосредоточен на свойствах личности Я. Арафата, психологических особенностях, обусловленных культурологическими особенностями среды, норм и отношений, а также эволюции его позиции и субъективном опыте привнесения в палестино-израильский конфликт помыслов и устремлений, которые отвечали соответствующим «запросам» большинства палестинских арабов, чье общественное воображение авансировало его многим из того, что было желанно, но нереально и недостижимо. Одновременно, переосмысливая деятельность Я. Арафата, мы формируем взгляды нового поколения молодежи, в массовом сознании которого непрерывно складываются представления об образах и идеалах эпохи с соответствующими ему атрибутами.

Прежде всего, нельзя не отметить, что Я. Арафат был проникнут осознанием своей особой личной миссии и верой в исключительную предназначенность, состоявшей, по его мнению, в том, что арабы Палестины, ставшие «палестинским народом» должны обрести свою государственность.

Рассматривая данный вопрос подробнее, следует отметить, что хартия ООП (от 28 мая 1964 г.) призывала к ликвидации Государства Израиль, возвращению палестинских беженцев на их родину и создание демократического единого государства на территории Палестины. Одновременно говорилось о праве палестинцев на возвращение на свои земли и самоопределение. Ни о какой палестинской государственности изначально в хартии ООП не упоминалось. И лишь с 1974 года ООП во главе с Я. Арафатом, опираясь на метод интерпретации смыслов палестино-израильского конфликта, выступает с призывами к созданию независимого государства на территории бывшей подмандатной Палестины, несмотря на то, что ни Египет, ни Иордания не были готовы к тому, чтобы отдать контролируемые ими части Палестины палестинцам, «вся надежда которых на возвращение и создание своего национального государства на протяжении многих лет базировалась именно на панарабской идеологии» [15, с. 191]. Однако, в конечном итоге, оказываемая помощь палестинским арабам в государственном строительстве оказывалась «троянской», то есть ложной формой помогающего поведения и служила прикрытием другой более важной цели – личной выгоды не только в текущем моменте, а прежде всего в истории. Так постепенно «личный вектор» Я. Арафата, стремление к достижению своих личных целей становился препятствием, помехой на пути к государствообразованию палестинских арабов.

Тем не менее, Я. Арафат, чья политическая линия постоянно изменялась, считал, что он сумеет добиться провозглашения независимости Палестинского государства вопреки исторической правде – мифе о «палестинском народе», активно внедряемом в международный дискурс, основу которого составляло сообщество людей, которые были «неизвестны сами себе» («вещью в себе») и в ходе арабо-израильского конфликта превратились в действительную общность – палестинских арабов. Как отмечает Г. Киссинджер: «Двусмысленная позиция Израиля по этой теме дает Арафату постоянный рычаг оказания давления. Коли государство создано, проблемой станет его сосуществование с Израилем – что становится, независимо от того, есть или нет интифады, вариан-

том, который ни одна из сторон не в состоянии избегать на постоянной основе» [8, с. 255].

Вескость намерений Я. Арафата, окруженного ореолом борца за свободу палестинского народа – революционера - миротворца, сумевшего эволюционировать до участника мирного переговорного процесса, проистекала из того факта, что в результате массированной и хорошо продуманной пропагандистской компании, он сумел перетянуть мировое общественное мнение на сторону палестинцев, а не израильтян, заставив «... мир сосредоточиться на страданиях палестинских детей и палестинского народа в целом» [9, с. 228]. Израиль задыхался от палестинского террора, а «мировое общественное мнение называло все происходящее «национально–освободительной войной палестинского народа» и «ответом на израильскую оккупацию» [9, с. 381]. Говоря о лидере ООП, его способности обратить ситуацию в свою пользу, Даниэль Гордис отмечает: «... в глазах мировой общественности он выглядел бойцом, изменившим свои взгляды и стремившимся к миру» [5, с. 383]. Более того, арабский мир был солидарен с палестинским, что обеспечивало ему дополнительную поддержку как борца «за права палестинского народа». Безусловно, палестинский мир рассматривал свое положение как неправильное, как следствие, нуждающееся в исправлении. Тем более, что палестино-израильский конфликт, пронизанный множеством противоречий, а потому отличавшийся большой нестабильностью, усиливал и преувеличивал реальные расхождения, делал неэффективными не контакты сторон, а их результаты, например, соглашение в Осло 1993 г, которое открывало путь к возможному урегулированию конфликта. Как отмечает Мирский Г.И.: «в Осло обе стороны начали процесс урегулирования с договоренности хотя и о важных, но все же не главных вещах. Расчет был на то, что в ходе переговоров по второстепенным вопросам будет расти взаимное доверие и станет развиваться инерция примирения. Этого не получилось; наоборот, каждая из сторон убедилась в том, что партнер по переговорам намерен ее обмануть. И как только дело дошло до решения кардинальных проблем, сразу выявились фундаментальные противоречия» [10, с.141-142] по всем ключевым вопросам конфликта.

Следует признать, что в ходе конфликта у палестинских арабов неизбежно возникает стремление создать свою искусственную «реальность» (как элемент антисистемы), в которой можно бесконечно сражаться с искаженными об-

разами врагов. При этом политическая реальность все больше мифологизируется, а социальные мифы, которые надежно камуфлировали подлинные, часто неосознаваемые мотивы, наполняются политическим содержанием. Как известно, мифы, которые становятся «второй реальностью» побуждают и направляют действия людей в «первой реальности», а когда человек принимает миф – его действия обретают смысл. Вместе с тем, миф превратился в мощную мотивирующую силу палестинских арабов. Мотивы политических действий в особенности никогда не обусловлены непосредственно внешними обстоятельствами, но почти всегда - своеобразным видением обстоятельств через призму целеориентаций, ценностей, актуализированных и эмоционально окрашенных ожиданий. Как отмечает Назаретян А.П.: «опасность появляется там, где есть растущие ожидания» [11, с. 30].

В истории палестино-израильского конфликта, начало которого «можно отчитывать от 29 ноября 1947 г., т.е. от даты не признанного арабами решения Генеральной Ассамблеи ООН о создании в Палестине двух государств – еврейского и арабского» [10, с. 139], в котором все основано на различных предпосылках того, что возможно и что желательно, многое можно понять, если знать особенности палестинского общества, которые, прежде всего, обращают на себя внимание:

1) скрепленность исламской религиозной верой и религиозной идентичностью, которая является закономерной с точки зрения исторического процесса и не представляет собой отклонения от нормального общественного развития. Политические лидеры, в том числе Я. Арафат, которые формально придерживались светской ориентации, понимали, что в политической борьбе побеждает тот, который объединит веру и светский аспект в сложной мозаике палестинского общества, его религиозного состава. Поэтому «в глазах палестинцев Арафат располагал более значимой и весомой политической легитимностью, чем любой другой руководитель арабского государства региона» [7, с. 159-160].

2) безысходность. Ни одна арабская страна не дает палестинским арабам гражданства, не готова их интегрировать в своем составе. Да и сами палестинцы, сделавшие насилие законом собственного поведения, не хотят интегрироваться за счет утраты своей самостоятельности и идентичности.

3) тоска по своей земле, что может служить объяснением повышенной палестинской конфликтогенности, но как известно, нет ничего доказывающего с

абсолютной точностью. Приходится признавать, что все земли, которые находятся в составе современного Израиля, куплены у предков палестинских арабов и со временем стали его проблемой с точки зрения национальной безопасности. «Мусульманские группы, такие как палестинцы, ..., утверждает Акбар Ахмед, все равно что «краснокожие, угнетенные группы, лишенные достоинства, загнанные в резервации, оторванные от унаследованных от предков земель» [13, с. 427 - 428]. Отметим также, что для определенной части палестинской молодежи именно Земля станет полем битвы, поэтому не случайно «Абдаллах Аззам в своих публикациях не устал напоминать, что сражаться в Палестине ... – индивидуальная обязанность каждого мусульманина, чья земля «захвачена врагом» [7, с. 157]. В связи с чем «борьба за восстановление контроля над палестинскими землями от израильского господства провозглашается долгом каждого мусульманина» [14, с. 159]. Вместе с тем, и для евреев вопрос Земли также имеет приоритетное значение. Они считают, что Бог отдал Землю Израиля еврейскому народу, поэтому любая уступка какой-либо пяди святой земли является ересью.

4) тесная связь с мифическим сознанием, рождающим новые химеры и появлением нерациональной картины Ближневосточного мира.

5) отсутствие конвенционально структурированной системы действий на фоне массового эмоционального энтузиазма, скатывающегося в плоскость национального экстремизма, факт которого приводил к тому, что палестино-израильский конфликт был результатом односторонних палестинских тактических действий, дававший дополнительный толчок к горячей фазе конфликта. В каждой ситуации с Израилем из возможных выбираются худшие варианты взаимодействия.

6) коллективная сосредоточенность на одном объекте – Израиле, как конкретной цели плана действий, что определяется воздействием общих значений и экспектаций.

Помимо этих бесспорных аргументов, существует и другое очевидное обстоятельство, а именно, антисемитизм и политический терроризм внутри Палестины. Полагаем, что палестинские арабы располагали средствами для этого. Факт остается фактом: палестинские арабы приняли идею радикального антисемитизма, не предполагающего конструктивных переговоров с Израилем, и политического террора, посредством осуществления которого многие пале-

стинцы питают коллективную иллюзию, поддерживаемую административными структурами палестинской автономии - в перспективе найти «окончательное решение» вопроса судьбы Израиля («сбросить в море») как узаконенного объекта джихада, являющегося обязанностью и индивидуальным долгом для всех мусульман. Клише «сбросить Израиль в море» выбран ими как стандарт поведения, установка к действию. В свою очередь, Я. Арафат с самого начала политической борьбы дал ясно понять, что «главная задача палестинской революции - избавиться от сионистского присутствия на нашей земле и освободить ее» [5, с. 310], что нашло отклик в сердцах миллионов палестинских арабов. В этом контексте было очевидно, что политическая революция палестинских арабов усиливалась идеей неизбежного возмездия, как исторической необходимости и справедливости. Поэтому никаких перспектив на немедленное урегулирование палестино-израильского конфликта не было и не будет, несмотря на попытки Израиля найти благоразумное решение проблемы, а именно, договариваться с палестинцами, вытягивать их на переговоры, в том числе в соответствии с принципом «включения третьего» - многостороннего взаимодействия, и не делать ничего, чтобы удерживать палестинцев силой, пока у палестинской стороны не будет потребности в них. Заставить палестинских арабов принять существование Израиля силой, шансов практически никаких нет, а значит альтернативы переговорам также мало. Поэтому потребность в переговорах можно рассматривать в качестве идеи, время которой пришло, ибо Израиль не выиграет, если будет избегать прямого диалога с палестинским миром. «Беда в том, что компромисс, без которого проблему не решить, предполагает взаимные уступки, но сейчас психологический климат в регионе таков, что любая уступка будет расценена одной стороной как чрезмерная, а другой – как недостаточная» [10, с. 145], - говорит историк Мирский Г.И. С другой стороны, надо понимать, что компромисса без уступок не бывает, тем более без учета взаимных интересов конфликтующих сторон.

Постоянное противоборство с Израилем, с чуждым по своему духу палестинским арабам политическим образованием – это черта, которая позволяет определить в первую очередь состояние палестино-израильского противостояния, как части большого арабо-израильского конфликта, продолжающего испытывать на прочность «ключевой вопрос ближневосточного урегулирования –

обеспечение права арабского народа Палестины на самоопределение и создание независимого государства» [14, с. 137].

В примате политического терроризма над дипломатией нет ничего оригинального за исключением того, что он преследует цель исправления (пересмотра) границ, пересмотра статуса и судьбы Иерусалима, решения проблем палестинских беженцев, остановки строительства еврейских поселений на оккупированных землях.

Жажда терроризма (от латинского *terror* – страх, ужас) выводит палестинских арабов из круга переговорного процесса как не способных к диалогу, а участие их в террористической войне сметает все выгоды внешнеполитического диалога сторон и придает смысл их самопожертвованию. Тем более, что незанятая и комплексующая молодежь, которая «после получения диплома в большинстве своем или пополняли армию безработных, или довольствовались поденной работой в Израиле» [7, с.159] в условиях конфликтных ограничений неизбежно становится питательной средой произрастания семян самых радикальных и националистических настроений и идей, пронизанных религиозной мотивацией.

Принятые новым, менее опытным поколением палестинских арабов идеалы и завораживающие образы из ближайшей прошлой истории палестино-израильского конфликта, в котором личностный фактор имеет особое значение, будоражат палестинский социум, вызывают в нем плотные синкретические и энтропийные контакты, которые придают идеалам часто обратный смысл.

Данный феномен можно объяснить тем, что образ из прошлого и настоящего палестино-израильского конфликта продолжает формироваться при опоре на религию и мифы (мифотворчество) при прямом участии палестинской элиты, которая использует прошлое для роста экстремизма. Именно сейчас среди палестинской молодежи, жаждущей перемен, растет интерес к палестино-израильскому конфликту за которым стоит фантомный образ Ясира Арафата, его феноменальное абсолютное политическое чутье, способность улавливать любые изменения в сознании палестинского общества, которое позволяло «историческому вождю палестинской революции десятилетиями проделывать немислимые зигзаги, маневрировать и лавировать между различными силами как внутри своего движения, так и в арабском мире, уходить от врагов – изра-

ильтян, сирийцев, иорданцев» [10, с. 145-146]. В этом и была невероятная сила Я. Арафата.

Безусловно, палестинской молодежи, выстраиваемой свою идентичность через фигуру Я. Арафата, предстоит отстаивать право на свой путь в истории и интегрироваться в современное мировое сообщество. Но это не значит, что она не находится под сильным впечатлением его собственной модели поведения, выразившейся в абсолютной власти над ситуацией, лексических изобретений, штампов и клише, адекватных строю мыслей и чувств палестинского народа – «Сегодня я пришел к вам с оливковой ветвью в одной руке и ружьем борца за свободу в другой. Не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки. Повторяю – не дайте оливковой ветви выпасть из моей руки» [5, с. 327]. Ускоряет работу сознания и «пластилиновой» психики палестинской молодежи и узнаваемый внешний облик и фирменный стиль, эффектный головной убор Арафата - куфия, который не только выделял его из череды политической элиты, но который, прежде всего, ассоциируется лично с ним и палестинской идеей, ставший неотъемлемой частью его успеха. Поэтому общее впечатление было гораздо глубже смысла самого внешнего облика Я. Арафата. Не менее важную роль играла удивительная «... способность Арафата вновь вставать на ноги и изменять ход событий – способность, доказанная двумя десятилетиями невзгод и испытаний...» [7, с. 164]. По стечению обстоятельств образ Я. Арафата оказал на идеологическое становление современной палестинской молодежи с ее максимальной и негативной эмоциональной реакцией на многолетний палестинско-израильский конфликт едва ли не самое решающее влияние. Ибо новому поколению, которое в силу своего бунтарства перестает быть мирным, важно ассоциировать себя с теми, кто заставлял играть мир по своим правилам. С этой точки зрения сопротивление и бунтарство палестинской молодежи видится не только объяснимым, но и неизбежным, особенно на фоне ее искушения насилием и «героизацией» терроризма. Следует заметить, что в ходе палестинско-израильского конфликта радикальный ислам не просто признавал насилие и терроризм, он его фетишизировал, провозглашал основным фактором борьбы с Израилем. В конечном итоге, фетишизация приобрела характер обязательного и ритуального действия, а терроризм выступил организующей силой войны за Землю, позволяющей общности палестинских арабов ощутить себя в качестве жертвенной армии справедливости. С другой стороны, радикальный ислам не

перестает работать на созревание «гроздьев гнева», постоянно возобновляя в каждом новом поколении палестинских арабов террористическую активность на основе модификации групп старых идей, которые самовозобновляются в новом историческом контексте.

Безусловно, лидера палестинских арабов она не знает, но для сознания молодежи постарафатовского периода его образ притягателен, насыщен динамикой борьбы. Все это дополнительно сопровождается переходом молодого поколения от ислама к псевдоисламу. Приходится констатировать, что подлинной истории ислама они также не знают, для них исламская вера, прежде всего, рамка, а не душа.

Как правило, после каждой интифады, в которых идеалистически настроенная молодежь (шебаб) и последующее «полупоколение» юношества с невнятными представлениями и смыслами об истории палестино-израильского конфликта играла едва ли не главную роль, происходило ограничение числа рабочих мест для палестинских арабов, которые находятся в Израиле, экономический рост которого нуждался в притоке палестинской рабочей силы. «Если в 1968 году в Израиле работали 5800 арабов Западного берега и сектора Газы, то в 1972 - уже 52400 человек (рост более чем в девять раз за четыре года), из которых большая часть были заняты в строительстве и сельском хозяйстве» [15, с. 104], - говорит А. Эпштейн.

Ограничения в рабочих местах для палестинских арабов на израильском рынке труда в очередной раз становилось дополнительным стимулом поддержания религиозного фанатизма и социальной ярости палестинской молодежи, который искусственно поддерживали и усиливали политические элиты в лице ООП, опираясь на широкое освещение в СМИ, а позднее - в Интернете, с развитием которого «террористическая деятельность все больше превращается в PR-проект...» [14, с. 21]. Терроризм, базирующийся на воинствующем исламистском видении мира и выступающий под лозунгами религии, находил отклик в масштабах всего националистически настроенного молодежного палестинского сообщества, целиком поглощал умы и сознание молодых бунтарей, являющихся привлекательным объектом для манипуляций. «Героизация» терроризма вызывала общественный резонанс, мощные народные симпатии, несмотря на враждебность к нему отдельных представителей религиозных слоев общества, стремившихся от него дистанцироваться. Необходимо отметить, что радикаль-

ная исламская пропаганда наращивалась для синергии – энергии противостояния, а приводила к энтропии – отсутствию развития палестинского общества.

Очевидно, что ряд негативных факторов обусловили вовлеченность молодого поколения Палестины, вдохновляемого политико-религиозной доктриной, в террористическую деятельность и его присоединение к так называемому «каравану джихада», ставшему идейным инструментом для радикальных и экстремистских исламских организаций. «Исламисты расценивают джихад как обязанность для всех мусульман, делая его индивидуальным, а не общественным долгом» [16]. Не участвовать в джихаде с того момента, как он стал «личной обязанностью», пояснял А. Аззам, такой же грех, как молиться и не поститься в месяц Рамадан. В Джихаде, переводимом как «усилие, усердие» выделяется несколько видов: «джихад сердца» (борьба со своими собственными недостатками), «джихад языка» (разрешение одобряемого и запрещение порицаемого), «джихад руки» (наказание преступников и правонарушителей), «джихад меча» (также газават, вооруженная борьба с неверными, в которой павшие мусульмане обретают вечное блаженство) [3, с. 50].

В числе факторов, обусловивших вовлеченность палестинской молодежи в террористическую деятельность, были: разочарование в результатах и итогах переговорного процесса, а не только накопленные обиды, унижения и страдания, повлекшие за собой выплеск агрессии, особенно, когда главный обидчик – Израиль не всегда доступен для атаки; нежелание молодежи зависеть от амбиций политической элиты; неясность и неопределенность будущего; мощная проповедь исламских религиозных деятелей, когда из Корана выхватываются два момента: Джихад руки – очищение земли пророка от иноверцев и цитирования аятов об уничтожении евреев; притягательность и сила идей исламского радикализма и определенная романтизация движения террористов.

Манипулирование смыслами палестино-израильского конфликта и апелляция к инстинктам и привычным историческим архетипам и химерическим идеям справедливости сделали идеи радикального ислама, стремившегося проникнуть в ментальность человека, пригодными для палестинской молодежи, ведущей борьбу с Израилем, которая по мере эскалации конфликта постепенно превращалась в самостоятельный политический субъект, жаждущий перемен на пространстве Ближнего Востока. В этом контексте было очевидно, что химе-

рические идеи всегда оказываются особенно привлекательными для тех, у кого уровень претензий, ожиданий и грубых упрощений заведомо превышает порог возможностей, который не адекватен реальности. И это обстоятельство оказалось решающим, усугубив раскол между Израилем и Палестиной, и это единственная непререкаемая реальность нашего времени.

Известный журналист - международник Александр Бовин, размышляя о терроризме говорит: «... следует иметь в виду, что с точки зрения исламского фундаментализма, территория, занимаемая Израилем, рассматривается как «земля войны», как земля, насильственно изъятая «неверными» из-под исламского законодательства, а потому подлежащая возврату посредством джихада» [2, с. 275]. Нельзя не отметить, что терроризм в контексте палестино-израильского конфликта выступает констатацией того, что органического взаимодействия между еврейским и палестинским народами не было: друг для друга они остаются «чужими».

Условие и смысл всякого террора, берущего на себя функцию защиты истинного ислама, заключается в том, что человек не состоит исключительно из здравого смысла и личного интереса, его природа такова, что он не считает свою жизнь достойной быть прожитой, если нет чего-то, за что он готов ее отдать. Как справедливо отмечает З. Бжезинский: «Террористам свойственно жить в собственном мире, заслонившись от реальности патологической верой в свою правоту. Насилие становится для них не просто средством достижения определенной цели, но *raison d'être*, смыслом существования» [1, с. 296]. В условиях палестино-израильского конфликта терроризм выступает неизбежным средством давления на переговорный процесс с целью заставить Израиль пойти на односторонние уступки.

Таким образом, фактически, исламский терроризм, начавшись, с трудом поддается ограничениям. И, как следствие, совершенно естественно вышеназванный фактор делает возможным тяготение палестинского общества к антисистеме, которая, безусловно, представляет собой сложное явление.

Термин «антисистема» в научный дискурс был введен отечественным исследователем Л.Н. Гумилевым. «Антисистема» рассматривалась им как «системная целостность людей с негативным мироощущением» [4, с. 554]. На наш взгляд «антисистема» – это сообщество людей, отклоняющееся от нормальных условий развития, что обусловлено отрицательной комплиментарностью по от-

ношению к соседям и инакомыслящим в собственной среде, стереотипами поведения этноса, культурными практиками, традициями и представлениями.

Особенность антисистемы заключается в том, что она, во-первых, «действует против любой наличной действительности в пользу умозрительных, неосуществимых идеалов ...» [12], так как образующая ее общность людей характеризуется негативным искаженным восприятием окружающего мира, которое нуждается в коренном исправлении и переделке. Во-вторых, ложь в форме иллюзии правды является ее неотъемлемой чертой.

Не последнюю роль в подталкивании палестинского общества к антисистеме сыграл видный политический деятель Ясир Арафат. Поэтому, прежде всего, возникает вопрос: что антисистемного в политической и дипломатической деятельности Я. Арафата?

Прежде всего, недостаток навыков в создании договорного порядка, которое компенсировалось у Я. Арафата его сильным лидерством – энтропика, стремившегося испытать Израиль на прочность, так как суть арабо-палестинского энтропика – разрушение и дезорганизация, несовместимость с каким-либо порядком, т. е. создание Палестинского государства на месте Израиля. И это несмотря на то, что данная цель энтропийного идеала Я. Арафата вошла в коллизию с нерушимостью границ Ближневосточного региона. Так постепенно идеал обратился в свою противоположность, т.е. оказался нереализуемым. Как следствие, Израиль снова оказывался на линии конфликта с палестинским обществом, побудителем и мотиватором массовой деструктивной деятельности которой стал Я. Арафат. Возможно, что все это случилось бы и без Я. Арафата, но это произошло именно при Арафате и главное – в результате инициатив Арафата.

Вместе с тем, договорное взаимодействие между Израилем и Палестиной, в котором палестинский голос был персонифицирован в «переговорной» личности Арафата так или иначе отражал интересы реальной антисистемы, т. е. существующей системы в палестинском обществе, которая парадоксальным образом противится переменам. И чем больше Я. Арафат пытался предпринять изменений, чем более он стремился быть синергиком строительства нового палестинского государства, тем все более это неизменно и закономерно вело к укреплению той самой антисистемы палестинского общества, которую он хотел изменить.

Если антисистема не могла в тот момент оправдать рационально существующие цели, как и возможности, то дипломатическое взаимодействие сторон становилось волевым, сумбурным и сценарным. В этой ситуации использовались серьезные манипулятивные техники для получения того или иного пропагандистского эффекта, так как среди палестинских арабов не было единодушия от подписания Арафатом соглашения с еврейским государством 1993 г. Что случится, если устранить манипуляцию – исчезнет ореол политического лидера, вождя, авторитета и даже тайна. Если убрать мифы – исчезнут скрепляющие нити многофокусного портрета Я. Арафата. Сила Арафата в мифах вокруг него – в легендах, историях, к которым всегда будут прислушиваться. Главный миф Я. Арафата – миф о его запредельной удачливости, везении (напомним, что 7 апреля 1992 года самолет, в котором находился Арафат, потерпел катастрофу над Ливией и более 10 часов раненый Арафат ждал помощи в песках Сахары и это далеко не единственный эпизод в его карьере).

Сформированный ореол есть символ власти Я. Арафата, его силы. Одновременно – это способ скрепления разнородного палестинского общества, способ структурирования его потребностей и реальных ожиданий, которые носят проманипулятивный характер, а значит поддерживают выгодный поведенческий репертуар палестинских арабов – быть исполнителями политической воли Я. Арафата.

Ясно, что подверженность неоднородного палестинского общества манипуляциям различна, однако попав в поле диссонирующей информации, палестинцы утрачивали способность сопротивляться воздействиям, уступая архетипическим побуждениям, но продолжая верить в свою правоту как в объективную истину, на основе чего они пытаются изменить окружающий мир, отвергающий эту правоту, а значит снять когнитивный диссонанс.

Отметим, что Я. Арафат в совершенстве освоил технологию приучения общественного мнения к возможности включения палестинской стороны в мирный переговорный процесс, который опережал эволюцию самого Я. Арафата. Безусловно, недооценивать лидера палестинских арабов не следует, а тем более обречь его на пассивность и инертность. Я. Арафат всегда лавировал, действовал, став участником символической дипломатии «пожатия рук» как в случае с Рабиным в 1993 г., результатом которой стала «Декларация о принципах» или так называемое «Соглашение Осло», вопреки тому, что моральный

авторитет Арафата в палестинском обществе достиг самой низкой отметки. Несмотря на то, что подписание декларации привело к временному росту популярности ООП, тем не менее «соглашения об автономии не принесли никакого облегчения в повседневной жизни, а эйфория по поводу освобождения от оккупации прошла. Основную выгоду из ситуации извлек «Хамас» [7, с. 312], - пишет Жиль Кепель.

Я. Арафат продолжал искусно и эффективно уклоняться от каких - либо планов урегулирования конфликта, последовавших от премьер-министра Израиля Э. Барака в 1999-2000 гг., президента США Б. Клинтона, заставляя их играть по своим правилам. Поэтому дипломатия «пожатия рук» не была фактором в решении важнейшей задачи – урегулирования палестино-израильского конфликта. Какими бы ни оказались итоги переговорного процесса, они не могли повлиять на обязательства Палестины по отношению к Израилю, предоставления гарантий безопасности еврейскому государству.

Становилось ясно, что Я. Арафат стремился к получению односторонней выгоды (лавр миротворца), ничего не давая взамен. Вероятно, что неумолимый ход событий палестино-израильского конфликта предписывал палестинскому лидеру и соответствующий сценарный образ действий, ибо, в сущности, выбора у Я. Арафата не было, как и того, что он не был самостоятелен в принятии решений, что не могло не отразиться на результатах переговорного процесса.

Однако, подлинным фетишем Я. Арафата было правдоподобие («казаться, чтобы быть»), которое соединилось с внушительным финансовым вливанием и единоличным контролем с его стороны над его поступлением. Подчеркнем, что он редко был правдивым, но всегда правдоподобным, способным двигаться в любом направлении – от терроризма до миротворчества и обратно. В основе правдоподобия лежала подмена понятий (переговоры вместо конфликта), которая была выгодна Арафату, ибо она позволяла смещать акценты и перекладывать вину за случаи политического террора на Израиль. Палестинских арабов приучают к мысли, что это не палестинцы несут ответственность за срыв урегулирования палестино-израильского конфликта, а это Израиль его остановил. Как известно, чем изощреннее ложь, тем она более правдоподобна. Вместе с тем, правдоподобие нашло отражение:

Во-первых, в дипломатическом манипулировании. Поэтому не случайно дипломатические акции со стороны Израиля котировались очень низко, а его

курс на урегулирование конфликта, в котором позиции сторон были несимметричными, постоянно развертывался в обратную сторону, несмотря на поддержку американской администрации, так как «для Арафата было безопаснее найти предлог, чтобы не соглашаться на мирные инициативы, чем провоцировать потенциально смертоносную враждебность со стороны тех, кто отказывает Израилю в праве на существование» [6, с. 109].

Нельзя утверждать, что часть разногласий невозможно было преодолеть путем переговоров и соглашений, дразнящими ложными надеждами, например, территориальные вопросы, проблемы беженцев и другие. Но и они, несмотря на свою кажущуюся легкость решения, для спорящих сторон имеют глубокое символическое значение – историческое, культурное, эмоциональное. Не случайно Г. Киссинджер говорит: «Вопросы поселений, взаимодействия между двумя сообществами, святых мест и беженцев дали множество поводов для продолжения конфликтов» [8, с. 249].

Отметим, что не поддаются легкому решению вопросы, связанные с религиозными противоречиями, ибо именно они оказывают самый продолжительный эффект на углубление палестино-израильского конфликта, так как религия не только позволяет обрести идентичность, но и проводит разделение, устанавливает демаркационную линию между «своими» и чужими» религиозными группами. Как отмечает С. Хантингтон: «ислам ... проводит четкую грань между теми, кто находится в дар ал-ислам, и теми, кто относится к дар ал-гарб» [13, с. 427]. Позиция «мы» против «них» становится одним из факторов развития конфликта. В конце концов в палестино-израильском конфликте религиозный фактор оказался глубже и важнее других противоречий – культурных, территориальных.

Во-вторых, в использовании внутренних потребностей палестинцев: сделать правдоподобными шаги и намерения для переговоров, а для этого требовалось не только лавирование, но и понимание соотечественников, которое опиралось на убеждения о будущем палестинского народа – возвращении всех палестинцев на свою землю. Обращаясь к палестинским арабам, «Арафат никогда не отходит далеко от словаря джихада, или священной войны, имеющей целью уничтожение Израиля» [8, с. 247]. Более того, «Арафат и после начала переговоров, после того, как он официально отрестился от терроризма, выступая в «закрытых» аудиториях, неоднократно толковал о джихаде» [2, с. 275].

В-третьих, в использовании ислама, исламских сил, арабского, а позднее палестинского национализма и патриотизма в своих целях.

Отметим, что палестинское общество не стало антисистемой до конца, так как оно сохраняет элементы открытости, что создает возможность организовать традиционную жизнь как у соседей. В то же время, антисистемность палестинского общества порождает своеобразный внутренний менталитет ненависти не только к соседним народам, но и к Израилю. В результате имели место неоднократные попытки спровоцировать кризисы в любой форме посредством как интифады, так и акций гражданского неповиновения. Напомним, что в декабре 1987 г. началось первое стихийное восстание против израильской оккупации, руководство которым взял на себя Я. Арафат, а спустя некоторое время развернулись акции гражданского неповиновения на Западном берегу Иордана. Осенью 2000 г. Арафат вновь объявляет о начале интифады, второй, получившей название «интифады аль-Аксы», отвергнув мирные предложения по урегулированию конфликта со стороны премьер-министра Израиля Э. Барака и президента США Б. Клинтона. В ходе интифады «палестинцы наглядно продемонстрировали израильтянам, что палестинский национализм является силой, которую Израиль игнорировать не может» [5, с. 363], - утверждает Даниэль Гордис. Обращает на себя внимание тот факт, что события, связанные с интифадой, не всегда неизбежны, как правило, они являются следствием сознательного выбора со стороны палестинской элиты, которого могло и не быть.

Подводя итоги, следует отметить, что выраженность индивидуального начала, сильное личное влияние, феноменальное умение извлечь выгоду из ситуации, господство личного над общественным, правдоподобие – вот та культурная и политическая доминанта, которая определяла многое не только в политической истории Я. Арафата, но и в сложнейших вопросах палестинского общества, которые он так и не разрешил. Вообще, Ближний Восток склонен к преувеличению влияния человека и политика. Вместе с тем, под воздействием радикальной исламистской пропаганды и идей, любое продвижение в мирном переговорном процессе Израиля и Палестины переводит антиеврейские настроения палестинских арабов в практические действия в рамках долговременного религиозно-мотивированного терроризма.

Список литературы:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: АСТ, 2015. – 702 с.
2. Бовин А.Е. Записки ненастоящего посла. Из дневника. – М.: Захаров, 2004. – 815 с.
3. Гаврилова Ю.Б., Емельянов В.В., Ислам. Карманный словарь. – СПб., 2002.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: «Институт ДИ-ДИК», 1997. – 640 с.
5. Гордис Д. Израиль: история государства. – М.: Мосты культуры, 2018. – 488 с.
6. Дершовиц А. Слово в защиту Израиля. – М.: Текст: Книжник, 2011. - 476 с.
7. Кепель Жиль. Джихад: Экспансия и закат исламизма. – М.: Ладомир, 2004. – 408 с.
8. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 416 с.
9. Люкимсон П. Ариэль Шарон: Война и жизнь израильского премьер-министра. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
10. Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 163 с.
11. Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. Лекции по социальной и политической психологии. - СПб.: Питер, 2004. – 192 с.
12. Сулимов С.И., Черниговских И.В., Разинькова Л.С. Антисистемные основы радикального исламизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016, - № 7 (69), Ч.II. – С. 175-181.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 571 с.
14. Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Террор во имя веры: религия и политическое насилие. – М.: Мосты культуры, 2011. – 344 с.
15. Эпштейн А.Д. Израиль и (не)контролируемые территории: Уйти нельзя остаться. - М.: Мосты культуры, 2008. – 287 с.
16. Streusand D.E. What Does Jihad Mean? // Middle East Quarterly. September 1997.

References:

1. Brzezinski Z. Great chess Board: domination of America and its geostrategic imperatives. - Moscow: AST, 2015. - 702 p.
2. Bovin AE Notes fake Ambassador. From the diary. - Moscow: Zakharov, 2004. - 815 p.
3. Gavrilova, Y. B., Emel'yanov V. V., Islam. Pocket dictionary. – SPb., 2002.
4. Gumilev L. N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth. – Moscow: "Institute of DI-DIK", 1997. - 640 p.
5. Gordis D. Israel: history of the state. - Moscow: Bridges of culture, 2018. - 488 p.
6. Dershowitz A. the Word in defense of Israel. - Moscow: Text: Knizhnik, 2011. - 476 p.
7. Kepel, Gilles. Jihad: Expansion and decline of Islamism. - Moscow: Ladomir, 2004. - 408 p.
8. Mr. Kissinger does America Need a foreign policy. - Moscow: publishing house AST, 2016. - 416 p.
9. Lyukimson P. Ariel Sharon: War and the life of the Israeli Prime Minister. - Moscow: Eksmo, 2008. - 640 p.
10. Mirsky G. I. Islamism, transnational terrorism and middle East conflicts. – M.: Publishing House. the house of su HSE, 2008. - 163 p.
11. Nazareth AP Aggressive crowd, mass panic, rumors. Lectures on social and political psychology. - SPb.: Peter, 2004. - 192 p.
12. Sulimov S. I., Chernigov I. V., Razinkova L. S. anti-System foundations of radical Islamism. // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. - Tambov: Diploma, 2016, - № 7 (69), Part II. – S. 175-181.
13. Huntington S. Clash of civilizations. - Moscow: publishing house AST, 2015. - 571 p.
14. Emanuilov R. Ya., Yashlavskiy A. E. Terror in the name of faith: religion and political violence. - M.: Bridges of culture, 2011. - 344 p.
15. Epstein, A. D. Israel, and (not)controlled territory: can't stay Away. - Moscow: Bridges of culture, 2008. - 287 p.
16. Streusand D.E. What Does Jihad Mean? // Middle East Quarterly. September 1997.

***National Bolshevik Policy in Action
(on the Example of the Assyrian Minority
in Ukraine in the 1920's and 1930's)***

A. Kh. Margulov,

*Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor,
Professor of Social and Humanitarian Disciplines,
Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs*

Abstract: The period of establishing of the authoritarian-totalitarian style of governance in the USSR resulted in an unprecedented struggle with dissent, which very often turned into a specific implementation of the national question. The aggressive policy of power towards Assyrians led to the erosion of traditional practices of life based on thousands of years of culture and religion. Using the authorities' administrative resource, the national community was involved into the system of ideological-visual affection with mythical future prospects. The repressive-punitive state system overcame the resistance by Assyrians to spread of Sovietization in the national environment. The result of the complex of these actions is the transformation of the Assyrians in Ukraine in the 1920-1930s on the ordinary members of the Soviet society with increased assimilation tendencies.

Keywords: Assyrian national minority, Soviet totalitarianism, national politics of Bolsheviks.

Myths about the equal rights of nations, development based on their freedom and the rights to self-determination are the leading thesis of the Soviet Union's existence. The abovementioned mythology is, even, the basis of the establishing of the USSR, but it has a deep opposite mental and political roots.

The Bolsheviks supported the unitary state system. When masking their plans under a lively political dispute, they skillfully maneuvered in the unstable political and legal space that was formed during the 1917-1920s. The leading party did not have a clear understanding of the future legal status of the state, which resulted in active discourse. "Autonomization", "federalization", "independence" are only some of the main theses for determining the status of countries, which were founded on the

background of the former Russian Empire. Covering with revolutionary slogans and expediency, the pro-government party did its utmost to devalue the national factor in the socio-political, cultural, educational and economic life of the national "outskirts".

The purpose of these actions was to unify the population of the country with a project to service of the state's needs and the further depreciation of the factor of the states' independence that were part of the USSR. The lack of desire of the pro-government party to support the aspirations of representatives of different nationalities to implement their own needs led to a search for methods of reformatting them into the standards necessary the Soviet government. One of the hostages of this policy is the Assyrian national minority on the territory of Soviet Ukraine. The massive appearance of Assyrians in the area of the Russian Empire was a consequence of the First World War. A large community of Assyrians as allies of the tsarist forcedly crossed Russia's border between 1914 and 1915, as a result of the genocide that the Turkish authorities began with the Christian population of the country. Having settled in a new territory, deprived of livelihood as refugees, they became hostages of state policy. On the one hand, the desire to wait for peaceful negotiations on the results of the war (there were promises of world leaders on the creation of a national project) and on the other hand, the political and economic crisis of the Russian Empire influenced the further migration of the community. None of these components of the problem was solved; therefore the Assyrians were forced to settle in the territory of the empire at their own discretion.

Ukraine became one of the centers of the Assyrian community's residence. According to national statistical data, in the 1920's and 1930's there were up to 10,000 Assyrians [1]. The nature of the settlement was urban. The maelstrom of the revolutionary events led to the unification of their socio-economic status with the main mass of the population of the Soviet country (workers and peasants deprived of production means). Assyrians mostly apolitical became isolated from revolutionary events in Ukraine.

The lack of effective state assistance on the one hand and political legal circumstances that dynamically being changed on the other hand led to the restoration of traditional practices of community livelihoods based on religious and cultural institutions that regulated the social and spiritual life of Assyrians for millennia. The Christian religion and clan-tribal structure of Assyrians that formed on a traditional culture for millennia was the key to the nationalization and preservation

of compact residence of a minority in an aggressive national-religious environment. This residence was succeeded in organizing self-sustaining practices of self-sufficiency during hard interwar years in the Soviet republic.

Describing the everyday life of the Assyrian community, we can indicate the main features. Among the cities of compact accommodation, the following Ukrainian cities can be distinguished: Pryluky, Lubny, Romny, Slavyansk, Melitopol, Zaporozhye, Artemivsk, Kiev, Stalin, Berdyansk, Dnipropetrovsk, Kharkiv, Nizhyn, Vinnitsa, Kremenchug, Odessa, and Poltava. The living conditions were extremely bad. Usually they lived in premises of abandoned dormitories, monasteries, schools, basements or rooms with a defective roof. On these squares 10-50 people lived compactly [2]. This situation morally destabilized the community and had a negative medical impact - there was a high level of tuberculosis.

Economic activity became a compromise with unrealized desire to be engaged in agriculture and the need to feed the family. Without of sufficient command of local languages, the Assyrians took a niche of low-skilled profession; they brushed shoes. For a long period, this employment financially supported the community from physical destruction as the single way of earning money. In this business, mostly men were involved. The everyday life of the Assyrian community in the conditions of the Soviet cities reminded the life practices in Muslim countries (Persia, Turkey). Such a state of affairs was the response of the community to the lack of an effective state policy on adapting Assyrian to new socio-economic conditions. It was a closed ethnic community for any state party work, access to the internal environment was strictly limited. In this environment, the mechanisms of traditional regulation continued to operate. Religious and tribal institutions coordinated the activity of the national community and performed govern functions, acting as a mediator in dealing with state authorities. This scheme formed in the minds of ordinary Assyrians the idea of "superfluosness" of state authorities and the principles of their policy.

The position be out of politics and personal apoliticality in the terms of the Soviet power of the 1920s and 1930s were regarded by the authorities as treason and political provocation. The existence of a national minority on the territory of the country that continued the traditional way of life caused condemnation. In races for popular support, the communist party tried to drag the minority to its side. Dreaming about the international revolution, the Bolsheviks considered the Assyrians as leaders of communist ideas on the territory of their former homeland (Turkey, Persia),

where there was a large community that fell under the influence of other non-socialist countries. National-modulating projects with the Assyrians were a very easy task for the Soviet-party system. There were no influential centers for coordinating activities and monitoring the protection of the rights of their citizens abroad, the work of national parties was not fulfilled and coordinated in a perfect way, and the educational and cultural level was low and not effective. Such preconditions worked as an assistant in the process of transforming the Assyrians of Ukraine under the soviet standards.

The Assyrians were considered by the Soviet authorities as soviet citizens, despite their foreign citizenship. Manipulating non-determined status and regulating access to consular missions, the Soviet authorities gradually prepared the ground for the no-alternative of changing citizenship the Assyrians. In parallel, there were a process of discrediting the status of foreign citizens and a process of limiting access to active dialogue with representatives of the national community in other countries and in the homeland. This practice artificially increased the authority of the Soviet-party apparatus.

When the influence of the consular and national institutions was limited as the results of party efforts, the Soviet leaders took up experiments with the community on a national scale. The offensive took place in all areas of the traditional life of the Assyrian community. The religious institute was the first goal and became the most painful blow. It should be noted that the religion for the Assyrians was the foundation of ethnic self-identification and a way of self-preservation for millenia. The Mar-Shimun Institute (the religious head of the Assyrian Church) performed not only religious functions but also actively led secular life. The role of the priests in the life of the community was indisputable. Together with their flock, they immigrated to Russia and continued their activities until the 1920s [3]. The active aggressive anti-religious policy of the Bolsheviks affected all denominations that were presented in the country. The legal prohibition, discredit, dissemination of public condemnation and re-education became then the standard methods of regulating religious preferences among the Assyrian community. On the background of the comprehensive activity of Soviet power in this direction a precedent for gradual alienation from national religion of orientation to the Russian Orthodox Church appeared.

Having ruined the religious foundations of community life, the government turned to the tribal life practices of the Assyrians. The authorities tried to put the life

of the community under official effective control. By replacing the traditional historical institutions, they deduced the regulatory functions of the community within the competence of national civil society organizations. The main principle of the functioning of these organizations was loyalty to the bodies of Soviet power and its policies. Artificially pushing the conflict of generations against the backdrop of progress, it recruited young people into the ranks of its supporters; it allowed the power to slow down the spread of ethnic information. When managing skillfully the newly-created organizations, the party leadership eventually turned the sphere of management from purely national to international, introducing into the leadership of the representatives of other nationalities. During the period of aggravation of totalitarian ambitions of the state, such organizations generally disappeared.

The educational sphere was used as a platform for testing of assimilation programs. Promulgating universal access to the educational process on a national basis, Assyrian youth was involved in educational institutions. The training programs contained a significant portion of ideological education created to affect the mind the younger generation. The groups of the unbelievers, participation in demonstrations, political information and other events influenced consciousness for assimilation. When becoming pioneers and komsomols, they changed the picture of their world to the Soviet standard; they moved away from national-religious traditions. The school became an effective platform for working with parents. After full coverage of Assyrian youth by the network of national school education in the 1930s, the question about its complete collapse and transfer it to general education institutions with Russian and Ukrainian language teaching brought up.

The Soviet government actively involved the representatives of the national community in the process of establishing the society in soviet spirit. There were not communist centers in the ethnic environment, so the government recruited its supporters among Russian-speaking Assyrians. National commanders believed blindly the manipulations of the Soviet-party doctrine. They sought a better fate for their fellow-countrymen and in the midst of revolutionary transformations they hoped for a better life for them. By managing the national schools, Houses of the Orient, as well as non-governmental organizations of Assyrians, economic unions, they introduced into the life of the community the crisis points of the influence of Soviet-party institutions. Having become loyal to the community, they became not comfortable for the authorities and subjected to repression.

In relations with state authorities, Assyrians never felt the government's sincerity and worry. The politic of rooting (initiated by the XII Congress of the RCP (b) in April 1923) had the main objective of providing access to the authority resource to representatives of national states and minorities in their structure.

Based on the quantitative indicators of the Assyrians in places of compact residence, there were isolated cases of their representation in local authorities. Their functions were limited to the declarative provision of all kinds of information and did not have a positive impact on community livelihoods. The desire of most Assyrians was to gain access to a compact national residence and to be able to be engaged in agricultural-farming activities. The Republican authorities in every way opposed such a desire in the form of ignoring the allocation of land and encouraged them to move to other republics (the RSFSR, the Georgian SSR, the Armenian SSR, and the Azerbaijan SSR) where the Assyrian collective farms functioned.

The spread of Soviet consciousness among the Assyrians was moving very slowly. The network of educational and cultural institutions, economic activities, cultural practices was not a convincing tool for argumentation for Assyrians. In the early 1930s, party leaders were forced to state their failure to finally solve the "Assyrian issue" [4]. Hegemony in the political plane of the Soviet-party ideology and aggravation of totalitarian ambitions of power gave the opportunity to apply radical methods of "re-education" [5]. Repressions against representatives of the Assyrian community of Ukraine led to the physical extermination of the generation, which was mentally related to the homeland and had a unique national identity. The link between the traditional cultural, religious heritage and the present, which could not be restored under the conditions of a totalitarian society, disappeared. The vacuum created was actively occupied by the ideology of state-party direction. Without leaving the national community a free choice, the authorities turned them into blind consumers into state subsidies and preferences, small elements of the great Soviet mechanism.

Step by step, the Soviet power in Ukraine in the 1920-1930's turned the Assyrians from nationally- and traditionally-oriented people, who had their own vital position, into people with lack both principles and ideas. After being limited in the cooperation with the Assyrians in other countries and in the homeland, among them there was created a feeling the hopelessness and despair of life; it made the Soviet Assyrians the hostages of the authorities.

National diversity with a specific cultural heritage was an irritant to the authoritarian-totalitarian state system. The existence of influential centers in the form of a cohesive national community contradicted the authority of the party and the state that tried to build a unipolar world. It was the world in which there was no place for national-cultural diversity, and every moment of a citizen's private life should be given to the need for the wishes of the authorities. This process affected the deprivation of the rights of the Assyrian national minority to its identity, working as the solid foundation for implementing assimilation processes among the community.

References:

1. The State Archives of the Russian Federation. – Ф. 3302. – Оп. 1. – Спр. 367. – Р. 53.
2. Central state archive of higher authorities and state administration of Ukraine. – Ф. 413. – Оп. 1. – Спр. 372. – Р. 108, 134.
3. State archive of the Kiev region. – Ф. 4752. – Оп. 1. – Спр. 2652. – Р. 2.
4. State institution National Archives of the Republic of Adygea. – Ф. Р1. – Оп. 1. – Спр. 551. – Р. 5.
5. Martirology of the Assyrians of the USSR (1920-1950's)/ авт.-сост.: игумен Стефан (Садо); [гл. ред.: Александр Зимин]. – Санкт-Петербург: НП-Принт, 2017. – 744 с.

***Intensification of Interethnic Relations Between Ukraine
and Czechia: Politics, Economy, Culture and Tourism
(the Beginning of the XXI Century)***

R.V. Korsak,

Uzhgorod National University Ukraine, 88000, Uzhgorod, Ukrains'ka str., 19,

V.I. Ilnytskyi,

Ivan Franko Drohobych State Pedagogical University Ukraine, 82100,

Lviv Region, Drohobych, Lesya Ukrainka str., 46,

I.M. Hodya,

*Ph.D. (Economics), Assistant Professor of Department of Tourism
Infrastructure and Services, Uzhgorod National University (Ukraine)*

Abstract: In the articles the revival of the Ukrainian-Czech interethnic relations in the beginning XXI century is considered. The concrete availabilities of the mutually advantageous interethnic cooperation between Ukraine and the Czech Republic, conditioned by historical, cultural, partner political relations, economic contacts and common aims are adduced. The study is conducted of the preconditions and prospects of intensification of the interethnic relations between Ukraine and Czechia in political, economical, cultural and tourist spheres. The recommendations concerning the improvement of the Ukrainian-Czech interethnic relations are suggested, which take into account the Czech foreign policy experience and experience of reforming of the Czech society according to the requirements of the EU standards. A considerable accent is made on the development of the cooperation between Ukraine and Czechia in the sphere of tourism. The concrete recommendations for carrying out international specialised seminars and conferences in Ukraine, which will attract both the domestic and foreign organisations for studying of the advanced experience of tourist activity organisation, development of tourist markets, definition of development prospects of the newest technologies that assure the provision of tourist services, formation of tourist strategy and service standards and, also, Ukraine's taking part in the corresponding actions abroad are unfolded.

Keywords: interethnic relations, Ukraine, Czechia, politics, economy, culture, tourism.

Інтенсифікація міжетнічних відносин України і Чехії: політика, економіка, культура і туризм (поч. XXI ст.)

Р.В. Корсак,

*ДВНЗ «Ужгородський національний університет» Україна, 88000,
м. Ужгород, вул. Українська, 19,*

В.І. Ільницький,

*Дрогобицький державний педагогічний університет імені Івана Франка,
Україна, 82100, Львівська обл., м. Дрогобич, вул. Лесі Українки, 46,*

І.М. Годя,

*ДВНЗ «Ужгородський національний університет» Україна, 88000,
м. Ужгород, вул. Українська, 19*

Анотація: У статті розглядається пошвавлення українсько-чеських міжетнічних відносин на початку XXI ст. Наводяться конкретні можливості взаємовигідного міжетнічного співробітництва між Україною і Чеською Республікою, зумовлені історичними, культурними, партнерськими політичними відносинами, господарськими контактами і спільними цілями. Вивчаються передумови та перспективи інтенсифікації міжетнічних відносин України і Чехії у політичній, економічній, культурній і туристичній сферах. Подано рекомендації щодо покращення українсько-чеських міжетнічних відносин з урахуванням чеського зовнішньополітичного досвіду та досвіду реформування чеського суспільства відповідно до вимог і стандартів ЄС. Значний акцент зроблено на розвитку співпраці України і Чехії у сфері туризму. Розроблено конкретні рекомендації для проведення в Україні міжнародних спеціалізованих семінарів, конференцій із залученням вітчизняних та іноземних організацій з метою вивчення передового досвіду організації туристичної діяльності, освоєння туристичних ринків, визначення перспектив розвитку новітніх технологій надання туристичних послуг, формування туристичної стратегії та стандартів обслуговування, а також участі у відповідних заходах за кордоном.

Ключові слова: міжетнічні відносини, Україна, Чехія, політика, економіка, культура, туризм.

Події, що відбуваються в Україні з кінця 2013 р., свідчать про бажання українського суспільства інтегруватися у європейську спільноту. Одним із адвокатів захисту цих прагнень України завжди була Чеська Республіка. Досвід трансформації та європеїзації, здійснений чеським етносом у різних сферах суспільства впродовж 1993 – 2003 рр., сьогодні може з успіхом бути врахований українським Урядом для ефективної побудови стандартів європейської демократії та швидкої інтеграції в Європейський Союз.

Можливості взаємовигідного міжетнічного співробітництва між Україною і Чеською Республікою зумовлені історичними, культурними, партнерськими політичними відносинами, господарськими контактами і спільними цілями у реалізації курсу на європейську та євроатлантичну інтеграцію, спільними регіональними інтересами, існуванням української національної меншини у Чехії та чеської – в Україні (Корсак 2016а: 4 – 5).

Варто зауважити, що кордони України спонукають до вироблення такої геополітичної стратегії, яка враховує політичний досвід та об'єктивні реалії сучасної доби. Тому диверсифікація міжетнічних відносин з Чеською Республікою та іншими країнами-членами «Вишеградської четвірки» – пріоритетний напрям зовнішньої політики України (Корсак 2016b: 4 – 6).

Аналіз праць українських дослідників про міжетнічні відносини України та Чехії засвідчує, що у них піднімалися питання постсоціалістичної трансформації в країнах Центрально-Східної Європи, включно з Україною та Чеською Республікою, досліджувалися відносини України з Євросоюзом і НАТО. У вітчизняній історіографії співробітництво Чеської Республіки й України здійснювали П. Черник (13), О. Цуп (Цуп 2009), В. Федурця (Федурця 2006). У чеській – Л. Палата (Palata 2011), В. Вотапек (Votapek 2004), Я. Гржіх (Hřích 2010), М. Коржан (Kořan 2009; Kořan 2010; Kořan 2011; Kořan 2012).

Проте ґрунтовних наукових праць, у яких би вивчався процес інтенсифікації міжетнічних українсько-чеських відносин у сфері політики, економіки, культури і туризму, ще не опубліковано.

На міжнародній арені чеський етнос завжди підтримував внутрішню і зовнішню політику України, її демократичні реформи. Для України важлива підтри-

мка Чехії у таких питаннях, як ратифікація з боку ЄС Угоди про асоціацію з ЄС, створення зони вільної торгівлі. Так, основна робота щодо конкретизації положень проекту «Східного партнерства» відбувалася під час головування Чехії в ЄС у 2009 р. У цьому контексті серед експертів та політиків в Україні існували позитивні очікування щодо наповнення «Східного партнерства» реальним змістом (Корсак 2014: 115 – 118).

Вважаємо, що сьогодні для швидкої інтеграції України в ЄС і, відповідно, покращення міжетнічних відносин з Чеською Республікою українському суспільству важливо запозичити чеський досвід внутрішньої та зовнішньої політики, який дозволить вирішити ряд державницьких завдань.

I. Євроінтеграційна, політична та правова сфера міжетнічних відносин:

1. На відміну від України, загальний процес реальної інтеграції чеського етносу в ЄС знайшов продовження у реалізації «Позиційних документів». Так, були розроблені Програми з підготовки вступу в ЄС. У 2000 р. було реалізовано програму: «Спільна зовнішня політика та політика безпеки і митний союз», у 2001 р. – «Зовнішні відносини», «Комерційне право», «Вільне пересування послуг», «Вільне пересування капіталу», «Соціальна політика і зайнятість» та ін. У 2002 р. було реалізовано такі програми: «Регіональна політика» та «Координація структурних засобів» (Матеріали до звіту 2002: 2 – 5).

2. У Чеській Республіці була правильно організована робота з координації діяльності органів влади ЧР та взаємодії з органами ЄС по проведенню реформ, гармонізації національного законодавства до вимог Євросоюзу. Ця робота проводилася послідовно впродовж тривалого часу. Для її організації та координації у 1994 р. був створений Комітет Уряду у справах європейської інтеграції. З часом він був реорганізований відповідно до вимог і складності завдань: у 2001 р. був перетворений на Раду Уряду у справах європейської інтеграції, а у 2003 р. – на урядовий Комітет з питань ЄС. Він став головним робочим координаційним органом у питаннях відносин з Євросоюзом у структурі органів державного управління. Його завданням було сприяння реалізації стратегічної ролі Уряду ЧР у справі формування та реалізації політики стосовно ЄС. Він також здійснював координацію Галузевих координаційних груп (ГКГ), які опрацьовували законопроекти Європейської комісії і впливали на розробку та підготовку цих проектів. Таким чином, впродовж усього часу забезпечувалася неперервна, по-

слідовна робота по реалізації стратегічних завдань. Натомість в Україні вже декілька разів Мінекономіки додавалася функція євроінтеграції, і воно перейменовувалося на Міністерство економіки та європейської інтеграції. У Кабінеті Міністрів вводилася посада Віце-прем'єр-міністра з питань європейської інтеграції. Однак ніхто особливо не дбав про послідовність та неперервність проведення роботи (Матеріали до звіту 2002: 6 – 10).

3. Відповідно до вимог часу та політичних і економічних викликів періодично розглядалися, корегувалися основні засади внутрішньої і зовнішньої політики, затверджувалися Концепції економічних реформ та зовнішньої політики Чехії (2003, 2006 та 2009 рр.). На особливу увагу заслуговує Концепція у сфері зовнішньої торгівлі, що приймалася в умовах світової фінансово-економічної кризи. Чехія, звузивши коло пріоритетних країн, одночасно вирішила сконцентруватись на співпраці з Україною, що впливало з детального плану співробітництва, який містив 4 напрямки проведення заходів (Коґан 2009: 13 – 20; Коґан 2010: 15 – 19).

Мусимо констатувати, що на відміну від Чехії в Україні не затверджувалися концепції українсько-чеських відносин. Це питання зводилося до Указу Президента України від 14.09.2000 р. № 1072/2000 «Програма вступу України в ЄС» у частині зовнішньо-економічної діяльності (ЗЕД). Так, у розділі 16.1.2. «Співробітництво з державами Центрально-європейської асоціації вільної торгівлі» у співробітництві з Чехією згадано тільки підписання Меморандуму про лібералізацію взаємної торгівлі. Конкретних завдань по співпраці не ставилося. У 2001 р. Торговельно-економічна місія України у Чеській Республіці розробила та надіслала до Мінекономіки України проект Концепції торговельно-економічних відносин з Чеською Республікою на період 2002 – 2005 рр., але вона на вищих владних щаблях не затверджувалася. У 2004 р. Посольство України у Чеській Республіці надіслало до МЗС України пропозиції до Концепції двосторонніх відносин України з Чеською Республікою, по яких також не було прийнято ніяких рішень. Таким чином, послідовно та цілеспрямовано робота щодо вироблення Концепції українсько-чеських відносин в Україні не проводилася (Корсак 2016b: 345).

4. Переглянути доцільність та своєчасність прийняття законодавчих актів щодо торговельного та економічного співробітництва між Україною та Чехією, спростити систему національного міжвідомчого узгодження проектів двосторон-

ніх договірних нормативно-правових актів. Законом України від 24.03.1998 р. №209-98 було ратифіковано Протокол між Кабінетом Міністрів України та Урядом Чеської Республіки про надання кредитів для фінансування експорту товарів і послуг із Чеської Республіки в Україну, підписаний 1997 р. для вирівнювання балансу, на підтримку чеських експортерів. Проте реалізація проекту не відбулася. Актуальність закону втрачена, адже у законодавстві України за цей час було прийнято численні норми, які забороняють такого роду кредитування. Окрім того, Закон створює переваги для чеських експортерів і надає сприятливі умови доступу на український ринок чеських товарів, що погіршує торговельний баланс для України, який впродовж останніх 10 років у торгівлі з Чехією є негативним. Тому доречно розглянути питання відміни зазначеного закону.

У 2004 році без відповідних фінансових можливостей був прийнятий Закон України про зміни до Державного бюджету, яким Кабінетові Міністрів України дозволялося здійснити відшкодування заборгованості за «Ямбурзькими угодами» перед Чеською Республікою у грошовій та/або товарній формі за рахунок коштів, передбачених на погашення державного боргу України. Цей закон також не був виконаний.

З дворічним відтермінуванням у квітні 2006 року був прийнятий Закон України про ратифікацію Угоди між Кабінетом Міністрів України та Урядом Чеської Республіки про економічне, промислове і науково-технічне співробітництво, підписаної ще 15 квітня 2004 р. (Корсак 2016b: 347 – 351).

5. Реформування виборчого законодавства по виборах до парламенту країни. Зазначимо, що прозорість виборчого процесу та політичні традиції у Чехії унеможливають фальсифікацію результатів виборів, а загальнодержавні підсумки голосування підраховуються Головним державним статистичним управлінням як єдиним державним уповноваженим органом у цій сфері. За задумом, такий порядок виводить фахівців статистики позапартійного впливу. Формування Центральної виборчої комісії за українською моделлю, тобто за партійним квотним принципом, заздалегідь створює умови для партійних уподобань та відстоювання інтересів певних політичних сил (Кіцила 2004: 5 – 7).

6. Використання у діяльності Державної служби фінансового моніторингу України чеського досвіду здійснення антикорупційних заходів, боротьби з незаконним обігом та відмиванням коштів, отриманих злочинним шляхом. На виконання циркулярного листа МЗС України №103/21-020-114 від 18 лютого 2003 р.

Посольством України у ЧР та Торговельно-економічною місією у його складі було налагоджено належні робочі контакти та встановлено співпрацю з Фінансово-аналітичним управлінням (ФАУ) Міністерства фінансів ЧР – провідним державним органом у цій країні, який координує і безпосередньо здійснює заходи по боротьбі з відмиванням коштів. Було проаналізовано відповідну законодавчу базу Чехії з цього питання. Робота в Чехії у цьому напрямку проводиться відповідно до Закону ЧР №61 від 15 лютого 1996 року. У цьому контексті заслуговує на увагу співпраця між міністерствами фінансів і внутрішніх справ Чехії, яка регулює порядок взаємодії між ними у цій сфері за допомогою міжвідомчої угоди. До речі, основні функції тут виконує саме ФАУ. Дана робота проводилася для відвернення заходів проти України, які планувала здійснити Група з розробки фінансових заходів боротьби з відмиванням коштів та з метою покращення іміджу України у цій сфері. Вона знайшла своє продовження у запропонованій чеською стороною допомозі по передачі досвіду та підтримці України у співпраці з міжнародними фінансовими організаціями, фінансовими розвідками інших країн, а також у Егмонтській групі, членом якої ЧР є з 1996 року. Внаслідок проведеної роботи у листопаді 2004 р. був підписаний Меморандум про взаємопорозуміння між Державним департаментом фінансового моніторингу України та Фінансово-аналітичним управлінням Чеської Республіки. Роботу з цих питань треба продовжувати і надалі (Матеріали до звіту 2003: 16 – 19; Гетьманчук 2005: 5).

II. Економічна та фінансова сфера міжетнічних відносин:

1. Використання чеського досвіду проведення узгодженої фіскальної та монетарної політики у сфері державних фінансів між центральними органами виконавчої влади. З метою гармонізації фіскальної та монетарної політики у 2000 р. було розпочато співробітництво Міністерства фінансів і Національного банку Чехії. У 2002 р. після проведення заходів з приватизації провідних держпідприємств Тансгаз та Юніпетрол виручені майже 4 млрд. дол. США спричинили різке посилення чеської крони на 20 % (з 40 до 32 крон). З метою уникнення негативного впливу на експортерів продукції від розбалансування фінринку Мінфін та Національний банк Чехії підписали Угоду про ринок фінансів, щоб «зв'язати» приватизаційні кошти від попадання на фінансовий ринок та забезпечити інші заходи для досягнення необхідних макроекономічних показників. Вважаємо, що такий досвід важливий у період курсових коливань та кредитних

запозичень України у міжнародних фінансових організаціях (Матеріали до звіту 2002: 18 – 21).

2. Досвід у реалізації проєкспортної політики підтримки та підвищення конкурентноздатності товаровиробників на зовнішніх ринках за допомогою створення системи державного страхового гарантування експорту продукції. Чеська сторона на експертному рівні підтримувала роботу, яка проводилася в Україні у напрямку створення системи державного страхування експорту. Зі свого боку Україна прийняла відповідні урядові рішення, зокрема розпорядження Кабінету Міністрів України від 26 жовтня 2001 р. №498-р. На прохання української сторони Експортно-гарантійній страховій компанії ЧР (ЕГАП) був переданий проєкт Закону України «Про державну підтримку страхування та кредитування експорту» для проведення останньою експертних оцінок (Доручення Мінекономіки України від 04.04.2003 р. № 29-41/290). Чеське відомство, разом з експертними оцінками та пропозиціями до законопроекту, запропонувало свою допомогу з метою обміну теоретичним та практичним досвідом при створенні нової української інституції, аналогічної до інституцій країн Центральної та Східної Європи. Генеральний директор компанії ЕГАП П. Парізек запропонував Україні долучитися до засідань т. зв. Празького клубу. Однак українська сторона не скористалася цим запрошенням. Слід зазначити, що на той час із використанням центральноєвропейського досвіду уже були створені білоруська «Белексімгарант», казахська «Державна корпорація експортних кредитів та інвестицій», а також у Росії схвалена державна Концепція з цього питання. На жаль, Україна не використала цієї можливості і до цього часу не створила системи державного гарантування експорту. Впродовж майже 10 років Верховна Рада України так і не розглянула законопроекти з цього питання (останній варіант проєкту Закону України «Про експортне страхування та кредитування» було зареєстровано у Верховній Раді від 3.03.2009 р. № 4145) (Корсак 2016а: 89 – 92).

3. Створення державних органів та фондів, затвердження державних програм для проведення євроінтеграційних реформ та співпраці з фондами підтримки Європейського Союзу. Європейський Союз здійснював координацію допомоги у сфері економічної та соціальної взаємодії, пов'язаної з використанням структурних фондів ЄС. Координація була пов'язана з підготовкою використання структурних фондів урядом ЧР, Когезійного фонду та стосувалася програм «ФАРЕ» (Phare) у сфері регіональних та секторних програм розвитку, програм

транскордонної співпраці й інструментів «ІСПА» (Ispra) та «САПАРД» (Sapard) на етапі перед вступом до ЄС. Програма «ФАРЕ» підтримувала підготовку вступу Чеської Республіки до Європейського регіонального фонду розвитку (ERDF) та Європейського соціального фонду (ESF), «ІСПА» – до Когезійного фонду (CF), а «САПАРД» – до Європейського фонду гарантування та спрямування у сфері сільського господарства (EAGGF) (Матеріали до звіту 2002: 12 – 15).

4. Використання чеського досвіду щодо існуючих підходів до забезпечення за кордоном державних інтересів у сфері зовнішньоекономічних зв'язків та надання підтримки суб'єктам підприємництва у здійсненні їх торговельно-економічної діяльності за кордоном. Чеській Республіці питаннями реалізації проєкспортної політики займаються, а також представляють торговельно-економічні інтереси такі державні інституції:

1. Торговельно-економічні відділи або секції (ТЕС) у складі посольств;
2. Представництва «Czech Trade»;
3. Представництва «CzechInvest»;

4. Закордонні центри Чеської Республіки (Матеріали до звіту 2003: 11 – 14; Корсак 2016а: 110 – 117).

5. Прозорість ведення бізнесу, відкритість усіх майнових реєстрів та відкритий доступ до реєстру власників і засновників суб'єктів підприємницької діяльності створили сприятливий інвестиційний клімат у Чехії. У її економіку до 2012 року надійшло кумулятивно понад 140 млрд. дол. США прямих іноземних інвестицій, що втричі перевищує надходження в Україну. Середня заробітна плата складала понад 1 300 дол. США. В Україні тільки зараз прийнято законодавство про відкриття реєстрів, але вони ще до кінця не відкриті. Насамперед, це реєстр власників майна, власників та засновників суб'єктів підприємництва тощо. Це істотно знижує привабливість іноземних інвесторів до ведення бізнесу в Україні, підриває довіру. Для прикладу, у поточному архіві Торговельно-економічної місії України у Чеській Республіці є переписка до Податкової служби України та Держкомпідприємництва з проханням надати інформацію на звернення чеських підприємців про засновників та власників окремих українських суб'єктів підприємництва, на що кожного разу була відповідь: це закрита інформація. Чеські підприємці з непорозумінням сприймали таку інформацію і надалі не робили спроб працювати на українському ринку (Корсак 2014: 115 – 118; Agenda pro 2011: 49; Agenda pro 2012: 47 – 48).

6. Реалізація проєкспортної політики шляхом державної підтримки участі суб'єктів зовнішньоекономічної діяльності у презентаційних і виставкових заходах, бізнес- та економічних форумах в інших країнах. Відповідно до Концепції зовнішньоекономічної діяльності Чеської Республіки чеський Уряд розглядає рекламно-інформаційну та виставкову діяльність як важливу складову проєкспортної політики держави. Об'єм коштів, що виділявся у Чехії на ярмарки і виставки, досягав 1% валового внутрішнього продукту, тобто близько 260 млн. дол. США. У країні була запроваджена програма державної підтримки продукції чеських виробників у міжнародних виставкових заходах. Одне з провідних місць у системі державної підтримки виставково-ярмаркової діяльності посідало Міністерство промисловості і торгівлі Чеської Республіки, яке здійснювало повне або часткове фінансування участі чеських фірм у 50 – 60 міжнародних виставково-ярмаркових заходах, що проходили у зарубіжних країнах. Міністерством у кінці кожного року затверджувався список виставкових заходів, у фінансуванні яких воно братиме участь в наступному році. Так, щорічно затверджувався перелік із близько 60 міжнародних виставок за кордоном, у рамках яких надавалася державна підтримка участі чеських фірм і компаній. Такий державний підхід важливий для підтримки українських експортерів, зокрема на ринку ЧР, через їх низьку участь у виставкових та презентаційних заходах, незначну кількість представництв фірм і компаній в інших країнах (Корсак 2016b: 361).

7. Лібералізувати та скасувати візовий режим з європейськими країнами. Візовий режим між Україною та Чеською Республікою негативно позначився на торговельно-економічних відносинах між двома країнами. Українські експортери та підприємці опинилися у нерівних і несприятливих для них умовах ведення бізнесу. Вже після введення візового режиму з Чеською Республікою (2001 р.), за даними Держкомстатистики України, з 624 спільних підприємств, створених з участю чеського капіталу, лише третина продовжила активно працювати на ринках двох країн. Візові обмеження істотно вплинули на співпрацю, насамперед в малому та середньому бізнесі, міжрегіональному та міжвідомчому співробітництві, виставковій діяльності тощо. Значно збільшилися терміни підготовки проєктів та комерційних контрактів (Матеріали до звіту 2002: 21 – 23).

8. У сфері статистики двосторонніх українсько-чеських торговельно-економічних відносин необхідно удосконалити методику статистичних підрахунків двостороннього товарообігу, наблизивши її до методики Європейського Сою-

зу. В Україні для підрахунку товарообігу між країнами використовуються різні джерела статистики – поряд з державною є й відомча статистика. Це, передовсім, статистика митних органів. Упродовж усього часу у двосторонній торгівлі існують значні розбіжності у статистичних показниках, якими Україна та Чеська Республіка обліковує цю сферу. Це не дає можливості, по-перше, реально оцінити стан українсько-чеської торгівлі. По-друге, ускладнює питання захисту інтересів українських експортерів на ринку ЧР, оскільки при проведенні розслідувань з метою захисту національних виробників від небажаного імпорту та відповідному застосуванні тарифних і нетарифних обмежувальних заходів чеська сторона визначає обсяги та вартість імпорту з України «чутливих» товарів виключно на підставі власної статистики. Натомість державні органи та суб'єкти господарювання України керуються українськими статистичними даними, які значно різняться від чеських. По-третє, різні статистичні показники можуть приховувати зловживання, незаконні торгові схеми, ухилення від оподаткування, укриття реальних доходів та прибутків, відмивання коштів тощо (Корсак 2016b: 399).

III. Культурна сфера міжетнічних відносин

Українсько-чеське культурне міжетнічне співробітництво мало глибокі корені і сприятливий ґрунт для розширення. Країни й етноси ніколи не конфліктували в історичному минулому і між ними не існувало негативної історичної спадщини. Навпаки, в 1918 – 1920 рр. Україна зробила ряд кроків, які сприяли утвердженню Чехословацької державності, а ЧСР прийняла численну українську політичну і культурну еміграцію та створила для неї майже ідеальні умови культурно-національного життя, дала позитивний поштовх національному розвитку Закарпаття (Культурно-гуманітарне 2002).

Усе це створювало добре підґрунтя для успішної українсько-чеської співпраці на початку ХХІ ст. Для цього Україна повинна була перейти від кількісних акцій і оцінок до систематичної культурної присутності в Чехії через українське радіо і телебачення на ЧР, через проведення днів і місячників української культури, відкриття і діяльність українських культурних центрів, відкриття постійно діючих українських кореспондентських центрів, регулярні інтерв'ю з діячами української культури і науки, поширення української преси і книги, тобто через створення цілісної системи постійної присутності України в чеському суспільстві. Все це разом із створенням веб-сторінок Президента, Прем'єра, Голови Верхо-

вної Ради, міністрів освіти і культури, академіків НАН України, розширенням діяльності неурядових організацій, культурного і наукового обміну між українськими і чеськими регіонами, широку співпрацю з діаспорою і т. п. засвідчило б постійну культурну присутність України у Чехії.

Водночас можемо констатувати, що впродовж першого десятиліття XXI ст. цілком занедбалось культурне і гуманітарне співробітництво двох етносів, формування позитивного образу України у Чехії. Проведення кількох пропагандистських акцій не дало жодного результату. Українські державні чиновники забули, або ж і не знали, що зовнішня кампанія формування позитивного іміджу країни має включати пропаганду і популяризацію національних культурних надбань свого етносу, тобто рекламу національної історії, досягнень культури, національних демократичних традицій – всього, що витворили і творять українці (Корсак 2016b: 402 – 406).

IV. Туристична сфера міжетнічних відносин

У XXI ст. співпраця українського та чеського етносів у сфері туризму відбувається крізь призму відносин цієї країни з ЄС. Західний кордон України став кордоном між Україною та ЄС – втіленням курсу на європейську інтеграцію у межах реалізації спільних угод і проектів. Актуальними є питання реалізації туристичної політики України, оскільки туризм визнано пріоритетною сферою, і його розвиток визначатиме її спеціалізацію у майбутньому. А співпраця з Чехією та іншими країнами ЄС, використання їхнього досвіду слугуватиме гарантом успіху та допоможе розвинути національну стратегію формування політики у сфері туризму.

Розвиток співпраці України з Чеською республікою і ЄС у сфері туризму відбувається згідно з Указом Президента України «Про заходи щодо забезпечення реалізації державної політики у сфері туризму». Забезпечення євроінтеграційної діяльності – невід’ємна складова реалізації державної політики у сфері туризму, що визначається Законом України Про внесення змін до Закону України «Про туризм» від 18 листопада 2003 р. №1282-IV (розділ VII, ст.35) (Корсак, Фуртій 2016, 128 – 131).

Через Спеціальне представництво України при ЄС туристичним відомством України подано заявку щодо включення України у перспективні програми співробітництва у сфері туризму, зокрема фінансової і технічної допомоги, а також інвестиційні проекти ЄС. У ст. 72 Розділу VII «Економічне співробітництво»

Йдеться про туризм і зазначається, що сторони розширюють та розвивають співпрацю, яка включає: сприяння туризму, співробітництво між офіційними туристичними організаціями, збільшення потоку інформації, передачу «ноу-хау», вивчення можливостей спільної діяльності, підготовку персоналу з метою розвитку туризму.

У межах реалізації міжурядових і міжвідомчих угод про співробітництво у сфері туризму в Україні було створено 10 міжвідомчих робочих груп з такими країнами ЄС: Чехією, Австрією, Італією, Латвією, Литвою, Німеччиною, Польщею, Словаччиною, Словенією та Угорщиною. У межах двостороннього українсько-чеського туристичного співробітництва відбулося декілька важливих візитів міністрів туризму і керівників відповідних туристичних відомств, інших державних органів зарубіжних країн в Україну, а також керівництва органу виконавчої влади у сфері туризму України до Чехії та інших країн ЄС, що значно сприяло налагодженню конструктивного діалогу, оптимізації взаємодії у забезпеченні стабільних туристичних потоків та збільшенні обсягів туристичних обмінів, підвищенню економічної ефективності туристичних зв'язків.

27 жовтня 2006 р. у Гельсінкі (Фінляндія) відбувся Саміт Україна – ЄС на найвищому рівні, на якому обговорювалися важливі питання і було прийнято низку рішень. Учасники Саміту привітали успішне завершення переговорів щодо угод між Україною і ЄС про спрощення візового режиму і реадмісії та парафували обидва документи. Зі свого боку ЧР також підтвердила бажання спростити візовий режим з Україною (Корсак 2017, 82 – 86).

На території України при підтримці ЄС створюються системи туристичних інформаційних центрів у рамках програм технічної допомоги Twinning Projects. Загальна мета реалізації цього проекту – створення ефективною та дієвою системи розповсюдження інформаційно-рекламних матеріалів через забезпечення функціонування мережі центрів туристичної інформації у регіонах України (Agenda pro 2013, 46 – 47).

Одним із напрямів співпраці з ЄС у сфері туризму є участь у Національній програмі TACIS, створеної для підтримки малих і середніх підприємств з метою забезпечення ефективного функціонування туристичної інфраструктури за напрямками міжнародних транспортних коридорів. Прийнято Програму розбудови туристичної інфраструктури за напрямками національної мережі міжнародних транспортних коридорів та основних транспортних магістралей у 2004 – 2010

рр. Першочерговими заходами щодо реалізації Програми визначено будівництво, реконструкцію автомобільних доріг, облаштування їх туристичною інфраструктурою та об'єктами сервісу. Проект ТАСІС «Підтримка місцевого розвитку та туризму Карпатського регіону» (реалізується з червня 1999 р.) є угодою про співробітництво в розвитку туризму чотирьох областей (Закарпатської, Івано-Франківської, Львівської та Чернівецької) (Коґан 2011: 15 – 17; Корсак 2017: 82 – 86).

Україна зацікавлена у продовженні та поглибленні євроінтеграційного напрямку, насамперед з урахуванням завдань адаптації туристичного законодавства України до відповідних директив і стандартів ЄС. Практичний досвід Чехії та інших країн з розвиненим туризмом доводить необхідність надання державної підтримки розвитку туризму, зокрема фінансування міжнародної діяльності як одного з основних напрямів реалізації державної політики у сфері туризму, що є передумовою розвитку міжнародного туризму, формування галузі як високоприбуткового сектора економіки, чинника соціального розвитку та культурного піднесення країни при збереженні її самобутності, гармонійної інтеграції України в європейські та світові глобалізаційні туристичні процеси (Корсак, Фуртій 2016: 128 – 131).

Співпраця України, Чехії та ЄС у сфері туризму повинна знаходити широке висвітлення, необхідно проводити в Україні міжнародні спеціалізовані семінари, конференції із залученням вітчизняних та іноземних організацій для вивчення передового досвіду організації туристичної діяльності, освоєння туристичних ринків, визначення перспектив розвитку новітніх технологій надання туристичних послуг, формування туристичної стратегії та стандартів обслуговування, а також брати участь у відповідних заходах за кордоном. Варто налагодити систему обміну досвідом на постійній основі з відповідними структурами ЄС та Чеської Республіки, а також державними органами зі сфери туризму країн – членів ЄС щодо законодавчого та організаційного забезпечення високопродуктивної туристичної діяльності, зокрема адаптації національного законодавства у сфері туризму до норм ЄС.

Отже, покращення українсько-чеських міжетнічних відносин має відбуватися з урахуванням чеського зовнішньополітичного досвіду та досвіду реформування чеського суспільства відповідно до вимог і стандартів ЄС. Також необхідно відзначити, що у двосторонніх міжетнічних відносинах України з Чеською Ре-

спублікою є резерви і перспективи їх інтенсифікації у політичній, економічній, культурній сферах та у туристичній галузі.

Список літератури:

1. Культурно-гуманітарне 2002 - Культурно-гуманітарне співробітництво між Україною та Чехією. Інформаційна довідка // Посольство України в ЧР. [Електронний ресурс]: <http://czechia.mfa.gov.ua/ua/ukraine-czechia/culture>.
2. Матеріали до звіту 2002 - Матеріали до звіту про роботу Посольства України у Чеській Республіці в частині торговельно-економічного співробітництва у 2002 р. // Справа № 19/42 від. 24.12.2002. 37 с.
3. Матеріали до звіту 2003 - Матеріали до звіту про роботу Посольства України у Чеській Республіці в частині торговельно-економічного співробітництва у 2003 р. // Справа № 21/51 від 25.12.2003. 38 с.
4. Гетьманчук 2005 - *Гетьманчук О.* Україна – Чехія: дружимо поза ЄС // Дзеркало тижня. 2005. № 23. С. 5.
5. Кіцила 2004 - *Кіцила Л.Ю.* Реалізація курсу Чеської республіки на інтеграцію до Європейського Союзу: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата політичних наук. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2004. 18 с.
6. Корсак 2017 - *Корсак Р.В.* Інституційна організація туризму в ЄС: практика застосування в Україні // Східноєвропейський історичний вісник. Дрогобич: Посвіт, 2017. Вип. 2. С. 82 – 86.
7. Корсак 2016а - *Корсак Р.В.* Історія українсько-чеських дипломатичних відносин: політика, економіка, туризм. Історико-дипломатичне дослідження. Ужгород, 2016. 188 с.
8. Корсак 2016б - *Корсак Р.В.* Політична і економічна співпраця України та Чехії в умовах трансформації суспільних відносин (2000 – 2012 рр.). Ужгород: Видавництво ФОП Бреза А.Е., 2013. 518 с.
9. Корсак 2014 - *Корсак Р.В.* Украинско-чешский экономический диалог (2010 – 2013 гг.) // Оралдың ғылым жаршысы. – Уральск: Уралнаучкнига, 2014. № 29 (108). С. 115 – 118.
10. Корсак, Фуртій 2016 - *Корсак Р.В., Фуртій В.В.* Розвиток туризму у Чехії: досвід організації для України (кін. ХХ ст. – поч. ХХІ ст.) // Гілея: науковий вісник. Збірник наукових праць. 2016. Вип. 107 (4). С. 128 – 131.

11. Федурця 2006 - *Федурця В.П.* Система регулювання зовнішньоекономічних зв'язків у Чеській Республіці: досвід організації для України: автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата економічних наук. Ужгород: УжНУ, 2006. 20 с.
12. Цуп 2009 - *Цуп О.В.* Чеська Республіка і Україна в міждержавних відносинах кінця ХХ – початку ХХІ ст.: автореф. дис. канд. іст. наук: 07.00.02; Львів. нац. ун-т ім. І. Франка. Л., 2009. 20 с.
13. Черник 2009 - *Черник П.* Україна в геополітичних концепціях Чехії та Словаччини ХХ ст. // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку, випуск 21. Львів: «Львівська політехніка», 2009. С. 172 – 179.
14. Agenda pro 2011 - *Agenda pro českou zahraniční politiku 2011* / Ed. Vit Dostal, Tomáš Karasek, Michal Thim. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2011. 214 s.
15. Agenda pro 2012 - *Agenda pro českou zahraniční politiku 2012* / Ed. Vit Dostal, Tomáš Karasek, Michal Thim. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2012. 216 s.
16. Agenda pro 2013 - *Agenda pro českou zahraniční politiku 2013* / Ed. Vit Dostal, Jakub Eberle Tomáš Karasek. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2013. 68 s.
17. Hřích 2010 - *Hřích J.* Hospodářsky rozměr česke zahraniční politiky. Důležitý nástroj boje s hospodářskou krizí // *Česka zahraniční politika v roce 2009. Analyza UMV.* Praha: Ustav mezinárodních vztahů. 2010. S. 303 – 316.
18. Kořan 2009 - *Kořan M.* Politický kontext a tvorba česke zahraniční politiky v roce 2008 // *Česka zahraniční politika v roce 2008. Analyza UMV.* Praha: Ustav mezinárodních vztahů, Praha, 2009. S. 13 – 40.
19. Kořan 2010 - *Kořan M.* Politický kontext a tvorba česke zahraniční politiky v roce 2009 // *Česka zahraniční politika v roce 2009. Analyza UMV.* Praha: Ustav mezinárodních vztahů, Praha, 2010. S. 15 – 40.
20. Kořan 2011 - *Kořan M.* Politický kontext a tvorba česke zahraniční politiky v roce 2010 // *Česka zahraniční politika v roce 2010. Analyza UMV.* Praha: Ustav mezinárodních vztahů, 2011. S. 15 – 32.
21. Kořan 2012 - *Kořan M.* Politický kontext a tvorba česke zahraniční politiky v roce 2011 // *Česka zahraniční politika v roce 2011. Analyza UMV.* Praha: Ustav mezinárodních vztahů, Praha, 2012. 379 s.

22. Palata 2011 - *Palata L.* Otázka smyslu Ukrajiny // *Mezinarodni politika*. Praha: MZV, 2011. № 9. S. 2.
23. Votapek 2004 – *Votapek V.* Ceska vyhodni politika // *Zahranicni politika Ceske republiky 1993 – 2004. Uspechy, problemy a perspektivy* / [O. Pick, V. Handl (eds.) a kolektiv autoru]. Praha: Ustav mezinarodnich vztahu, 2004. S. 99 – 108.

References:

1. Kulturno-humanitarne 2002 - Kulturno-humanitarne spivrobitnytstvo mizh Ukrainoiu ta Chekhiieiu. Informatsiina dovidka [Cultural-humanitarian cooperation between Ukraine and Czechia. An informational reference] // *Posolstvo Ukrainy v ChR*. [Elektronnyi resurs]: <http://czechia.mfa.gov.ua/ua/ukraine-czechia/culture>.
2. Materialy do zvituu 2002 - Materialy do zvituu pro robotu Posolstva Ukrainy u Cheskii Respublitsi v chastyni torhovelno-ekonomichnoho spivrobitnytstva u 2002 r. [Materials on the report about the work of the Ukrainian Embassy in the Czech Republic regarding trade and economic cooperation in 2002] // *Sprava № 19/42 vid 24.12.2002*. 37 s.
3. Materialy do zvituu 2003 - Materialy do zvituu pro robotu Posolstva Ukrainy u Cheskii Respublitsi v chastyni torhovelno-ekonomichnoho spivrobitnytstva u 2003 r. [Materials on the report about the work of the Ukrainian Embassy in the Czech Republic regarding trade and economic cooperation in 2003] // *Sprava № 21/51 vid 25.12.2003*. 38 s.
4. Hetmanchuk 2005 - Hetmanchuk O. Ukraina – Chekhiia: druzhymo poza EU [Ukraine – Czechia: We Are Friends Even Beyond the EU] // *Dzerkalo tyzhnia*. 2005. № 23. S. 5.
5. Kitsyla 2004 - Kitsyla L.Iu. Realizatsiia kursu Cheskoii respubliky na intehratsiiu do Yevropeiskoho Soiuzu [The Realisation of the Course of the Czech Republic To the Integration With the European Union] : Avtoreferat dysertatsii na zdobuttia naukovooho stupenia kandydata politychnykh nauk. Lviv: LNU im. I. Franka, 2004. 18 s.
6. Korsak 2017 - Korsak R.V. Instytutsiina orhanizatsiia turyzmu v YeS: praktyka zastosuvannia v Ukraini [The Institutional Organisation of Tourism in the EU: It's Application Practice in Ukraine] // *Skhidnoievropeiskyi istorychnyi visnyk*. Drohobych: Posvit, 2017. Vyp. 2. S. 82 – 86.

7. Korsak 2016a - Korsak R.V. Istoriia ukrainsko-cheskykh diplomatychnykh vidnosyn: polityka, ekonomika, turizm [The History of the Ukrainian-Czech Diplomatic Relations: Politics, Economy, Tourism]. Istoryko-dyplomatychnе doslidzhennia. Uzhhorod, 2016. 188 s.
8. Korsak 2016b - Korsak R.V. Politychna i ekonomichna spivpratsia Ukrainy ta Chekhii v umovakh transformatsii suspilnykh vidnosyn (2000 – 2012 rr.) [Political and economic cooperation of Ukraine and Czechia in the conditions of transformation of the public relation (2000 – 2012)]. Uzhhorod: Vydavnytstvo FOP Breza A.E., 2013. 518 s.
9. Korsak 2014 - Korsak R.V. Ukrainsko-cheskij ehkonomicheskij dialog (2010 – 2013 gg.) [Ukrainian- Czechish Economic Dialog (2010 – 2013)] // Оралдыҕылым жаршысы. – Ural'sk: Uralnauchkniga, 2014. № 29 (108). S. 115 – 118.
10. Korsak, Furtii 2016 - Korsak R.V., Furtii V.V. Rozvytok turizmu u Chekhii: dosvid orhanizatsii dlia Ukrainy (kin. XX st. – poch. XXI st) [Tourism development in Czechia: The Organisational Experience For Ukraine (end of the XX – beginning of the XXI cc.)] // Hileia: naukovyi visnyk. Zbirnyk naukovykh prats. 2016. Vyp. 107 (4). S. 128 – 131.
11. Fedurtsia 2006 - Fedurtsia V.P. Systema rehuliuвання zovnishnoekonomichnykh zviazkiv u Cheskii Respublitsi: dosvid orhanizatsii dlia Ukrainy [The System of Regulation of Foreign Economic Relations in Czech Republic: experience of the organisation for Ukraine]: avtoreferat dysertatsii na zdobuttia naukovooho stupenia kandydata ekonomichnykh nauk. Uzhhorod: UzhNU, 2006. 20 s.
12. Tsup 2009 - Tsup O.V. Cheska Respublika i Ukraina v mizhderzhavnykh vidnosynakh kintsia XX – pochatku XXI st. [The Czech Republic and Ukraine In the Interstate Relations of the End XX – Beginning XXI Centuries]: avtoref. dys. kand. ist. nauk: 07.00.02; Lviv. nats. un-t im. I. Franka. L., 2009. 20 s.
13. Chernyk 2009 - Chernyk P. Ukraina v heopolitychnykh kontsepsiakh Chekhii ta Slovachchyny XX st. [Ukraine In the Geopolitical Concepts of Czechia and Slovakia in the XX Century] // Ukrainska natsionalna ideia: realii ta perspektyvy rozvytku, vypusk 21. Lviv: «Lvivska politekhnik», 2009. S. 172 – 179.
14. Agenda pro 2011 - Agenda pro českou zahraniční politiku 2011 [The Program of the Czech Foreign Policy of 2011] / Ed. Vit Dostal, Tomáš Karasek, Michal Thim. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2011. 214 s.

15. Agenda pro 2012 - Agenda pro českou zahraniční politiku 2012 [The Program of the Czech Foreign Policy of 2012] / Ed. Vit Dostal, Tomáš Karasek, Michal Thim. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2012. 216 s.
16. Agenda pro 2013 - Agenda pro českou zahraniční politiku 2013 [The Program of the Czech Foreign Policy of 2013] / Ed. Vit Dostal, Jakub Eberle Tomáš Karasek. Praha: Asociace pro mezinárodní otázky (AMO), 2013. 68 s.
17. Hřích 2010 - Hřích J. Hospodářsky rozměr české zahraniční politiky. Důležitý nástroj boje s hospodářskou krizí [The Economic Scale of the Czech Foreign Policy In the State of Economic Crisis] // Česka zahraniční politika v roce 2009. Analýza UMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů. 2010. S. 303 – 316.
18. Kořan 2009 - Kořan M. Politický kontext a tvorba české zahraniční politiky v roce 2008 [The Political Context and Creativity In the Foreign Policy of 2008] // Česka zahraniční politika v roce 2008. Analýza UMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, Praha, 2009. S. 13 – 40.
19. Kořan 2010 - Kořan M. Politický kontext a tvorba české zahraniční politiky v roce 2009 [The Political Context and Creativity In the Foreign Policy of 2009]// Česka zahraniční politika v roce 2009. Analýza UMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, Praha, 2010. S. 15 – 40.
20. Kořan 2011 - Kořan M. Politický kontext a tvorba české zahraniční politiky v roce 2010 [The Political Context and Creativity In the Foreign Policy of 2010] // Česka zahraniční politika v roce 2010. Analýza UMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2011. S. 15 – 32.
21. Kořan 2012 - Kořan M. Politický kontext a tvorba české zahraniční politiky v roce 2011 [The Political Context and Creativity In the Foreign Policy of 2011] // Česka zahraniční politika v roce 2011. Analýza UMV. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, Praha, 2012. 379 s.
22. Palata 2011 - Palata L. Otázka smyslu Ukrajiny [The question of the meaning of Ukraine] // Mezinárodní politika. Praha: MZV, 2011. № 9. S. 2.
23. Votapek 2004 – Votapek V. Česká výhodní politika [The Advantageous Czech Policy] // Zahraniční politika České republiky 1993 – 2004. Úspěchy, problémy a perspektivy / [O. Pick, V. Handl (eds.) a kolektiv autorů]. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2004. S. 99 – 108.

The Concept of Higher Specialized Education Development in the Scientific Activities of Professor N. Kravchenko

Volodymyr Shulha,

National Aviation University of Ukraine

Abstract: The author has analyzed the pedagogical activities of the famous Ukrainian scientist, Doctor of Agricultural Sciences, Professor N. Kravchenko. It is generalized his contribution to the organization of the first higher specialized educational structures in Ukraine, which have received the status of the leading branch scientific centers. His achievements in the scientific and methodological support of the educational process, the preparation of educational literature were highlighted. The basic directions of activities of the scientific school founded by him in the branch of breeding and selection of farm animals were revealed. It is proved that the concept of the development of higher specialized education, substantiated by N. Kravchenko, was used in the training of highly qualified personnel both in Ukraine and in some foreign socialist countries in the 60–80`s of the XX century.

Keywords: higher education, animal science, scientific school, history of science and pedagogy.

Концепция развития высшего специализированного образования в творческой деятельности профессора Н. А. Кравченко

Владимир Шульга,

Национальный авиационный университет Украины

Аннотация: Автор провел анализ педагогической деятельности известного украинского ученого, доктора сельскохозяйственных наук, профессора Н. А. Кравченко. Обобщен его вклад в организацию первых высших специализированных учебных структур в Украине, которые получили статус ведущих отраслевых научных центров. Освещены его достижения в научно-методическом

обеспечении образовательного процесса, подготовке учебной литературы. Раскрыты основные направления деятельности основанной им научной школы в отрасли разведения и селекции сельскохозяйственных животных. Доказано, что обоснованная Н. А. Кравченко концепция развития высшего специализированного образования использовалась при подготовке кадров высшей квалификации, как в Украине, так и некоторых зарубежных социалистических странах в 60–80-х гг. XX ст.

Ключевые слова: высшее образование, зоотехническая наука, научная школа, история науки и педагогики.

1. Введение. На современном этапе реформирования высшего образования в Украине не рассматривают отдельно от развития мировых образовательных систем, в частности европейской. В связи с этим необходимо привести ее научно-методическую базу, структурирование и упорядочение перечня ее специальностей, информационное обеспечение учебного процесса и доступ к международным образовательным системам соответственно мировым требованиям. Основой ее органического вхождения в европейскую систему образования является обеспечение высокого качества благодаря, как внедрению современных форм и методик обучения, расширению международных контактов, так и изучению собственного исторического опыта. Творческое наследие известных отечественных ученых, которые способствовали организации системы высшего специального образования, подготовке учебно-методической литературы, следует учитывать при дальнейшем ее развитии в условиях евроинтеграции.

2. Задачи исследования. В организацию высших специализированных учебных структур в УССР, получение ими статуса ведущих отраслевых научных центров весомый вклад осуществил профессор Н. А. Кравченко. Отдельные аспекты его педагогической деятельности отражены в научных трудах В. П. Бурката, К. А. Найдено, Ю. Д. Рубана, В. М. Зубца, И. С. Бородай [2, 7, 8, 4, 1]. Однако до этого времени целостного анализа его профессиональной деятельности в контексте становления и развития высшего специализированного образования проведено еще не было и рассматривалось как основная задача этого исследования. Методологическую основу исследовательского поиска составили общенаучные и исторические методы, методы архивного анализа.

3. Результаты исследования. На основе изучения архивных источников нами установлено, что началом педагогической деятельности Н. А. Кравченко является 1933 г., когда он был приглашен для чтения общих курсов «Свиноводство» и «Основы животноводства» в Башкирский сельскохозяйственный институт. После окончания аспирантуры Московской сельскохозяйственной академии и защиты кандидатской диссертации в 1936 г., получил направление в Гори-Горецкий сельскохозяйственный институт (Беларусь), где работал в течение двух лет в должности доцента кафедры разведения сельскохозяйственных животных, преподавал курсы «Крупный рогатый скот», «Свиноводство». Помимо этого, руководил производственной практикой студентов зоотехнического факультета. В 1938 г. Н. А. Кравченко вне конкурса был избран доцентом кафедры животноводства Днепропетровского сельскохозяйственного института (Украина), где читал курсы «Свиноводство», «Овцеводство», «Птицеводство» [2, с. 365].

В 1940 г. Н. А. Кравченко подал заявку на участие в конкурсе на заведение кафедрой животноводства в Киевский ветеринарный институт. Архивные документы свидетельствуют, в то время в составе института функционировал один факультет – ветеринарный. Однако, кроме специальных ветеринарных кафедр была открыта кафедра животноводства, которая по инициативе Н. А. Кравченко в 1940 г. была преобразована в кафедру разведения и специальной зоотехнии. Ученый возглавлял кафедру более 15 лет, преподавал курс «Разведение сельскохозяйственных животных» и «Специальная зоотехния», осуществлял руководство практическими занятиями. С 1948 по 1953 г. по совместительству заведовал кафедрой дарвинизма при биологическом факультете Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко. В этот период на базе Киевского ветеринарного факультета основал научную школу по разведению и селекции сельскохозяйственных животных. Его учениками разработаны вопросы породообразования и индивидуального развития, эффективные методы разведения и селекции, оценки племенной ценности сельскохозяйственных животных.

Таким образом, уже в этот период Н. А. Кравченко формируется как организатор системы высшего специализированного образования в Украине. Разрабатывает ряд научно-методических пособий и материалов, учебников. В частности, в 1951 г. подготовил программу по разведению сельскохозяйствен-

ных животных для зоотехнических факультетов сельскохозяйственных вузов, а в 1953 г. программу производственной практики по зоотехнии и зоогигиене. В 1954 г. издал в соавторстве учебник «Штучний добір тварин» для учителей сельскохозяйственных вузов [9, с. 49].

В 1953–1954 гг. Н. А. Кравченко был в длительной командировке в Венгрии, где прочитал курс разведения сельскохозяйственных животных в Аграрном университете в Гёдёллэ. Стоит отметить, что уже в этот период его лекции по разведению сельскохозяйственных животных пользовались чрезвычайной популярностью, в 1954 г. их было опубликовано на венгерском и других языках мира.

По возвращении в Украину, профессор Н. А. Кравченко отдает все силы реформированию системы высшего специализированного образования. В истории отечественной науки эти годы ассоциированы с поисками оптимальных форм развития сельскохозяйственного образования. В целях совершенствования управления наукой, повышения теоретического уровня исследований, внедрения в производство достижений науки и передового опыта согласно постановления Совета Министров УССР №1566 от 30 декабря 1956 г. была создана Украинская академия сельскохозяйственных наук. Академия координировала научно-исследовательскую работу 87 научно-исследовательских учреждений, отраслевых исследовательских станций и некоторых институтов союзного подчинения, находившихся на территории УССР. Приказом Министерства сельского хозяйства СССР от 21 января 1957 г. № 18 в ее состав включен Киевский ветеринарный институт (на правах факультета) [1, с. 95].

Академия была учреждением нового советского образца, не имела аналогов в Украине, объединяла все научные учреждения, работавшие в области сельскохозяйственной науки. Безусловно, это способствовало сближению сельскохозяйственной науки с высшим специальным образованием, активизации процесса подготовки специалистов высшей квалификации. Первым деканом и организатором зоотехнического факультета был назначен профессор Н. А. Кравченко. Он также заведовал кафедрой разведения сельскохозяйственных животных, продолжал читать лекции [3, с. 66].

В этот период Н. А. Кравченко обосновывает идею, согласно которой качество усвоения знаний зависит от организации обучения, а не от методов контроля успеваемости. Его методы обучения, производственной практики отлича-

лись оригинальностью подходов, имели действующие результаты. В частности, читая лекции, ему удавалось привлекать всех студентов к активному процессу познания. Неоднократно подчеркивал: «Обучение – титанический труд, требует сфокусированных действий всех положительных качеств человека в героическом ракурсе» [4, с. 35].

Фактически ключевым направлением педагогической деятельности Н. А. Кравченко стало формирование новой концепции высшего специализированного образования, сочетающей в себе лучшие достижения отечественной и зарубежной систем образования, основывалась на воспитании гармонично развитой личности. Ученый требовал от своих студентов не только получения теоретических и практических навыков в области зоотехнии. Видел задачу высшей школы в том, чтобы всесторонне развивать заложенные в них способности. Считал, что для формирования здорового, всесторонне развитого поколения необходимо как можно больше внимания уделять физической подготовке, участию в спортивных соревнованиях, художественной самодеятельности и пр.

На лекциях по разведению сельскохозяйственных животных сравнивал работу зоотехника с талантом творца: «В творческой работе зоотехника над усовершенствованием стад и пород много общего с трудом художника, пишущего картину, или скульптора, высекающего из бесформенного куска мрамора статую. И художник, и скульптор, и зоотехник, прежде чем начать свое дело, должны достаточно четко себе представить, к чему они стремятся, нарисовать себе мысленно тот образ, те основные характерные черты, какие они будут затем упорно воплощать на полотне, в мраморе или в стаде животных. Однако между творчеством художника и скульптора, с одной стороны, и зоотехника – с другой, имеются и весьма существенные отличия – работа с живыми организмами, работа более сложная...» [5, с. 8].

Н. А. Кравченко не устраивали некоторые методологические направления педагогики высшей школы. Однако, понимая, что для преобразования этих вопросов не хватит жизни, ограничивался нововведениями в рамках своей работы. Особенное внимание уделял организации производственной практики. Подчеркивал, если студент во время учебы не погрузится с головой в производство, будет напоминать человека в солдатской форме, но без малейшего представления о своем назначении. Поэтому все свои профессиональные и человеческие качества использовал, чтобы воспитанники его факультета определя-

лись в хозяйства, которые представляли собой производственные академии. Контролировал лично выполнение программ производственной практики.

Новая концепция высшего специализированного образования включала, в первую очередь, активизацию научно-методического обеспечения учебного процесса. Поэтому профессор Н. А. Кравченко активно участвовал в подготовке новых учебников и учебных пособий. В 1957 г. подготовил пособия «Разведение сельскохозяйственных животных» и «Основы животноводства». В 1963 г. опубликовал учебник для зоотехнических факультетов «Разведение сельскохозяйственных животных», который стал настольной книгой многих поколений зоотехников. В 1965 г. был приглашен для чтения лекций по генетике и разведению сельскохозяйственных животных в Монголии [2, с. 367].

Достижения Н. А. Кравченко признало и мировое научное сообщество. Его научные книги, учебники переводились и печатались во многих зарубежных странах. Это, в частности, учебник «Разведение сельскохозяйственных животных», монография «Племенной подбор» [7, с. 90].

В 1966-1981 гг. Н. А. Кравченко продолжал руководить кафедрой разведения сельскохозяйственных животных академии, в 1981-1986 гг. оставался профессором этой кафедры. Данный период отмечен новыми достижениями в подготовке учебно-методических материалов. В частности, в 1967 г. он опубликовал в соавторстве учебник «Генетика» для зоотехнических и ветеринарных факультетов. Издал фундаментальные научные пособия: «Племенное дело в скотоводстве» (1967) и «Породы мясного скота» (1979). Последнее из них и сейчас остается настольной книгой для специалистов мясной отрасли Украины. В 1987 г. переиздал учебник «Разведение сельскохозяйственных животных» [8, с. 22].

Н. А. Кравченко регулярно читал лекции для специалистов по племенному делу, зоотехников и ветеринарных врачей-производственников. Был представителем и активным членом сельскохозяйственной секции Республиканского общества по распространению научного и политехнического знания, членом экспертной комиссии Высшей Аттестационной Комиссии, зоотехнической совета Министерства сельского хозяйства УССР, методической комиссии Управления высших и средних учебных заведений Министерства сельского хозяйства СССР и выполнял ряд других общественных поручений. В 1975 г. за значительные достижения в развитии зоотехнической науки УССР, совершенствование

системы специализированного высшего образования, организации научного обеспечения отрасли животноводства Н. А. Кравченко присвоено звание «Заслуженный деятель науки УССР».

5. Выводы. Таким образом, Н. А. Кравченко осуществил весомый вклад в разработку концепции развития высшего специализированного образования в Украине и зарубежных социалистических странах в 60–80-х гг. XX ст. Организовал одну из первых в УССР кафедру разведения сельскохозяйственных животных при Киевском ветеринарном институте, а также зоотехнический факультет Украинской академии сельскохозяйственных наук, которые получили статус ведущих отраслевых научных центров. Способствовал активизации учебного процесса, его научно-методического обеспечения. Подготовил единолично и в соавторстве 6 учебников, 5 пособий, 16 программ и методических указаний для курса разведения сельскохозяйственных животных и производственной практики для зоотехнических факультетов сельскохозяйственных вузов. Лучшими учебниками, подготовленными Н. А. Кравченко, являются «Разведение сельскохозяйственных животных» (1963) и «Генетика» (1967), пособия «Породы мясного скота» (1979), «Племенное дело в животноводстве» (1987). Разработанные им учебники и пособия несколько раз переиздавались в Украине и зарубежных странах.

Список литературы:

1. Бородай І. С. Теоретико-методологічні основи становлення та розвитку вітчизняної зоотехнічної науки : монографія. Вінниця, 2012. – 416 с.
2. Буркат В. П., Бородай І. С. Історичні аспекти розвитку теорії селекції у скотарстві України : монографія. Київ, 2006. – 584 с.
3. Діденко В. В. Нарис історії Національного аграрного університету (до сторіччя заснування). Київ, 1998. – 175 с.
4. Зубець М. В. Завжди поряд із своїми вихованцями. Талант і добро вічні як світ. Київ : Аграрна наука, 1999. – С. 25–46.
5. Кравченко Н. А. Племенной подбор при разведении по линиям. Москва, 1954. – 263 с.
6. Найденко К., Витрихівська А. Путь к вершинам (Автобиография Н. А. Кравченко). Науковий вісник НУБіП України. Київ, 2009. Вип. 138. – С. 410–419.

7. Найденко К. А. Кравченко Микола Антонович. Вчені-селекціонери у тваринництві. Київ : Аграрна наука, 1997. – С. 90–91.
8. Рубан Ю. Д. Научные принципы профессора Н. А. Кравченка, защита истины и государство. Киев, 2009. – 276 с.
9. Шутьга В. П. Професор М. А. Кравченко – організатор системи вищої фахової освіти в УРСР. Гілея. Науковий вісник. Київ, 2017. Вип. 116(№1). – С. 48–51.

Religious Sense of the Russian Revolution

Igor I. Orlov,

*Doctor of Art Studies, Professor of Lipetsk State Technical University,
Member of International Academy of Natural History (United
Kingdom-London), Doctor of Science, Honoris Causa, the Member of the
Creative Union of Designers of the Russian Federation,
Russia, Lipetsk State Technical University, Russia. 398055, Lipetsk,
Moskovskaya str., 30,*

Marine L. Polovinkina,

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Lipetsk State
Technical University, Russia, Lipetsk State Technical University,
Russia, 398055, Lipetsk, Moskovskaya str., 30*

Abstract: Article is devoted to a problem of judgment of religious essence of the Russian revolution of 1917. The left 20th century was very eventful which shook Russia and, without exaggeration, had impact on history of the whole world. Pertinently to speak about a phenomenon of metaphysics of the Russian history – about a fulfillment of God's Trade over mankind. Events of the left century shook fundamental bases of life of Russia, the ontology of the person changed: way of knowledge and perception, method of contemplation and creation of outlook. And to it there are objective reasons – political, technogenic, social, but first of all, deeply religious.

Keywords: revolution, Orthodox clergy, Synod, religiousness, mysticism.

The left 20th century was very eventful which shook Russia and, without exaggeration, had impact on history of the whole world. Pertinently to speak about a phenomenon of metaphysics of the Russian history – about a fulfillment of God's Trade over mankind. Events of the left century shook fundamental bases of life of Russia, the ontology of the person changed: way of knowledge and perception, method of contemplation and creation of outlook. And to it there are objective reasons – political, technogenic, social, but first of all, deeply religious. If to argue on the metaphysical, repeating algorithms of history, pertinently to speak about an ideal

of Sacred Russia as about the state forming core thanks to which we took place and could survive even at enormous losses as for the last one thousand years seven hundred years stayed the Russian state in various wars! In spite of the fact that after October, 1917 passed 100 years, and from the point of view of the facts, the question is thoroughly investigated, still in our society there are opposite estimates of those events, political disputes still didn't cool down. The reason of it, first, in absence of world outlook unity, that is uniform criteria of an assessment of historical events. Secondly, a source of ambiguity of estimates of "October of the 17th", the frank immorality of the power shown during a new democratic revolution and, as a result, more and more going deep abyss of social polarization, division still of rather uniform society on rich and poor is recently. It unexpectedly recovered "class approach" in minds of millions, having caused protest moods and sympathies for idea of a social revolution.

By the beginning of the XX century the well-known uvarovsky triad "Orthodoxy, autocracy, a nationality" ceased to work. It not only didn't work at practice, but also bore in herself an internal ideological contradiction as since the time of Peter I the church was part of government, that is "autocracy" absorbed "Orthodoxy". The subordinated position of Russian Orthodox Church partly predetermined spiritual crisis of the beginning of the XX century. And this crisis was expressed not only in contradictions between clergy and parishioners, but also in internal state of the church. Therefore from 90th years of the XIX century in the church environment fermentation began. The part of clergy was weighed upon the subordinated status of church therefore there was an obnovlenchesky movement supporting convocation of the Local cathedral and restoration of patriarchate. The clergy was subdivided into three degrees of hierarchy: the lowest, average and highest clergy. The relations between them were difficult, including because of a huge difference in their financial position. For example, the annual income of the bishop or metropolitan could exceed twenty thousand rubles, and the parish priest received only about hundred rubles a year. Cases of denunciations of clergy in the Synod on abuse higher for the situation, on unjust behavior (alcoholism, adulteries) are known. And after the carried-out inspections these charges most often were confirmed, however the diocesan administration preferred to avoid publicity, and the guilty priests simply transferred to other diocese where they continued to be engaged in the same to what got used.

In the church the reason was seen in decrease in education level of parish clergy (in comparison with the XIX century) and flight from the clergy of the most talented people. For example, in the Perm diocese in 1915 with theological education there were only 35 percent of priests. Such picture was characteristic for the Urals and Siberia, in the central dioceses the situation was slightly better. As well as in many countries of Europe, at the end of the XIX century in Russia Christian socialism with his idea to combine Christian ethics and socialist ideology gained popularity. At this time not only many secular thinkers addressed to religion, but also some priests were fond of philosophy, including socialist doctrines. The most known example such — the archimandrite Mikhail (Semenov) who went for the conflict to the Synod, in 1906 entered the Labour national socialist party, issued revolutionary brochures, and then passed into Old Belief in which saw alternative to state Orthodoxy. Among the Russian clergy there were representatives of all political range, including social democrats. For example, the Kazan and Samara governors in 1914 characterized local clergy as left. During activity of the last monarch the religious and secular elite was in spiritual and moral crisis therefore the state system didn't work by the arisen civilization calls. The relations of the power and the people weren't embodied in harmony and conciliarity, as was the cause for national rejection and revolution. Even the part of clergy of Russian Orthodox Church was tempted, and enthusiastically accepted communistic ideas. Ideas of communism and romanticism about fair public authority were exported as antagonism to ideas of monarchism and Orthodoxy. Revolution of the seventeenth year destroyed elite of the Russian population and interrupted genetic memory of God, of Church, of the patrimonial roots. In the XX century Russia lost more than 100 million lives as a result of revolutions, wars, repressions, genocide, diseases, persecutions on believers, departure abroad and t. dide of communism were born and embodied in the Christian environment. About it it is written in the Evangelical book "Acts of Saint Apostles", heads: 2. 41-47; 4. 32-35. That is why they were accepted by the Russian soul as religion, at the level of a cult! It was manipulation with godless forces due to analogy of communistic ideas to Christianity. Here that else in 1894 the prelate Theophan the Recluse wrote: *"Modern Russian society turned into the intellectual desert. The serious attitude towards thought disappeared, any live source of inspiration ran low... The most extreme conclusions of the most unilateral western thinkers safely are given for the last word of education .... How many signs the Lord over Russia showed, relieving it of*

enemies of the strongest and submitting it the people! And, however, the evil grows. Really we won't see reason? The West both I punished, and the Lord will punish us, and to us everything isn't understood. Stuck in dirt western completely, and everything is good. There are eyes, but don't see, there are ears, but don't hear, and heart we don't understand .... Having inhaled in itself this infernal waste, we are turned as mad, without remembering ourselves". "If we don't come round, the Lord of overseas teachers that brought us round ... will send to us. Then as we on the way of revolution. It not mere words, but the business approved by voice of Church. Know, Orthodox Christians that God we will scold, doesn't happen".

The relation of the Russian clergy to events of February revolution can be found out on the basis of the analysis of various positions of his representatives: members of official church bodies and certain priests, both in the capitals, and on places. On the one hand we can speak about a certain opposition of Sv with confidence. Synod to the imperial government. Consider a week before overthrow of the Tsar Nikolay Aleksandrovich of II (on February 26) to Sv. To the synod the ober-prosecutor's companion prince N. D. Zhevakhov addressed with a request to issue the appeal in protection of the monarch, however neither this request, nor the similar application which followed next day already of the ober-prosecutor N. P. Rayev weren't satisfied. Contemporaries connected it with personal offense of the taking priority member Sv. The synod of the metropolitan of Vladimir (Bogoyavlensky) which according to the decision of the Emperor in 1915 was transferred from Petrograd chair on Kiev. At the same time on March 2, that is in day of discharge from the power of the Sovereign Emperor Nicholas II, but some hours prior to it, the private collection of elite of the Russian clergy among which there were also six acting Sv's members was held. Synod. Heard the application about dismissal on rest, the arrested the day before, Petrograd metropolitan Pitirim (Oknov). In addition, at meeting the decision to come into contact with Provisional government, only just created by the Executive State Duma Committee was made. And in two days the first official meeting of Sv took place. The synod after overthrow of a monarchy on which the new ober-prosecutor V.N. Lvov declared present about release of Church from guardianship of the state. *"Two hundred years the Orthodox Church stayed in slavery. Now freedom is granted to it. My God, what scope!"* — the Novgorod bishop Arseny (Stadnitsky) joyfully stated. From a conference hall the imperial chair was taken out, thus V.N. Lvov and the taking priority member of the synod — the

metropolitan Vladimir bore him. Soon political changes found the reflection and in liturgical practice. On March 7 definition, ordering *"in all cases behind church services instead of a commemoration of the reigning house to uplift prayer "about the Protected by God Power Russian and Blessed Provisional Government"* was published. The modern Russian researcher M. A. Babkin notices the additional hidden sense in this short definition. As we can notice, Imperial House of Romanovs was defined by this document as "reigning" though could make the decision on full refusal of Romanov' board only the Constituent assembly. Thus, according to M. A. Babkin, it turns out that Sv. The synod started desacralization of the old power even long before its official dismantle. About confidence it is possible to claim that other Synod definitions (for example, from 6 and of February 9) were flowed more round in the formulations. In them uncertainty of the coming stage of the Russian history, a temporality of the new government which "establishments in the Constituent Assembly of a form of government" had to exist only to was highlighted. It is easy to guess that the similar leapfrog of statements testifies rather to confusion of most of the highest church hierarches, their misunderstanding of current situation. The behavior of the Tomsk bishop Anatoly can be a colourful example of similar confusion (Kamensk). At first on March 11 he blesses a banner of the Union of the Russian people, but then on March 14 declares change of the power by the act of *"the come true God's will"* and urges the flock to accept the new government. Discharge from the power of the Tsar Nikolay Aleksandrovich, personal offenses on the Tsar of part of authoritative bishops and the general antimonarchical moods in society - all this formed feeling of a predreshennost of destiny of the Russian monarchy in church. And even in that case when certain bishops personally supported an old system, they seldom passed to active actions.

Answers to many questions were prophetically given sacred to Russian Orthodox Church (the Reverend Seraphim of Sarov, the prelate Ignatij Bryanchaninov, the prelate Theophan the Recluse, just John of Kronstadt and others). So, possessing as the true devotee, a high measure of spiritual sobriety and perfectly being guided in a political situation in Russia which started slipping gradually in an abyss of godless nihilism and militant materialism the prelate Ignatij Bryanchaninov, in the 19th century with big alarm I looked at the Russian future: "Judging by a spirit of the age and on fermentation of minds, has to believe that the Church building which fluctuates for a long time, will hesitate for a time terribly and

quickly. There is nobody to stop and protivostat ... That seeded, will reap! The last can be told about spiritual magazines and about teaching the law God's ..." (The Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Letters on selfless life. Page 409). In other letter he complained: "The Christ's word comes true: whether in the last times the Son Bozhy obryashcht belief on the earth! Sciences are, academies are, there are candidates, masters, doctors of divinity (the right – laughter! and only); these degrees are given to people ... Happen to this theologian what misfortune – and it appears that he even has no belief, not only divinity. I met such – the doctor of divinity, and doubts, whether there was on the earth Christ, whether an invention it, whether быль, is similar to the mythological! What light to expect from this darkness!" (Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Letters to different persons. Vyp. 2. Sergiev Posad, 1917. Page 78-79). The Lord is even more certain and isn't less perspicacious characterized a spiritual condition of Russia in one of letters of 1865, noting already gradually the indifference to belief occurring in it and "resolute recreancy. The general immorality prepares recreancy in huge sizes ... The way of griefs, external and internal ..." (The Prelate Ignatiy Bryanchaninov is provided to present devotees. Compositions ... R. 7. Letters. M, 1993. Page 436). But unless can be differently if as the prelate writes, "the Christianity becomes an anachronism. Looking at modern progress, it is necessary to confess, what he at all beginnings contradicts Christianity and enters the attitudes towards him the most hostile"? (From the letter of 1860 – the Prelate Ignatiy Bryanchaninov. Compositions. T. VII. Letters. Page 358). And such situation is quite already obvious – after all absolutely clearly that "Christianity – this mysterious spiritual gift by the person – is removed imperceptibly for not listening to the rescue from society human, neglected this gift" (the Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Letters on selfless life ... Page 399). There is it as the Lord in the letter of 1864 because, according to Christ Redeemer claims: "the world loves the", and therefore stays nowadays this "the world – in a charm [that is in spiritual lie and false self-flattery. – of G. M.] also sympathizes with one what are in a charm. He rejects attendants of truth and hates. There come hard times in the spiritual relation; they came for a long time ... but difficulty constantly increases, the recreancy accepts the huge sizes. It is the popushcheniye Bozhy predicted in the word by Bozhy. Has to revere incomprehensible destinies of Bozhiimi. What – we before God?." (Prelate Ignatiy Bryanchaninov. Compositions. T. VII. Letters. Page 306). And in other letter he writes with not smaller grief: "We have a hard time in the spiritual relation! In

hundred years prior to us St. Tikhon spoke: "Nowadays one litsemerstvo there isn't enough true piety, and". Defects ripen from time. Nowadays the litsemerstvo reached to incredible impudence and shamelessness" (the Bishop Ignatius (Bryanchaninov). Letters on selfless life ... Page 388).

Since an era of church nikoniansky Split and the subsequent reign of Peter I technical development of the country was followed by loss of national traditions and distribution the zapadnicheskikh of atheistic doctrines. At the same time grew both misunderstanding between the people and misters. The fault of an educated layer consisted in refusal of the main spiritual and moral values of the people, in imitative aspiration to construct life of Russia on the principles of the western sekulyarny state, parliamentarism and multi-party system. At the beginning of the XX century the economic growth and technical progress of Russia wasn't followed by growth of spiritual wellbeing of the people and society at all, riches were a temptation source for the population, and revolutionary ideas gained distribution in society. The religious sense of the Russian state was lost by the majority. At the same time, European educated citizens were eager for political prospects and willingly entered the underground organizations, as led, eventually, to growth of influence of a political freemasonry and overthrow of Autocracy. The simple people, after crash of a legitimate monarchy, apprehended an event as lawlessness and anarchy, looked for opportunities to be counted with misters, at the same time having solved the eternal problems. Won against slogans: "The world - to the people!", "The earth - to peasants!", "Factories - the worker!" and "We will destroy the whole world of violence...".

The religious philosopher of the beginning of the XX century Lev Tikhomirov noted that in religious consciousness of Russians pagan remnants, orthodox and rational representations intertwined. Similar mosaicity too was a consequence of crisis of belief in Russia, absolutely differently shown in the village and the city. At the end of the XIX century numerous expeditions of Ethnographic bureau under the leadership of the prince Vyacheslav Nikolaevich Tenishev collected curious material about a picture of the world of the Russian peasantry. Medieval statements occur in paper-and-pencil tests of 1899 that stars are eyes of angels that at hit of a lightning to the house fire needs to be extinguished not water, but only milk. In an urban environment the situation was on other, searches of an exit from spiritual crisis doomed citizens to the address to various sects, to mystical and esoteric literature

like well-known Elena Blavatskaya's doctrine. In addition, in the large cities the numerous religious and philosophical societies uniting eminent persons of the intellectuals and some priests worked. Such figures, odious for the Russian church, as Vasily Rozanov and Dmitry Merezhkovsky spoke at meetings of these societies. They in the spiritual searches tried to develop new religious and ethical postulates on the basis of Christianity. From here, for example, Merezhkovsky's idea about "New church of the Third precept". Its conflict to church wasn't a private event, and followed from the general rupture of the Russian art intellectuals with official Orthodoxy. In culture of the Silver age traditions of sectarianism, in particular the hlystovstvo and skopchestvo which were actively extending against revolution of 1905 were clearly expressed. For example, at the meetings arranged by the publicist Vasily Rozanov and poets Vyacheslav Ivanov and Nikolay Minsky mysteries of bloodletting and collective drink of blood were carried out. Some time in a hlystovsky community there lived the poet Nikolay Klyuev who ran away from there before threat of an oskopleniye, however he kept hlystovsky motives in the creativity, having affected Yesenin and Bryusov. Influence of switches is also felt in images of revolutionary heroes Blok and Mandelstam. The famous philologist Alexander Etkind noted that all "culture of the Silver age is sated that with the obvious, vague, hidden sendings to experience of the Russian sectarians".

Since the XVIII century the Russian culture developed in indissoluble communication with the European culture, and in official church publications Europe was quite often demonized owing to what and the Russian writers, philosophers were exposed to attacks from church. All these conflicts between church and society, and also in the church grew ripe many decades, and World War I sharply aggravated them and brought to new level. Not only. The first about a rastserkovleniye of Russians the church started talking. Besides that people began to visit less temples, tension between the world and clergy was fueled. According to the Holy Synod, in 1907-1913 the number of complaints of parishioners to priests constantly grew, sometimes, that the conflicts came to an end with fights and even murders. Other manifestation of a rastserkovleniye — mass transition of flock of some dioceses to other faiths (Old Belief, Baptism, various sects). Alienation from official Orthodoxy led to blossoming of an occultism and sharp increase of level of a nevrotization of the Russian society in the years of World War I. Any war makes strong impact on a mental condition of society. Many psychiatrists started talking to the beginning of

World War I about madness epidemic in Russia. It wasn't succeeded to collect exact statistics yet, but absolutely precisely I can tell that insanity those years was mass. In addition, there are reliable data about growth in 1914-1915 of mortality among the insane, as a rule, connected with suicides. After "great retreat" of the Russian army in 1915 society gradually realized that war can be tightened for a long time and come to the end not so successfully as it seemed to much in August of the 1914th. Special popularity was gained by the numerology and guessing on cards which reached such scope that in some provinces of the power they were forbidden officially. Various religious experiments of part of political elite including some representatives of an imperial family (a freemasonry, an occultism, Theosophy, etc.), many believers perceived as blasphemy. Public crisis on the eve of revolution was shown and in church life, political revolution couldn't but lead and to revolution in this area.

However in the conditions of Russia synthesis of moral and political expectations had the features. The Russian orthodox church and autocracy were connected both institutionally and ideologically. Many believers got used to treat the state is religious, "tsar" was not only the head of state: the official cult of the monarch intertwined with a cult religious. Some it is religious the adjusted contemporaries considered it as the most important reason of revolution: "Why the imperial autocracy in Russia failed? Because that it became an idol for the Russian autocrat. He put the power above church, in it there was both a samoprevozhneseniye and a great insult of a shrine ... Damage of the primary source of spiritual life - here the main reason for this falling", - was written by E. N. Trubetskoy. Taking into account close connection of church and the state no wonder that the Supreme power, suffering crash, I dragged away for myself in an abyss and the power spiritual, having caused splash in anti-church moods in the people during the Russian revolution. On a place of the Russian state the new power intended to create society and the state, absolutely new, experimental, unprecedented on Earth. On what base it had to grow? It is known that the Russian Empire was based on Orthodoxy, Autocracy and the Nationality. The fact of the fast appeal of the priest to the new secular power is indicative - only it can find a way out, and the relation to this question as to "trifle", and a fast solution. Then special decisions on unification of a ceremony of "exclamation" were made by the Petrograd spiritual consistory and the Synod. The organization of a thankful prayer was the first reaction of many supporters of a new system: the telegram of one priest was "first signs of revolution" for the metropolitan

Eulogius, the first news of revolution: "Workers ask to serve a prayer on the occasion of revolution". Revolution immediately affected even church services. The metropolitan Eulogius remembered: "From the first day after revolution before me as the question rose the head of the Volynsk diocese: whom and how to remember on church services? First, before renunciation of the Grand duke Mikhail Aleksandrovich, he was resolved simply. After there was a complication. Eventually it was decided to remember "Blessed Provisional government" ... Deacons sometimes confused and proclaimed "Many summer" - to "Blessed Provisional government" ...". The contemporary, the member of Public committee of Irkutsk, remembered March days of revolution: "Along with serious affairs a lot of time was taken away by trifles. <...> The cathedral archpriest with inquiry for whom "to proclaim" on an ektenia came. - the Preosvyashchenny lord assume to bless clergy to proclaim "for the power Russian and her pious governors" ... - Proclaim! " During solemn processions before icons bore red banners with the slogan "Long live the democratic republic!", etc. Some priests decorated themselves with red bows. Revolution interfered and in internal furniture of churches: "Now in Kazan Cathedral at the bottom of the Crucifixion where a little table panikhidny, doleful, at Christ's feet someone pinned a red silk scarf and flowers. <...> This same red banner. And it is very wise. I just wrote about a cross and this scarf shook me, rare minutes internal you experience such excitement and especially I kissed Christ's feet, not as always", - T. N. Gippius, the sister 3 wrote. N. Gippius who was actively participating in activity of the Petersburg religious and philosophical society. Crisis of church management intertwined with crisis of the power in the country - so, with various petitions on religious questions believers addressed to Councils and committees. Monks of Alexander Nevsky Lavra wrote to Petrograd Council: "Trusting your committee as to fair body of the truth, we appeal to you about removal from the monastery of Alexander Nevsky Lavra of the monster tyrant of the deputy of monastery archimandrite Filaret". Laymen sometimes complained to Councils of priests and demanded removal of the last. Some priests were elected in structure of Councils and army committees, sometimes taking quite radical position. So, P. N. Wrangel remembers the collision with the priest presiding over the connected meeting of committees of the Cossack connection. A. I. Vvedensky, in the future - the founder so-called "Live church", was included into Petrograd Council. Many priests were elected in structure of volost rural committees. Congresses and meetings of Councils and committees sometimes took the initiative

concerning church. So, in April at a meeting of congress of the Western front the priest Elashentsev demanded to take away from church of a jewelry, - to use them for "strengthening of freedom and completion of war". Meeting met this appeal by an applause and decided to print the text of the introduction and to dispatch it to clergy.

Testified also that fact to distribution of extreme revolutionary moods to churches that at a meeting of the Local cathedral the special Commission about the Bolshevism in church was created. At its meeting it was specified: "The Bolshevism took considerable number of priests". The part of the intellectuals believed long ago that against autocracy it is necessary to combat and in the sphere of religion. Also some leaders of February revolution adhered to similar views. On one of meetings of the Petrograd intellectuals on October 29, 1915 A. F. Kerensky declared: "<...> policy - an empiriya, and autocracy - religion ... it is necessary to fight against this religion the same weapon, i.e. religion, religious consciousness". Similar views were stated also by other participant of conversation - D. S. Merezhkovsky. There were various currents which sought to connect revolutionary movement and updating of Orthodoxy – "Golgotha Christianity", "a Christian revolutsionarizm", "religious revolution", etc. Attempts of connection of religion and revolution, religion and socialism amplified after February (activities of part of the Petersburg religious and philosophical society for the organization of meetings, publishing houses, attempts of creation of society of revolutionary and religious promotion). In these circles overthrow of autocracy was estimated with religious enthusiasm: "The atmosphere is cleaned. Universal revival from the dead. <...> Thank God, the conciliarity triumphs over party membership", - T. N. Gippius wrote. The part of contemporaries, on the contrary, perceived the act of overthrow of the tsar as a call to the religious beliefs, and revolution - as the beginning of a blasphemous campaign against religion and church.

The new Bolshevik power rejected religion and traditional values with contempt, based on scientific materialism and the Marxist theory of "dictatorship of the proletariat". However many carriers of anti-clerical views continued to remain in the field of influence of deep religious tradition though sometimes didn't realize it. The religious tradition continued to make impact on societies: national consciousness, being political in a form, in fact, was religious. New symbols, institutes, leaders of revolution became object of quasi-religious worship. Instead of Orthodoxy the militant atheism was officially preached. Instead of Autocracy - the party management and a

cult of the idolized leaders. Instead of the Nationality - proletarian internationalism. Instead of the Fatherland - the world revolution and "bright future of the won proletariat". Destruction of the last obstacles: classes, the nations, Churches and beliefs in God appeared the purpose of the dominating communistic ideology, the purpose of dictatorship and the purpose of socialism. However swing of theorists of world revolution was too wide, new revolutionary "values" didn't maintain check by practice. Forcing the people for the sake of a celebration of Marxist "science", having processed in the revolutionary meat grinder millions of people, the terror car at first got out of the control, and then and started slipping. Further, development of the Soviet state happened the more successfully, than more resolutely the management of the USSR refused revolutionary dogmas. So Stalin under pressure of circumstances, practically refused "heritage of October" (a cult of old Bolsheviks, world revolution, practical communism, militant atheism, russophobia, destruction of a family and the state, unambiguously negative class and Russophobic estimates of the Russian history). And here it is necessary to pay tribute pragmatic to "the leader of all people". It played a crucial role in defeat of fascism, that is in a victory over spiritually strong and well armed opponent. After Stalin who considerably made anti-Bolshevist counterrevolution, the USSR of a post-war era was already absolutely other country. Communism exhausted. The country had a chance peacefully to pass to a reconstruction of the classical, traditional Russian state. Links to Lenin and October, 1917 in lips of post-war leaders sounded rather as the demagogy, useful to management of masses based on the myths approved in society than as a serious ideological basis. Final refusal of ideas of October revolution happened in conditions when the country was led by the liberal Westerners who set as the purpose to make new revolution, this time oligarchical to destroy the USSR. The having hereditary communications in the West, they were more prepared for a final and open shift. Yeltsin's revolution, as well as Lenin's revolution which removed Russia from its national way looks continuation of the plan for destruction of Russia. On statements that the USSR became the great power thanks to October, 1917, it is possible to answer with words of the outstanding church figure of the XX century the metropolitan Sankt the Petersburg and Ladoga Ioann (Snychev): "The USSR became the great power without thanking, and contrary to all circumstances, that is on the way of overcoming by the Russian people of consequences of revolution".

References:

1. Pipes R. The Russian Revolution. New York, 1991. P. 275, 281.
2. Tsit. on: Ivanov B. P. Tserkov and revolution. Tomsk, 1919. Page 3.
3. Berdyaev N. Spirits of the Russian revolution // From depth: Сб. the Art. about the Russian revolution. M, 1990. Page 55.
4. Sobolev G. L. Revolutionary consciousness of workers and soldiers of Petrograd in 1917 (The diarchy period). L., 1973. Page 188-189; Osipova of E. S. Politik of orthodox church during preparation of October revolution (March-October, 1917): Avtoref. yew .... edging. ist. sciences. M, 1968. Page 10.
5. Way of my life: Memoirs of the metropolitan Eulogius. Page 284. Department of manuscripts of National Library of Russia. T. 481. Оп. 1. 174. L. 20 about. About prayers see also: Sobolev G. L. Decree. соч. Page 41.
6. RNB SHOUTING. T. 481. Оп. 1. 174. L. 15. T. N. Gippius's letter to D. V. Filosofov on March 19, 1917.
7. Central state archive of St. Petersburg (бывш. TsGAOR of Leningrad). T. 7384. Оп. 9. 148. L. 1; Sobolev G. L. Decree. соч. Page 193-194.
8. Ostanina O. V. Obnovlenchestvo and a reformatorstvo in Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century: Avtoref. yew .... edging. филос. sciences. L 1991; Scherrer J. Die Petersburger Religios-Philosophischen Vereinigungen Die Entwicklung des religiösen Selbstverständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder (1901-1917). Berlin, 1973. S. 159-184.
9. ORRNB. T. 601. Оп. 1. 1635.
10. Gippius 3. H. Petersburg diaries, 1914-1919 // Gippius 3. Living persons: Verses, diaries. Tbilisi, 1991. Book 1. Page 302.
11. GARF. T. 6978. Оп. 1. 244. L. 27.
12. RGA Navy. T. P-95. Оп. 1. 103. L. 114.
13. GARF. t. 1778. Оп. 1. 80. L. 55.
14. RGVIA. t. 2003. Оп. 1. 1496. L. 18, 39 about.
15. RGA Navy. T. R-95. Оп. 1. 64. L. 11.
16. Sprinca M. The Church and the Russian Revolution. New York, 1927. River 69; Zernov N. Decree. соч. Page 209.

The Revolution of 1917 and the Public-Political, Economic Situation in Azerbaijan

Irada Huseynova

Abstract: Being in the focus of multilateral and multifactorial interests, motivated both by external destructive needs of the division of the world and natural resources, and by internal problems of imperial colonial dependence, Azerbaijan and its peoples were in the midst of "great upheavals". Social tension has increased. The February Revolution, which was initially welcomed by the democratic sections of Azerbaijan with enthusiasm, hoping to gain freedom and independence for their peoples, turned out to be only a catalyst and an even stronger force for the further escalation of instability in the region.

Keywords: Azerbaijan, Russia, February revolution, World War I, national liberation movement.

Революция 1917 г. и общественно-политическая, экономическая обстановка в Азербайджане

Ирада Гусейнова,

заведующая кафедрой «История народов Кавказа»

Бакинского государственного университета,

доктор исторических наук, профессор,

Заслуженный учитель Азербайджана,

лауреат Международной премии Сократа в области науки,

образования и технологий

Аннотация: Оказавшись в фокусе многосторонних и многофакторных интересов, мотивированных как внешними деструктивными потребностями разделения мира и природных богатств, так и внутренними проблемами имперской колониальной зависимости, Азербайджан и его народы пребывали в условиях «великих потрясений». Возрастала социальная напряженность.

«Подоспевшая» Февральская революция, которую поначалу демократические слои Азербайджана встретили с энтузиазмом, надеясь получить свободу и независимость для своих народов, оказалась лишь катализатором и еще большим усилителем дальнейшей эскалации нестабильности в регионе.

Ключевые слова: Азербайджан, Россия, Февральская революция, Первая мировая война, национально-освободительное движение.

Азербайджан, оказавшийся в начале XX столетия в уникальных условиях стратегического противостояния крупнейших мировых держав, сыграл исключительную роль во всемирной истории рассматриваемого периода. Именно в это время начался новый цикл соперничества геополитических акторов за Центральный Кавказ и, в особенности, за Азербайджан, как богатый природными ресурсами и наиболее развитый в промышленном отношении край. Мощный всплеск национально-освободительного движения и последовавшие события стали заметной вехой на пути возрождения исторической памяти и исторического сознания в этом важном регионе мира [Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье. Стокгольм, 2010. С.3].

Историческое наследие азербайджанского народа всегда было частью глобального прошлого. Поэтому в качестве современного инновационного подхода мы предлагаем исследование путей развития региона в контексте мировой истории. И именно события начала прошлого века в значительной степени продемонстрировали, что общие мировые закономерности исторического развития народов, населяющих Азербайджан, не были исключительными и изолированными от остального мира.

В свете последних исторических научно-исследовательских трендов предлагается считать период от Февральской революции до Октябрьского переворота консолидированным революционным периодом, форматом одной революции. **Для Азербайджана этот революционный период продлился до весны 1918 г. и, протекая в общем русле событий в России, имел, тем не менее, некоторые отличительные черты, связанные со многими факторами, в первую очередь, стремлением к независимости.**

Погрузившись в «эпоху революций», напомним, что Азербайджан в это время продолжал быть одной из колониальных окраин царской России. Положение Азербайджана, как колониально-эксплуатируемого региона Российской

империи с predetermined структурой экономики, наложило отпечаток также на всю общественно-политическую жизнь народов края. Доклад великого князя Николая Николаевича императору Николаю II о политическом положении на Кавказе свидетельствует о том, что «богатства края буквально неисчислимы, и при широком применении капиталов они могут явиться источником государственного обогащения» [В кн. «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность». Санкт-Петербург, 2005. С.543].

Хотя Азербайджан, как ресурсоизбыточная часть капитализирующейся России, уже давно вступил на путь модернизации, урбанизация края была более чем скромной, а аграрный сектор, связанный с помещичьей системой и сопряженной с ней низкой производительностью труда, оставался на архаичных принципах ведения хозяйства. При этом многие крестьяне занимались отходничеством, часть времени работая на селе, а часть – в промышленности. Из-за притока крестьян на городской рынок труда качество большей части рабочей силы оставалось низким, цена ее снижалась, а предприниматель мог диктовать рабочим свои условия, так как он всегда мог нанять других людей «с улицы» [Шубин А. Великая Российская революция. Москва, 2017. С.31].

Структура азербайджанского общества представляла собой следующий расклад: свыше 80% составляли крестьяне, 5% – торговцы, дворянство – 2,5% всего населения. Решающую роль в формировании настроений широких масс играло духовенство [Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье. Стокгольм, 2010. С.25]. Регион, располагавший развитой промышленностью, обладал малочисленной национальной буржуазией, по сравнению с русскими, иностранными и даже армянскими предпринимателями.

В силу приоритетности имперских интересов, базировавшихся, в числе прочих, на иностранных инвестициях, национальные предприниматели были вынуждены отстаивать свои позиции в жесточайших конкурентных условиях. И тем более стало важным и значительным фактом в истории формирования национальной буржуазии учреждение 4 ноября 1916 г. Нефтяной секции при Совете съездов представителей промышленности и торговли. Это явилось успехом бакинских нефтепромышленников, так как давало им возможность проводить в жизнь политику национальных нефтяных компаний.

Помимо этого органа в годы войны в Баку функционировали также Комитет по распределению цистерн и Керосиновый комитет. На первых этапах ре-

волюционной ситуации промышленный капитал края и его представители нуждались в нивелировании центростремительного диктата, осуществляя шаги по реализации собственной политики. В таких условиях их экономические интересы скоротечно перетекают в политическую плоскость и на некоторое время объединяются с потребностями народа, оформляемыми прогрессивной частью интеллигенции в виде политических требований.

И без того тяжелое материальное положение местного крестьянства и городского населения усугубляла политика переселения. Только за 1908–1912 гг. на Южный Кавказ переселилось 8236 семей, из них 3150 – в Бакинскую губернию. Только за период наместничества гр.Воронцова-Дашкова (1905-1915 гг.) на Мугани были созданы 49 русских поселений с 20 тыс. жителей [Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье. Стокгольм, 2010. С.33].

Продолжалось интенсивное насаждение реогиона армянами, являвшимися пришлым для края, но достаточно активным и агрессивным в территориальных притязаниях, этносом. Поддерживаемые русским правительством, они занимали прибыльные рабочие места, составляли прослойку среднего и мелкого предпринимательства, проникали в выгодные сферы ростовщичества, торговли, кустарнической деятельности. Вместе с другими переселенцами со всех краев Российской империи, они составляли значительный чужеродный элемент бакинского пролетариата, руководствовавшийся в своих претензиях отнюдь не местнонациональными интересами, а, в числе прочих, формированием главенствующих патерналистских позиций с дальнесрочными ожиданиями в общественном сознании и общественной обстановке в регионе.

Каждый исторический этап ставит перед национальным движением свои задачи, способствуя трансформации его основных параметров и сущности. В преддверии XX столетия и его начале политическая жизнь в Азербайджане в большой степени была тесно переплетена с условиями жизни и работы населения. Заложенные в основе азербайджанского национального движения социально-экономические предпосылки предопределили особенности процесса последующей политической эволюции вплоть до Февральской революции.

Сильное обострение противоречий между рабочими и предпринимателями явилось следствием чрезмерной эксплуатации как природных богатств Азербайджана, так и его людских ресурсов, это зарождало освободительные настроения в народе. В регионе назревало революционное движение, впослед-

ствии вылившееся в крупные события, кардинально преломивших весь ход мировой истории. Характерной чертой этого периода являлось то, что начало революционного движения народных масс, отстаивавших свои экономические интересы, дало толчок национально-освободительному движению.

Рост национально-демократического движения сопровождался дальнейшим усилением русификаторской политики. Царизм и его ставленники на окраинах России попирали национальные интересы и права народов Кавказа, что приводило к подавлению самобытной культуры, языка, жизненного уклада, традиций местного населения. В статье «Россия на Кавказе: поиски решения» Я.Гордин пишет, что «здесь требовались осторожность и великодушие. У имперской власти не хватило ни того, ни другого. При том, что обладание регионом было императивом для всех групп правящей российской элиты вне зависимости от степени оппозиционности. И это определило все дальнейшее развитие событий» [В кн. «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность». Санкт-Петербург, 2005. С.583].

Азербайджанскому национальному движению, зародившемуся в начале XX века, в полной мере была свойственна динамичность основных характеристик освободительных движений в парадигме «центробежности».

В это же время армянские рабочие тянулись к своей «Гнчак»ской партии или, более националистического толка, Армянской революционной федерации, широко известной как партия дашнаков.

Накопившиеся в массах напряжение вылилось в стихийно возникшую всеобщую стачку в июле 1903 г. и затем в еще одну в декабре 1904 г. Эта забастовка, являвшаяся на тот момент крупнейшим проявлением недовольства среди бакинских рабочих, закончилась впечатляющей победой последних – подписанием первого в России трудового договора, получившего широко известное название «мазутной конституции» [Свентоховский Т. Русский Азербайджан, 1905-1920. С.46-47].

Всеобщая рабочая стачка в Баку имела огромный резонанс и международное значение. Как отмечал С.Эфендиев, «среди так называемого безвременья, то есть затишья в рабочем движении России, эта забастовка явилась для капиталистического мира громом среди ясного неба». Она стала «детонатором» для накопившегося «горючего материала» не только в Азербайджане, но и в России.

«Кровавое воскресенье», послужившее началом Первой русской революции, повлекло волну уже не экономических, но политических стачек и демонстраций протеста, которая прокатилась из Баку по всему Южному Кавказу. Борьба, теперь уже перешедшая в статус политической, приняла такой размах, что российское правительство полностью потеряло контроль над положением в регионе, и в начале февраля в Баку было введено военное положение.

С революцией 1905 г. в регионе возникла качественно новая ситуация, что незамедлительно отразилось на эволюции характера Азербайджанского национального движения. По выражению азербайджанского историка Балаева А., оно «обрело политическое лицо» [Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998. С.5]. Основные направления национальной борьбы, революционизирующие настроения, цели и намерения вступили в новую стадию своего развития. Формировались идеологическая платформа и основные программные установки движения, выявлялись его лидеры, создавались устойчивые и эффективные организационные структуры, печатно-издательские средства.

Все последующие годы вплоть до 1918 г. имели большое значение для будущего Азербайджана. По мнению известного американского ученого Ф.Каземзаде, в этот период «выкристаллизовывались идеи, определялись проблемы, проводились границы будущего противоборства» [Каземзаде Ф. Борьба за Закавказье. Стокгольм, 2010. С.60]. Все эти события происходили в русле новых форм и методов борьбы и были связаны, в числе прочих факторов, со сменой возглавивших ее поколений, которые отличались новым политическим мышлением.

Хотя Азербайджан считался «одной из национальных окраин Российской империи», революционные настроения здесь если не опережали, то шли вровень с событиями, происходившими в крупных городах России. Политическая борьба, переросшая в мощное национально-освободительное движение, полностью охватила весь Азербайджан. Волна сплошных стачек и забастовок покрыла практически все территории, области, города и села, многочисленные промышленные предприятия, крестьянские сообщества.

Для Азербайджана российская революция 1905 г. не осталась безрезультативной, принесла с собой обновление общества, обогащение общественной

мысли, объединение всех слоев общества в едином порыве. Вместе с тем, она не разрешила всех противоречий в достаточной степени, чтобы предотвратить еще большее развитие революционной ситуации, поскольку не была решена ни одна из социальных задач. Предстоящий новый этап революции был продолжением предыдущего.

Социальный кризис революционного типа затронул и элитные слои населения, крупных промышленников и землевладельцев [Шубин А. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. Москва, 2014. Сс.86, 132].

Будучи в авангарде национально-освободительного движения, прогрессивная интеллигенция обладала общностью интересов с национальной «буржуазией», которая также стремилась ограничить влияние царизма в регионе. В своей петиции, поданной в марте 1905 г. царскому правительству, азербайджанские промышленники и высшее духовенство выступали с требованием реформирования управления краем, уравнивания местных беков в правах с русским дворянским сословием, свободного, без всяких ограничений, участия мусульман в местном самоуправлении, введения на Кавказе земских учреждений и института присяжных заседателей в судопроизводстве, прекращения массовых переселений и т.п. Было также выдвинуто требование передать мусульманскому духовенству управление вакуфными землями, находившимися в ведении государства.

В октябре 1904 г. в Баку начала действовать первая в мусульманском мире социал-демократическая организация «Гуммет» («Энергия»), а также издаваться одноименная газета, посредством которой предъявлялись требования открытия национального фронта против русской и армянской буржуазии, имевших сильные позиции в экономике Южного Кавказа. В феврале 1905 г. в Елизаветполе был создан «Тюркский революционный комитет социал-федералистов». Летом этого же года основана группа под названием «Гейрат» («Честь»), которая, по существу, явилась первой партией, защищавшей национальные интересы и выдвигавшей национальные требования.

Представители азербайджанской интеллигенции (А. Топчубашов) принимали деятельное участие в учреждении в августе 1905 г. «Всероссийского мусульманского союза» («Иттифаги-муслимин»). Этот союз явился основой консолидации политических сил мусульман России. 15 августа прошел учредительный съезд (председательствующий И. Гаспринский), на котором были вы-

двинуты национальные требования. 13–23 января 1906 г. в Петербурге состоялся второй съезд, на котором был принят Устав партии и 16–21 августа 1906 г. – третий съезд (председатель А.Топчубашев), на котором был избран Центральный Комитет партии с постоянным местонахождением в Баку.

К декабрю 1905–январю 1906 гг. относится возникновение Бакинского отделения либерально-реформистской партии конституционалистов-демократов или «Партии народной свободы», как именовали себя кадеты. В его работе участвовали видные деятели национальной либеральной интеллигенции И. Гаджинский, И. Гаджиев, К. Сафаралиев и др.

В освободительном движении широкое распространение получили идеи национальной свободы, равенства, конституционализма. Как подчеркивал М.Э. Расулзаде, «мусульманский Азербайджан больше, чем его христианские соседи, подвергался угнетению царского режима. Нация начала убеждаться в том, что без независимости не будет и Азербайджана» [Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002, №2. С.13].

Демократическим изданием с апреля 1906 г. стал журнал «Молла Насреддин», который пользовался большой популярностью не только на Кавказе, но и в Центральной Азии, Турции, Иране и других странах Востока. Сплотившиеся вокруг журнала и просветительского общества «Ниджат» («Спасение») демократические круги азербайджанской интеллигенции выступали против феодально-патриархальной отсталости, социальной несправедливости, национально-колониального гнета царизма, боролись за распространение образования в народе, раскрепощение женщин, требовали политических свобод для народа. Формирующееся национальное самосознание обогащалось идеями тюркизма И.Гаспринского, А.Гусейнзаде, Ю.Акчуры, А.Агаева и других видных представителей тюркского мира.

В августе-сентябре 1906 г. основана азербайджанская национальная партия «Дифаи» (основатель Ахмед бек Агаев), которая пользовалась большой поддержкой среди населения. Партия провозгласила основной своей целью стремление к единению и раскрепощению нации и расправу с ее врагами (боеспособная мусульманская организация была создана в противовес армянской террористической организации «Дашнакцутюн»), что, в конечном счете, вылилось в борьбу против царских властей. До 1917 г. «Дифаи», по сути, была са-

мой крупной азербайджанской партией, как по численности, так и по влиянию на массы.

Большую роль в политической консолидации азербайджанского народа сыграла учрежденная в 1911 г. национал-демократическая партия «Мусават» («Равенство»), которая стала символом, а впоследствии основным идеологическим рупором нового этапа национального движения.

В освободительном движении принимала участие и молодежь. Еще в 1902 г. М.Э. Расулзаде, будучи в 17-летнем возрасте, возглавил «Мусульманскую молодежную организацию». Позднее он писал: «Целью кружка было развивать у ее членов национальные чувства, развивать родную речь, читать произведения своих писателей, учить наизусть революционные стихи, распространять набранные в типографии листовки, систематически пропагандировать свободолюбивые и революционные идеи среди рабочих» [Расулзаде М.Э. Воспоминания. Баку, 1991. Сс.13-14]. Именно в эти годы он познакомился с молодым революционером И. Джугашвили. Это знакомство сперва переросло в дружбу, а затем во вражду на идеологической почве.

Политическая активность национальной интеллигенции нашла свое отражение в деятельности ее представителей в I–IV Государственных Думах. Согласно Манифесту Николая II от 17 октября 1905 г. были объявлены выборы в российскую Государственную Думу. Представительство в ней депутатов от «национальных окраин» явилось важным последствием первой российской революции, оно давало возможность выносить национальные вопросы на всероссийское обсуждение.

От Азербайджана в первую Думу в мае 1906 г. прошли А. Топчубашев, А. Мурадханов, А. Ахвердиев и И. Зиядханов. Они образовали мусульманскую фракцию из 36 чел. вместе с другими депутатами-мусульманами России, ее возглавил А. Топчубашев. Азербайджанские депутаты вели активную работу по земельному и ряду национальных вопросов (требования создания комиссии по геноциду азербайджанцев, конфискации бекских земель, приостановления переселения инородцев на исконные земли местного населения и др.). Однако ни одно требование не было удовлетворено.

Во второй Думе, которая просуществовала немногим дольше прежней, среди депутатов в продвижении национальных интересов особенно активными были Фатали хан Хойский и Халил бек Хасмамедов.

Выборы в третью Думу (1907 г.) проходили в условиях жесткой дискриминации нерусских народов. В результате от мусульманского населения Елисаветпольской и Иреванской губерний был избран только один депутат – Х. Хасмамедов, он же возглавил мусульманскую фракцию из 8 чел. Хасмамедов выдвигал требования предоставления политических прав, права получать образование и осуществлять правосудие на родном языке, создания местных органов самоуправления, ликвидации национальной дискриминации и др.

В 1912 г. начала свою работу четвертая Дума, от азербайджанского населения в ней принимал участие депутат Мамед Юсиф Джафаров. Он резко критиковал российское правительство, требовал устранения всех ограничений для мусульманских народов, введенных царскими властями. Следует особо отметить, что все азербайджанские депутаты активно использовали трибуну этого государственного законодательного органа для продвижения своих требований.

Кроме того, представители социальных верхов Азербайджана способствовали организационному единению мусульман Российской империи. Эта объединительная тенденция сыграла важную роль в консолидации мусульманских депутатов в Государственной Думе как фактически единой партии.

Уже в начале 1917 г. политические деятели Азербайджана видели реальную угрозу национальным интересам и поэтому сразу после Февральской революции обратились к Временному правительству с просьбой разрешить создание национальной армии. Однако положительный ответ не был получен.

События начала XX в., произошедшие революции и, особенно, Первая мировая война, которая оказала огромное влияние на общественно-политическую, социально-экономическую ситуацию в Азербайджане, привели впоследствии к распаду прежде территориально единого, находящегося в составе единой царской империи, Южнокавказского региона на национальные республики, которые предпринимали попытки вести самостоятельную внешнюю политику. **В этот период происходили кардинальные кройки границ, заложившие серьезные последствия и проблемы в последующие годы.**

И без того слабая экономика, пережившая с 1908 г. очередной кризис, в период и по завершении войны пришла в совершенный упадок. Социальное недовольство достигло наивысшей точки в 1912–1914 гг. В мае 1914 г. в знак солидарности с бастующим Баку остановили работу предприятия Москвы и Петербурга [Гусейнова И. История народов Кавказа. Баку, 2006. С.389].

Вступление Турции в войну поставило азербайджанское население перед дилеммой: защищать ли Россию, исполняя свои вассальные обязанности, либо морально поддерживать Турцию, с которой мусульмане края имели неразрывные кровные узы и связывали свои надежды на освобождение от колониальной зависимости. На первых порах часть промышленников, имеющих общие с Россией экономические интересы, заявила о поддержке империи в ее борьбе с Германией и Австро-Венгрией, в то время как передовая интеллигенция и находящиеся под ее влиянием широкие народные массы после вступления Турции в войну считали нежелательным военное противостояние с Османской империей и даже не скрывали свои симпатии к ней. Они понимали реальную, антитурецки направленную политику как путь к расчленению Турции с целью захвата интересующих Россию регионов. Известно даже, что для разгрома Турции формировались добровольческие отряды и осуществлялся сбор денег на нужды армии [Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан. Москва, 2011. С.28]. При всем том, что сам Азербайджан находился в состоянии неопределенности и неблагоприятных перспектив, турецкий и азербайджанский народы всегда были тесно связаны многими нитями – историческими, идеологическими, религиозными – и осуществляли реальную взаимоподдержку.

Необходимо также отметить, что для ослабления Турции великими державами активно использовался так называемый «армянский вопрос». Здесь, как нам кажется, важно остановиться более подробно.

«Защитница армян» Россия, в отличие от других европейских держав, единственно реально могла помочь армянам в создании своего государственного образования, однако разрушение Османской империи входило в ее собственные планы с дальним прицелом на проливы, а армянские интересы были «буферными» и мифотворческими.

Международные противоречия плюс подозрения армян о закамуфлированных под стремления армян интересах самой России привели к некоторым негативным событиям: целый ряд покушений и убийств со стороны членов партии «Дашнакцутюн» русских должностных лиц, вплоть до покушения на жизнь правителя Кавказа князя Голицына. Эти враждебные действия армянских террористов на некоторое время остудили интерес российских властей к «армянскому вопросу».

В ходе военной компании в 1915-1916 годах русских войск с помощью армянских добровольцев, вопрос об армянской автономии вновь встал на повестку дня. В процессе перехлеста интересов европейских держав, которые никак не могли поделить Турцию, армяне со своими требованиями оставались в «кювете дороги». В этом территориальном споре «великих» армянской «шавке» не место.

Февральская революция 1917 года вновь возбудила у армян надежды на возможность с русской помощью добиться преследуемых ими целей. Пришедшее к власти Временное правительство приняло идею предоставления права на самоуправление армянам в пределах тех территорий Османской Турции, которые были заняты Россией по праву войны. Они были названы Турецкой Арменией и выделены в отдельную административную единицу. Однако границы этого образования были нечеткими, что свидетельствовало о неопределенности его будущего.

Захватившие в октябре 1917 года власть большевики унаследовали от бывшего царского, а позже Временного правительства политику использования армянского фактора в отношениях с Османской империей, но уже под флагом права народов, в том числе армянского, на самоопределение вплоть до полной независимости. Уже в ноябре 1917 г. при народном комиссариате по делам национальностей РСФСР в числе других комиссариатов был создан Комиссариат по армянским вопросам. Для разработки проекта декрета «О Турецкой Армении» в ноябре 1917 года Совет народных комиссаров РСФСР создал комиссию, в которую вошли И.Сталин и др. За изменения, которые он внес в проект, сегодня армянские авторы обвиняют Сталина в армянофобстве. Предусматривался вывод русских войск и формирование армянской милиции с целью обеспечения личной и имущественной безопасности населения Турецкой Армении. Это означало, что армяне могли рассчитывать лишь на собственные силы для удержания занятых территорий в случае наступления турецкой армии.

Принятие данного документа продемонстрировала полную преемственность политики новой советской власти России курсу царизма как минимум в двух вопросах региональной политики. Во-первых, армянский фактор по-прежнему рассматривался как неизменный (пусть и не доказавший свою эффективность) инструмент военного и политического давления на Османскую

Турцию. Во-вторых, данный Декрет обеспечил большевикам поддержку со стороны армянских военизированных формирований для защиты от наступления турецкой армии и в борьбе против азербайджанских демократических сил во время мартовских событий 1918 года.

Анастас Микоян в своих тезисах к докладу по Кавказскому вопросу, направленных В.Ленину в начале декабря 1919 года назвал Декрет «крупной ошибкой», восставившей против большевиков «все мусульманское население не только Турции, но и Кавказа. Кроме того, Микоян отмечал, «что идея о Турецкой Армении и вообще «Великой единой и независимой Армении» является вредной, преступной и реакционной химерой».

Условия Брестского мира повергли армян в понятный шок: все их надежды начали рассыпаться. После Брестского мира, большевики не стали более вплотную заниматься «армянским вопросом», хотя и продолжали использовать армянские вооруженные формирования для укрепления своей власти на Южном Кавказе. С этой целью был даже издан специальный декрет от 16 марта 1918 года за подписью комиссара по делам Национальностей Советской России И. Сталина, обращенный революционным комитетам, революционным штабам, советам и другим советским учреждениям, которые ставились в известность, что «армянские революционные организации имеют право свободного формирования армянских добровольческих отрядов и обложения армянской буржуазии в целях финансирования последних». Упомянутым советским учреждениям вменялось в обязанности не чинить препятствий продвижению этих отрядов, «призванных защищать свою родину от немецко-турецких насильников по направлению Армении».

После поражения Четверного союза в Первой мировой войне согласно Компьенскому перемирию с Германией Брестский договор был аннулирован. Однако воспользоваться плодами общей победы и вернуть земли переданные Турции России уже не удалось. Согласно Мудросскому соглашению, заключенному между странами Антанты и Османской империей, был аннулирован также Батумский договор, что означало, что борьба за Турецкую Армению, которую теперь уже вела дашнакская Армения, вступала в новую фазу.

Возвращаясь к событиям на Южном Кавказе, необходимо отметить, что переплетение интересов враждующих группировок в регионе достигло апогея, наивысшей точки кульминации тогда, когда установление контроля над терри-

торией по линии Батум–Баку было достаточно, чтобы взять под наблюдение весь Ближний и Средний Восток, бассейны Черного и Каспийского морей [Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан. Москва, 2011. С.30].

Баку уже тогда стал одним из мировых центров нефтяной промышленности. Накануне войны 83% российского нефтепроизводства приходилось на Апшеронский полуостров [Токаржевский Е. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957. С.11]. А на последнем этапе войны, принимая во внимание, что потребности в горючем влияли на ход военных операций, бакинская нефть стала рассматриваться как решающий фактор победы [Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т.6. Москва, 1937. С.97-98]. По мнению премьер-министра Англии Ллойда Джорджа, несмотря на военное преимущество Антанты в конце войны, если бы германский блок прорвался к бакинской нефти, то военные действия продолжались бы гораздо дольше и с непредсказуемым результатом. Он писал: «Весной 1918 года, когда исход войны был еще не ясен, благоразумие требовало, чтобы мы всеми мерами предотвратили возможность эксплуатации германцами огромных ресурсов России» [Там же].

Перед лицом новых перспектив, создававших угрозу распада империи, российские власти предприняли меры, которые должны были, как оно надеялось, «охладить нетерпение и излишне горячие требования национальных окраин» [Верт Н. История Советского государства. Пер. с франц. Москва, 1997. С.85]. 19 марта правительство сделало заявление по вопросу о национальностях, «в которых лишь перечислило новые права местного населения: свобода передвижения, право собственности, право на выбор профессии, право быть избирателем, право обучения на национальном языке. Эта декларация освобождала местное население от дискриминации, которой оно подвергалось при царском режиме. Но она не дала им чувства коллективного национального достоинства, признания своеобразия наций» [Там же].

Однако ничего из обещанного не исполнялось, социальная напряженность в отношениях рабочих с предпринимателями и крестьян с землевладельцами не только не спадала, но и прогрессировала. Крупные промышленники прибегали к локаутам, помещики сокращали посевы.

Помимо экономических проблем и общественно-политической нестабильности катализатором кризисных событий по-прежнему остава-

лась война. Параллельно с развалом экономики, усилением недовольства всех категорий населения, крушением закостеневших царских институтов, военные действия, вместе с тем, заметно ускорили активизирующиеся с начала века национально-демократические процессы, идеи автономии и, в конечном итоге, независимости.

Победа Февральской революции привела в движение широкие народные массы и активизировала все политические партии. Стало актуальным и необходимым определить свое место в новой исторической обстановке, выставить соответствующие времени программные требования и выработать надлежащую тактическую линию.

Азербайджанский народ, передовые мыслители того времени старались использовать сложившуюся историческую ситуацию для продвижения собственных национальных интересов. Азербайджан, как никакой другой «колониальный» регион царской России, был средоточием интересов многих стран. В первую очередь, следует объективно оценивать участие в делах Азербайджана имевшей традиционные связи с его населением Турции. Во-первых, Турция была противником России и была заинтересована в ее ослаблении и даже развале. Во-вторых, Турция желала возвращения утраченных по Сан-Стефанскому мирному договору и Берлинскому трактату территорий на Кавказе и установления статус-кво 1878 г. Наконец, оторванный от России азербайджанский народ мог подпасть под турецкое влияние [Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан. Москва, 2011. С.32].

С началом войны особую активность в Азербайджане стали проявлять приверженцы объединения всех тюркских народов под знаменем ислама, пропагандировавшие идею отторжения Кавказа от России и образования мусульманского государства под эгидой Турции. Однако, как показали события последующих десятилетий, в условиях значительной полиэтничности региона и различных идентификаций, еще не окрепшего национального самосознания народных масс, эти намерения оказались утопическими и реально не исполнимыми.

Крупные и средние землевладельцы, владевшие огромными массивами земли и большим количеством скота, сосредоточили в своих руках свыше 60% пашни и сенокоса, более 35% посева, лошадей – до 40%, крупного рогатого скота – 10%, овец – до 70%. Такая концентрация земли и скота в руках неболь-

шого числа владельцев давала им возможность по-прежнему эксплуатировать старые формы и приемы ведения хозяйства и держать безземельное крестьянство в полукрепостнической зависимости.

Вместе с тем, уже после Февральской революции постепенно выросло хозяйство с наемной рабочей силой, кое-где применялись первые мельницы и молотильные машины. Землевладельцы расширяли производство товарного хлеба, регион становился крупным производителем хлеба и животноводческой продукции, вывозимой на рынки в другие регионы страны и за границу.

Февральская революция не сняла глубоких социально-экономических и политических противоречий, а лишь еще более обнажила их во всей разрушительной силе. Азербайджан был в тяжелом экономическом положении, усугублявшемся непрекращавшейся войной. Обстановка в Азербайджане накануне и в период Февральской революции была накаленной.

17 марта 1917 г. в Баку был создан местный орган Временного правительства – Исполнительный комитет общественных организаций. В исполком входили представители различных организаций – городской Думы, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета съезда нефтепромышленников, профессиональных союзов, кооперативов и др. В состав исполнительного комитета был введен также представитель большевиков.

С середины марта исполком взял в руки власть не только в городе, но и во всей губернии. Наряду с ним продолжала действовать Бакинская городская дума, ее состав оставался прежним.

Такие же исполкомы создавались в других городах и уездных центрах – Гяндже, Лянкяране, Губе, Нухе, Газахе, Шемахе и других местах. В этот период народы получили ограниченный список демократических свобод. Политические национальные партии, бывшие до сих пор в подполье, перешли на легальную работу. Особенно выделялась партия «Мусават»; в ее обращении, принятом партией 15 марта, приветствовалось строительство в России буржуазной республики.

В марте 1917 г. в Гяндже была создана «Независимая тюркская федералистская партия». Партия была сторонницей строительства федеративной демократической республики в России и предоставления Азербайджану территориальной автономии в ее составе. Программные установки этих двух партий были идентичными, что привело впоследствии к их объединению.

29 марта был создан Бакинский мусульманский совет, в состав Временного исполнительного комитета которого входили известные представители интеллигенции.

Большевики стремились придать разрозненным и стихийным выступлениям рабочих и крестьян организованный характер, увязывая эти выступления с подготовкой к вооруженному перевороту с целью захвата власти. Июльские события в России резко изменили обстановку и соотношение сил в Азербайджане. Кончилось двоевластие – вся полнота власти перешла в руки Временного правительства. В связи с тем, что большевики уже не могли влиять на состав Советов и взять в них большинство мест, они провозгласили силовой путь захвата власти.

С организацией финального «аккорда» революционных событий начала XX столетия – Октябрьского переворота – смена эпох в Азербайджане на этом не завершилась. У народов региона только начинались важные перемены, экономические и общественно-политические, административно-государственные и идеологические. Им предстояло пережить не меньшие тяготы, победы и разочарования, утверждение независимости и последующее поглощение большевиками.

Даже краткий приведенный нами анализ событий начала XX столетия, революционной ситуации в Азербайджане, включившей в себя революцию и переворот, показывает, что регион был в высшей степени активным даже в сравнении не только с другими «национальными окраинами», но и центральной Россией. Здесь появились первые независимые республики, здесь рождались прогрессивные идеи и предпринимались шаги по демократизации общественно-политического пространства. **Феномен Февральской революции находится в ряду самых значительных событий за всю историю народов Азербайджана, оказавших влияние не только на более чем 70-летнее их существование, но и реально приведших к полноценной государственной независимости.**

Усвоение исторического опыта, выработанного предшествующими поколениями, позволяет на его основе строить и совершенствовать настоящее и будущее. Наше прошлое – это интеллектуальная собственность, с которой нужно обращаться так же бережно, как и с материальной. История – это не только прошлая людская жизнь, которая уже закончилась, и ее уже никто и ни-

когда не вернет и не переделает. История – это и сегодняшний день. У азербайджанского народа была и есть собственная сложная, противоречивая, героическая и драматичная, самобытная, не похожая на другие народы, история, которая, тем не менее, существует не сама по себе, а в тесной взаимосвязи с мировыми историческими процессами. События начала XX в. наиболее ярко и красноречиво продемонстрировали значимость этой важной для Азербайджана парадигмы.

Как отметил профессор Гарвардского университета М. Карпович, «Закавказье (*Южный Кавказ – И.Г.*) – это древняя обитель многочисленных этнических групп, расположенная на месте слияния различных экономических, политических и культурных течений, имеет долгую и полную драматизма историю. И сегодня оно является чувствительной проблемой современной международной жизни» [Карпович М. Вступление к *The Struggle for Transcaucasia* // В кн. Ф. Каземзаде «Борьба за Закавказье». Стокгольм, 2010. С. 13].

Список литературы:

1. Архив новейшей истории России. Журналы заседаний Временного Правительства. Москва, 2001. Т. 1.
2. Балаев А. Азербайджанское национальное движение в 1917-1918 гг. Баку, 1998.
3. Большевицкое руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. Москва, 1996.
4. Верт Н. История Советского государства. Пер. с франц. Москва, 1997.
5. Гасанлы Дж. Русская революция и Азербайджан. Москва, 2011.
6. Гусейнова И. История народов Кавказа. Баку, 2006.
7. Горюн К. Армянское досье. Баку, 1993.
8. Декреты Советской власти. Том 1, 25 октября 1917-16 марта 1918. Москва, 1957.
9. Документы внешней политики СССР. Т.1. Москва, 1959.
10. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Санкт-Петербург, 2005.
11. Качазнуни О. Дашнакцутюн больше нечего делать. Баку, 1990.
12. Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т.6. Москва, 1937.

13. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Москва, 1931. Т.1.
14. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Москва, 1935. Т.6, ч.1.
15. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878-1917 гг. Москва, 1935. Т.7, ч.1,2.
16. Расулзаде М.Э. Национальное движение в Азербайджане // Вопросы истории. 2002, №.2.
17. Расулзаде М.Э. Воспоминания. Баку, 1991.
18. Российский Государственный Архив Социально-Политической истории
РГАСПИ ф.5. оп.1, д.1202, лл.8-9.
РГАСПИ, ф.558, оп.1, д.129, л.1.
19. Свиетоховский Т. Русский Азербайджан, 1905-1920.
20. Токаржевский Е. Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957.
21. Шубин А. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. Москва, 2014.
22. Шубин А. Великая Российская революция. Москва, 2017.
23. Сəфərov N. Milli-ictimai tariximizdən. 1914- fevral 1917. (на азербайджанском языке) Bakı, 1993.

***Methodological Universalism of A. Chechelnitsky's
Astrophysicist in the Context of the Cognitive
Aspect of History***

***Gataullina Irina Alekseevna, Gilmutdinova Olga Mikhailovna,
Kozlova Olga Vladimirovna, Sychenkova Anna Vladimirovna,
Shagbanova Yulia Borisovna, Shmelev Dmitry Viktorovich,
Kazan National Research Technical University. A.N. Tupolev, Kazan, Russia,
Republic of Tatarstan, 420111, Kazan, st. K. Marx***

Abstract: In the center of attention is the little-studied question of humanitaristics in the concept of A.Chechelnitsky, who put forward the Far Eastern version of the Prehistory of mankind. The review of the main works of the scientist is presented, the necessity of mastering his methodology is substantiated, in which interdisciplinarity is a universal tool in the study of the past, which left no material evidence. There are weighty arguments of the astrophysicist in favor of an alternative picture of the source of history, which resulted from revealing a number of contradictory evidence from ancient sources and their comparison with biblical information, the data of modern branches of knowledge, and with the logic of common sense. The marginal position of A.Chechelnitsky is considered not only the choice of the academic community, but also the verdict of conventional science to itself, ignoring the position of the scientist. It is claimed that his concept of the Far Eastern version of the Prehistory anticipated the ideas of the "new Enlightenment" of the Club of Rome, designed to overcome today's vices of modern thinking - reductionism and fragmentation of knowledge - in favor of its integrity.

Keywords: scientism, methodology, A.Chechelnitsky, Prehistory, Moved geography, "new Enlightenment".

***Методологический универсализм астрофизика
А. Чечельницкого в контексте когнитивного
аспекта истории***

**Гатауллина Ирина Алексеевна, Гильмутдинова Ольга Михайловна,
Козлова Ольга Владимировна, Сыченкова Анна Владимировна,
Шагбанова Юлия Борисовна, Шмелев Дмитрий Викторович,
Казанский национальный исследовательский технический
университет им. А.Н. Туполева, Казань, Россия,
Республика Татарстан, 420111, г. Казань, ул. К. Маркса**

Аннотация: В центре внимания – малоизученный вопрос гуманитаристики в концепции А. Чечельницкого, выдвинувшего дальневосточную версию Преистории человечества. Представлен обзор основных работ ученого, обосновывается необходимость освоения его методологии, в которой междисциплинарность выступает универсальным инструментом в исследовании прошлого, не оставившего вещественных доказательств. Приводятся весомые аргументы астрофизика в пользу альтернативной картины истока истории, ставшей результатом выявления им ряда противоречивых свидетельств из античных источников и их сопоставления как с библейскими сведениями, данными современных отраслей знания, так и с логикой здравого смысла. Маргинальное положение А. Чечельницкого рассматривается как не только выбор академического сообщества, но и приговор конвенциональной науки самой себе, игнорирующей позицию ученого. Утверждается, что его концепт дальневосточной версии Преистории предвосхитил идеи «нового Просвещения» Римского клуба, призванные сегодня преодолеть пороки современного мышления – редукционизм и фрагментацию знания – в пользу его целостности.

Ключевые слова: сциентизм, методология, А. Чечельницкий, Праистория, Перемещенная география, «новое Просвещение».

Introduction. В статье Ирины Савельевой, посвященной осмыслению перспектив развития исторической науки в XXI веке на основе обстоятельного анализа состояния гуманитаристики и степени ее социологизации с середины XX века, обращает на себя внимание ссылка на работу Дэвида Кристиана. «В следующие 50 лет мы увидим возвращение древней традиции “универсальной истории”; но это будет новая форма универсальной истории, глобальной на деле и научной по духу и методу, вплоть до *возможной интеграции исторической гуманитаристики с исторически ориентированными естест-*

венными науками, включая космологию, геологию и биологию» (курс. – колл. авт.) [7]. Этот прогноз представляется важным в высшей степени, поскольку никогда прежде историки-профессионалы не приближались к идее интеграции когнитивных методов так близко, как это происходит сегодня. По нашему мнению, это само по себе позволяет ставить вопрос уже не об очередном повороте в науке, а действительном перевороте в ней.

Данное утверждение основывается на изучении концепции Альберта Чечельницкого, который, будучи астрофизиком, предложил нетривиальные пути решения ряда исторических проблем, выстроив методологический конструкт новой формы универсальной истории. Осмелимся утверждать, что имя А. Чечельницкого неизвестно в гуманитарной сфере знания. Представляется, оно с трудом пробивает свой путь в отечественной физико-астрономической академической среде. Его называют маргинальным ученым, взгляды которого не вписываются в устоявшиеся каноны конвенциональной науки [18]. Вероятно, поэтому информации об ученом нет в универсальной интернет-энциклопедии–Википедии, позиционирующей себя общедоступным ресурсом со свободным контентом. Весьма лаконично сообщает о А. Чечельницком электронная русская энциклопедия «Традиция». Только на сайте библиотечной системы государственного университета «Дубна», к Объединенному институту ядерных исследований которого был приквартирован астрофизик, размещены справка об известном специалисте в области космических исследований, теоретической физики, космологии, конструктивной социологии, антропологии, представлены сведения о собранной им в течение всей жизни и переданной в дар университету личной библиотеке, содержащей 1106 наименований книг из различных областей знания, включая философию, лингвистику, историю. Несмотря на скудость информации, ясно, что взгляды и интересы ученого сформировались в советскую эпоху, а по хронотопу мировой исторической науки Ирины Савельевой – в период «немыслимой прежде (да и после) сциентизации истории с опорой на структурно-функциональный анализ и системный подход» [19]. Если такому онаучиванию подверглась историческая отрасль знания, то, вслед за Андре Конт-Спонвилем [11, с. 476], можно утверждать, что собственно наука в тех условиях действительно могла быть сравнима только с религией. Возникшие и продолжающиеся возникать в этой связи пейоративные коннотации понятия «сциентизм» оказались слишком сильны и живучи, чтобы считать их порожде-

нием только конкретного времени – 60-70-х годов XX века. В этих обстоятельствах позиция астрофизика А. Чечельницкого, сумевшего не поддаться обаянию сциентизма, как, впрочем, и опасности антисциентизма, а, напротив, противопоставить им подлинный научный универсализм как результат пытливости ума и сомнения, обеспечивающих движение к истине, – заслуживает особого внимания.

В представленном на сайте библиотечной системы университета «Дубна» архиве из 81 публикаций ученого [14], большая часть которого посвящена изучению Земли, Вселенной, Солнечной системы и Волновой астродинамики, есть две в полном смысле исторические работы [23,24]. Удивительное заключается в том, что, изучая вопросы астрофизики, А. Чечельницкий проецирует результаты своих изысканий на исторический процесс во времени и в пространстве, затрагивая проблему его истока – ПраИстории. Допустимо задаться вопросом: кому и зачем это нужно? Ведь существуют вполне устоявшиеся и принимаемыми современными людьми представления о прошлом человечества, которые пересматривать ни к чему. Какой с этого прок? Наши доводы в пользу необходимости исследований в этом направлении покоятся на следующих основаниях. Во-первых, информационная реальность подталкивает ученых к междисциплинарным разработкам, призванным вскрыть неполноту и противоречивость накопленного столетиями знания. Во-вторых, многочисленные загадки человеческой истории сегодня находятся в фокусе пристального внимания мировой науки, регулярно сообщаящей о своих результатах. Так, поправка профессора Мичиганского университета Роба Ван дер Воо и норвежского ученого Тронда Торсвика моделирует доисторически единый материк Пангею, распавшийся 200 миллионов лет назад [1]. Сенсационные находки российских археологов в 2010 году в Алтайском крае останков *Homo sapiens althaiensis*, так называемого Денисовского человека в ряду с таксонами *Homo sapiens africanensis* – в Африке, *Homo sapiens neanderthalensis* – в Европе и на востоке Азии – *Homo sapiens orienthalensis*, не только все больше разворачивают взоры исследователей в сторону древности, но усиливают мейнстрим сторонников полицентрической концепции формирования человека современного вида [5]. Что наш вид эволюционировал не только в Восточной Африке предполагают и результаты изучения найденных на атлантическом побережье в Марокко останков *Homo sapiens*, которым 315 тысяч лет. Более того, они сдвигают время про-

исхождения человека разумного на 100 тысяч лет назад [4]. Недавние генетические исследования найденных на Аляске останков, выполненные группой исследователей под руководством Эске Виллерслева, продолжают исследования, подтверждающие Модель Берингийского застоя, согласно которой выходцы из Азии, направлявшиеся в Северную Америку в промежутке от 15 до 25 тысяч лет назад, действительно задержались и генетически изолировались в Берингии – палеографической области, ушедшей в настоящее время под воду [20]. Собранные в ходе 63-й российской антарктической экспедиции образцы древнейшего на планете льда, возраст которого, возможно, превышает 1,3 миллиона лет, имеют колоссальное значение для исторической науки. Ведь, как утверждают ученые, во льду можно искать следы событий. Древний лед, содержащий древний воздух Земли, может рассказать о климатических загадках прошлого планеты. Произошедшая на Земле около миллиона лет назад так называемая среднеледниковая климатическая революция привела к увеличению длины климатических циклов «оледенение - межледниковье» с 40 тысяч до 100 тысяч лет, как полагают ученые, вследствие изменений концентрации углекислого газа в атмосфере. Образцы древнего льда (ледяной керн), возраст которых по предварительным данным составляет не меньше 1,3 млн лет, позволяют изучать причины и механизмы климатической изменчивости за последние 2 тысячи лет. Датировка подтверждается независимыми методами, основанными на измерении концентрации во льду космогенных изотопов [6]. Все вышеприведенное свидетельствует, что прошлое – дающая знать о себе реальность, неизбежно корректирующая существующее знание. В-третьих, это необходимо современному человеку, который, в парадигме плотной информационности с ее центральным лейтмотивом «А как это было на самом деле?», пытается разрешить для себя главный вопрос – вопрос идентичности: кто Я, кто Мы, Откуда Мы и зачем? Поиск истины неизбежно приводит ищущего к ценностному выбору: правда или ложь, добро или зло, мир или война – выбор, который выстраивает перспективу человечества: либо в стратегии постоянного движения к истине, либо – тупика. Концепция и методологический конструкт А. Чечельницкого отражают глубоко нравственную позицию ученого, считавшего, что «никакое прочное здание как в жизни, так и в науке, и в обществе – от физических теорий до великих концептуальных или социальных систем – невозможно построить на неправом основании» [24, с. 6]. Задача

статьи состоит в том, чтобы представить совокупность альтернативных идей А. Чечельницкого как методологическую основу актуальных исторических исследований.

Concept headings. Центральная идея работ А. Чечельницкого – показать, что существующие ныне представления о древней истории как области знания являются не только незначительной, но и нуждающейся в глубинном переосмыслении ее частью о прошлом человечества. Созданная по письменным источникам, она содержит много противоречивых сведений, ставящих под сомнение компетентность античных авторов – основных информаторов древности. Но это только на первый взгляд. На самом деле, эти вопросы указывают на неосведомленность, прежде всего, современных исследователей, до сих пор оперирующих сведениями, не подвергнутыми критическому анализу.

Парфразируя выдающегося шумеролога Самюэля Крамера, который имел веские основания считать ближневосточный Шумер не только первой цивилизацией на Земле [12], но и началом истории [13], А. Чечельницкий выдвинул свою версию, согласно которой «история шумеров начинается на Дальнем Востоке» [24]. В этом случае трудно отделаться от ощущения профессиональной неполноценности: ведь все историки знакомы с трудами античных авторов, но прочитать их так, чтобы выявить в них множество противоречивой информации, удалось астрофизику А. Чечельницкому. Впервые об этом им было заявлено в исследовании, посвященном проблеме Атлантиды [23]. В нем ученый представил аргументы против устойчивого мнения о локализации древнего острова пределами Средиземного моря также, как и – Атлантического океана, предложив идею поиска ее истоков в районе Аляски, обосновав тезис тождества понятий Берингов пролив и Геркулесовы (Геракловы) или Мелькартовы столпы (столбы) [24].

Тема Атлантиды, а также Гипербореи вывела ученого на проблему Преистории человечества, в изучении которой он, пожалуй, одним из первых обратился к Библии, как историческому источнику, справедливо полагая, что он в не меньшей степени, чем античные сочинения, заслуживает внимания исследователей. При этом Чечельницкий опирается именно на синодальный перевод священного писания, поскольку все прочие передают вольную трактовку текста, действительно ведущую к смысловым искажениям. Синодальный перевод От-

кровения Иоанна Богослова передает катастрофу города Вавилона, которая по описанию подобна сейсмической [16] и не могла случиться в плоской долине Тигра и Ефрата [24, с. 29]. Исходными для рассуждений ученого в пользу вышеприведенной версии стали тезисы, отражающие несовпадение библейских и более поздних гидронимов, топонимов, этнонимов. Обратившись к сочинениям ряда античных авторитетов, астрофизик не просто выявил несоответствия географических названий тогда и сегодня, но поставил вопрос о Перенесенных топонимах и Реальной географии (заглавные буквы словосочетаний – в ред. А.Чечельницкого). Так, у Страбона, крупнейшего ученого и автора «Географии», считающейся одним из самых непредвзятых сочинений древности, Индия омывается Атлантическим морем или океаном [24, с. 7]. Страбон признавал, что все писатели, современники или спутники Александра Македонского, помогавшие ему покорять Азию, когда-либо видевшие эту страну или слышавшие о ней, в своих сведениях о ней «противоречат друг другу» [21, с. 639]. Тем не менее, он призывает признать наиболее достоверным краткий рассказ Эратосфена о земле, считавшейся в его времена Индией. «С севера Индия отделена на пространстве от Арианы до *Восточного моря* (курс. – колл.авт.) самыми крайними частями Тавра, которым местные жители по частям дают названия Паропамис, Эмод, Имай и другие, а македоняне – *Кавказ*. На западе границей Индии является река Инд. Что же касается ее южной и восточной сторон, то они гораздо больше остальных и выдаются в *Атлантическое море*» (курс. – колл.авт.) [21, с. 642]. По справедливому замечанию А. Чечельницкого, с точки зрения современной географии резонно задаться вопросом: как соотносится Индия с Кавказом, Восточным морем и Атлантическим океаном? О какой Индии идет речь? Та же путаница возникает при определении местоположения Гипербореи. Ведь Гекатей Абдерский, последователь Демокрита, во фрагменте своего утерянного сочинения «О Гипербореях», указывал, что путь к гиперборейскому острову, находящемуся в океане, проходил через Меотиду и устье Танаиса – топонимы, трактуемые современной наукой как река Дон и Азовское море [21, с. 895, 923]. Но тогда в каком океане был остров гипербореев? [24, с. 7].

Не менее острым является вопрос астрофизика по поводу раскопок Вавилона, которые были начаты немецкими археологами во главе с Робертом Кольдевеем на рубеже XIX-XX веков, но остались незавершенными. Разделяя

комментарий археолога Сетона Ллойда, считавшего, что Р. Кольдевея интересовал не только нововавилонский город, но и остатки города – столицы империи Хаммурапи II тысячелетия до н.э., Чечельницкий подвергает сомнению версию завершения раскопок ввиду высокого уровня грунтовых вод, выдвигая гипотезу полной бесперспективности археологических работ из-за отсутствия культурных слоев эпохи Хаммурапи [24, с. 8]. Не согласен А. Чечельницкий и с местоположением загадочной страны Дильмун, «забытой» древневосточной цивилизации, изучению которой посвящена работа датского археолога Дж. Бибби [2]. С подачи британского археолога и ассириолога Г. Роулинсона Дильмун считался островом Бахрейном в Персидском заливе [24, с. 17-18]. Чечельницкий, анализируя содержание свидетельств Саргона Аккадского из хорсабадских надписей, утверждает, что Дильмун (Тильмун – ред. А. Чечельницкого) не остров, а связанный с Камчаткой полуостров являлся во многом горной страной [24, с. 19]. Имея часть сухопутной границы и порт, Тильмун представлял собой Великий транзитный путь древности, через который доставлялась медь. Но вновь возникает вопрос – откуда поступал главный стратегический товар древности? Астрофизик утверждает, что из Магана – побережья Охотского моря. Маган (Макан – ред. А. Чечельницкого) был, скорее всего, Магаданом, одним из самых богатых регионов мира по добыче полезных ископаемых. Там же, по мнению ученого, нужно искать и Мелухху (Мелуку – ред. А. Чечельницкого), «черную гору», которую С. Крамер относил к Эфиопии (Нумибии) [12,13].

Во всех трех случаях, говоря о Дильмуне, Магане и Мелуххе, Чечельницкий применяет анализ конструктивной палеолингвистики (КП – выд. колл.авт.), выстраивая отражающую согласные фонемы консонантную матрицу (КМ) или консонантный корень (КК) слов, составляя ассоциативный кластер (АК), обнаруживая характерные признаки их локализации [24, с. 25]. Так, слово Мелухха (Мелука) имеет КМ в виде –М-L-K-, являющуюся основой многих слов и понятий, образующих АК. Палеолингвистический анализ в данном случае важен для обнаружения следов как в памяти, так и на земле через так называемые симптоматичные топонимы. Например, существующий до настоящего времени на побережье Охотского моря город Малкачан, а несколько севернее от него — гора с отметкой высоты 1448 м, за хребтом которой – доступ к реке Колыме с ее кладезью золота, серебра, олова и меди. А. Чечельницкий показывает, что зо-

лото - серебряный транзит в данном районе был вполне реален, а консонантный корень –M-L-K- как у Малкачан, так и у Мелуххи доказывает симптоматичность топонимов [24, с. 25]. Не менее удивительными являются рассуждения относительно топонима Аратты, когда, на основе КП-анализа, ученый не только указывает на местоположение Аратты в Северо-Восточной Азии, но и связывает этот топоним с Золотой Ордой на основе КМ термина Орда –R-D-, -R-T- (Золотая) Аратта – (Золотая) Арта – Золотая Орда [24, с. 25]. Апеллируя к Библии, А. Чечельницкий утверждает, что Вавилон тоже не месопотамское понятие, и приводит всем хорошо знакомый, но по-новому прочитанный, действительно важный ее фрагмент:

- «1. На всей земле был один язык и одно наречие.
2. Двинувшись **с Востока** (курс. А. Чечельницкого), они нашли в земле **Сенаар** (курс. А. Чечельницкого) равнину и поселились там.
3. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.
4. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли.
5. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.
6. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать.
7. Сойдем же и смешаем там язык их, чтобы один не понимал речи другого.
8. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город.
9. Посему дано ему имя: **Вавилон** (курс. А. Чечельницкого). Ибо смешал там Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» [3, с.10].

А. Чечельницкий считает, что существовал Первичный Библейский Вавилон, широта которого могла лежать в пределах, характерных для древнейших ареоастрономических монументов (около 48-54°N) [24, с. 33]. Искать же его нужно в районе реки Амур-о. Сахалин - Южной части Охотского моря через маркеры месторождений нефти и асфальта. Геолокацию библейской равнины Сенаар, куда после Потопа Ноя пришли люди, ученый определяет сначала на

землях, примыкающих к бассейну реки Амур, а потом – Хуанхе [24, с. 37]. Чечельницкий утверждает, что греческое слово Египет – продукт позднего финикийского словообразования. В Ветхом же завете вместо слова Египет стоят слова Мицраим, земля Мицраима [24, с. 42]. Нет в нем ни имен фараонов, ни информации о пирамидах (как и самого слова пирамида), ни указаний на собственные месторождения золота и серебра. Из чего ученый приходит к выводу, что Египет Африканский в Библии отсутствует, но его связь с Египтом Первоначальным – Мицраимом существовала и искать ее нужно через древний маршрут фараонов в Священный Пунт [24, с. 46] у Пределов Мира, где находился и Сад Эдем, куда народ патриарха Авраама пришел во время голода [24, с. 45]. Более того, именно там, где Дильмун совпадает с краем библейского Мицраима, нужно искать и Ассирию, и Вавилонию, и Иудею. По утверждению немецкого географа Рихарда Хеннинга, на которого ссылается, но не во всем с ним соглашается А. Чечельницкий, древний маршрут в Пунт, куда царица Хатшепсут снаряжала экспедиции за золотом, серебром и миррой до 80 тыс. мер, был для Египта страной Богов [22, с. 21-32]. Финикияне-мореплаватели первыми освоили путь в Пунт, но плавали туда не часто: это было сопряжено с трудностями экспедиции, которая могла длиться от года до двух лет, а прерываться – на столетие и даже тысячелетия. В результате чрезвычайных климатических изменений маршрут этого пути и вовсе затерялся в лабиринтах истории, но был увековечен созданием знаменитого храма Деир аль-Бахри [24, с. 49], к надписям которого, как к своеобразному отчету-репортажу об этих экспедициях, обращался Р. Хеннинг, изучавший путешествия и мореплавателей доколумбова периода. В контексте этого транзита древности А. Чечельницкий рассматривает поход Александра Великого, стремившегося достигнуть Пределов мира. Ученый полагает, что заветной мечтой полководца были земли не современной тропической Индии, а находящейся на Дальнем Востоке прибрежной Крайней Индии (Ultima India), вблизи Тихого океана и его морей-заливов–Берингова и Охотского [24, с. 94]. Наконец, А. Чечельницкий переносит на Дальний Восток Троянскую войну, как войну за право контролировать понтийскую торговлю золотом и серебром, отказывая в этом праве Восточному Средиземноморью, традиционно считающимся регионом этого события [24, с. 125].

Перенесенные топонимы, согласно А. Чечельницкому, – следствие катастрофического сдвига полюсов вращения Земли. Данная проблема – одна из наименее исследованных в науке, но постепенно привлекающих внимание современных ученых в связи с актуализацией проблематики изменения климата на Земле [6]. Центральной здесь выступает тема космогенного шока, рассматриваемая в контексте теории волновой космогеономии, согласно которой до Космогенного Шока Северо-Западная Америка, Гудзонов залив были районом Полюса вращения Земли (или Северного полюса прошлого). Поскольку в климате Земли доминировала широтная циркуляция и отсутствовала меридиальная ось вращения, постольку чередования сезонов (лето-зима) не происходило и, скажем, Аляска находилась в зоне вечной весны. Космогенный Шок около 9500 г. до н.э. радикально изменил условия обитания человека, Процветавшая в эпоху всемирного оледенения Атлантида погибла с его завершением, так как Полюс вращения земли ушел из Гудзонова пролива, не только изменив ориентацию по странам света, но и вызвав искажение всей картины прошлого [23]. Ярким примером этому служит реконструкция учеными Восточно-Европейской платформы на период 360 млн лет назад, когда территория нынешней Москвы находилась в районе экватора и, соответственно, в праМоскве было не только жарко, но и менее благополучно с точки зрения радиационного фона [25]. Чечельницкий обосновывает проблему, переводя библейскую информацию в современные понятия, утверждая, что если до похода патриарха Авраама это было время трансгрессии – Потопа, то после похода – Великого Исхода – регрессии Охотского моря – понижения уровня его поверхности, рождающих тему реки Иордан, не перейденную Моисеем, и земли обетованной в Ханаане, куда удалось попасть Иисусу Навину. Эта информация переосмысливается Чечельницким с опорой на свидетельства Геродота, сомневавшегося в существовании такой реки, эллинское название которой было не Иордан, а Эридан, впадавшей в Северное море [24, с. 56,58].

Ученый убежден, что события глобальной катастрофы в вулканном крае на Дальнем Востоке отражены библейским Исходом, когда воды расступились, море сделалось сушей, а сыны Израилевы пошли «среди моря по суше: воды же были им стеною по правую и левую сторону» [3, с. 73]. Этот Исход случился в стране Мицраим (Миср – ред. А. Чечельницкого), что в районе Камчатки на континенте Прародины и крае, с которого начинается Земля Обето-

ванная – Ханаан. Период регрессии стал Новой эпохой, так как уровень понижения уровня Охотского моря достиг катастрофических пределов. Когда появилось его дно, по нему потекла река Иордан, наполнявшаяся пресными водами с гор. Иордан впадала в Соленое море – глубоководную часть моря Охотского [24, с. 55]. О наступлении новых времен свидетельствует Откровение Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля ушли, и моря уже нет. И я увидел город святой, новый Иерусалим...» [16, с. 506]. По мнению Чечельницкого, события, связанные с регрессией Охотского моря, произошли во времена Авраама и Моисея [24, с. 57]. Трансконтинентальный Исход, произошедший в первой половине 1 тыс. до н.э., характеризовался несколькими волнами миграций, когда с Континента ПраРодины на Дальнем Востоке началась колонизация новых земель на Ближнем Востоке и в Европе.

Results. Анализируя обширный комплекс данных из различных наук, ученый формулирует и убедительно подтверждает ряд гипотез: во-первых, изучаемая древняя история представляет собой так называемую Перемещенную Историю; во-вторых, эта история создана в формате Перенесенных топонимов, Реальная География же, потерянная во тьме веков и забытая с 1 тысячелетия до н.э., нуждается в восстановлении; в-третьих, истинной ПраРодиной азиатско-европейцев и локализацией исторических событий следует считать так называемые Пределы Мира – Дальний Восток (Северо-Восточную Сибирь, Чукотку, Камчатку) и Аляску или континент Прародины в широком смысле; в-четвертых, последний следует считать местонахождением Атлантиды. Такая постановка вопросов не только разрушает стереотипы исторического знания, но полностью изменяет методологию его построения. Введение А. Чечельницким в научный оборот понятий «Перемещенная История», «Перенесенные топонимы», «Реальная География», «Пределы Мира – Дальний Восток» – закономерное следствие его концепции Волновой Вселенной, Волновой Астродинамики и Космогеономии [26]. В-пятых, данные выводы возможны только на основе междисциплинарных исследований, поднимающих одну из самых грандиозных проблем, названную А. Чечельницким проблемой «Космос-Земля-Человек», радикально изменяющей взгляд как на историю Древнего Востока, так и на историю Древнего мира и Преисторию человечества в целом.

Discussion. Выше представленный текст показывает, что проблема, поднятая А. Чечельницким, является дискуссионной от названия и концепции до аргументации и выводов. Это делает позицию ученого крайне уязвимой по сравнению с авторами истории Древнего мира, созданной ее авторитетами на основе «счастливого сохранившихся свидетельств и документов, дополненных впоследствии данными археологии...» [24, с. 181]. Однако анализ проделанного конвенциональной наукой подводит ученого к твердому убеждению, что не все в традиционной трактовке древней истории может быть принято, как неоспоримая истина, и поэтому «придется не только принять на веру, что царство Саргона Аккадского, государства Старовавилонского, Касситского периодов, Ассирийское, Халдейское царства, их Метрополии действительно находились на Ближнем Востоке, но и предъявить убедительные археологические доказательства этого». А. Чечельницкий считает, что сегодня требуют своего разрешения такие фундаментальные вопросы археологии, как: 1. Где находятся культурные слои Вавилона (на Ближнем Востоке) эпохи Хаммурапи или почему сегодня не продолжаются раскопки, начатые Кольдевеем? 2. Где пролегают следы I Иерусалимского – храма Соломона на Ближнем Востоке, имеющим археологические свидетельства II Храма? [24, с.181]. Но, чтобы ответить на них, профессионалы должны начать этот разговор. Отстраненное отношение академического сообщества к ученому, подвергающему критическому анализу устоявшиеся представления, в советское время объяснимо. Однако сегодняшнее игнорирование поднятых исследователем проблем как, собственно, и работ А. Чечельницкого, вызывает искреннее сожаление. Между тем, уже сама реальность подвигает к необходимости более внимательного изучения вопросов древней истории, что может стать инструментом понимания современных проблем. Ведь следуя известной библейской сентенции, нет ничего нового под солнцем: «что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться» [3, с. 666].

Ставя вопрос альтернативного понимания истории, А. Чечельницкий исходит из важности понимания роли климата и природы в истории. Изучение конкретных событий, таких как гибель Атлантиды или Гипербореи, напрямую связанных с ними, показывает, как природно-географическая среда из повествовательного фона в работах ученых превращается в фактор истории, а вопрос местоположения некогда существовавших материков становится значимой

научной проблемой. Представляется, что тема погибших цивилизаций, являвшаяся, начиная с Платона, предметом научного спора на протяжении многих столетий [8], с XIX века ушла на периферию научного знания. Изучаемая учеными-энтузиастами, она, по сути, не получила своего развития, потому что, как справедливо полагает Ортега-и-Гассет, с этого времени начался процесс вытеснения в людях науки целостной культуры. В итоге появился такой тип ученого, «который из всей совокупности знаний, необходимых, чтобы подняться чуть выше среднего уровня, знает одну - единственную дисциплину...» [17]. Такое положение в условиях строгой научности позитивистской парадигмы XX века не оставляло академическому отечественному историку никаких шансов выйти из нее. Все, не подтвержденное суммой артефактов и письменных свидетельств, относилось к лженауке или к маргинальным исследованиям, считающихся умозрительными, значительно отклоняющимися от признанных теорий. Быть обвиненным в академической маргинальности в советской историографии было равносильно подвергнуться остракизму. Думается, именно поэтому данной проблемой занялся вовсе не историк, а физик, который бросил вызов узкой специализации и формализации исследовательского инструментария, сделал ставку на усложнение методов изучения истории в сторону междисциплинарности для постановки новых вопросов и получения принципиально новых результатов. В самом деле, почему Ветхий завет не содержит информации об африканском Египте? Наконец, почему понятие Восток разделилось на Ближний и Дальний?

Разумеется, тысячу раз прав археолог А.В. Арциховский, заметивший, что историческое явление, не оставившее следа ни в архиве, ни в летописи, всегда остается в земле, и дело археолога – его найти [15, с. 10]. Но ведь трудно возразить и А. Чечельницкому, считавшему, что пока не настало время раскопок, можно заняться ментальной археологией, поиском необходимых сведений и, возможно, свидетельств, в дошедших до нас мифах и языках. Здесь можно только сожалеть о том, какой колоссальный вред науке нанесла закрытость советской исследовательской лаборатории, не позволившей А. Чечельницкому, развивавшему идеи конструктивной палеолингвистики, побеседовать, и, может, вступить в дискуссию со своим соотечественником и современником Вячеславом Ивановым – крупнейшим советским лингвистом, семиотиком и антропологом, автором «теории основного мифа», а также с

выдающимся советским физиком С.П. Капицей, через призму древней истории изучавшим демографические проблемы современности [10]. А.М. Чечельницкий был «в поле одним воином», с завидной последовательностью утверждавшим, что «чисто гуманитарный подход в одиночестве не в состоянии во всей полноте решить фундаментальные проблемы истории», что отсутствие междисциплинарности усиливает тенденцию к усложнению собственно исторических методов анализа, неизбежно ведущему к дальнейшей формализации инструментария, снижающей эффективность исследования [24, с. 14].

Conclusion. Все вопросы Праистории человечества, поднятые А.М. Чечельницким, ломают привычную картину истока истории и выстраивают интерпретационный алгоритм осмысления, высвечивающий неполноту, а порой и противоречивость знания. Проблема перенесенных топонимов, гидронимов, этнонимов – серьезная зацепка к тому, чтобы пересмотреть устоявшиеся представления об истоке истории и начать отечественные междисциплинарные исследования дальневосточного региона, важного для понимания истоков истории в ракурсе глобальных тектонических изменений на планете до Всемирного потопа и после оледенения. Проблема Дальнего Востока как Преистория человечества – это вызов исторической науке и серьезная образовательная проблема [9]. Фактически, А. Чечельницкий предложил идею нового знания, основанного на фундаментальной трансформации мышления, создающей новое мировоззрение современного человека, стержневой опорой в котором выступает баланс отношений между природой и человеком. Но для ее решения потребуются немалые усилия, направленные, прежде всего, на преодоление пороков современного мировоззрения, как продукта эпохи модерна с ее «философскими ошибками» – редукционистским мышлением и фрагментацией знания. Астрофизик А. Чечельницкий не только показал, что такое интегральное мышление и как с его помощью достигается «подлинное понимание основополагающей реальности», как единственное оправдание научного труда. Ученый исходил из необходимости понимания важности совпадения границ исследований и морали, что тенденция ко все более фрагментированному знанию – безнравственна. Развивая альтернативную историю, ученый, по сути, предвосхитил идею альтернативной философии «нового Просвещения», провозглашенную участниками Римского клуба [27]. В ней нет ни «естественного права настоящего перед прошлым» (Р. Барт), ни постмодернистского права прошлого

над настоящим, а есть лишь баланс, обеспечивающий смысл объекта «самого по себе существующего», как не деформирующего, так и не деформированного привнесенной в него идеей.

Список литературы:

1. Аствацатурян М. Гранит науки // Эхо Москвы. 22.12.2000. URL: <https://echo.msk.ru/programs/granit/2019.html>– дата обращения 24 января 2018 г.
2. Библи Дж. В поисках Дильмуна. – М.: Наука, 1984. – 367 с.
3. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового Завета канонические. В Русском Переводe. С Параллельными Местами. Перепечатано с Синодального издания. – 292 с.
4. В десятку! Названы важнейшие научные достижения 2017 года // Поиск.– №1-2 (2018).
5. Деревянко А. «Денисовский человек известен во всем мире» // Новости сибирской науки. URL:<http://www.sib-science.info/ru/institutes/derevyanko-0510> 2017 — дата обращения 24 января 2018 г.
6. История во льду. Антарктида рассказывает о прошлом Земли // Поиск. – № 9 (2018).
7. Christian D. The Return of Universal History // History and Theory. Special Issue: History and Theory: The Next Fifty Years. 2010. Vol. 49. Iss. 4. P. 6–27// Ирина Савельева. Историческая наука в XXI веке. Ключевые слова. Карта современных историографических новаций. Начало столетия глазами историка-профессионала. URL: <http://gefter.ru/archive/22548> – дата обращения 24 января 2018 г.
8. Irina Alekseevna Gataullina*, Olga Mikhailovna Gilmutdinova, Olga Vladimirovna Kozlova, Anna Vladimirovna Sychenkova and Iulia Borisovna Shagbanova. Prehistory and Protohistory of Humanity: Challenging Issue of Modern Scientific Knowledge // Indian Journal of Science and Technology, Vol 9(42), DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i42/104256, November 2016. Pages: 152-161.
9. Irina A. Gataullina (a)*. PRE–ET–PROTOHISTORY AS WORLD OUTLOOK BASIS OF ENGINEERING ETHICS // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. RRI 2016 International Conference «Responsible Research and Innovation». Pages: 254-261.
10. Капица С. Парадоксы роста: Законы развития человечества. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. – 192 с.

11. Конт-Спонвиль, Андре. Сциентизм (Scientisme) // Философский словарь / Пер. с фр. Е. В. Головиной (Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)). — М.: ООО «Издательство «Этерна», 2012. — С. 476. — 752 с.
12. Крамер Самюэль. Шумеры. Первая цивилизация на Земле / Пер. с англ. А. В. Милосердовой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. — 384 с.
13. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. — М.: Книга по Требованию, 2012. — 257 с.
14. Книги из библиотеки Альберта Михайловича Чечельницкого. URL: http://lib.unidubna.ru/biblweb/search/rubrsearch_chech.asp?ID=1&allcount=81&dbeg=81 — дата обращения 24 января 2018 г.
15. Любимов Л. Искусство Древнего мира. — М.: Просвещение, 1980. — 319 с.
16. Новый завет. Современный русский перевод. Перевод епископа Кассиана. — М.: Российское Библейское Общество, 2017. — 509 с.
17. Ортега-и-Гассет, Хосе. Восстание масс [Пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет; Авт. предисл. В. Кузнецов. — М.: АСТ, 2002. — 510 с.
18. Покровский В. Большой Взрыв, которого не было // Независимая газета. — 19 мая. — 2004.
19. Савельева И. Историческая наука в XXI веке. Ключевые слова. Карта современных историографических новаций. Начало столетия глазами историка-профессионала // URL: <http://gefter.ru/archive/22548> — дата обращения 24 января 2018 г.
20. Сберегла Берингия // Поиск.— 2018.— №3. — 19.01.2018; Hopkins, David M. 1967 The Bering Land Bridge. Stanford University Press, Stanford; Хопкинс Д. М. История уровня моря в Берингии за последние 250000 лет. Берингия в кайнозое. — Владивосток, 1976; Hopkins, D.M., J.V. Matthews, C.E. Schweger, and S.B. Young, Editors 1982 Paleoecology of Beringia. Academic Press, New York.
21. Страбон. География в 17 книгах / Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. Репринт.воспроизв.текста издания 1964 г. — М.: Ладомир, 1994.
22. Хеннинг Р. Неведомые земли. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.Т.1-2. С.21-32.URL: <http://Annales.info/other/hennig/> — обращения 24 января 2018 г.

23. Чечельницкий А.М. Вызов Платона: Atlantida Incognita / Чечельницкий Альберт Михайлович. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. – 68 с.
24. Чечельницкий А.М. ПраИстория начинается у Пределов Мира / Чечельницкий Альберт Михайлович. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005.
25. Янчилин В. Послания в интрузиях. Застывшая лава расскажет об истории Земли // Поиск. – № 10(2018).
26. Chechelnitzsky A.M., Hot Points of the Wave Universe Concept: New World of Megaquantization, Proceedings of International Conference “Hot Points in Astrophysics”, JINR, Dubna, Russia, August 22-26, (2000); URL: <http://arXiv.org/abs/physics/0102036>; Chechelnitzsky A.M., Horizons of the Wave Universe Concept: from Neutrino – to Quasars, Report COSPAR 02-A-00056, H0.2-E0.2-0025-02 to the 34 th COSPAR Scientific Assembly - World Space Congress, Houston, Texas, USA, 10-19 October 2002; Chechelnitzsky A.M. Heritage of the Global Ancient Civilization: Discrete Structure, Great Belt of Megalithic Sites (Observatories), Report to the SEAC (European Society of Astronomy and Culture) 2002 Meeting, Tartu, Estonia, 27-30 August 2002; Chechelnitzsky A.M. Hubble Constant or Hubble Variable H: Why Is Not the “Exact“ H Discovered? In: Astronomy, Cosmology and Fundamental Physics, Proceedings of the ESO/CERN/ESA Symposium Held in Garching, Germany, 4-7 March, 2002 Ed. P.A. Shaver et al., Springer, pp. 429-431, (2003); Chechelnitzsky A.M. Cosmological Alternatives: (Mega) Wave Universe Concept, Alpha Constant, Hubble H Variable, Report to CAPP 2003, Workshop on Cosmology and Particle Physics, CERN, Geneva, Switzerland, 12-17 June, 2003.
27. von Weizsaecker, E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. — Springer, 2018. — 220 p. // Доклад Римского клуба-2018. Обзор проф. Чумакова А.Н. http://есорparlament.ru/d/828816/d/dokdad_rimskogo_kluba-2018.pdf – дата обращения 24 января 2018 г.

Little-known Information of the Commander of a Soviet Artillery Officer Alexander Bessarab About the Storming of the Reichstag

Fedotov Sergey,

Academy of Civil Defence EMERCOM of Russia, Russia

Abstract: The role of artillery in the battle for the Reichstag was little studied. A major role in fire support, the assault of the Reichstag played the 420-th separate antitank artillery battalion major Alexander Bessarab. The actions of the commander and soldiers are an example of courage and heroism. After the battle for the Reichstag, the war veterans celebrated the first wedding in Berlin – the marriage of A. N. Bessarabia, which was the beginning of peaceful life.

Keywords: The Reichstag, a storming, antitank artillery, the commander of the division, a victory, a marriage.

Малоизвестная информация командира советских артиллеристов офицера Александра Бессараба о штурме Рейхстага

Федотов Сергей,

Академия гражданской защиты МЧС России, Россия

Аннотация: Роль артиллеристов в бою за Рейхстаг мало исследована. Главную роль в огневом обеспечении штурма Рейхстага сыграл 420-й отдельный противотанковый артиллерийский дивизион майора Александра Бессараба. Действия командира и бойцов являются примером мужества и героизма. После боя за Рейхстаг фронтовики отпраздновали первую свадьбу в Берлине – женитьбу А.Н. Бессараба, которая стала началом мирной жизни.

Ключевые слова: Рейхстаг, штурм, противотанковая артиллерия, командир дивизиона, победа, свадьба.

9 апреля 2018 года исполняется 100-летний юбилей со дня рождения артиллериста-фронтовика полковника в отставке Бессараба Александра Никито-

вича. Он является последним здравствующим из командиров частей, непосредственно участвовавших в боевой операции по овладению Рейхстагом 30 апреля – 1 мая 1945 года. К командирам такого уровня можно отнести лишь около десятка генералов и старших офицеров:

командира 79-го стрелкового корпуса - генерал-майора (позднее – генерал-полковника) Перевёрткина С. Н., которому были подчинены все дивизии, полки и подразделения, штурмовавшие центральные объекты Берлина на Кенигплац;

командира 150-й стрелковой дивизии - генерал-майора (позднее – генерал-полковник) Шатилова В. М., с подчиненными ему командирами 756-го стрелкового полка полковника Зинченко Ф. М., 674-го стрелкового полка подполковника Плеходанова А. Д.;

командира 171-й стрелковой дивизии - полковника Негоду А. И., с подчиненным ему командиром 380-го стрелкового полка майором Шаталиным В. Д., бойцы которого первыми ворвались в Рейхстаг;

командира 207-й стрелковой дивизии - полковника Асафова В. М., с подчиненными ему командирами 597-го стрелкового полка подполковником Ковязиным И. Д., 598-го стрелкового полка подполковником Вознесенским А. А. и 594-го стрелкового полка подполковником Чекулаевым А.П. (бывшего во втором эшелоне дивизии, с северной стороны «Дома Гиммлера» и Моста Мольтке).

Удивительно, что в Интернете и средствах массовой информации неоднократно, рассказывая о взятии Рейхстага, регулярно ссылаются на А.Н. Бессараба (см. рис. 1) и представляют интервью с ним, но не указывают на ключевую роль его 420-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона в штурме Рейхстага. Зато в статье «Штурм Рейхстага» в Интернете [15] указывается несколько артиллерийских соединений и частей, как приданные (86-я тяжёлая гаубичная артиллерийская бригада, 104-я гаубичная бригада большой мощности, 124-я гаубичная бригада большой мощности, 136-я пушечная артиллерийская бригада, 1203-й самоходно-артиллерийский полк, 351-й гвардейский тяжёлый самоходно-артиллерийский полк, 23-я танковая бригада, 88-й гвардейский тяжёлый

**Рис. 1. Майор А.Н. Бессараб
в Берлине (1945 г.)**

танковый полк, 85-й танковый полк), личный состав которых практически не был на Кенигплац во время боя.

Отчасти это объясняется тем, что майор А.Н. Бессараб был офицером из 207-й стрелковой дивизии, фактически помогавшим 150-й и 171-й стрелковым дивизиям, не сумевшим переправить свою артиллерию через разлившуюся на два-три километра реку Шпрее, а после войны его 207-я дивизия не была расформирована и по 1990-е годы входила в состав Группы советских оккупационных войск в Германии (затем Группы советских войск в Германии и Западной группы войск). На запросы о 207-й стрелковой дивизии из Министерства обороны СССР приходили ответы: «Информацию представить невозможно».

Удачей для современных историков является то, что полковник А.Н. Бессараб после увольнения в запас решил сформировать письменную летопись своего соединения и реализовал ранее мало проявленные литературные способности. Боевой путь 420-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 207-й стрелковой дивизии 79-го Берлинского стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта в 1970 г. был описан в книге «В прицеле – танки!» [2], которую и сегодня изучают молодые артиллеристы противотанковых подразделений.

В 2006 году А.Н. Бессараб лично издал книгу «Какими мы были» [4] и группу статей [3, 5, 6], которые и сейчас, из-за малой известности, для историка-исследователя можно отнести как открытие.

С анализом научной ценности материалов А.Н. Бессараба автор данной статьи сделал несколько научных докладов на внутрироссийских научных конференциях, которые малодоступны для всех интересующихся их содержанием [10, 12, 13]. Теперь целесообразно довести результаты до широкой аудитории исследователей за рубежами России, тем более в странах, где наши солдаты были союзниками в борьбе с фашизмом - прежде всего в США и Великобритании. Выводы, полученные по результатам анализа литературного творчества А.Н. Бессараба, сгруппированы по восьми направлениям.

Первое. Публикации А.Н. Бессараба, дополняемые выступлениями в средствах массовой информации, в отличие от мемуарных воспоминаний других авторов, имеют научное обоснование, базирующееся на архивных материалах:

документах Центрального архива Минобороны России;

журналах боевых действий частей и соединений;

подлинных донесениях командиров подразделений и частей, боевых приказах и наградных материалах и др.

Заботясь об объективности своих трудов, А.Н. Бессараб провел масштабную авторскую проверку, что подтверждает подобранный состав экспертов-рецензентов [1], являвшихся прямыми участниками героических событий апреля-мая 1945 года [4]:

командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск (с 1969 г.) маршал артиллерии Г.Е. Передельский;

командующий артиллерией 1-го Белорусского фронта маршал артиллерии В.И. Крылов;

начальник политотдела 79-го стрелкового корпуса полковник И.С. Крылов;

командир 597-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии подполковник И.Д. Ковязин;

командир 594-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии генерал-майор А.П. Чекулаев;

командир отдельной саперной роты 40-й отдельной стрелковой бригады (затем 207-й стрелковой дивизии) полковник И.Ф. Шашлов;

командир огневого взвода 420-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии подполковник Г.И. Еременко;

командир взвода ПТР 597-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии капитан Ф. Старовойтов;

командир отделения управления минометной батареи 120-мм минометов старшина И.Б. Серов;

командир миномета минометной роты 1-го батальона 597-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии младший сержант Н.П. Боровлев;

радист роты связи 598-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии сержант И.В. Удальцов;

ветеран-связист 207-й стрелковой дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии подполковник А.С. Калугин;

старший сержант М.Н. Есина;

вдова Героя Советского Союза И.В. Василькова – П.Н. Василькова и др.

Второе. До публикаций А.Н. Бессараба практически умалчивалась героическая роль личного состава артиллерийских частей, которые при штурме Рейхстага принимали прямое участие, действуя совместно со стрелковыми частями, выполняя общую боевую задачу на одном поле боя. Ветеранами 150-й стрелковой дивизии описан штурм Рейхстага лишь с их точки зрения [8, 11, 14], которая не раскрывает даже реальное участие соседней 171-й стрелковой дивизии, первой ворвавшейся в Рейхстаг. В публикациях А.Н. Бессараба, 420-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион и его командир (в апреле-мае 1945 г. лишь в воинском звании «майор») впервые и достоверно восполняется имевшийся информационный пробел.

Объективность героического повествования А.Н. Бессараба констатирует один из высших военачальников Красной Армии маршал артиллерии В.И. Казаков. Об артиллеристах А.Н. Бессараба полководец писал [1]: «Во время боев в самом Берлине командующий фронтом Маршал Советского Союза тов. Жуков приказал мне выехать в 3-ю Ударную армию... В 207-й стрелковой дивизии восхищение вызвали действия личного состава истребительно-противотанкового дивизиона этого соединения. В моей памяти запечатлелось много примеров героизма и высокого патриотизма солдат, сержантов и офицеров этого дивизиона, громившего подчас гитлеровцев впереди боевых порядков нашей пехоты».

О штурме Рейхстага маршал артиллерии продолжил: «В Берлинской операции, особенно в боях за рейхстаг и Кроль-оперу, - это последние бастионы фашистов в центре столицы, личный состав этого дивизиона особенно отличился под командованием майора А.Н. Бессараба.

Проявляя беспредельное мужество, смелость и находчивость офицеры и солдаты дивизиона 30 апреля и 1 мая 1945 г., выдвинув свои пушки на центральную площадь правительственного квартала Берлина – Кенигплац, оказали эффективную поддержку стрелковым подразделениям в штурме Рейхстага. Они прямой наводкой расстреливали огневые точки в окнах здания рейхстага, крушили амбразуры, подавили все зенитные установки гитлеровцев в Тиргартен-парке и вокруг Рейхстага.

В боях за предместье и центр Берлина этот дивизион все время действовал прямой наводкой, эффективно поддерживал огнем и колесами штурмовые батальоны дивизии».

Третье. Переправа по мосту Мольтке это один из многих примеров мужества и смекалки, проявленной лично А.Н. Бессарбом. Орудия, через ранее разрушенный британской авиацией и заминированный фашистами мост, майор А.Н. Бессараб переправил, сделав «салазки» для орудийных колес, и «в натяг», почти на руках, перетащив на южный берег реки Шпрее к «Дому Гиммлера».

Майор А.Н. Бессараб смог переправить через реку Шпрее двенадцать 76-мм орудий и две 120-мм гаубицы, а затем организовал артиллерийское прикрытие переправы соседних 150-й и 171-й стрелковых дивизий через разрушенный мост Мольтке на другой берег реки Шпрее, нейтрализовав артиллерийский и стрелковый огонь фашистских войск.

Затем командование 79-го стрелкового корпуса поставило майору А.Н. Бессарабу задачу по действиям в интересах 150-й и 171-й стрелковых дивизий, продолжая обеспечивать наступление стрелковых полков 207-й стрелковой дивизии. Поэтому одна из сложностей участия 420-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона 207-й стрелковой дивизии заключалась в том, что ему одновременно приходилось вести огонь прямой наводкой по двум объектам на Кенигплац: непосредственно по Рейхстагу («старому рейхстагу») и по Кроль-опера («новому рейхстагу»). В Кроль-опера фашистский гарнизон был еще больший, чем в самом Рейхстаге. Огонь фашистов из Кроль-опера велся «в спину» пехотинцам 150-й и 171-й стрелковых дивизий, штурмовавших Рейхстаг.

Четвертое. В северной стороне «Дома Гимmlера» окна располагались очень низко, используя это, артиллеристы майора А.Н. Бессараба, вместе с саперами, разбили подоконники и разобрали кирпичную стену, подготовили небольшой сектор обстрела в сторону «старого» Рейхстага, направив на него 1-ю батарею своего 420-го дивизиона. Орудия закатили внутрь «Дома Гимmlера». До Рейхстага было около трехсот метров.

Свой наблюдательный пункт (НП) Бессараб оборудовал в одной из восточных комнат «Дома Гимmlера». С южной стороны «Дома Гимmlера» майор А.Н. Бессараб направил два орудия и один взвод противотанковых ружей на «новый рейхстаг» Кроль-оперу.

Началась подготовка к открытию огня по «старому» Рейхстагу, который имел замурованные все окна и входы с небольшими бойницами для стрельбы. Полнейшая маскировка привела к тому, что все действия оказались незамеченными противником и открытие артиллерийского огня от «Дома Гимmlера» стало неожиданным для обороняющихся в Рейхстаге.

Майор Бессараб наблюдал за Рейхстагом в стереотрубу и обнаружил огонь из бойниц верхнего этажа. Оценив обстановку, командир за каждым расчетом противотанковых ружей закрепил по две амбразуры – на всю площадь стен Рейхстага. То же самое было сделано с Кроль-оперой. Правильность решения доказал бой. Стрельба из бойниц Рейхстага была нейтрализована.

Рис. 3. Орудия дивизиона А.Н. Бессараба, которые вели огонь по Рейхстагу прямой наводкой с 300 метров

Первоначально возникавшие случаи стрельбы, немедленно пресекались уничтожением пулеметчиков или автоматчиков. Вторичные попытки вести огонь из нейтрализованной бойницы практически не повторялись.

Пятое. В 11.30 30 апреля началась мощная тридцатиминутная артподготовка. Стрелковые дивизии продвинулись на 100-200 метров, в места определенные как исходное положение для атаки. С рядах дивизий были штурмовые отряды с красными знаменами для водружения на Рейхстаге и Кроль-опере.

В 13.00 началась повторная артподготовка, а в 13.30 стрелковые подразделения пошли на штурм. Со стороны противника был уничтожающий огонь. Артиллеристы майора А.Н. Бессараба вели огонь в промежутках боевых порядков и через голову наступающих стрелковых подразделений. Поражался противник за оконными и дверными проемами.

Залегшие перед бетонным ограждением рва строящегося берлинского метро пехотинцы 150-й стрелковой дивизии укрывались от огня, не имея возможности двигаться вперед. Для обеспечения их броска к Рейхстагу противотанковые орудийные расчеты дивизиона А.Н. Бессараба, нацеленные на стрельбу прямой наводкой по Рейхстагу, пробивали полтора и трехметровые стены ограждений метро и Рейхстага. Пробив отверстия в замурованном центральном входе в Рейхстаг, А.Н. Бессараб сообразил, что «там же эсэсовцев – как муравьев» и надо «в свои же дырки ударить шрапнелью». Такое решение гораздо облегчило бойцам 150-й и 171-й стрелковых дивизий захват первого и последующих этажей Рейхстага.

В напряженной обстановке майора Бессараба стали теревить командир 207-й дивизии генерал-майор Асафов и другие начальники об обстановке в Рейхстаге. А артиллеристам приходилось быть особо внимательным, принимать информацию по двум зданиям для своевременного переноса огня с мест, которые уже заняли бойцы 171-й и 150-й стрелковых дивизий в «старом» Рейхстаге, на позиции немецких зенитных установок, которые артиллерийские расчеты 420-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона уничтожали прямой наводкой.

В это время 207-я стрелковая дивизия полностью блокировала Кроль-оперу и ближайшие здания. В ночь с 30 апреля на 1 мая майору А.Н. Бессарабу удалось подготовить позиции для еще двух орудий, направленных на Кроль-оперу. Утром 1 мая начался штурм Кроль-оперы, но две атаки стали неудачными. Тысячный гарнизон противника не хотел сдаваться.

Рис. 4. Майор А.Н. Бессараб поздравляет с победой расчеты орудий, которые вели огонь по Рейхстагу

На НП к майору А.Н. Бессарабу прибыл командир 207-й дивизии Асафов и командующий артиллерией этой дивизии Курашов. Более половины оставшихся целыми орудий своего 420-го дивизиона Бессараб направил на Кроль-оперу, плюс пушечный дивизион 780-го артполка и всю артиллерию двух стрелковых полков, около десяти самоходок ИСУ-152.

В середине ночи с 1 на 2 мая 1945 г. прямой наводкой были нанесены удары всеми огневыми средствами. Под поддержкой артиллерии два стрелковых батальона пошли на штурм Кроль-оперы, беря комнату за комнатой, крыло за крылом.

Шестое. Утром 2 мая, правее «старого» Рейхстага появился белый флаг и стала выходить колонна немцев, во главе с четырьмя генералами, за которыми в колонну по шесть шли офицеры и солдаты. Немцы остановились около вышедших на открытое место командиров 598-го стрелкового полка А. Вознесенского и 420-го дивизиона А.Н. Бессараба, чьи командные пункты были

вместе в «Доме Гиммлера». Фашистские генералы приложили руки в воинском приветствии, но советским командирам было уже не интересно разговаривать с фашистами. А.Н. Бессараб знавший немецкий язык, сказал чтобы они «проваливали» и, махнув рукой, направил капитулировавших немцев в сторону Шпрее.

Седьмое. На Кенигплац перед рейхстагом в братской могиле с воинскими почестями были похоронены бойцы-артиллеристы 420-го отдельного истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона погибшие при штурме Рейхстага.

В боевых донесениях было написано: «В боях за предместье и центр Берлина противотанковый дивизион... все время находился на

Рис. 5. Похороны артиллеристов дивизиона, погибших при штурме Рейхстага

прямой наводке, поддерживал огнем и колесами штурмовые батальоны... Несмотря на явную опасность для жизни, орудия прямой наводки 420-го дивизиона с короткой дистанции разбивали огневые точки, подавляя все очаги сопротивления, прокладывая своим огнем путь наступающей пехоте».

По окончании боя, выполнив задачу в интересах 150-й и 171-й стрелковых дивизий, 420-й отдельный истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион 2 мая 1945 г. перешел к решению задач своей 207-й стрелковой дивизии. В этот же день он походным порядком передислоцировался с Кенигплац в северную часть Берлина, а расчеты орудий батареи, стрелявшей по Рейхстагу прямой наводкой, присоединились к своей части 3 мая 1945 г.

Восьмое. Видимо первая надпись на Рейхстаге была сделана А.Н. Бессарабом, но знаменательно - не как памятный росчерк, а как предложение о женитьбе. Это событие, достойное литературного описания, произошло 2 мая, сразу после боя за Кроль-оперу, когда майор А.Н. Бессараб заметил лейтенанта медицинской службы Любовь Васильевну Корявцеву. Вместе с другими девушками из медсанбата 207-й дивизии она стояла и сама смотрела на А.Н. Бессараба.

А он, увидев Любу, подбежал к ней по Кениг-плац, поцеловал при всех и громко сказал: «Люба, я вас люблю!» Но, она ничего не ответила, показав, что вроде бы ничего не услышала в общем грохоте салюта. Тогда влюбленный майор А.Н. Бессараб взял ее за руку и подвел Любу к стене Рейхстага, где куском битого кирпича нацарапал: «Люба + Саша = ?» Она этим же куском кирпича подписала: «Вместе!»

Видимо это первая надпись на Рейхстаге. Как и весь другой исторический материал, эта надпись является примером высоких моральных качеств майора А.Н. Бессараба, сделавшего

Рис. 6. Героические молодожены-фронтовики в Берлине

не грубую злую мстительную надпись в адрес побежденного врага или автограф личного засвидетельствования в истории, а надпись, связанную с высоким смыслом человеческой жизни – про любовь.

19 мая 1945 г. майору Бессарабу был вручен орден Александра Невского, который командир 207-й дивизии генерал Асафов вручил прямо на офицерской свадьбе – первой свадьбе в дивизии после войны, а молодой жене – орден Красной Звезды.

В целом материалы изданий А.Н. Бессараба представляют открытие ранее неизвестных исследователям страниц истории [7, 9, 10]. Издания А.Н. Бессараба, в уже осуществленной литературной форме, могут также стать материалом для созданий художественных патриотических драматических театральных и кинематографических сценариев. Требуется корректировка содержания соответствующих сайтов Интернета [15].

Список литературы:

1. Бессараб, Александр Никитович. Письма и отзывы [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Фирма Печатный двор, 2011. - 46.

2. Бессараб, Александр Никитович. В прицеле - танки [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Воениздат, 1970. - 175 с.: портр., фот. - (Военные мемуары).
3. Бессараб, Александр Никитович. Зрелость [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Издательство ДОСААФ, 1973. - 126 с.
4. Бессараб, Александр Никитович. Какими мы были [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Фирма Печатный двор, 2006. - 430 с.: портр., фот. - (Военные мемуары).
5. Бессараб, Александр Никитович. В боях закаленная 207-я Краснознаменная [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Издательство «Квартум, 1996. - 170 с. - (Военные мемуары).
6. Бессараб, Александр Никитович. Комендант Берлина [Текст]: мемуары / А. Н. Бессараб. - М.: Фирма Печатный двор, 2011. - 457 с.: портр., фот. - (Военные мемуары).
7. Жирнов Ю. Н. Некоторые правовые аспекты мобилизационной подготовки органов внутренних дел в современных условиях [Текст] / Ю.Н. Жирнов // Труды Академии управления МВД России. - 2016. - № 3(39). – С. 110-113.
8. Зинченко, Федор Матвеевич. Герои штурма рейхстага [Текст]: Литературная запись Н. М. Ильяша. — 3-е изд. — М.: Воениздат, 1983. - 192 с. - (Военные мемуары).
9. Киселев Г.Г. Неудобная правда о взятии рейхстага. Поиск, исследование, реконструкция. / Григорий Киселев. – Калининград: Живем, 2017. – 779 с.: фот. – 500 экз.
10. Коваль Г.М., Синдеев С.А., Иванченко Д.И. Музей истории МПВО, ГО и РСЧС в учебно-воспитательной и научной деятельности Академии гражданской защиты МЧС России [Текст] / Г.М. Коваль, С.А. Синдеев, Д.И. Иванченко // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. – 2016. - № 1(28). – С. 3-10.
11. Неустроев, Степан Андреевич. Русский солдат: на пути к Рейхстагу [Текст]: - Краснодар: Советская Кубань, 1997. - 223 с.
12. Федотов С.Б. Анализ умалчивания в исторических источниках роли артиллеристов майора А.Н.Бессараба из 207-й стрелковой дивизии в обеспечении штурма рейхстага 150-й и 171-й стрелковыми дивизиями [Текст] / Сергей Федотов // Человек и общество в условиях войн и

- революций: материалы III Всероссийской научной конференции (8–9 декабря 2016 г., Самара, СамГТУ). - Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2016. – С. 69-75.
13. Федотов С.Б. Роль артиллеристов майора А.Н. Бессараба во взятии рейхстага [Текст] / Сергей Федотов // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Наука, образование и государство в XXI веке». – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». – 2016. – С. 48-56.
  14. Шатилов, Василий Митрофанович. Знамя над рейхстагом [Текст]. - изд. 3-е, испр. и доп. — М.: Воениздат, 1975. - 350 с., илл. - (Военные мемуары). - 200 000 экз.
  15. Штурм рейхстага. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм рейхстага](https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_рейхстага).

References:

1. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. Letters and reviews [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Printing house, 2011. - 46.
2. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. In sight - tanks [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Voenizdat, 1970. - 175 p.: portr., phot. - (War memoir.)
3. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. Maturity [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Publishing house of DOSAAF, 1973. - 126 p.
4. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. The way we were [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Firm Printing house, 2006. - 430 p.: portr., phot. - (War memoir.)
5. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. In the battle hardened 207-I red banner [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Publishing House "Quartum, 1996. - 170 S. - (Military memoirs).
6. Bessarab, Aleksandr Nikitovich. The commandant of Berlin [Text]: a memoir / A. N. Bessarab. - M.: Printing house, 2011. - 457 p.: portr., phot. - (War memoir).
7. Zhirnov Y. N. Some of the legal aspects of mobilization preparation of bodies of internal Affairs in modern conditions [Text] / Y. Zhirnov // Proceedings of Academy of management of MVD of Russia. - 2016. - № 3(39). – S. 110-113.
8. Zinchenko, Fyodor Matveyevich. The heroes of the storming of the Reichstag [Text]: a Literary account N. M. Ilyashev. — 3rd ed. — Moscow: Military Publishing, 1983. - 192 S. - (Military memoirs).

9. Kiselev, G. G. An inconvenient truth about the capture of the Reichstag. Search, research, reconstruction. / Gregory Kiselev. – Kaliningrad: Live, 2017. – 779 p.: fot. – 500 copies.
10. Smith G. M., Sindeev S. A., Ivanchenko D. I. Museum of the history of the MoEHE, and prevention and response to educational and scientific activities of the Academy of civil defence EMERCOM of Russia [Text] / G. M. Smith, S. A. Sindeev, D. I. Ivanchenko // Scientific and educational problems of civil protection. – 2016. - № 1(28). – P. 3-10.
11. Neustroev, Stepan Andreevich. Russian soldier: on the way to the Reichstag [Text].- Krasnodar: Sovetskaya Kuban, 1997. - 223 p.
12. Fedotov S. B. Analysis of secrecy in historical sources the role of artillery-ists of the major A. N. Bessarabia from 207 infantry division in ensuring the storming of the Reichstag 150 th and 171 th infantry division [Text] / Sergei Fedotov // Man and society in conditions of wars and revolutions: proceedings of the III all-Russian scientific conference (December 8-9 2016, Samara, Samara state technical University). - Samara: Samar. GOS. tehn. Univ, 2016. – P. 69-75.
13. Fedotov S. B. the Role of artillery, major A. N. Bessarabia in the capture of the Reichstag [Text] / Sergei Fedotov // Collection of articles of International scientific-practical conference "Science, education and the state in the XXI century". – Penza: MCNS "Science and Education". – 2016. – S. 48-56.
14. Shatilov Vasily Mitrofanovich. The flag over the Reichstag]. - ed. 3-e, Rev. and extra — M.: Voenizdat, 1975. - 350 p., Fig. - (War memoir.) - 200 000 copies.
15. The storming of the Reichstag. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм of the Reichstag](https://ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_of_the_Reichstag).

***The Struggle of Ukrainian Diaspora of USA
in the Revival of the State Independence of Ukraine
(the End of 50-th – Beginning of 60-th Years of XX Century)***

Neduzhko Yury Victorovich,
Volyn Institute for Postgraduate Education,
Professor, Doctor of Historical Sciences

Abstract: The goal of this article is to show the struggle of Ukrainian Emigration of USA in the revival of the sovereignty of Ukraine. It shows the Ukrainian political and social life in USA. It analyses the position of Foreign Ukrainians to the policy of USSR and USA. The article shows the collaboration of Foreign Ukrainians with the American Government in the questions of the revival of the National Sovereignty.

Keywords: Ukrainian diaspora, independence, revival, state, Ukraine, USA.

***Боротьба української діаспори США за відродження
державної незалежності України
(кінець 50-х – початок 60-х рр. XX ст.)***

Недужко Юрій Вікторович,
*Професор Волинського інституту післядипломної
педагогічної освіти, доктор історичних наук*

Анотація: Дана публікація присвячена висвітленню боротьби української еміграції США за відродження державності України. Показане українське політичне та громадське життя в США. Проаналізована позиція зарубіжних українців щодо політики СРСР та США. Висвітлена взаємодія закордонних українців з органами влади США в питаннях відновлення національної державності.

Ключові слова: українська діаспора, незалежність, відродження, держава, Україна, США.

Актуальність теми даного дослідження визначається необхідністю всебічного і глибокого вивчення вітчизняної історії, особливо тих її аспектів, які тривалий час перебували поза увагою дослідників. До таких, серед інших, відноситься боротьба української еміграції США за відродження незалежної демократичної України. Багато сил і енергії витратила українська діаспора активно сприяючи державотворчим процесам в нашій країні, відстоюючи права людини, демократію та інтереси українського народу, намагаючись створити позитивний імідж України в світі.

Зусилля багатьох поколінь зарубіжних українців були спрямовані на забезпечення відродження незалежної демократичної України. І їх вдячні нащадки завжди повинні пам'ятати про це.

Відповідно велика роль в цьому належить історичній науці. Адже висвітлення минулого українського народу поза межами Батьківщини, його боротьби за національне державне відродження буде сприяти збереженню національної ідентичності української еміграції, зближенню та консолідації українців усього світу, стане однією з форм співпраці з зарубіжними українцями. Саме на це й орієнтована дана наукова праця.

На жаль, історія зарубіжних українців, особливо це стосується післявоєнного періоду, висвітлена надзвичайно слабо та фрагментарно. Діяльність української діаспори США по відродженню державної незалежності України, незважаючи на важливість проблеми, взагалі являється "білою плямою" української історіографії. Багато уваги висвітленню взаємодії української громади США та органів влади цієї країни присвятили відомі вітчизняні вчені Є. Камінський, М. Лендвел, А. Русначенко, А. Уткін, К. Чернова та інші [1;3;14;16;20]. Взаємозв'язкам урядових структур і громадських кіл України з українською громадою країн Північної Америки в другій половині 1940-1980-ті роки присвячений збірник документів та матеріалів "На скрижалях історії", підготовлений академіком НАН України П.Т. Троньком, вченими Інституту історії України НАН України О.Г. Бажаном та Ю.З. Данилюком [4]. Досить цікава в цьому сенсі стаття Ю. Киричука, в якій зображено спектр українських політичних організацій діаспори післявоєнного періоду [2]. Серед праць, в яких можна знайти інформацію про визвольні змагання зарубіжних українців, необхідно відзначити роботи Івана Базарка та Ігната Білинського, Майкла Бойара, Марії Дюплек, Олекси Калиника, Леоніда Полтави, Євгена

Скоцька, в яких докладно проаналізована політична ситуація в середовищі української еміграції США в другій половині ХХ ст. [21;22;23;24;26,27]. Не можна в цьому ракурсі не відмітити робот американських вчених українського походження Я. Пеленського та М. Куропася [13;25]. Багато інформаційного матеріалу про життя і діяльність зарубіжних українців міститься в монографії українських науковців Трощинського В.П. та Шевченко А. А. [15]. Ряд наукових публікацій присвятив висвітленню життя та діяльності української діаспори і автор цих строк [5-12].

Проте, всі вони лише побіжно торкаються зазначеної проблеми. Тому дослідження і висвітлення довголітньої боротьби зарубіжних українців за демократію і незалежність України викличе значну зацікавленість як професійних науковців, так і представників політичних партій, громадського загалу і може становити суспільну користь за нинішніх складних умов перехідного періоду українського державотворення, стане однією з форм співпраці з українською діаспорою.

Метою даної статті є висвітлення боротьби української діаспори США за відродження незалежної Української держави. Серед основних завдань публікації: простежити діяльність, визначити пріоритети та основні напрямки роботи організацій українського національно-визвольного руху в США, а також їх взаємодію з органами влади, політичними колами, громадськістю та мас-медіа країни.

Українська діаспора США сформувала або реанімувала в повоєнний період ряд організаційних структур, які стали в цій країні основною рушійною силою в боротьбі за відродження державної незалежності України. Це, зокрема, Українське гетьманське об'єднання Америки (УГОА), Організація державного відродження України (ОДВУ), Організація оборони чотирьох свобод України (ООЧСУ), відділи Спільки визволення України (СВУ), Організація оборони Лемківщини в Америці (ООЛА). Проте, лідером серед українських організацій США, зокрема в боротьбі за демократію і незалежність України, став створений в 1940 році та відновлений в 1944 році Український конгресовий комітет Америки (УККА). Очолював УККА з 1949 року - Л. Добрянський.

Ряд згаданих вище організацій, зокрема УГОА, ОДВУ, СВУ, ООЛА, ООЧСУ, СУА стали членами УККА, делегувавши йому повноваження

представляти українську громаду США перед органами влади країни та міжнародною громадськістю.

Значно сприяла процесу боротьби за державну незалежність України підтримка з боку більшості української громади країни факту консолідації основних політичних сил еміграції навколо реорганізованого ДЦ УНР в екзилі та його претензій на державне представництво України за кордоном на протипагу офіційному уряду УРСР. Невдовзі ДЦ УНР в екзилі був зареєстрований в багатьох впливових міжнародних інституціях. В США значну допомогу в цій справі надав УККА, який представив перед держдепартаментом цієї країни факт утворення УНРади, як зародок національного уряду [18, арк. 30]. На початку 50-х років ХХ століття було відкрито Представництво екзильного уряду УНР в США. Під час перебування в США обов'язки його керівника взяв на себе Степан Витвицький. Його заступником був колишній голова уряду УНР в екзилі Кость Паньківський, секретарем представництва - Мілена Рудницька [17, арк. 82].

Головною метою інформаційно-пропагандистської роботи ДЦ УНР в екзилі повинно було стати найефективніше використання "холодної війни" між країнами Заходу та СРСР для забезпечення відродження незалежної демократичної України. Важливими аспектами подібної діяльності було використання протиріч між обома військово-політичними блоками – НАТО та ОВД для спонукання їх до поступок українській державності, а також привернення народних мас і радянської еліти в Україні на сторону українських державно-визвольних змагань.

Для цього було вирішено використовувати політично-пропагандистській і інформаційний тиск з боку Державного центру УНР в екзилі на органи влади СРСР "з метою нових поступок українському народу на Батьківщині" [19, арк.18]. Одним з основних його елементів була концепція "демократичної Української Народної Республіки та вільної коаліції партій Української Національної Ради" на протипагу уряду УРСР [19, арк.18]. Державний центр УНР в екзилі домагався більшої свободи для національно-культурного розвитку українського народу в СРСР, підвищення рівня життя населення Радянської України, а також здобуття нових формальних і фактичних атрибутів "державності" УРСР та наповнення вже існуючих реальним змістом [19, арк.18].

Іншим напрямком інформаційної діяльності ДЦ УНР в екзилі була пропаганда відродження незалежної демократичної України в країнах Заходу. Її

пропонувалося будувати насамперед на основі подій в УРСР. Зокрема, на їх тлі висвітлювати цілі і діяльність ДЦ УНР в екзилі, використовуючи, насамперед, зарубіжну пресу, радіо, наукові видання, кіно, міжнародні з'їзди і конференції. Важливе значення мало своєчасне реагування Укр. Інформ. Бюро на появу в західній пресі інформації і коментарів про українську визвольну справу, особливо у випадку наклепів і перекручень. Це повинно було сприяти налагодженню тісних контактів із західними мас-медіа. Окремі зусилля повинні були бути спрямовані на залучення іноземних журналістів і публіцистів для висвітлення української тематики, зокрема і за допомогою організації постійних прес-конференцій та доповідей для іноземної преси. Багато уваги приділялося підтримці контактів Укр. Інформ. Бюро та українських журналістів з засобами масової інформації представників інших народів СРСР [19, арк.19].

Згадана вище інформаційна діяльність Державного центру УНР в екзилі полягала в тому щоб, використовуючи юридичний стан УРСР, демонструвати країнам Заходу, зокрема США, їх відставання від СРСР в боротьбі за "українську карту" в "холодній війні" та спонукати їх до: а)відмови від концепції "непередрішенства" супроти України; б)підтримки в "холодній війні" концепції УНР, як найефективнішого засобу протиставлення концепції УРСР; в)підтримки ДЦ УНР в екзилі, коаліції партій УНРади, політичних, культурно-наукових і громадських українських установ на Заході; г)розширення мережі наукових закладів для вивчення національних і соціальних проблем СРСР і створення духовних цінностей для боротьби з ним [19, арк. 18].

Таким чином, завдяки активному використанню пропагандистського апарату ДЦ УНР в екзилі намагався добитися від обох ворожих таборів в ході "холодній війні" задоволення українських державницьких прагнень.

Різниця в становищі між УККА, КУК та ДЦ УНР в екзилі, як провідними політичними об'єднаннями зарубіжних українців, полягала перш за все в тому, що два перші були внутрішньоамериканськими організаціями які представляли інтереси своїх членів- громадян українського походження США і Канади перед органами влади цих країн, а останній був суто українським органом державної влади, який тимчасово перебував у вимушеній еміграції. Таке розмежування функцій і статусу допомагало їм в справі відродження української державності.

Громадсько-політичні організації української діаспори в США розгорнули боротьбу за відродження незалежної Української держави в декількох напрямках:

- Вони популяризували справу відродження української державності серед органів влади, політичних сил, науковців та громадськості США, намагаючись налагодити з ними тісні контакти та заручитися підтримкою впливових політиків цієї країни;

- Вважаючи небезпечним поширення комуністичних і прорадянських настроїв серед української еміграції, вони організували бойкот різноманітних місій емісарів з СРСР і візитів вищих радянських керівників, зокрема, державного візиту лідера Радянського Союзу М. Хрущева в 1959 році, а також неодноразово проводили політичні акції спрямовані на заперечення прав делегації УРСР представляти український народ в ООН. З цією ж метою була розгорнута активна протидія науковим і культурним контактам між СРСР та США;

- Багато уваги було приділено популяризації в США давньої європейської історії і культури українського народу, його національних звичаїв і традицій з метою формування позитивного іміджу української етнічної групи, а також країни їх походження, з акцентом на прагнення українців до відродження власної незалежної держави.

Активна діяльність української діаспори США призвела до того, що протягом 50-х років представники місцевих органів державної влади країни щороку проголошували 22 січня "українським днем". Відома українська дослідниця М. Лендвел вважала, що у такий символічний спосіб демонструвалася моральна підтримка українському народу [3, с. 138]. Ця ініціатива мала продовження на федеральному рівні. У січні 1957 року заангажовані українською громадою сенатори Пуртел, Буш, Джавітс внесли на розгляд Конгресу США резолюцію № 31, яка уповноважувала американського Президента проголосити на офіційному рівні щорічне відзначення 22 січня, як Дня української незалежності. Законопроект був схвалений 20 січня 1959 року [3, с. 138].

В липні 1959 року Конгрес США схвалив резолюцію №86-90 про Тиждень поневолених націй. В передмові до резолюції йшла мова про те, що кожен третій тиждень липня щорічно Президент США повинен був підписувати

прокламацію про “Тиждень поневоленних націй”. В ній робився огляд та містилася оцінка радянсько-російського домінування над чисельними неросійськими народами, включно з українським. Ініціатором резолюції ще в 1957 році виступив президент УККА Л. Добрянський. Активно підтримував її прийняття Державний центр УНР в екзилі. Значну підтримку також надала українська громада США, яка слала числені листи, телеграми і меморандуми з цього питання окремим членам, всіх без виключення, комітетів Конгресу США [21, с. 36-37].

Відомий український вчений Євген Камінський підкреслював в своїх наукових працях, що свою головну місію цей закон покликаний був виконати через «війну нервів» з Радянським Союзом. Його декларована мета — розпад СРСР — мала реалізовуватись шляхом поступової ерозії радянської системи. Науковець зазначав, що закон не залишився декларативним, адже від Дуайта Ейзенхауера до Джорджа Буша тривав період щорічних прокламацій президентів про поневолені народи в СРСР, постанов і резолюцій конгресу, масових віче і мітингів протесту, виступів американської преси на ці теми [1].

Необхідно зазначити, що в цьому ж році конгресмен Волтер Джадд з Мінесоти представив резолюцію №3881. Її метою було заснування в США “Академії Свободи” для підтримки людства в боротьбі з комунізмом. УККА організував інформаційну кампанію на підтримку ініціативи американського законодавця. Українська діаспора слала чисельні листи та телеграми на адресу комісій Конгресу США. Ця діяльність значно пришвидчила прийняття Конгресом США резолюції про “Тиждень поневоленних націй”. В липні 1959 року вона була підписана Президентом США Д. Ейзенхауером та набула статусу Громадського закону № 86-90. В цей же день українською громадою країни були організовані багаточисельні маніфестації на відзначення цієї події. Тоді ж була розпочата кампанія за створення спеціального комітету Конгресу США з питань поневоленних націй. Резолюцію з цього приводу вніс в Палату представників Конгресу США конгресмен Д. Флуд. Ця діяльність в той час не досягла успіху. Проте, в 1960 році у Вашингтоні був створений Національний комітет Тиждня поневоленних націй. Він відповідав за підготовку відзначення Тиждня поневоленних націй і активно співпрацював з УККА. Очолив його Л. Добрянський [21, с. 36-37].

Українська діаспора активно використала вибори Президента США в листопаді 1960 року для того, щоб донести прагнення українського народу щодо відродження державної незалежності України до офіційних осіб США на федеральному та місцевому рівнях. Представники української громади країни, зокрема, Л. Добрянський, Д. Галичін, М. Пізнак та І. Дужанський брали участь у виборчій кампанії Республіканської партії, С. Ярема, В. Душник – Демократичної партії. В результаті обидві українські групи внесли положення про “українську визвольну боротьбу” в політичні платформи цих американських партій [21, с. 38].

В серпні 1959 року організації української діаспори США розпочали масштабну пропагандистську кампанію проти візиту лідера СРСР М. Хрущева до цієї країни. Керівництво УККА закликала свої місцеві відділи підготувати демонстрації та інші заходи для “зустрічі” радянського керівника. Активну участь у цій діяльності взяли також ООЧСУ, СВУ, СУМ, ОДВУ, УГОА. Згаданими організаціями були проведені чисельні акції протесту, а також відправлені листи та петиції на адресу органів влади США, в тому числі, Президенту США Д. Ейзенхауеру від української громади країни, яка виступала проти цього візиту. 9-11 вересня 1959 року в Комітеті по антиамериканській діяльності Конгресу США відбулися слухання щодо “злочинної політики М. Хрущова проти українського народу”. У них брали участь представники української діаспори Л. Добрянський, К. Кононенко, І. Вовчук, М. Приходько та інші. Результати слухань були опубліковані у вигляді книги, як матеріали засідань Конгресу [21, с. 37].

Незважаючи на активні заходи української громади М. Хрущов прибув до Нью-Йорку в другій половині вересня 1959 року. Для його зустрічі УККА видав англomовну брошуру, яка включала в себе текст про злочинну політику М. Хрущова по відношенню до України, а також дві карикатури на радянського лідера авторства Є. Козака. Її тираж складав 50 тис. примірників. Брошура була поширена організаціями української діаспори серед американських політиків та громадськості. Зарубіжні українці також виготовили та розповсюдили тисячі копій тексту промови сенатора Томаса Додда, спрямованої проти візиту М. Хрущова до США. Організації української діаспори в тих містах де перебував з візитом лідер СРСР масово поширювали антирадянські матеріали, а також англomовну газету “Свобода”, сторінки якої були присвячені “задокументованим злочинам” радянської тоталітарної системи проти українського народу.

Американська преса, радіо і телебачення розповідали про українські анти-радянські демонстрації, публікували карикатури на М. Хрущова, а також друкували інформацію про Україну та її прагнення до демократії і незалежності [21, с. 37].

В липні 1959 року СРСР ініціював проведення Світового фестивалю молоді у Відні. Студенти деяких американських університетів взяли в ньому активну участь. УККА опублікував брошури на чотирьох мовах накладом 10 тис. примірників. В них містився заклик до молоді не піддаватися на радянську пропаганду. Розповсюдженням брошур займалися українські студенти США. Вони неодноразово контактували з студентами з УРСР. В межах Фестивалю молоді була організована виставка книг про Україну, опублікованих українською громадою в країнах Заходу. УККА представив на ній всі свої публікації про Україну та боротьбу за її незалежність, а також ряд англійських книг на цю ж тематику, виданих іншими організаціями української діаспори. Чимало з них було подаровано молоді з УРСР. Виставка викликала значний інтерес учасників фестивалю [21, с. 38]. Потрібно зазначити, що Ресорт преси і інформації екзильного уряду УНР також взяв активну участь в підготовці і проведенні Світового фестивалю молоді. На фестиваль було відряджено редактора "Радіо Свобода" А. Ромашко. Він розповсюджував серед учасників фестивалю пропагандистські матеріали видані ДЦ УНР в екзилі та присвячені боротьбі за відродження незалежної демократичної України [19, арк.16].

В 1960 році Представництво екзильного уряду УНР в США організувало в стінах ООН великомаштабну інформаційно-пропагандистську акцію метою якої було привернути увагу міжнародної громадськості до проблеми "колоніального статусу" України в складі СРСР. В вересні 1960 року на засіданні Генеральної асамблеї ООН в Нью-Йорку УККА поширив серед співробітників Секретаріату ООН та делегатів, підготовлений спільно з ДЦ УНР в екзилі, меморандум про "радянсько-російський колоніалізм" [21, с. 37].

Велику кількість статей та інформаційних матеріалів, присвячених боротьбі українського народу за відродження незалежної демократичної України було надруковано в багатьох американських і канадських засобах масової інформації під час подорожей до Північної Америки Голови УНРади Івана Багряного в 1959 році та Голови екзильного уряду УНР Миколи Лівицького в 1958 та 1960 роках. Вони активно проводили зустрічі з українською громадою та

представниками політичних кіл, громадськості і мас-медіа США і Канади, ознайомлюючи їх з актуальними питаннями боротьби за відродження незалежної демократичної України [19, арк. 26-27].

З метою популяризації минулого українського народу, його історії і культури, а також прагнення до відродження незалежної Української держави, українська діаспора США розпочала кампанію, спрямовану на будівництво в Вашингтоні пам'ятника Т. Шевченку, як Поету України. Лідери УККА лобіювали відповідне рішення Конгресу США щодо виділення місця та надання дозволу на його спорудження. В березні 1959 року в Конгрес США було внесено дві резолюції з цього приводу: №54 сенатором Д. Джавітсом в Сенат та №311 конгресменом А. Бентлі в Палату Представників. 31 березня 1960 року в Палаті Представників пройшли слухання з цього приводу. На них виступили конгресмен А. Бентлі та представники української діаспори Добрянський, Галичин, Смаль-Стоцький та інші. Їх результатом стало те, що в кінці другої сесії 86 Конгресу обидві його палати підтримали спільну резолюцію №311. В ній надавалася згода на спорудження монумента Т. Шевченку в столиці країни за кошти української громади США. Він повинен був бути збудований не пізніше 26 червня 1965 року. Одночасно українська діаспора організувала дві кампанії щодо видання Американським поштовим відомством марок, присвячених Великому Кобзарю в серії "Борці за свободу". Масові петиції з цього приводу були відправлені у Вашингтон [21, с.38]. Монумент Т. Шевченку був урочисто відкритий в 1964 році. Він був приурочений до 150 річниці народження визначного українського поета.

В 1959 році в США було організовано урочисте відзначення 250 річниці відходу у вічність гетьмана І. Мазепи. Яскрава постать цієї людини, на думку української діаспори, символізувала долю українського народу та його боротьбу за Українську державу. Крім того, гетьман І. Мазепа був не лише визначним політичним діячем але й покровителем української культури, зокрема, мистецтва та архітектури. Для проведення урочистостей був створений спеціальний комітет на чолі з автором публікацій про Івана Мазепу проф. В. Січинським. Багаточисельні фестивалі, концерти, конференції, лекції, виставки матеріалів, присвячених І. Мазепі відбувалися в різних містах країни. В 1959 році в Нью-Йорку був проведений Фестиваль молоді, приурочений до цієї події. Відомий український митець П. Андрусів створив портрет українського

гетьмана. В 1960 році побачила світ книга "Іван Мазепа, гетьман України", підготовлена групою українських авторів. Ряд статей, присвячених цій історичній постаті було опубліковано в журналі УККА "Ukrainian Quarterly". Урочистості отримали великий резонанс в США та сприяли популяризації прагнень українського народу до відродження державної незалежності України [21, с. 36].

Необхідно зазначити, що в той же час ряд організацій української діаспори США виступили категорично проти культурних контактів між СРСР та США, вважаючи, що під виглядом танцювальних груп та ансамблів народної творчості з Радянського Союзу приїжджають шпигуни, провокатори та пропагандисти, які намагаються зсередини розкласти українську громаду, демонструючи принади й досягнення радянського ладу.

Підсумовуючи все вищевказане, необхідно відмітити, що:

1. Наприкінці 50-х – на початку 60-х років ХХ ст. українська діаспора США проводила активну боротьбу мирними засобами за відродження незалежної Української держави;

2. Провідну роль в ній відігравали УККА та ДЦ УНР в екзилі, а також УГОА, ОДВУ, СВУ, ООЧСУ, СУА, які проводили постійні акції протесту проти політики СРСР щодо України, а також візитів офіційних радянських делегацій в США;

3. Вони виступали категорично проти співробітництва США та СРСР, вважаючи, що воно шкодить справі відродження незалежності України. З метою його зриву, українська діаспора організувала інформаційну кампанію спрямовану проти державного візиту лідера Радянського Союзу М. Хрущева до США в 1959 році;

4. Велика увага еміграції була приділена питанням популяризації української історії і культури, зважаючи на потребу виховання національно свідомого молодого покоління, яке повинно було продовжити боротьбу за відродження незалежності України, а також з метою формування в США позитивного іміджу української етнічної групи, а також країни їх походження;

5. Наприкінці 50-х- на початку 60-х років ХХ ст. українській діаспорі США вдалося налагодити конструктивні стосунки з представниками провідних політичних сил – Республіканської і Демократичної партій, держапарату та вищого керівництва країни, яке демонструвало увагу до справи національного

державного самовизначення українців, підтримавши її на офіційному рівні, зокрема, проголошенням Закону про Тиждень поневолених націй.

Серед перспективних напрямків подальших досліджень необхідно відмітити потребу висвітлення боротьби української діаспори США за відродження незалежності України в 60 - 70-х роках ХХ століття.

Список літератури:

1. Камінський Євген. Україна у зовнішньополітичних доктринах США // Українська державність у ХХ столітті (Історико-політологічний аналіз). - Київ: Політична думка, 1996 / <http://www.litopys.org.ua/ukrxx/zmist.htm>.
2. Киричук Ю. Українські емігрантські партії повоєнного часу (1945 – кінець 1950-х років) // Вісник Львів. ун-ту. Серія історія. - 2002. - Вип. 37/1. - С. 364-378.
3. Лендвел Мирослава Олександрівна. Політична взаємодія української етнічної групи та державної влади США в 1945–1991 рр. Дис. канд. іст. наук. 00.07.02 / Ужгород. держ. ун-т.– Ужгород, 1998. – 211 с.
4. На скрижалях історії: 3 історії взаємозв'язків урядових структур і громадських кіл України з українсько-канадською громадою в другій половині 1940-1980-ті роки. Зб. док. та матеріалів. Кн.1 / Упоряд.:О.Г. Бажан, Ю.З. Данилюк, П. Т. Тронько. - К., 2003. – 862 с.
5. Neduzhko Yury. The Struggle of the Ukrainian Diaspora for the Religious Freedom in Ukraine (the second half of the 70's - 80's XX Century) // Proceedings of the III International Academic Congress "Problems and Prospects of Research in the Americas and Eurasia" (Buenos Aires, Argentina, 3-5 December 2014). Volume I. "Buenos Aires University Press", Buenos Aires, 2015. – P. 220-235.
6. Neduzhko Yury. International Information Companies of Ukrainian Diaspora Regarding Formation of the State Independence of Ukraine (end of 70-th – beginning of 90-th years of XX Century) // Harvard Journal of Fundamental and Applied Studies, 2015, No.1. (7) (January-June). Volume VII. "Harvard University Press", 2015. – P. 713-726.
7. Neduzhko Yury. Information Activities of the World Congress of Free Ukrainians in the late 60's - 70's. XX Century // British Journal of Science, Education and

- Culture, 2015, No.1. (7) (January-June). Volume III. "London University Press", 2015. – P. 793-803.
8. Neduzhko Yury. Ukrainian Diaspora and the American Committee for Liberation from Bolshevism (50th-60th years of the XX Century) // Proceedings of the VII International Academic Congress "Modern World: Politics, Economy, Culture, History, Technology, Science and Education" (Canada, Ottawa, 18-20 March 2015). Volume II. "Ottawa University Press", 2015. - P. 425-452.
  9. Neduzhko Yury. The Struggle of the Ukrainian Diaspora for the Ukraine's Independence in the 60 - 70 years of the XX Century // Proceedings of the 4th International Academic Congress "Science and Education in the Modern World". (New Zealand, Auckland, 5-7 January 2015). Volume II. "Auckland University Press", 2015. - P. 490-504.
  10. Neduzhko Yury. The Interaction Between State Centre of Ukrainian National Republic in Emigration and American Committee for Liberation from Bolshevism in the Sphere of Science (the first half of the 50-th years of XX Century) // Japanese Educational and Scientific Review, 2015, No.1. (9) (January-June). Volume XII. "Tokyo University Press", 2015. - P. 524-534.
  11. Neduzhko Yury. The Problem of State Activity of Ukrainian Diaspora of Western Countries in Works of Foreign Researchers (Middle of 40th Years of XX Century – Beginning of XXI Century) // Australian and New Zealand Journal of Fundamental and Applied Studies, 2015, No.1. (15) (January-June). Volume III. "Sydney University Press", 2015. - P. 538-557.
  12. Neduzhko Yury. The President of Ukrainian National Republic in Emigration Mykola Livitsky (1907-1989) and Eastern European Political Processes // Oxford Journal of Scientific Research, 2015, No.1. (9) (January-June). Volume III. "Oxford University Press", 2015. - P. 694-702.
  13. Пеленський Яр. Українська справа у взаєминах межі США і СРСР під час і після Другої світової війни // Сучасність. — Р. 2. — Ч. 7. — С. 77-78.
  14. Русначенко Анатолій. М.О. Ветухів і Інститут вивчення СРСР // Михайло Ветухів перший Президент УВАН у США. – Нью-Йорк-Київ-Львів: Видавництво "Місіонер", 2004. – С. 207 – 212.
  15. Трощинський В. П. Шевченко А. А. Українці в світі. - К., Видавничий дім "Альтернативи", 1999. – 352 с.

16. Уткин Александр Иванович. Информационная деятельность политических, общественных и религиозных объединений украинской диаспоры в странах Запада (1945–1991 гг.): Дис. д-р ист. наук: 07.00.01 / Киев. ун-т им. Т. Шевченко – К., 1993. – 405 с.
17. Центральний державний архів вищих органів влади та управління (ЦДАВОУ). Ф.5235, опис 1, справа 1.
18. ЦДАВОУ. Ф.5235, опис 1, справа 3.
19. ЦДАВОУ. Ф.5235, опис 1, справа 374.
20. Чернова Катерина Олексіївна. Співробітництво України з діаспорою США і Канади: витоки, еволюція і перспективи. Дис. канд. іст. наук. 07.00.03 / Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка – К.: 1994. –188 с.
21. Bazarko Ivan and Bilinsky Ignatius. The Establishment and Activities of the Ukrainian Congress Committee of America // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 23-71.
22. Boyar Michael H. The Ukrainian Hetman Movement in America // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 447-453.
23. Duplak Marie. Organization for the Defense of Lemkivshchyna in America // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 504-507.
24. Kalynyk Oleksa. Society for Ukraine's Liberation // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 476-480.
25. Kuropas M. The Ukrainians in America. – Minneapolis: Lerner Publ. Co., 1972. – 86 p.
26. Poltava Leonid. Organization for the Defense of Four Freedoms for Ukraine // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 469-475.
27. Skotzko Eugene. Ukrainian Revolutionary Movement and ODWU, its American Auxiliary // The Ukrainian Heritage in America. - New York, 1991. – P. 454-467.

Formation of the Ancient State in the Light of the 'Norman Theory'

Malinin Vasilii Borisovich,

*Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure
of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of RAM,
Acting Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts,
c. Pushkin, Russian Federation*

Abstract: The article is devoted to the controversial issue of the impact of the formation of the Old Russian state. Since the XVII century, this scientists are divided into two elements of a large warring final camp: "norminists" of the finite "anti-normanists". The former consider only the formation of the Old Russian distribution of the state as a result of the trade conquest of the Slavic tribes. Rus-tribe of a distinctive Varyagin origin. The second events are rejected by the Ethiopian-Scandinavian origin of the wider Rus. In the Soviet Union, this stage even now, the search for the second is influenced by the point of view, internal and, mainly, because of economic national chauvinism: the degree to which this is the provision that the external state of Russia - the economic state was formed not by services of the Slavs, but by outward commercial slogans. As a result of our distinctive research, the results of the developing that are set out in the article are different, we are accompanied by an element to the opposite conclusion.

Keywords: Formation the Old Russian state, "Norman" as well as "anti-Norman" theory.

Образование древнерусского государства в свете «норманской теории»

В.Б. Малинин,

*Ленинградский государственный университет А.С. Пушкина,
г. Пушкин, Российская Федерация*

Аннотация: Статья посвящена спорному вопросу образования Древнерусского государства. С XVII века ученые на два больших враждующих лагеря: «норманисты» и «антинорманисты». Первые считают образование Древнерусского государства результатом завоевания славянских племен Русью - племенем варяжского происхождения. Вторые же отвергают скандинавское происхождение Руси. В Советском Союзе, да и сейчас, превалирует вторая точка зрения, и, в основном, из-за национального шовинизма: как это так, что Российское государство - образовали не славяне, а пришлые варяги. В результате нашего исследования, результаты которого изложены в данной статье, мы приходим к противоположному выводу.

Ключевые слова: образование Древнерусского государства, «норманская» и «антинорманская» теория.

«...откуда пошла Русская земля, кто в Киеве первым начал княжить, и как устроилась русская земля» [1, с. 5].

Эти вопросы, начиная с первого русского летописца, интересуют не только ученых. Их задает каждый русский человек.

Вопросу образования Древнерусского государства уделялось большое внимание как со стороны русских, так и со стороны зарубежных ученых. Обзор литературы XVIII–IX вв. по этому вопросу дан в статье Б.Н. Ляшенко «Проблемы норманнской теории происхождения древнерусского государства и права в литературе XVIII–IX вв.» [2, с. 24-20]. Этот вопрос – объект бурной и ожесточенной научной дискуссии.

Ученые разбились на два больших враждующих лагеря: норманисты и антинорманисты. Первые считают образование Древнерусского государства результатом завоевания славянских племен Русью – племенем варяжского происхождения. Вторые же единогласно отвергают скандинавское происхождение Руси, но по своим взглядам распадаются на бесчисленные партии: одни (С.А. Гедеонов [3]) выводят Русь от прибалтийских славян–вендов, другие (Д.И. Иловайский [4]) – от южно-славянского племени рокс-аланов, третьи (В.Г. Василевский [5]) – от готов, четвертые (М.С. Грушевский [6]) – от полян, пятые (С.В. Юшков [7]), вообще, считают Русь особой социальной группой и т.д.

Вывод первых норманистов о несостоятельности славянской нации к самостоятельному развитию вызвал яростное возражение русских ученых, и первый среди них был Михаил Васильевич Ломоносов. Он усматривал во взглядах своих оппонентов оскорбление русского национального достоинства [8, с. 9]. Но норманны завоевали и Англию, и Францию, и другие страны. В чем же оскорбление национального достоинства этих народов?

М.В. Ломоносов был решительным противником норманнской теории. Он настаивал на том, что варяги – одно из славянских племен, живших на Балтийском побережье, и, что, следовательно, варяги и Русь - не норманы, а славяне.

Приводим спор Ломоносова с немецким ученым Г.Ф. Миллером с нашим и комментариями.

Ломоносов: *«Я не отрицаю того, что некоторые имена первых русских князей и вельмож были скандинавскими, но отсюда никак нельзя вывести, что сами они происходили из Скандинавии. Варяги по прозванию Русь, племя славянского происхождения, владели южным побережьем Балтийского моря, находились в сношениях со скандинавскими князьями и вельможами, и нередко заключили брачные союзы с последними. Наконец, в угоду своим супругам давали своим детям скандинавские имена. Поэтому не удивительно, что Рюрик, хотя они были из варягов-руси и были названы скандинавскими именами»* [9, т. 6, с. 164].

Но уже давно доказано, что варяги и норманы одно и то же, а раз Ломоносов считает Русь варягами, то отсюда следует, что Русь – это норманы.

Что же касается скандинавских имен у русской знати, то объяснение, которое дает Ломоносов, выглядит не убедительно. «Русские» (славянские) князья не могли привозить жен из Скандинавии. Наоборот, когда варяжские князья женились на славянках, последние стали давать своим детям славянские имена: Святослав, Святополк и др.

Ломоносов: *«Если бы варяги-руси говорили на скандинавском языке, то, я думаю, до сих пор существовали бы в России не только деревни, но и целые города, в которых жители говорили бы на скандинавском языке, хотя бы они были тоже христианского вероисповедания что, и славяне»* [9, т. 6, с. 164].

Миллер: *«Если бы варяги, происшедшие от скандинавов, населяли в России города и села, а не были бы – о чем мы должны заключить, как обесспорном факте – россияне перемешены со славянами в их городах, то это возражение имело бы некоторую силу. Впрочем, нет недостатка в примерах, племен языка которых погибли»* [9, т. 6, с. 164].

Варяги-русь вначале не были перемешены со славянами. Они жили в «детинцах», под защиту которых приходили ремесленники, торговцы. Так возникали города. Надо заметить, что руссов было сравнительно немного и потому начавшийся процесс диффузии в их среду славян объясняет, почему в нашем языке осталось не очень много слов скандинавского происхождения. Естественно, что жены варягов – славянки обучали своих детей славянскому языку, в то время как мужья их находились в походах. Произошло ославянение варягов и уже примерно через сто лет после прихода Рюрика вместе с ними исчез и их язык [10, с. 19].

Ломоносов сам сомневался в верности доказывающих им положений (он, например, то, выводит руссов из рокс-аланов, то из пруссов). Он признавал факт прихода норманов на Русь. Вот что он писал в «Древней российской истории»: «Соединение двух сих народов подтверждается в избрании на общее владение князей варяжских, которые с родами своими и сомножеством подданных к славянам и чуди переселились и соединив их, утвердили самодержавство» [11, т. 6, с.174].

Как видим, он не отрицал приход на Русь варяжских князей со своими родами. Но здесь же Ломоносов доказывает, что руссы произошли от пруссов. Вот его аргументы:

1. Новгородский летописец производит руссов от пруссов.
  2. И руссы и пруссы любили в банях париться и в холодной воде после этого купаться.
  3. У обоих народов был один бог грома и молнии – Перун, которому приносили в жертву огонь неугасимый и казнены были смертью, когда угасал их небрежением.
  4. По сходству имени («руссы» и «пруссy»).
- Ответим на эти аргументы.

Первое. Доверяя в этом вопросе новгородскому летописцу, Ломоносов почему-то не доверяет ему в других вопросах. Он сам пишет: «о том летописце много есть известий невероятных» [11, т. 6, с. 174].

Что касается второго аргумента, то, думаю, его и обсуждать не стоит.

А что и у руссов и пруссов был один бог огня и молнии, то это неверно – один бог был у пруссов и славян, да и это легко объяснимо: фактически все народы придавали огромное значение огню и делали из него божество.

Четвертый аргумент опровергает сам же Ломоносов: «имя руссов за полтораста лет прежде известно учинилась, нежели пруссов» [11, т. 6, с. 207].

Следующий антинорманист Н.П. Грушевский выводит Русь из племени полян, ссылаясь в основном на следующую фразу из «Повести временных лет»: «Поляне, я же ныне завоеванная Русь» [6, с. 124]. Но, как пишет А.А. Шахматов – величайший историк начала XX века в «Повести временных лет» повторена фраза Древне-Киевского свода: «нарицахуся Поляне, от них же суть Поляне в Киеве и до сегодне» [12, с. 324].

Еще он (Грушевский) ссылается на то, что Киев и Киевская земля во второй половине X, XI и даже XII веке назывались Русью. В частности, он подтверждает это словами летописи: «сын его в Новгороде, а братья в Руси». Указывает он и на то, что Константин Багрянородный – византийский император называл Новгород, находящимся вне пределов Руси [6, с. 124].

Но вот что на это отвечает ему С.В. Юшков – другой известный историк. «Вне всякого сомнения, что Русью действительно стала называться Киевская земля в середине X века. Но дело в том, что эти исследователи не учитывают эволюции этого названия. До того, как Русью стали называть Киев и Киевскую землю, это название имело другой смысл. Об этом говорят как византийские, так и арабские источники» [7, с. 57].

А вот что пишет профессор А.А. Шахматов по поводу образования Древнерусского государства: «Варягами называли Шведов, вообще жителей Скандинавии. Но что же такое Русь? По ясному свидетельству составителя «Повести временных лет» Русь – это тоже Варяги, Русь – это варяжское племя. Русь – это те же Норманны, те же Скандинавы; Русь – это древнейший слой Варягов, первые выходцы из Скандинавии» [12, с. 325].

Н.Н. Ильина пишет «Призванные варяги принадлежали к особому племени по имени Русь. В самом деле, Русь противопоставляется другим ва-

ряжским племенам, называемым иначе, а именно шведам, норвежцам, англичанам, датчанам, и этих и других варягов, очевидно, не следует смешивать с нею» [13, с. 18].

О различии между варягами и славянами мы можем найти даже в позднейшем источнике русского права – всем известном сборнике «Русская правда».

В ст. 1 «Русской правды» русин упомянут вместе со славянином, хотя отождествляя составитель этой статьи русина и славянина, этого не произошло бы; и, наоборот, если бы он (составитель) различал русина и норманна, то, наверняка бы написали того и другого [14, с. 8].

А ст. 18 говорит, что «если кого-нибудь будут обвинять в убийстве по подозрению, то пусть выставят семь свидетелей, которые снимут обвинение в убийстве, а если обвиняемый будет варяг, то выставят двух свидетелей» [14, с. 17].

Думается комментировать эту статью не нужно.

Профессор С.В. Юшков, считая рассказ составителя летописного свода о происхождении Руси позднейшей легендой, отвергает его ввиду следующих противоречий. «С одной стороны – пишет он – составитель свода говорит о Руси как племени варяжском. А, с другой стороны, он утверждает, что русский и славянский язык есть одно и то же, и что русью славяне прозвались от варягов» [7, с. 45].

Это довольно сильный аргумент против норманнской теории. Именно сила его побудила меня обратиться к первоисточнику, и вот что мы там читаем: «А Словенский народ и Русский один есть, от Варягов прозвались Русью, а раньше были Словене» [1, с. 78]. Слова летописца объясняются очень просто: он говорит, что славянский народ и русский составляют сейчас, т.е. во время написания «Летописи» единый народ («один есть»). Так оно и есть. И что Русью он стал называться от варягов.

«Итак, - как пишет тот же А.А. Шахматов – в VIII–IX веках имели место два явления: среди приднепровских славян появляются полчища скандинавов, садятся в укрепленных местах и начинают покорять себе славянские племена; их называют Русью, быть может, под влиянием той этнографической среды через которую они проникают, среды финских племен» [12, с. 325].

Интересно, что К. Маркс и Ф. Энгельс признавали норманскую теорию. Вот как основоположник марксизма охарактеризовал норманнское завоевание в России: «Готический период в России, в частности, представляет собой лишь одну главу в норманских завоеваниях. Как империя Карла Великого предшествовало основанию современной Франции, Германии, Испании, так и империя Рюриков предшествовала образованию Польши, Литвы, балтийских провинций, Турции и даже самой Московии. Быстрое расширение территории было не результатом необдуманного плана, а естественным последствием примитивной организации норманнского покорения – вассалитет безземельных пожалований или земельные пожалования, обложенные данью» [15, т. 1, с. 251].

А теперь перейдем к анализу главного исторического источника - русской летописи «Повести Временных лет».

«Повесть» начинается с рассказа о расселении народов после всемирного потопа. Сразу же замечаем, что Русь выведена вместе со Шведами, Варягами, Норманами». Афетово колена и то: Варяги, Шведы, Норманны, Готы, Русь, Англы... и другие; они сидят от запада к югу и граничат с племенем Хамовым» [1, с. 5].

Говоря о расселении Славян, автор не упоминает о Руси.

«Словене, пришедшие с Дуная, поселились около озера Ильменя и назвались своим именем, срубили город и назвали его Новгород» [1, с. 5].

В дальнейшем он (летописец) противоречит сам себе, приписывая строительство Новгорода Рюрику.

Дальше он пишет о начале образования русского государства.

Вот как ему представляется картина этого длительного и запутанно-сложного процесса: 1) изгнание варягов, бравших прежде дань с северных племен; 2) самостоятельная, независимая власть; 3) *Bellum omnium gentium contra omnes* («война как свойство рода, противопоставленная миру»); 4) перемирие и совещание между враждебными родами; 5) новое обращение к варягам за «правыми» князьями; 6) приход трех варяжских (русских) князей со своими родами; 7) расселение их среди северных племен; 8) единовластие старшего брата; 9) раздача городов дружинникам главного «конунга» [1, с. 3].

Здесь нужно отделить реальные события от сказочных.

Реальные.*1. Плата дани варягам.*

«Повесть» подтверждает это во многих местах. «В лето 6366(858) брали дань Варяги, приходя из-за моря, на Чуди, на Словенах, на Мере, на Веси и на Кривичах» [1, с. 10]. «...Олег начал города ставить и установил дани Словенам, Кривичам и Мере; и установил давать дань Варягам от Новгорода...» [1, с. 23].

2. Временное изгнание варягов, бравших прежде дань с северных племен.

«В лето 6370(862) изгнали Варягов за море и не стали давать им дани и начали сами собою владеть» [1, с. 13].

3. Bellum omnium gentium contra omnes («война как свойство рода, противопоставляемая миру»).

Мы знаем, что в IX в. происходит усиление королевской власти в Швеции. Многие крупные князья вынуждены были покинуть страну со своими родами. Они отправляют своих сыновей на поиски добычи, оставляя в наследство им только меч. Вот эти отряды норманнов целыми натисками хлынули на равнины Европы. Война и торговля нагребленным стали основным занятием их жизни.

4. Возвращение варягов.

«Избрались три брата с родами своими, взяли с собою всю Русь и пришли сначала к Словенам, срубили город Ладогу и сел старший Рюрик в Ладоге, а второй Синеус – на Белоозере, а третий Трувор – в Изборске. И от тех Варягов получили название Русская земля. Спустя два года умер Синеус и брат его Трувор, и перенял всю власть Рюрик один» [1, с. 14].

5. Раздача городов дружинникам главного «конунга».

«Он (князь Рюрик) пришел к Ильменю, срубил город над Волховым и назвал его Новгородом, сел тут, стал княжить, раздавать мужам своим власти и города рубить, одному – Полоцк, другому – Ростов, третьему – Белоозеро» [1, с. 13].

Сказочные.

1. Обращение к варягам за «правыми» князьями и приход трех братьев.

Вот как это описывается в летописи после изгнания Варягов: «И не было среди них правды, и восстал род на род, и были среди них усобицы, и начали сами воевать друг против друга. И порешили сами между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил поправу». И пошли за море к Варягам – к Руси (назывались эти Варяги Русью, как другие зовутся Свееми, третьи – Норманами и Англами, иные Готами, так и эти). *(Характерно заметить, что, перечисляя Русов, Шведов, Норманнов, Англов и Готов, летописец как бы указывает на их общую родину – Скандинавию. Причем к варягам он относит всех завоевателей скандинавского происхождения – В.М).* И сказали Руси, Чудь, Словене, Кривичи и Весь: «Земля наша обширна и богата, а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами» [1, с. 13-14].

Теперь попробуем оценить это «приглашение» варягов. Не верится, что всего через четыре года после изгнания их снова пригласили. Скорее всего после изгнания варяги собрали все племя Русов и покорили славян. Почему же мы не видим следов сильной борьбы варягов-русов со славянами? Да потому, что славяне в то время подвергались набегам хазар, платили им дань. А варяги-русы выступили против хазар, освободили их от дани. В летописи прямо сказано, как Олег говорит Славянам: «Хазарам больше дань не платите, а платите нам» [1, с. 19]. Возможно даже на первых порах Руссы несколько снизили размер дани. Славяне, измученные хазарскими набегами, конечно же, желали перейти под власть Руссов далеко не всегда, но эта причина так или иначе повлияла на сравнительно «мирное» завоевание славян варягами. Да и не таким уж «мирным» было это завоевание. Та же «Летопись» свидетельствует: «Того же лета оскорбившаяся Новгородцы, глаголюще: «яко быти нам рабами, и много зла всячески пострадали от Рюрика и от рода его». Того же лета убил Рюрик Вадима Храброго и иных многих изб и Новгородцев, советников его» [Цит. по: 16, с. 815].

Призвание варягов всего лишь легенда, к пересказу которой у автора «Повести» были собственные причины. Во время написания «Повести» господствовали взгляды, что князь новгородский есть призванный самим Новгородом; княжеская власть в Новгороде имела и должна была иметь юридическое основание и признание, предполагающем исторически

сложившееся соглашение и соблюдение князем дорогих для города вольностей.

Несомненно, что легенда о добровольном призвании варягов создавалась в интересах захватчиков. Им было важно как-то примирить местное население с собой и это было легче всего сделать при помощи подобных сказаний.

Б.А. Рыбаков пишет: «Из трех братьев старший брат Рюрик вызывает менее всего сомнений. Это, по всей видимости, - реальное историческое лицо, норманнский конунг. Возможно это тот самый Рорик Ютландский, грабивший Париж и Лондон и неудачно воевавший с сыновьями Карла Великого, после чего ему, по преданиям пришлось уехать куда-то в восточную часть Балтики. Когда западноевропейские хроники перестают говорить о Рорике, русские летописцы сообщают: «придоша к словенам впервые и город Ладогу, и седе старейшии в Ладоге Рюрик [16, с. 816]. К такому же выводу приходит и В. Панов [17, с. 4].

Н.М. Карамзин также с недоверием относился к известию об этой «триаде братьев, справедливо усматривая в нем фольклорный мотив» [18, т. I. с. 112].

Добавим к этому, что если имя Рюрик - достаточно хорошо известно по скандинавским источникам, то ни Синеус, ни Трувор в них не встречаются.

В этой легенде мы видим бродячий сказочный мотив о трех братьях. Также известны легенды о «добровольном» призвании норманнов в Ирландию и Англию. Похожие предания есть об эмиграции лангобардов, об открытии острова Готланда и о колонизации Нюланда в Финляндии. Везде поражает близость к русскому летописному своду.

И вот поработив северных славян, Рюрик направляет отряд своих людей во главе с Аскольдом и Диром на Царьград. Но по дороге Аскольд и Дир встретили на своем пути Киев и остались в нем. Так происходят события по летописи.

Рюрик же, процарствовав семнадцать лет, спокойно скончался, поручив сына своего Игоря родственнику Олегу и передав ему княжение.

С началом деятельности Олега связан новый этап образования русского государства. Собрав войско из варяг, славян, чудь и других племен, Олег покорил Кривичскую землю и посадил на ней своих

правителей. Как видим уже здесь деятельность Олега коренным образом отличается от прежних набегов варягов: он закрепляет за собой завоеванную землю.

А вот что говорит: «Летопись» о завоевании Олегом Киева.

«Спустившись вниз по Днепру Олег подошел к Киеву. Там, спрятав своих воинов в лодках, послал Олег к Аскольду и Диру сказать: «Мы – купцы, идем к Грекам от Олега и княжича Игоря, придите к нам, родичам своим». Аскольд и Дир пришли, и повыскакивали из лодок все остальные воины. И сказал Олег Аскольду и Диру: «Вы – не князья и не княжеского рода, но я – княжеского рода», и вынес Игоря. «А это – сын Рюриков». Убили Аскольда и Диру и понесли на гору, и похоронили на горе. И сел Олег, княжа, в Киеве и сказал: «Пусть этот город будет матерью городам Русским». И были у него Варяги и Словене и прочие, прозванные Русью. Этот Олег начал города ставить и установил дани Словенам, Кривичам, Мере; и установил давать дань Варягам от Новгорода, – триста гривен в год» [1, с. 14]. После Киева Олег завоевывает еще несколько племен: полян, древлян, северян, радимичей.

Князь Олег не ограничился завоеванием только славянских племен. Он также снарядил дружину в поход на Византию. После удачного набега произошел эпизод, на котором следует остановиться. Вот как о нем рассказывает «Летопись»: «И сказал Олег: "Пошейте паруса шелковые Руси, а Словенам – полотнянные", и натянули Русь паруса шёлковые, а, Словене – полотняные и порвал их ветер» [1, с. 18].

Думается не стоит доказывать, какую силу придаёт этот аргумент норманской теории. Впрочем, как и следующий.

В договорах Олега и Игоря с греками присутствуют только варяжские имена. Так, договор Олега 911 г. начинается словами: «Мы от рода русскаго Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд... иже посланы от Олега... Все Руссы, участвовавшие в заключении этого договора, были несомненно норманами. В тексте договора нет указаний на участие в переговорах с греками купцов. Договор с Византией заключило норманское войско, а точнее – его предводители», – совершенно верно пишет Р.Г. Скрынников [19, с. 22].

Теперь перейдём к исследованию иностранных источников.

В 1915 г. шведский славист Р. Экблом издал работу, задавшую, несмотря на ее довольно скромный объем (67 стр.), до сих пор очень громко

звучащую в разговорах российских норманистов тональность, в которой он убеждал, что названия от корня рус-ивар Новгородской земли являются доказательством расселения скандинавов в данном регионе [20].

Так, в 1925 г. лингвист Ф.А. Браун, говоря, что шведская русь «непрерывно притекала из-за моря...» в земли восточных славян, отмечал наличие «древнейших» и «многолюдных скандинавских поселений», «густой сетью» будто бы покрывавших «весь край до Ильменя, заходя из это озера, на что указывают им многочисленные следы имен «Руси» и «варягов» в географической номенклатуре этой области» [21, с. 324].

Интересно свидетельство Константина Багрянородного о Днепровских порогах (его трактат — единственный западный источник, где отдельно описываются народ русь и их *пактиоты* (данники) — восточные племена славян). Давая русские названия Днепровских порогов и отличая их от славянских, он приводит названия древнескандинавские, т.е. варяжские. «Первый порог называется Эссупи, что значит по-русски и по-славянски "неспи". Пройдя этот порог, они опять, приняв с берега остальных, отплывают и достигают другого порога, называемого по-русски Улворси, а по-славянски Островунипраг, что значит "остров порога". Подобным же образом проходят и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски значит "шум порога". Затем так же четвертый порог, большой, называемый по-русски Эйфор, а по славянски Неясыть, потому что в камнях порога гнездятся пеликаны. Пятый порог называется по-русски Варуфорос, по-славянски – Вульнипраг, потому что он образует большой водоворот; шестой называется по-русски Леанти, а по-славянски Верутцы, т.е. "бурление воды". От него плывут к седьмому порогу, называемому по-русски Струкун, а по-славянски Напрези, что значит "малый порог..."» [22, с. 55-56].

Как видим, русские и славянские названия порогов резко отличаются, причем два русских названия (Улворси и Варуфорос) являются переводами славянских. Русские названия могут быть объяснены только из скандинавских корней, например: Eifor – "вечностремящийся", Leanti – "смеющийся".

Советский лингвист А.И. Толкачев согласен с мнением о шведском происхождении «русских названий днепропетровских порогов, поскольку это мнение, говорит он, достаточно обосновано с лингвистической стороны» [23, с. 29-60].

Данная точка зрения разделяется и рядом других историков: М.Н. Тихомировым, Д.С. Лихачевым, А.Н. Насоновым, В.В. Мавродиным и др.

Константин Багрянородный прямо называет данниками Русов. «Данники их славяне, называемые кривитеинами (кривичами) и лензанинами, и прочие славяне». И дальше: «Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Руссами из Киева и отправляются в полюдь, т.е. круговой объезд, а именно в славянские земли вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), кривичей, севериев (северян) и остальных славян, платящих дань Руссам» [22, с. 56-57].

В Константинополе, как доказал это еще В.Г. Васильевский [24, т. 1. с. 64], термины «варяги» и «Русь» употреблялись как синонимы. Так, например, широко известная Хроника Георгия Амартола [25, с.124] прямо указывает, что «Русь - от рода варяжска».

Следующим доказательством тождественности руссов и норманнов следует считать сообщение Иоанна Дьякона о походе норманнов на Византию.

Иоанн Дьякон, живший в конце X и в начале XI вв. сообщает, что «около 865 г. норманны осмелились напасть на Константинополь на 360 кораблях, но, не будучи в состоянии нанести вред самому непобедимому городу, они храбро повоевали в его предместьях, перебили народа, сколько могли и затем с торжеством вернулись домой [Цит. по: 26, с.49].

Теперь перейдем к следующему доказательству.

Епископ Креманский Лидтиранд говорит о Руссах, когда описывает неудачный поход князя Игоря. «Есть некий народ, живущий в северной части, который по свойствам его тела греки называют руссами, а мы по положению местности называем норманами. У этого народа был князь Игорь, который, тысячу и более кораблей, пришел в Константинополь» [Цит. по 26, с. 48].

А теперь перейдем к анализу арабских источников, которые антинорманисты считают основным оружием в их борьбе с норманистами.

Так, С.В. Юшков категорично заявляет: «Что же касается арабских источников, то они также считают русских коренным народом» [26, с. 56]. И дальше приводит примеры которые, однако, доказывают обратное.

Начнем с Ибн-Фадлаха (921 г.): «Я видел Руссов, когда они пришли со своими товарами и расположились по реке Итиль, и я не видел более

совершенных членами, чем они, как будто они пальмовые деревья, они рыжи; не надевают ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина надевает кису (плащ), которую он обвивает один из боков, и одну руку выпускает из-под нее. Каждый из них имеет при себе неразлучно меч, нож и секиру; мечи же их суть широкие, волнообразные, клинки франкской работы. И они говорят, что пришли издалека» [Цит. по: 27, с. 42].

Поэтому высказывание Ибн-Фадлаха Русов относят к славянам. Однако некоторые размышления над текстом не позволяет нам так считать. Во-первых, мы не знаем ни одного славянского племени, члены которого были бы рыжими. Среди норманов же мы часто в сагах и сказаниях читаем, что герои отличались волосами цвета огня (рыжими - *В.М.*). Достаточно вспомнить хотя бы Эйрика Рыжего – первого европейца, высадившегося в Америке.

Во-вторых, славяне не были воинственным родом в отличие от варягов, которые потому и носили мечи и другое вооружение.

В-третьих, откуда у славян могли появиться мечи франкской работы – не торговали же в самом деле франки со славянами. Появление же таких мечей у варягов легко объяснимо: они в это время совершали дерзкие набеги на Франкское королевство.

В-четвертых, Русы говорят, что они прибыли издалека, но ведь славяне жили не далеко от реки Итиль; от варягов же она (река) находится на почтительном расстоянии.

А вот, что говорит о Руссах известный арабский писатель начала X века Абул Али Ахмедибн-Омарибн-Рустэ: «Руссы производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен и продают. Пашен они не имеют, а питаются лишь тем, что производят из земли славян. Когда у кого родится сын, то берет обнаженный меч, кладет его перед новорожденным и говорит: "Не оставляю тебе в наследство никакого имущества, а будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечем". Они не имели ни недвижимого имущества, ни селений, ни пашен; единственный промысел их – торговля соболями, беличьими и другими мехами, которые и продают они желающим... Городову них большое число и живут на просторе» [Цит. по: 26, с. 59-60].

Обращаем внимание, что Русы совершают набеги на кораблях. А ведь варяги везде и всегда нападали на кораблях – да и как иначе они могли переправляться через Балтийское море и двигаться по речному пути «из варяг в греки».

А этот обряд, когда отец кладет перед новорожденным меч и говорит, что ничего не оставит ему в наследство, кроме этого меча – разве этот обряд не доказывает, что здесь под Русами подразумеваются норманны... норманны, главным ремеслом которых был грабеж и торговля награбленным?

Сведения о Руси мы встречаем также в труде неизвестного среднеазиатского писателя X века под названием «Областимира» («Худуд-аль-Алем»). Вот что он пишет о ней: «Это – обширная страна, ее жители обладают дурным характером, неподатливы, держатся вызывающе, сварливы и воинственны. Они воюют со всеми своими соседями и одерживают победы. Эта страна чрезвычайно богато одарена природой всем, что необходимо для жизненных нужд... Среди Русов живет часть славян, которая находится в услужении у них...» [28, с. 763].

Теперь следует перейти к археологическим подтверждениям норманнской теории.

В 40-х–50-х гг. практически все выступления советских археологов против нормативизма носили характер полного отрицания всяких следов скандинавской культуры на территории Древней Руси, были попыткой доказать полное или почти полное отсутствие здесь скандинавских археологических IX-XI вв. Сейчас уже никто из российских археологов не решается выступить с подобными заявлениями: существование в России скандинавских археологических памятников признается всеми. «На обширном пространстве от Ладоги до днепровских порогов множества мест и пунктов носили скандинавские названия», – свидетельствует Р.Г. Скрынников [19, с. 17].

Огромное значение для норманнской теории имеют раскопки Гнездовского могильника около Смоленска. По результатам раскопок данного могильника разгорелся спор между шведским ученым Арне [29] и советским – Д.А. Авдусиным [30].

По мнению Д.А. Авдусина из всех гнездовских курганов только два принадлежат скандинавам, все же остальные курганы являются славянскими.

Главным звеном его системы доказательств служили материалы раскопанного им в 1949 году богатого кургана, в котором содержалось погребения с трупосожжением в лодке.

В связи с находками в нем славянского височного кольца и амфоры со славянской надписью, он объявил, что те черты погребального обряда, которые ранее считались скандинавскими (сожжение в лодке, сломанный и воткнутый в землю меч, железная гривна с «молотком Тора», разбитая посуда) в действительности не являются типично норманнскими, а могут принадлежать другим народам.

Арне, критикуя Авдусина указывал, что на основании только одной находки нельзя опровергать уже сложившееся мнение о данном обряде: это подтверждают многочисленные раскопки в Швеции около озера Мелор. Важным аргументом в споре он считает также большое количество типично скандинавских вещей: 24 овальных фибулы, 8 гривен с «молотками Торы» и 10 фрагментов подобных гривен, 10 норманнских мечей, и многое другое.

«Советские исследователи, как и русские археологи дореволюционного времени, обычно считали типичным для норманнов обряд погребения в лодке» - подтверждает это. М.П. Шаскольский [31,с.118]. И дальше он пишет: «Изучение инвентаря не должно быть формальным: для определения норманнской принадлежности погребенного важны не любые вещи скандинавского происхождения, а вещи, типичные для национального костюма или вооружения, для национального религиозного культа и т.п. В частности, нельзя оспаривать норманнское происхождение таких предметов, как железные гривны с «молотками Торы», тесно со скандинавским языческим культом IX-X вв. Эти изделия, имевшие для норманнов важное религиозное значение, для славян не представляли никакого интереса, и последним не было смысла покупать их; поэтому наличие подобной гривны вероятнее всего говорит о норманнской принадлежности погребения. Далее, вряд ли стоит спорить по поводу принадлежности скорлупообразных фибул – это, конечно, типичная деталь норманнской женской одежды... Поэтому погребения, где найдено много скандинавских женских украшений... следует скорее всего относить к норманнским; трудно предположить чтобы специфический норманнский набор украшений стала носить славянская женщина» [31, с. 120-121].

Второй важнейший археологический памятник, являющейся базой для норманнской теории – городище Старая Ладога. Именно там были обнаружена сенсационная находка – деревянный стержень с рунической надписью. Крайне малое количество находок рунических надписей на территории нашей страны приводится во многих работах российских историков в качестве важного аргумента против норманнской теории. Однако это утверждение вызвано просто недостаточной осведомленностью в данном вопросе. Дело в том, что «почти все сохранившееся норманнские рунические надписи (всего их известно около 3500) – это надписи на поминальных камнях; такие камни становились вблизи родного селения норманна, погибшего или умершего на чужбине» [31, с.136]. Следовательно, рунические надписи – явление, специфическое только для территории Скандинавии; вне пределов Скандинавских стран их и не могло быть много; кроме того, обычай устанавливать поминальные камни с руническими надписями развился в Скандинавии в основном в XI–XII вв., а руническая надпись, найденная в Старой Ладоге, датируется IX веком. Поэтому отпадает важный аргумент антинорманистов, что данная надпись была установлена вблизи места жительства норманна, служившего в дружине русского князя.

То, что именно норманы входили в состав верхней социальной группы Руси, подтверждается перечисленными археологическими данными.

И.П. Шаскольский, критикуя гипотезу колонизации Руси норманнами, выдвинутую шведским археологом Арбманом, в своей работе «Норманнская теория в современной западной науке» [32] писал: «Установленным советскими археологами фактом нахождения скандинавских вещей главным образом в богатых курганах и отсутствие этих вещей в рядовых крестьянских захоронениях полностью опровергается гипотеза Арбмана о норманнской колонизации Приладожья [31, с.151]. И дальше он прямо признает социальное различие норманов и славян. «При том и здесь (ярославские могильники), как и в Приладожье, скандинавские изделия сосредотачиваются преимущественно в более богатых погребениях и отражают не этнические, а социальные различия внутри местного общества» [31, с. 157].

Однако, все это подтверждается именно «норманнскую теорию».

Теперь мы можем представить весь процесс образования Древнерусского государства.

Итак, во половине IX в. на исконно славянских землях появляются полчища варягов.

Строят города, они садятся в них и начинают завоевывать славянские племена. В 858 г. варягов изгоняют. Захватив с собой все племя Руссов, князь Рюрик возвращается в 862 г. И снова покоряет славян. Ушедшая еще раньше, вероятно, до 858 г., часть Русов во главе с Аскольдом и Диром оседает в Киеве. Около 865 г. они совершают поход на Византию, окончившийся неудачей. В 874 г. Они предпринял новый поход на Византию.

В 879 г. умер Рюрик, передав княжение родственнику своему Олегу.

В 893 г. князь Олег, захватив город Киев, объединил под своей властью оба княжества (Новгородское и Киевское). Однако процесс образования Киевского государства на этом не закончился. Олег покорил окружавшие Киев племена, и, таким образом, расширил территорию государства. Для содержания дружины – этого зачатка государственного аппарата – он установил для покоренных племен дани.

Окончательное оформление русской государственности следует отнести к княжению Ольги.

После убийства древлянами князя Игоря в 945 г., княгиня Ольга устанавливает точный размер дани, межевые знаки, погосты на местах. На это следует обратить особое внимание, т.к. именно это означает качественное улучшение его государственного аппарата, а не только расширение территории.

Князь Святослав продолжает завоевательскую политику первых русских князей, покорив еще многие племена и уничтожив столь опасного соседа Руси, как Хазарский каганат.

В 988 г. Русь приняла христианство.

Процесс образования Древнерусского государства можно считать законченным с принятием в 1054 г. общегосударственной системы права – «Русской Правды» [33].

В настоящее время сам факт признания варягов не ставится наукой под сомнение [8, с. 9].

Список литературы:

1. Древнерусские летописи / Под ред. В. Лебедева. М.-Л.:Изд. Academia. 1936–390 с.
2. Ляшенко Б.Н. Проблемы норманской теории происхождения древнерусского государства и права в литературе XVIII–IX вв. // Юридическая мысль. 2002. №7 – с. 13-20.
3. Гедеонов С. Варяги и Русь. В 2-х тт. М: Изд. Эксмо. 2011 (ротапринтное издание).
4. Иловайский Д.И. История России. В 5-ти тт. М: Изд. Грачева. 1880-1905.
5. Труды В.Г. Васильевского. В 4-х тт. СПб-Л., Изд. Академии наук России (СССР) 1908—1930.
6. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. СПб: Изд. Самообразование. 2013. – 556 с.
7. Юшков С.В. История государства и права России (IX-XIX вв.). Ростов-на-Дону. Изд. Феникс. 2003 — 736 с.(ротапринтное издание).
8. История России: от Рюрика до Путина / Отв. ред. Я.А. Перехов. М-Ростов-на-Дону. Изд. МарТ. 2005 –656 с.
9. Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию графа Миллера. Происхождение имени и народа Российского. Полн. собр. соч. В 11 тт. Т.6. М-Л. Изд. Академии наук СССР. 1952. - 694 с. (ротапринтное издание).
10. Мавродин В.В. Возникновение феодальных отношений у Восточных славян. Древнерусское государство – Киевская Русь. М: Изд. Высшей партийной школы при ЦК КПСС. 1957 -39с.
11. Ломоносов М.В. Древняя история от начала российского народа до кончины Велиго князя Ярослава I или до 1054 г., сочиненная Михаилом Ломоносовым, статским советником, профессором химии, членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академии наук. Полн. собр. соч. В 11-ти тт. Т. 6. М-Л. 1952. – 694 с. (ротапринтное издание).
12. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб: Изд. М.А. Александрова. 1908 – 687 с.
13. Ильина Н.Н. Изгнание варягов - очередная задача русской исторической науки. Париж: Изд. Потаенное. 1955 –175 с.
14. Памятники русского права: памятники права Киевского государства. X-XII вв. / Под ред.С.В. Юшкова. М: Госюриздат. 1952 -287с.

15. Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. В 39-ти тт. М: Изд. Политической литературы. 1955 -1974.
16. Рыбаков Б.А. Предпосылки образования древнерусского государства // Очерки истории СССР III-IX вв. М: Изд. Академия наук СССР.1958. с. 733-878.
17. Панов В. Комментарии к начальной летописи. М: Изд. Academia. 1936 – 390с.
18. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-ти тт. Изд. Н. Греча. 1818-1829 гг.
19. Скрынников Р.Г. Русь IX–XVIII вв. СПб: Изд. Весь Мир.1999 – 496 с.
20. Ekblom R. Ruset vareg dans les noms dlieux de la region de Novgorod. Stockholm. 1915. -167 p.
21. Браун Ф.А .Варяги на Руси // Изд. Беседа. Берлин.1925. № 6-7 с.324-333.
22. Константин Багрянородный. Об управлении империей. - Цит. по «Хрестоматии по истории СССР» / Под ред. В.И. Лебедева. М.: Гос. учебно-педагогическое изд. 1949. – 142 с.
23. Толкачев А.И. О названии днепропетровских порогов в сочинении Константина Багрянородного / Историческая грамматика и лексикология русского языка // Сборник трудов. М.: Изд. Академии наук СССР. 1962. – 212 с.
24. Васильевский В.Г. Труды. В 4-х тт. СПб: Изд. Академии наук. 1908.
25. Хроника Георгия Амартола. Ученые записки 2-го отделения Императорской Академии наук (греческий текст). СПб: Изд. Академии наук. 1861.
26. Юшков С.В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М: Госюриздат. – 543 с.
27. Хрестоматия по истории СССР / Под ред. В.И. Лебедева. М: Гос. учебно-педагогическое изд. 1949. –142 с.
28. Очерки истории СССР III-IX вв. М: Изд. Академия наук СССР. 1958. – 543 с.
29. Ture Johnsson Arne. La Suede et l'Orient: Etudes archeologiques sur les relations de la Suede et de l'Orient pendant Г age des vikings. Uppsala.1914 – p. 252.
30. Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи. М.: Изд. Московского ун-та.1991. – 672 с.
31. Шаскольский М.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. – Л.: Изд. Наука.1965. – 219 с.

32. Arbman H. Norman teori i modern västerländsk vetenskap. Stockh. 1955.
33. Юшков С.В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение. М: Изд. Зерцало. 2010 –379 с. (ротапринтное издание).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малинин В.Б. Образование древнерусского государства в свете «норманнской теории» / В.Б. Малинин // American Historical Review. 2018. № . С.. DOI.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE ARTICLE

Malinin V.B. Formation of the Old Russian state in the light of the "Norman theory" / V.B. Malinin // American Historical Review. 2018. No. FROM. DOI.

The Comparative Analysis of Between National Sovereignty and Islamic Sovereignty

Hosein Aliahmadi Jeshfaghani,

Faculty Member at the University of Science and Technology, Tehran

Abstract: This research attempts to analyze the contents of Islamic documents, including the verses, traditions, and ideas of Islamic scholars and to reveal the significant differences between national and Islamic sovereignty. This theory suggests the nature of the human caliphate and his appointment by God to administrate and fulfill divine will on people called the appointment of leadership theory. The scope of this theory is beyond the dimensions of national sovereignty based on humanism including all areas of sovereignty over the lives and property of the people. Research shows that Islamic power in the sovereignty is more than the power of the public in national sovereignty, in which the ruler of the lawyer is in the exercise of sovereignty, and his power is limited to those delegated by the people and the law.

Keywords: appointment, humanism, Velayat Faqih, Islamic sovereignty.

Introduction

National sovereignty is accepted in the principles of international relations (United Nations Charter, Art. 2, para. 1), and the principle of equality of national sovereignty of the state dominates the ruling world. (Musa Zadeh, International Organizations, 2010, p. 101). The conflict between this principle and the sovereign's sovereignty over fate has also been investigated (Nawaz Eni and Faraj Zadeh, 2011)

And a process of globalization, the concept of national sovereignty has been transformed, but in spite of all the pressures and limitations in freedom and performance of a country is developed, globalization could undermine national sovereignty. But it has been able to transform the conceptual scope and the realm of national sovereignty. The advancement of communications technology and the development of mass media are among the most influential factors in this regard. (Hosseini , pp. 151-172)

The element of "sovereignty" from the sixteenth century was tangibly defined in Western political thought and was first introduced to the "absolute authority of the ruler and the state", but in the social-political transformations of Western societies and the struggle against absolute sovereignty Autocratic change has undergone a change, and after the eighteenth century, it was recognized by the "national secretary" and was given to the people of the people by the power of the ruling elites, and in the Universal Declaration of Human Rights, "sovereignty" was constituted by the "rights of the nation".

The fundamental changes in the sense of "sovereignty" in the political thought of the West are a clear manifestation of the deep challenges in the identification of sovereignty in the "political thought of the West"; On the one hand, there is a lack of a genuine and consistent criterion in its introduction, as well as the central involvement of the social and political changes of societies in the context of national sovereignty, without a rational basis for such a change. On the other hand, such a rule has not yielded results other than individual self-righteousness or the rise of national sovereignty.

In the current culture of man in the past and present, the origin of the rule of force and authority has been. From the point of view of the rulers and also in terms of the convicts, it was the criterion of government and the source of power and authority. Plato considers the rule of the state to be grace and virtue, the rule of law, but only a role on paper, is a debate at school. In the new world, democracy is the will of the people and the acceptance and acknowledgment of the majority of people is the criterion and origin of government, but in the common human culture, the source of the rule of authority and force. From Ali's point of view, the main source of government is a series of spiritual values; who can rule the people and take the province of the people to possess a certain qualities. See the many letters of Ali (AS) to Mu'awiya and to Talha and Zubair and to his agents and to the people of Kufa and to the Egyptian people. He considers the government and the people of the province to be of a spiritual value.

But just this spiritual value is not enough for the human being to be the current and the ruler and the governor, but the people are also involved here, and that is allegiance. (Nahj al-Balaghah, letter: 6)

God is pleased with this if the Immigrants and Ansar are gathered together and they know someone as their leader and neck on his imamate. Allegiance

incontrovertible right to the caliphate is it worth it now, when you can actually bring someone to the office of guardian that people accept him and accept that the issue of the role of the state is considered open. (Supreme Leader, First Nahj ul Balaghah International Congress, Tehran, 1981)

From the perspective of Islam, the true, powerful, and absolute omnipotent owner of the world is not the only God who, on the one hand, governed man in his actions and attitudes, so that he would not be able to lead any people beyond his control and rule; On the other hand, according to the wisdom of the common sense, the need to use the guides to secure the path to the goal of prosperity, the Divine glory, and has given him the duty of obeying the holy sharia guidelines in individual and social life; What is the difference between the nature and dimensions of divine sovereignty and national sovereignty?

God's rule in Islam

"It must be for the prince and head, whether good or evil to believing in his government work involved and the infidel interest him. Due to restore order and peace, the Lord every individual to its term harm by the prevailing tax Total is a battle with the enemy and roads safe from thieves and outlaws, and the right of the powerful to be impotent. "(Nahj al-Balaghah, sermon 40)

In Islamic political thought, divine sovereignty means "the emergence and appearance of the will of God by the prophets and the transformation of the common conscience in human societies and the implementation of it by human beings." (Jafari, 1990: 297)

Despite God's absolute sovereignty over the world and man, God has made the man a caliph and his heir on earth and has given him his sovereignty. Several verses have been mentioned. (Fatter, 39; Nahl, 62; Noor; 55; Baqarah, 30)

The evidence of God's sovereignty over people

1. "Indeed, complete sovereignty belongs to God and commanded you not to worship except Him." (Joseph, 40). For God, in the two domains of Genesis and theology, the ruler is unequivocal and does not allow anyone to interfere and seize them. In the case of the Provincial Development Organization of the Lord, it is clear in the Qur'an that all the creatures, whether they are voluntarily or at the same time, are at the command of God and are in the best of God's will.

2. The Provincial Council of Allah will also appear to God through the appointment of a legislature. (Joseph, 40)

The fundamental right of the sovereignty and authority is absolutely and gracefully under the ultimate power of God, because he is the real owner and dominant ruler of the world (Bokhari, 1986): blessed and unpardonable, the one who is the kingdom of the world in his hands and He is capable of everything. (Malik, 1); and no creature, from wise and inanimate particles to the most complex of the living phenomena of the world of creation, is outside the domain of power and the domain of the influence of divine science (Al-Hawizi, 1991):

"And as much as the weight of an atom in the heavens and earth science, he will not be forgotten nor less than that nor greater, unless it is in a clear record."(Saba 3)

The Prophet (PBUH) said: obey the rulers of God and listen to what you are listening to, because of obedience to the leadership of the system (and the integrity) of Islam. (Mofid, Ameli, Volume 1, p. 14, Hadith 2)

Imam Ali (AS): "Verily, Allah Sultan (government and religious leaders' right) settled a matter of keeping your job, so promptly and with a desire to obey him. I swear to God, or do it, or God Sultan Muhammad (legitimate government of Islam) from you and never give it to you does not transmit to be given to others. "(Nahj al-Balaghah: Sermon 169)

Imam Ali (AS): "People have dominion over it; do good or evil because of their faith in his government one (to obey God) and theirs disbelieve take advantage of government God predestined anyone to death And collecting taxes by him and fighting with the enemy, and the roads will be safe, and the inability of the power will come out of power, and the good-doers will see comfort and protect the guilty." (Majlesi, Bihar al-Anwar: Vol. 75, p. 358)

Imam Ali (AS): "rulers, Iranian Revolutionary Guards ground commandments of God in Him." (Nahj al-Balaghah: al-Hekmeh 332)

Imam Baqir (as) by Allah in the Hadith said: "Allah, the Mighty, the Great said: The people in the Islamic community, led by the leader of the tyrant to accept who I approve not caught torment and misery are, however, good people and people the competent leaders and godly leadership and be receptive to attention and they are God's forgiveness, although in individual behavior and malfeasance have been wronged." (Majlesi, Bihar al-Anwar, vol. 65, p. 142).

And the pursuit of all elements of the universe to their proper perfections is, under the will and loyalty of the creator of creation alone. "Said our Lord who that any of the things necessary for his creation of data then has guided." (Taha, 50) and "any beast, unless he mastered it there." (Hood, 56)

The need to obey people from God

The teachings of religion also emphasize the same rationale of obedience to divine commands: (Anfal, 24) (Loqman, 22) (parties, 36) (Noor, 63). Therefore, the Islamic Ummah, based on the rational requirement and the emphasis on religion, strengthens all the pillars of its social and political life based on the rule of law and divine authority.

One can consider the characteristics of such a rule as follows: 1. the result is a surpassing power and God's ultimate knowledge. 2. Original reality show and essentially continuous and permanent. 3. The truth is absolute and irreversible and decomposing. 4. The truth of it is rooted in the reality of the Essence of God. 5. The practical result of the acceptance of divine rule and authority is not individual arbitrariness, but the supremacy of the majority, but the rule of wisdom is to accept the revelation of the rules in all parts of society. (Karimi Valla, 2011)

Islamic monotheism and its variants

The word "tawhid" is used to refer to the root of the word "and h", and in the word means to make something and its unique judgment. The Holy Qur'an, although it does not use the word "monotheism," but in Instead, it is somewhat of a kind of proof of tawhid and negation of the polytheism, to the extent that some of the ultimate goals of the public consider the verses of the Qur'an as proof of monotheism, because the principle of belief in the existence of the God of the Creator of the heavens and the earth is obvious and innate, and does not require proof. (Javadi Amole, thematic commentary on "Tawhid in the Quran", Vol. 2, p. 25-26)

The Holy Qur'an emphasizes the exclusivity of God in repeated verses explicitly or with reference. (Annam, 57) The commandment is solely from God, separates the right from falsehood, and he is the best separator (right of falsehood). (Tip 62) the judgment of God and he is the fastest calculating. (Ghaffar, 12) the judgment of God is exalted high. This verse of the Shariah clearly implies that the

exclusiveness of the sovereignty of God, apart from the essence of the Almighty, has no right to rule other than by installing the Lord.

The Qur'an has addressed many aspects of Tawhid in many respects, the most important of which is the unity of monotheism: in the sense of unity, being united and not singular. (Zumar, 39; salvation; 11; Sincerity; 4; Maedah, 73). Inborn Tawhid means unity, unity, lack of simplicity. (Solemn, 1) Tawhid attributes (Salinity, 11) Tawhid of verbs with all its manifestations: Tawhid in Creation, (Annam, 73 and 102; Raad, 16; Fatter, 3) Tawhid in Lob bat (Aram, 164; Farsi, 182 (Tawhid in the sovereignty) (Annam, 57; Joseph, 40 and 67; Prophet, 70, and 88); Tawhid in the ownership (Baqarah; 107; Ma'idah 18 and 158; and repentance); Tawhid in Razeghiat (Yuns, 31; Hood , 6) Tawhid in the province (Annam, 51 and 70) and Tawhid in intercession, (Annam, 51 and 70; Prophets, 28). Practical Tawhid with its faces and its objects: Tawhid in worship, (Baghareh, 83; Nisa, 36, 56) Tawhid in Hamad, (chapel, 36) Tawhid in prayer (Yuns, 106; Fatter, 13); Tawhid in the sermon (Hamad, 5); and Tawhid in obedience (Annam, 121); and those who truth of monotheism is testified. (Al-Imran, 18-19)

Conceptual model of verbal monotheism

Unity of Divine Acts is that the universe with every minute, ranging from actions that directly relate to God and actions and influences and movements that are usually attributed to others are, in fact, God and His will arise and based on the famous "circle There is no one other than God "and it manifests itself in various ways, and most of them are: 1. Tawhid in creativity; 2. Tawhid in ownership; 3. Tawhid in sovereignty; 4. Tawhid in lordship; 5. Towhid in the province; 6. Tawhid in secret; 7. Tawhid in intercession.

According to the verses of the Qur'an, the whole world is a verb and a creature of God: (Raad, 16), and all affairs, movements, influences and influences, and the dynasty of causes and causes of its essence: (Najm, 42) and all creatures in their existence, traits and actions God is dependent: (Aaraf, 54), and they do not own anything even their essence. It is only God that the treasurer is all that is to him, and he shares the essence and effects of things: (Z. 62-63), and at the same time, no creature has been entrusted to himself, because the belief in the assignment of an entity requires a belief in the partner Being that with God is, in fact, an autonomy, and independence in the subject requires independence in essence and inalienable,

and according to some verses, pure monotheism is that God is with his eternal will, which is the effect of events. He does what he wants, and all the creatures that are bestowed on his will and guidance and against the tradition and the divine destiny, and one for himself and for others. Lightening nothing, except what Allah has decreed within the toys and cause.

The verses emphasize that all things are in the hands of God. (Al-Imran, 154) and the providence of all on his providence is stopped. (Takwir, 29) Even Khatam and the most prominent apostles (PBUH) do not own or harm anyone and others unless God wants to. (Aaraf, 188) (Gen. 21), and he is not free from the forgiveness of the pagans and the work of the world and the authority of the Providence. (Al-Imran, 128), and he cannot guide anyone, but God is the one who directs anyone. (Shah, 56)

The Effect of Tawhid on Governance

According to the verses of the Qur'an, the scholars have identified various and various branches and manifestations of verbal monotheism, most notably the following:

1. Tawhid in Creation

The Holy Quran introduces God as the Creator, the Creator of All, the Creator of the heavens and the earth, and the Creator of Human Beings and their deeds (Safat, 96), and explicitly excludes Creation from non-God. (Fatter, 3) The result of these verses is that true creation is in the monopoly of God, and others, according to their nature, have nothing of themselves and cannot be the creator of something, and if there are manifestations of creativity in them, then they are the symbol of the name The "creator" of God has been made, and by his permission, creation is limited to their own ends.

2. Tawhid in ownership

According to the verses of the Holy Quran, Allah is the true owner of the earth. (Aaraf, 128) the unseen of the heavens and the earth, (An-Nahl, 77) and the world hereafter. (Najm, 25) and the creatures of the heavens and the earth. (Fatah, 7) (Al-Imran, 109 and 129)

Such property, which is against the proprietary and contractual property, is rooted in creativity. When on the basis of the unity of creativity in the universe there is no creator except God, naturally no one but he can own something. (Almighty,

Sample Interpretation, Vol. 16, p. 409). Therefore, God commands the Prophet (peace be upon him) to tell people that he does not have any profit or loss for himself unless God wants to (Yuns, 49) and also Declaring that he does not own any harm to others. (Gen., 21)

In the Holy Qur'an, some believe that the government and sovereignty are exclusive to God, and some other verses abandon the rule of law from non-God. The verses concerning the rule of Allah have several Sahihis;

1. Some of them deny the sovereignty of al-Mutlaq from non-Allah and prove the essence of God. (Joseph, 40)

2. Some verses are only in the statement of the fact that God is ruling.

3. Other verses, some of them deny the rule of non-God.

4. In some verses, he has denied an obstacle and states: "As there is no ruler other than God, there is no objection to his judgment."

5. Also, in other verses, after dispossession of the province of non-right, he has addressed the partner in the command of God. (Kahf, 26)

3. Tawhid in lordship

Monotheism in the sovereignty is one of the effects of monotheistic verbs. Liveness, cultivate, and advance step by step towards perfection, without realization of gentleness and real ownership, which is rooted in creativity, henceforth one is the "beast" of the creatures that are the true creators and rulers, and he Except God the Creator is not the owner and ruler. The Holy Qur'an, in the same vein, has linked loyalty to creativity and has called the Lord of humans a creator of them.(Baghareh, 21), thus limiting the exclusive creation of God to the unity of God, has relied on his unity of education, and, referring to the unity of the Creator, has emphasized the unity of the Thought. (Aaraf, 54)

Government definition

The government has several definitions. According to a definition, the state is a set of institutions that govern in a defined relationship and relationship in one particular land and on the human community residing in it. Sometimes, the government is defined as a coherent and organized political power that decides, rules and forges in various social contexts. (Vaezi, Ahmad, Islamic State, p. 31-32). According to this definition, the government includes all forces, including the

executive, legislative, judicial, and military and police forces. (The Universe, the foundations of political science, p. 144-149). Innocent leaders have identified many characteristics of Islamic government officials, some of which are: justice, trust, goodness, and politics, tolerance and knowledge. (Preacher, Islamic State, pp. 189-191)

The provisions on reason that no one denies it can do, it is in the midst of human law and government is necessary and the family of mankind requires Bound codes and provinces and states is essential, and what divine wisdom commands, it is the establishment of the rule so that the people wisdom is required, compliance and adherence to it, from whom valid and correct to the owner of all people and seized thereof, disposing of his property; and such a person to capture and guardianship of all human wisdom penetrating and true God of the universe is the owner and creator of all life on earth and the heavens. After the verdict now, in our nation now and likes to do, in data itself has seized; and if the God who rules, and his sentence the prophets, be obeyed know, the human need to obey ; and non-judgment of God or that God has set no human decree should not accept and does not admit to it. (Imam Khomeini, Kashf al-Asrar, pp. 181-182)

The concept of government can be understood in several ways: (a) the person or persons who conduct the rule of law. (b) Government means the executive branch in front of the legislature. (c) Government is a group of policy makers who adopt and enforce laws. (d) Government is also close to the concept of an administrative apparatus.

Forms of government in history

1. Classification rule on the basis of the decision-making

Classification rule on the basis of the decision is as follows:

A. Classification ruled by dictatorships are Autocracy, despotism, dictatorship, fascism.

B. Classification based on being king are the absolute monarchy, constitutional monarchy: King Doubles, king, empire, the kingdom of federal, Kingdom.

2. Select division on the basis of the ruling parties

A. Classification based on the rule of despotism: despotism, totalitarianism.

B. Classification based on democratic: democracy, direct democracy, liberal democracy, democratic representation, democracy, social, democracy and totalitarian.

3. Classification based on the distribution of power

A classification based Republic: Republic: Republic based on the constitution, democratic republic, parliamentary republic;

The Federal Republic, the Islamic Republic, the Socialist Republic

B. Classification based on federalism: federalism, the Kingdom of federal, Federal Republic.

4. Other categories of government

a. The government classified according to the socio-economic system: capitalism, communism, feudalism, socialism, welfare state.

B. Classification of government due to the political system: elitism, some leadership, centralization, a person-oriented.

Definition the ruling

The ruling meanings judge, judge, referee, leader, performer and curator sentence or part of a state governed by the rule. (Ibn al-Athir, al-Nehayeh Fi Hadith and acting strange: Hakeem) (Firoozabadi, al-Qamvs Ol-MO hit: Hakeem)

In the Quran, the word of the ruling as singular is not used, but the plural of the term "Hokum" (Baqarah, 188; Aaraf, 87, Jonah, 109; Joseph, 80) God is used. Commentators such as: Tuberos Assembly Bayan, Al-Qurtubi in al-Jama Ol-Ahkam and Tabatabai in Al-Mizan, the meaning of the words in the verses of the judge or the judge had. In the Hadith, the word "dominant" in most cases means the judge and the other is used as the governor and ruler. (Wait, an easy-fit province of al-Faqih, vol. 1, pp. 434,436)

The use of this word because of qualifications for some of its manifestations, especially in the Shiite imam, listed, so the term has become, as in Warcraft also has a special technical meaning. The ruling in the so-called Sunni who is said to have the power to sentence composition, the ruling creates in the world of credit. God the basic ruling in Islam is God, and in this case, there is no difference between Muslims. Apart from God, the Prophet and the Imams (AS) and priest are fully

qualified to govern, but they are ruling over the sovereignty of God. (Zohyly Osule al-fiqh al-Islami, vole. 1, p. 115) (Abdu-al-Bar Taqnin Osule al-fiqh, p. 28) (Sajjadi, culture and Islamic Teachings, vole. 2, p. 224)

The legal texts ruling the meaning of the word, according to the judge, arbitrator or ruler, for example, in chapters or provisions to resolve disputes or cases people paid them, meaning that the judge and prosecutor. (Alam al-Hoda, Intisar, vol. 1, p. 495) (Esfahani, margins Ktab al-Makasib, Vole. 2, p. 387)

In case of incapacitation or appointing guardians for their province to discuss the possible meaning of the judge's ruling. (Shafi'i, vol. 3, p. 143) also if the legal text has been paid to the issue of arbitration, the arbitrator's ruling and sentence will adapt. (Sabzevari, vole. 25, p 229230)

In cases where the scope of the powers of the judges was considered beyond the scope of responsibility, meaning that the governor or ruler of all Muslims considers the land. (Mohaghegh Karaki, Jama al-Maqased, Vole. 8, P. 193)

In addition, in the context of the ruling safe word is used to mean a person appointed by Khomeini to issue a final ruling on descriptions from Herb for his order. (Tousi, Vole. 2, p. 17) (Mohaghegh Heli, Vole. 1, p. 240)

Sunni jurists noted fewer instances of ruling in their views, but many scholars believe that the imam of the real ruler of the Imam or someone on his behalf to provinces or judgment is put. (Allameh Hilly, Vole. 2, p. 6) (Shahid Sane, Vole. 10, p 228)

A. The oppressor ruler

Sultan oppressive tyrant rulers and scholars say the chapters' crops, charity, Jihad, business and the judiciary have spoken it. In fact, it's true kingdom of God because all things are subdued his power and requires him. God these positions to their parents, i.e., the Prophets and their successors has been granted. Therefore they are also categories Sultan, Justice Sultan has an absolute right. In front of them, oppressing rulers with an angry and pushy and overcome or deception and deceit and without the permission of and on behalf of God the people rule. So, his government has no legal basis that is not permitted by God oppressing rulers are, whether they are Muslims or non-Muslims. Office reception area Quran is forbidden Sultan unjust and oppressive rulers tendency and desire, forbidden, but it is a

cardinal sin. (Najafi, *Jvahraklam* Vol. 13, pp. 310-312) (Culture of religious jurisprudence, according to *Ahl Ol-Byt*, Vole. 4, pp. 524-527)

Accordingly, without necessarily accepting any post office, such as judges, governors and deputy governors of the region and city, trustee and tenure collect zakat, tax and other taxes and even friends with him and complacency and satisfaction with things and his policies and tend to survival, even for a short period of examples tend to be ruthless which and is haram (Najafi, *jewelry Kalam*, vole. 22, p 156) unless the admissions office to the interests of Muslims and the oppressed rise up and right on legs and against the vicious pitfalls, or they have to accept it. Therefore, if not to life and property he or his relatives, such as father and son By Sultan unjust endangered; (Ansari, *Almkasb Book Volume 2*, p. 85) but to kill the innocent person that is not permitted under any circumstances. (Najafi, *jewelry Kalam Volume 22*, Page 165)

Accepted province of Sultan unjust to bring about the ability of it to non-Faqih comprehensive, so famous, except if the reservation is not allowed, although the jurisprudent terms, according to celebrity is permissible, some necessity it's unlikely unknowingly have. (Ansari, *Almkasb book*, Vol. 2, pp. 77-84)

The prohibition of gifts and prizes Sultan unjust knowing the same, as well as acquiring it, is prohibited and possession of it is not true. Otherwise, even with a cursory knowledge of the unlawful property Sultan, catch and acquiring it is permissible. (Najafi, vole. 22, p. 170)

In the first hypothesis, it is obligatory to return the prize, if possible, to the owner and, if the owner does not know it or does not have access to it, to give it on the part of the owner of that charity and return it to a non-owner it is not permissible and warranted.

Of course, if he receives the prize with the knowledge that he has been usurped from the king, he is the guarantor, even if the king or another takes it for granted to him. (Najafi, Vol. 22, p. 170)

The occultation is over land taxes in the oppressive ruler and therefore taking them without permission, he and pays tribute to them, but he is not permissible, or in the hands of the ruling religious and jurisprudent conditions or in none of them does not? The issue is controversial. But they are supposed to pay tribute to the King of unjust extended reservation lack of Imam Conditions, leading to Innocence payer is

permissible; however, seized on King Haram. (Najafi, jewelry Kalam, Volume 22, pp 180-181 and pp. 201)

Pay zakat to the Sultan unjust authority is not permitted and is the guarantor pays his debt is not Barry. Being divorced from the reservation in his zakat to the dispute. (First martyr, vol. 3, p. 143)

Public on all Muslims or Shia or disbelieve will also include him as kings? The issue is controversial. (Imam Khomeini, Tahreer al-Vaseileh, vol. 1, p. 503) contract obligation with the People of the Book and the ransom them from the power of the Imam (AS) and his deputy is, but in case of extended lack of them, closing the contract obligation and get ransom his Muslim oppressor Sultan is correct. (Najafi, jewelry Kalam, Volume 21, pp. 262-263)Grievances and litigation before the tyrant except in case of necessity are prohibited. Traveling with examples of tyrannical sultan's palace where the prayers are not sinful trip, traveling with the king is unjust, providing that with him, with his own hands and help the oppressor in his oppression. (Hakim, vole. 3, p. 438)

B. The Religious ruler

Hakeem commonly used phrase match against the ruling. (Najafi, jewelry Kalam, Volume 17, p. 258 and vole. 22, p. 352)(Khansari, Vole. 2, p. 264)

The judge or ruling religious who say that God for regulation and organization of servants and Public Administrators in the field of power and authority delegated by God, appointed to be, whether directly, as the Prophet or indirectly, like Imam (peace be upon him) that the Prophet (PBUH), the Imam (AS) is put. The use of the words jurists as judge, jurist comprehensive conditions. (Hadaeq Ol-Nazerieh, Volume 10, Page 58, Volume 13, Page 261)

The law of the use of the word governing common, including the principles fourth, fifty-sixth and fifty-seventh constitution of the Islamic Republic of Iran, the term used is essentially 4 to a higher law, and in the other sense of the ruler. The Penal Code, in all cases, the dominant interpretations and the judge means a judge of the Court (IPC Materials 99, 101, 105, 114, 120, 255, 392, 408, 413, 417, 420, and 461). The meaning of the word Iran's ruling in civil law, in most cases, the judge of the court. (Civil Code, Articles 79, 222, 228, 230, 237 238, 273, 276, 277, 1187, 1276, 1328, 1333) in administrative law in Iran, the Seljuk period until the end of the Qajar period, the dominant term for public office holders , including the governor,

were used. (Parsley Langroodi, detailed in the terminology of rights: the ruling Words)

Islamic state during the absence of Imam (AS)

Other contemporary thinkers, citing preliminary velayat-e faqih's proof: 1. Social chaos and restore order to avoid the inevitable. 2. Islam is the eternal social provisions and their implementation is dependent on time and place. 3. The cause of Islam, the rule is that an innocent person. 4. When we were deprived of the grace of the infallible leader, should innocent people closest to adopt for community supervision. This closeness can be determined by three criteria: Introduction to Islamic law (jurisprudence), mental and moral competence (piety) and efficiency in the management of society. Adel scholar and director of resourceful people who gathered these features of the occultation, worthy to rule the Islamic community. (Mesbah Yazdi, the supreme leader abroad, the Islamic State, No. 1 (Fall 1996), pp. 89-90)

Islamic government duets

The idea of authentic Islamic governance, not a means to achieve personal goals or group responsible for the heavy and integrity is priceless, as Imam Ali (as) one from your broker says: "What leads you, the sauce is not your but on the neck trust". (Nahj al-Balaghah, letter 5)

Commander of the Faithful of shoes less precious in the eyes of the government is unless it leads to the realization of the lofty goals of the divine. (Nahj al-Balaghah, Sermon 33) Islamic state to development and prosperity, (Nahj al-Balaghah, Sermon 53, p. 290) fair distribution of wealth, (Nahj al-Balaghah, Sermon 3) security, (Al-Anfal, 60) The spread of education (Nahj , sermon 34) and supporting the oppressed and vulnerable groups (Nahj al-Balaghah, sermon 40) special attention and with them, ignore divine and transcendent ideals of spiritual growth and development in priority placed purposes.

Imam Ali (as) some of the material and the spiritual rule says: Lord, you know what we went, not because of interest in power, rather than the meager want extra amount, but wanted signs of religion place where they do and reform in the cities bring to the oppressed servants to bring safety and waste left over to be executed. (Nahj al-Balaghah, Sermon 131)

The definition of national sovereignty

Sovereignty in the form of short and simple means is the supreme political authority. The fundamental concept of modern international system and the system provides state - the nation legitimizes contemporary. At the primary level, sovereignty means to control and geographic space. Such control is typically applied from within the structure of government and history, reflecting continued growth in sovereignty by national governments and the accumulation of power is concentrated at the same time.

Jean body view: the first scientist who gave a precise definition of the rule. And as the ruling body unlimited source of civil rights. After the Shah's rule is not a personal trait, the trait is a rule element of government institutions. The concept of sovereignty in the body of the essential elements of political society called it a major cause of social and political solidarity without which society cannot stand. After the establishment of the new political philosophy of the oldest apart.

Grosses view: the rule of the supreme political power is transferred to a person whose actions he could not master do function and not someone else's.

Uniform view: the rule of governance of the state. Will of the people that the government is organized.

Blackstone view: the rule of superior authority, irresistible, absolute integral is the highest legal authority is laid to his charge.

Yelling view: The State government is in the light of government can be legally binding. But to his will, or power other than its own limit.

Burgess view: the rule of power, absolute the citizens of every citizen Weber is all complexes.

Divine caliph and its nature in Islam

Arabic root word caliphate is meant to replace the term caliph (plural of word is Kholafa), meaning successor, Lawyer and vice president of the (Aqasoraye, 1983)

Khalifa words in the Qur'an, Khalifa is used so literally. Most of the caliphate, and the caliph use of the term is that the political developments in the Muslim community after the death of the Prophet (PBUH) was used and, respectively, in the sense of succession in government and in the absolute sense government and ruling of the Prophet and the successor of the Prophet was used in the government. The use of these terms, these two words are the key concepts of culture Muslims turned

political, and even later, groups of Muslims in explaining the legitimacy of the caliphate system to the use of the word Caliph in the Quran Cited.

In this sense, two words Imams and Imam also frequently works with the concept of the views Shi'ite Muslim authors first very different. The Spanish Caliphate, on behalf of an individual or on behalf of another person who is to die for being absent of other is pleased with him or her for being unable or bow and formalities Khalifa. (Raghib Esfahani, *al-Mofradat*, vole. 1, p. 156)

In Islam, the rule of men upon own, is recognized (Naraghi, 1998) and the ruling of the people of their fate and her independence in the exercise of their will and their choices, means that the relationship between the people who own behalf and essentially right rule and the good and forbidding to others and ultimately, sovereignty and impose their will on society does not have the (Imam Khomeini, 1994) to capture the determination and selection, responsible for the deeds and actions of man may have been, but the view of Islam, the end product is good and bad of every people and every nation has the will and free choice of their own: " God does people [nation] Does not change, until they are in their change. " (Raad, 11)

Therefore, the rule of men upon own, in the field of human relations meant nothing to do with man's relationship with God is not based on giving this gift, your man free of any will, to qualify for the good of the individual and the collective, and finally, goal Supreme His creation, the nearness of God to understand; but the wise man beret knowing that the target high in the light of surrounded of the characteristics of physical and mental, individual and collective human being informed of the results of good and bad acts of arbitrary and awareness of how relations man with God, self, fellow human beings, and nature, in order to achieve eternal happiness, are Education is the imperative reason as legislator and finally, integrity a favorable political community, the will of the Almighty Truth is strong and its control over the province and legislative sovereignty of God age.

The so-called Caliphate and Imamate, on behalf of the owner to maintain law and religion in the world, is someone who has such a position Caliph and Imam said. However, conditions such as Quraysh but Imam's condition. (Ibn Khaldun, *History*, p. 193)

For example, Taftazani says: "Spiritual Directorate of the Muslims of the world on behalf of succession to the prophet is." (Taftazani, *Sharh Ol-Maqased*, vole. 5, p.

287) Sunni Muslims believe that the Prophet Muhammad (PBUH), successor this is not a choice and important to his nation, has left. (Nishapuri, vol. 3, p. 1257)

But this theory is incompatible with the dignity of the Prophet them to this important issue, not trivial! While all the prophets chose their successors. (Yaqubi, history, vol. 1, p. 110) that it is necessary Prophet, his mission well done, but we know that the Prophet (PBUH) did not fail any mission (Jen, 26-28) and his infallible Shiite and Sunni theologians accepted. (Siobhan i, p. 281)

Against Shia scholars on this subject believe that the Prophet Muhammad (PBUH) during the life of Imam Ali (AS) to install and set up by God. (Siobhan i, the radiance of eternity, vol. 1, p. 937)

Caliphate of the Prophet (PBUH)

In addition to the tradition and life of the Prophet (PBUH) was not only to death but also throughout his life and many opportunities of caliph and successor after him, spoken on the validity and evidence of Shia and age there are valid in the book. Sayings such as: Amber warning, (Haskany, Shaw hid ul-Tanzeel, vol. 1, p. 542) hadith of Ghadir (Haskany, Volume 1, Page 249, Hadith 244) tradition, dignity, (Nishapuri, Sahih Muslim, the virtues of Ali ibn Abi Talib (AS), hadith 4, pp. 1870-1871) hadith of Jabir (Safi Gulpaigani, p. 101) and other hadith proves that the Prophet (PBUH) not only had to think of his successor but his Khalifa installation and determined.

How and to whom God entrusted his rule? Given the emphasis of Islam on the Council and public opinion and principles such as freedom, knowing the inevitable appeal to public opinion, the sovereignty of the people in the constitution is an important issue. The rule in the constitution of the man who has held the teachings of the Islamic religion freely. According to the teachings of Islam and Shiism, the rule as a trust from God to man has been given and the Shia, as the supreme leader and accepted by the people it has been realized to the extent that people not only in the selection of the supreme leader and other government officials, it is also involved in the process of becoming operational functions of government.

The nature of the human caliphate

The words "rule, arbitration, wisdom, wise, rules, governing sovereignty" and the like derivative of "judgment", each with its own meaning, derived from the root meaning "to prohibit and prevent" are; For example, the "judge" and "judgment" because "judgment" means a judge will prevent injustice and oppression, or "knowledge" means "wisdom"; Because it prevents the ignorance and wrong in the world. A political system dominated by the "state" is said; Because of insecurity and confusion and chaos is prevented. Thus, both derived from the same root meaning of derivatives and the principle that "prohibit and prevent" are.

According to some definitions of sovereignty, it must be meant to be considered superior power and supreme authority for the final decision which is above all powers. (Universe, 1994, p. 25)

Rule or ruler, the supreme power of the state in which the government, regulators and law enforcement is not his superior power (Assyrian, 1994, p. 128)

The awesome power, decision-making, and implementation of decisions within the territory of the country, which represents independent decision-making is in the community of nations. (Babaei, 2005: 256)

First, the country and its people the supreme power, authority and unquestioned superiority are to ensure that everyone in the country to obey it; secondly, other countries, it is recognized and respected. About inks rule, the theories like divine sovereignty, individual sovereignty, the sovereignty of the people and national sovereignty has been proposed.

Based on the theory of divine sovereignty, sovereign power comes from God and God commands rulers to run.

Theory of individual sovereignty, states that a person belongs to a political authority that hereditary and personal reasons, deserve and can afford its exercise of power and domination. This is the absolute ruler of all his authority from God knows and believes that all decisions to the will of his decision.

Theory of popular sovereignty, states that in that case, each of the people on an equal basis and without intermediaries, have a key role in determining their own destiny. Theory of national sovereignty also refers to a condition in which the body as a nation and independent legal personality of its constituent units, a great authority on matters and aspects of society. Accordingly, sovereignty, self-power and

governance, factors and means that the power exercised by it. (Hashemi, 2008: P. 31)

In other words, sovereignty, freedom and independence, the political community, the government, representative and its manifestation. (Tabatabai Motameni, 2001: 54)

According to some definitions of sovereignty, it must be superior power meant qualification for the final decision to be taken at the peak of its strength (Universe, 1994, p. 25).

Considering the nature of governance in Islam, such properties can be totally rule outlined below:

1. Derived from the power of God's defeat and the end of science.
2. The original reality show and essentially continuous and permanent.
3. The absolute truth and is non-transferable and analysis.
4. The truth of it is rooted in the reality of the Essence of God.
5. Objectification of human society is subject to compliance with the requirements of society and the reason to "servitude" to the Lord and obedience to the commandments of God and redirects.
6. Keep the tradition of God's sovereignty over its own destiny society, if people are willing to accept divine, its application will be available to people under God's special education or have been introduced by them.
7. The result of the operation of God's sovereignty and legislative authority nor the tyranny of the individual, not the supremacy of the majority, but the rule of common wisdom revealed in all elements of society in acceptable conditions.

On the basis of the aforementioned definition of "While the quantity of government in Islamic thought" may be stating the sovereignty of states, the continuation and enforcement of provincial legislative Lord is as absolute authority, legitimacy is rooted in the reality of eternal and absolute God and of Thus, non-transferable and analysis is based on the traditions of divine realization and objectivity outside the sovereignty constitutes acceptance of society that in case of acceptance, by people who are trained divine located or by their order, they applied.

Provincial and installation of Imams (AS)

Infallible Imams (AS) have the right to worship and capture the affairs of the people. "O you who believe, obey Allah and obey the Prophet and Oulu al-Amr." Adding "one" to "affair" and its uses in the Koran, like (Al Imran, 159) and (Shura, 38)

The use of the Oulu al-Amr in the Qur'an, such as (Al-Imran, 159) and (Shura, 38), indicates that the purpose of this is worldly affairs, and with the repetition of the act of obedience to the verse, it becomes clear that the meaning of "obedience of Oulu al-Amr" is "Follow the Imams (AS) in government affairs."

Establishment of the Faqih for the province of the people

Supervision of fully qualified jurist during the occultation of the province of jurisprudence says. In the era of absence the people of the blessings of Imam (AS) in human society and governance in various fields such as knowledge, and judgment rule deprived, just jurisprudent qualifications provincial fatwa against them. (Imamate; discretion; absence) velayat-e faqih, in fact, a general representation of the Imam (AS) and is meant administration of the Shiites in the age of absence. Velayat-e faqih, deep roots in the Shiite jurisprudence. (Explore the science of jurisprudence and its subsidiaries, Book I, Item: the ruling and sentence early and the provisions of Article velayat-e faqih in the eyes of the jurists)

Shia scholars, on various occasions, in religious books, it will have raised (factor, Meftah Al Karama, Volume 10, p. 21) (Naraq, income-Ayyam, p. 187) (Maraghi, p. 352) (Al Bahr, vol. 3, pp. 233- 234) (Najafi, jewelry Kalam, Volume 15, pp. 421- 422)

Kalam also velayat-e faqih of facts and essentials of jurisprudence in the Shiite jurisprudents knows (Najafi, vol. 16, p 178) and declares: "He who velayat-e faqih doubt, taste jurisprudence tasted and password Imams infallible not understand." (Najafi, Vole. 21, pp. 395- 397)

National sovereignty

Theory of popular sovereignty, states that in that case, each of the people on an equal basis and without intermediaries, have a key role in determining their own destiny. Theory of national sovereignty also refers to a condition in which the body as a nation and independent legal personality of its constituent units, a great authority on matters and aspects of society. Accordingly, sovereignty, self-power and

governance, factors and means that the power exercised by it. (Hashemi, 2008: P. 31) In other words, sovereignty, freedom and independence, the political community, the government, representative and its manifestation. (Tabatabai Motameni, 2001: p. 54)

Theory of popular sovereignty indicative of a government organization is that each of those people, equally and without intermediaries, self-determination, play a major role. (Alizada, 2009, p. 191)

This theory was first, at the beginning of the middle Ages, Catholic scholars, such as age and his obeyed persons raised in the West. The opponents of the monarchy, it was developed. In the seventeenth century, the school of natural law and international precision to it and then gave Jean-Jacques Rousseau and the French affected.

Governance, the rule is that the parts belong to one person. Rousseau's "Social Contract" wrote: "Let us assume that the government is composed of ten thousand citizens, the contribution of each member of the government, is one ten-thousandth power."

France's 1793 constitution, under the influence of Rousseau, the doctrine of popular sovereignty was effected. This doctrine, based on the principle of absolute democracy, the masses of citizens, the source and center of power are known. In this doctrine, each citizen has a fundamental right to contribute to the formulation will be dominant.

The doctrine of popular sovereignty, in terms of organizing devices dominant form of government, the selection and the relationship between the forces of the country, principles and norms creates the logical consequence of such thinking, it means the negation of the rule is not absolute, but made to change it is that is, the ruling will instead be a prince or state, is a member of a group of people. The theory of "divided sovereignty" is also known. (Judge, 2004: 187 -185)

Theory of sovereignty, based on a country's system of government in which the people as a single organism and independent legal personality of its constituent members, the supreme authority over the affairs of the society. (Alizada, 2009, p. 191) the theory of events between 1789 and 1791 developed a revolutionary constituent France.

In this theory, the rule is that all state powers belong to the nation as a whole. People, legal entity distinct from those that make it up. In other words, the

people, the will of totality - collectively meet the independence and sovereignty of the Premier.

The initial idea of the designers of this theory, the deposed king of absolute power to rule and granting this power to the nation. By creating the concept of nation against people, in 1791 the French constitution, sovereignty of the people was such terms: "sovereignty, indivisible and non-transferable unit that belongs to the nation" (Judge, 2004: 187)

The theories of the origin of sovereignty, the sovereignty and the sovereignty of the people, except that the sovereignty of the people, any people the right to self-determination of the individual and societal its own (direct democracy), while the national sovereignty, integrated power individuals, through agencies (indirect democracy) is the self-actualized persons. (Hashemi, 2008: 4)

Conclusion

By comparison of the principles of the rule in Islam and the West were studied. With discretion and extraction of content from documents, the provisions of Islamic texts, including the verses, traditions, and views of some jurists were analyzed and combined with the theory of the Notes on the rule of Islam and the difference it has achieved national sovereignty. Based on the results, the rule of divine sovereignty divine and humanistic two different bases. National sovereignty with the divine rule of the Prophets (AS), the imams and scholars differ eligible.

In Islam, the province appointed persons with certain conditions, including the divine will and the public right of guardianship does not rule. But the province of Virtue and loyalty capture the lives and property of others do not have. According to the Supreme God, the Supreme Prophet absolute rule of the Imams and absolute clerical rule people's lives and property can be installed without the permission of God's people and to spend his capture. Capture that not even one's own self. As the ruler of a lien on the property without the permission of the people directly or indirectly not. But it has a lien on all public with the permission of God, except in cases where the law is prohibited. Religious nature of Islamic rule of the province, not the people but the representation and delegation. But the expansion of the role of the people and comply with iodine. (Aliahmadi, Comparison among the reasons, conditions and rights and duties of leadership and authority, p. 115)

The lack of popular sovereignty and national sovereignty of the divine lordship and absolute property of God. Evil if he wants with the principles of humanism rule, the tenure of the lives and property of others even allow the people because the people have the right to delegate authority to his death or spend money on the earth and not dominated by credit entities as well as about acts of divine sovereignty and not more than that.

References:

1. Aliahmadi Jeshfaghani, Hosein, Comparison among the reasons, conditions and rights and duties of leadership and authority, Tehran University of martyr Motahari, 1997.
2. Tabarsi, Fazl Ibn Hasan, Al-Bayan fi Tafsir al Quran, Beirut: Dar al-Marefah, 1989.
3. Naraghi, Ahmad, Avaed Ol-Ayyam, Qom: Aalame AL-Islami, 1998.
4. Imam Khomeini, Sayed Ruhollah, al-Bayae, Qom: Institute OF Islamic Publishing, 1994.
5. Imam Khomeini, Sayyid Ruhollah, Velayat-e Faqih, Tehran, Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, Tenth Edition, 2000.
6. The proceedings of the House for final consideration constitution of the Islamic Republic of Iran, Tehran, Office of Cultural Affairs and Public Relations of the Parliament, 1985.
7. Tabatabai Motameni, Manuchehr, Constitutional Law, Tehran, the first edition, 2001.
8. Alam, Abdul Rahman, political science foundations, Tehran, Reed Publishing, Printing, 1994.
9. Alizada, Javad, Foundations of Law and Constitution Law, Tehran, on micro, 2009.
10. Ayvazi, Mohammad Rahim, Islamic Revolution, themes and origins of Qom, Publications Office of Education, First Edition, 2008.
11. Majlesi, Mohammad Bagher, Bihar al-Anwar, Vafa Institute, Beirut, Second Edition, 1982.
12. Vincent, Andrew, Theories of government; translated by Hossein Boshriyeh, Tehran, Reed Publishing, Printing, 1997.
13. Alam, Abdul Rahman, political science foundations, Tehran, Reed Publishing, Thirteenth Edition, 2005.

14. Jamali, Hussain, history, and principles of international relations, Tehran, publishing behalf of the Guardian Jurist, first edition, 2001.
15. Ibn Athir, al-Nehayeh Fi Caribe Hadith VA al-Assar, offset printing, Qom, 1985.
16. Ghazali, Muhammad, al-Mustafa Men Elm al-Usual, offset printing, Qom, 1989.
17. Jafari Langroodi, Mohammad Ja'far, detailed in the terminology of Law, Tehran, 1999.
18. Khan sari, Ahmad, Jama al-Madarek, suspension Ali Akbar Ghaffari, Tehran, 1986.
19. Rafee Qazvini, Abdul Karim, Fathol-Aziz, Beirut: Dar al-Fekr.
20. Zohyly, Wahhabeh Mustafa, Usual al-Fiqh al-Islami, Damascus, 1998.
21. Sabzevari, Abdul Aala, Muhazzab al- Ahkam, Qom, 1997.
22. Sahnvn, Abdul Salam Ibn Saeed, al-Modavenah al-Cobra, Cairo, 1904.
23. Ibn Idris, Muhammad al-Shafi'i, al-OM, Beirut, 1983.
24. Shervani, Abdul Hamid, Havashi Ala Tohfat al-Mohtaj, Beirut: Dar al-Ehya al-Turath al-Arabi.
25. Shahid Sani, Masalek al-Efham, Qom, 2000.
26. Alam Ol-Hoda, Ali Ibn Hussein, Intisar, Qom, 1997.
27. Firuz Abadi, Mohammed, al-Qamvs al-MO hit, Beirut, 1991.
28. Qurtubi, Mohammed al-Jama la-Ahkam al-Quran, Beirut, 1985.
29. Mohaghegh Heli, Sharaie Ol-Islam, Sadiq Shirazi Pub., Tehran, 1990.
30. Mohaghegh karaki, Ali, Jama al-Maqased, Qom, 1997.
31. Montazeri, Hossein Ali, Derasaton fi Velayat al-Faqih VA Fiqh al-Dolah al - Islamiyah, Qom, 1992.
32. Najafi, Mohammad Hassan, Java her al-Kalam, Beirut, 1981.
33. Javadi Amole, thematic interpretation of the Quran, Tehran, Asra, 1996.
34. Makarem Shirazi, Nasser, and others interpret samples, Tehran, Dar Ol-kotob al-Islamiyah, 1996.
35. Choline, Yaqub, al-Kafi, edited by Ghaffari, Tehran, Dar al-Kotob al-Islamiyah, 1996.
36. Meybodi, Kashf al-Asrar, Tehran, Amir Kabir, 1982.
37. Al-Raghib; Mofradat, Damascus, Dar al-Qalam, 1991.
38. Hurr Amel, Wassail Ol-Shieh, Qom, al-Bayt, 1991.
39. Tabatabai, Mohammad Hussein, Al-Mizan fi Tafsir al-Qur'an, Beirut, Aalami, 2014.

40. Mesbah Yazdi, Muhammad Taqi, the supreme leader abroad in the out of the country, the Islamic State, No. 1 (Fall 1996), pp. 89-90.
41. Aqsravy, Mahmoud Ibn Mohammed, Musamerah al-Akhbar VA Musamerah al-Akhyar, offset printing, Tehran, 1983.

The Metaphysics of Love in the Works of V.S. Solovyov

Putecheva Olga Anatolyevna,

*Ph.D. (Art), Associate Professor at the Kuban State Medical University
(Krasnodar, st. Budyonnova, 198), (Krasnodar, Suzdalskaya St., 14, k.1),*

Palapanidi Alexandr Lazarevich,

*Student of Kuban State Medical University (Krasnodar, st. Budyonnova, 198),
(Krasnodar Selezneva st. 4/13 enclosure-1 K. 35)*

Abstract: The work deals with the attempt of understanding mysteries and great forces of love, through the understanding of ideas of V. S. Solovyov, studying the many facets of love in the aspect of the concept of unity.

Keywords: love, spirituality, morality, unity, sophia, service, mystery.

Метафизика любви в творчестве В.С. Соловьева

Путечева Ольга Анатольевна,

*кандидат искусствоведения, доцент «Кубанского медицинского
института (Краснодар, ул. Буденного, 198),
(г. Краснодар, ул. Суздальская, №14, к.1),*

Палапаниди Александр Лазаревич,

*студент «Кубанского медицинского института (Краснодар,
ул. Буденного, 198), (г. Краснодар ул. Селезнева 4/13 корпус-1 кв.35)*

Аннотация: Работа посвящена попытке постижения тайны и великой силы любви через осмысление идей В.С. Соловьева, изучающего многогранность любви в аспекте концепции всеединства.

Ключевые слова: любовь, духовность, нравственность, всеединство, софийность, служение, тайна.

Тайна мира – в любви, бесконечной, всеохватной, божественной сути мира. Философскому осмыслению этой мировой тайны посвятили свои размышления многие русские мыслители, среди которых следует выделить имя Вла-

димира Сергеевича Соловьева. Его размышления – яркий букет идей в венке, сплетенном такими мыслителями как Ф. Достоевский, В. Розанов, Н. Бердяев, А. Лосев.

В свете усиливающихся во всем мире проявлений зла и насилия, тема любви становится все актуальней. Мы обращаемся к идеям В.С. Соловьева, который глубоко и обстоятельно раскрыл проблематику вопросов любви и единения, заложил основы философского анализа метафизики любви. Об этой важной потребности человеческой жизни писали и зарубежные авторы, такие как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше. Но благодаря своему прагматическому взгляду, они не смогли осознать всю глубину духовного наполнения данного явления. Русская культура, философия, мышление в целом отличаются высокой нравственностью, духовной устремленностью, что дает возможность приблизиться к тайне любви, которой наполнена русская душа.

В работах В.С.Соловьева («Смысл любви», «Жизненная драма Платона», «Оправдание добра») индивидуальная любовь-эрос понимается как могущественная сила, призванная помочь человеку совершить метафизический прорыв за «грубую кору вещества», восстановить в себе образ Божий. Согласно В.С.Соловьеву, чувство влюбленности - это знак из другого мира, из «лучшей действительности – с другим принципом и законом жизни», несущий человеку добрую весть о возможности возвращения потерянного рая.

Целью работы является попытка приблизиться к тайне высокой духовности любви через осмысление идей великого русского мыслителя.

Задачи работы можно обозначить следующим образом:

- а) определить исходные посылки анализа В.С.Соловьевым аспектов любви;
- б) сравнить представления отечественных мыслителей о роли любви;
- в) выделить проблематику, связанную с осознанием смысла, сущности, цели любви.

Впервые мысль о великой силе любви сформулировал Ф.М. Достоевский. Для Достоевского любовь – это пробуждение, преодоление темноты, слепоты, зла, страха. Это путеводная нить, которая, как сформулировано в «Идиоте», спасет мир. Любовь, по Достоевскому, это и есть красота, это воля преображения себя и мира, это внутренняя связь и единство жизни, Вселенной, это гармония и успокоение. Это великая преобразующая сила, которая способна из-

менить и человека и мир. Любовь – это то, что учит выстраивать жизнь, налаживать человеческие связи и отношения. Это особое искусство, творчество в высшей своей духовности, внешним выражением которого могут быть и поэмы, и картины, и красота человеческих отношений.

Одним из первых в истории русской культуры о любви говорил В.В. Розанов. Философ писал: «Всякая любовь прекрасна. Потому что на земле единственное „в себе самом истинное” – это любовь. <...> Гаснет любовь – и гаснет истина. Поэтому „истинствовать на земле” – значит постоянно и истинно любить» [1, с.66]. В этом плане поэтическое описание любви на страницах розановских произведений становится гимном нового отношения к полу и любви.

Выстраивая разговор о смысле любви, В.С.Соловьев исходит из своих наиболее устойчивых доктрин: концепция всеединства, софийности, преодоления эгоизма.

Еще в докторской диссертации "Критика отвлеченных начал", защищенной Вл. Соловьевым в апреле 1880 года, он близко подошел к пониманию «смысла любви». Любовь понималась им как самоотрицание, утверждение другого, и между тем этим самоотрицанием осуществляется его высшее самоутверждение. Отсутствие самоотрицания, или любви, то есть эгоизм, не есть действительное самоутверждение существа. Действительное же самоутверждение достигается только в самоотрицании.

Именно с таким пониманием любви мы повторяем в отвлеченной форме христианскую формулу «Бог есть любовь» и «Любовь есть Бог», смысл которой в самоотречении от собственной эгоистической человеческой природы и способности находить в другом положительное дополнение своего существа.

Тайна любви для Соловьева открывается в свете концепции всеединства. А единение начинается с преодоления эгоизма конкретной личности, духовной устремленности к другому и готовности ее принять. Только в любви и с любовью возможно духовное единение, преодоление розни. Это понимание задается ходом развития вселенской жизни вписанностью человека в мировой порядок. «Живой идеал Божьей любви, предшествуя нашей любви, содержит в себе тайну ее идеализации» [2, с. 483].

Для Соловьева любовь была связана с личностью, с тем оригинальным, неповторимым, что содержится в каждом человеке. Любовь пробуждает в

человеке индивидуальность, она предполагает преодоление личностью родового, биологического начала.

По Соловьеву, человек может становиться всем, лишь преодолевая в своем сознании и жизни ту внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. Истинная индивидуальность есть некоторый определенный образ всеединства, некоторый определенный способ восприятия и усвоения себе всего другого. Взаимная и всеобъемлющая любовь возведена в Новом завете на высший уровень совершенства — она, освящена авторитетом Бога.

Отвергая мысль А.Шопенгауэра, что любовь – это сила, которая может быть тем значительнее, чем важнее потомство, В.С.Соловьев обосновывает иное представление о любви, когда самая сильная любовь бывает неразделенной, приводит к гибели и не дает потомства.

Развивая эту мысль, В.С.Соловьев делает заключение, что половая любовь не является средством достижения каких-либо исторических целей. Но не является также задачей любви и размножение. Смысл любви коренится не в родовой, а в индивидуальной любви, понимаемой как служение и духовное совершенствование. Половая любовь, по его мнению, сила – преодолевающая эгоизм, которая становится всеохватной и первоочередной перед всеми видами любви.

Важнейший вопрос, на который ищет ответ Соловьев – это смысл полового разделения. Нам представляется, что дифференциация отражает полярность устройства мира и выступает как закон Вселенной. Любое явление всегда имеет две противоположные стороны, и точно также как полюсы магнита, имеет свойство притягиваться. Двуполюсность создает не только противоположность или различие, но и тяготение друг к другу.

В мире все явления полярны, так же и в любви, ее антагонистами выступают мужское и женское начала. «Человек и его женское alter ego восполняют взаимно друг друга не только в реальном, но и в идеальном смысле, достигая совершенств только через взаимодействия» [3, с. 479].

Любовь – это высшее проявление человеческого духа. В ней – частица Бога. Она направляет и призывает к единению. Так за всеми рассуждениями В.С. Соловьева мы видим его глобальную концепцию всеединства.

Любовь становится необходимым и незаменимым основанием всего дальнейшего совершенствования и развития. Только половая любовь основана

на требованиях однородности, равенства, взаимодействия. Во всех прочих видах любви отсутствует та или иная сторона. В.С.Соловьев также дает анализ типов любви – любви родителей к детям (материнская любовь), любви к Отчому краю, к Родине. Вбирая все особенности различных видов любви, половая любовь становится кульминацией, высшим выражением человеческой духовности.

«Любовь есть дар Божий. (Дар слова также принадлежность человека). Как слово имеет важнейшее значение для культуры и общества, так и любовь еще больше значит для создания истинной человеческой индивидуальности. Как истинное значение слова не в проговаривании его, а в смысле, так и значение любви не в простом испытывании этого чувства, а в значении любимого предмета... Истинная любовь есть та, которая не только утверждает в субъективном чувстве безусловное значение, но наполняет абсолютным содержанием жизнь» [4, с. 481].

В статье «Жизненная драма Платона» Соловьев анализирует понятие Эроса в философии древнегреческого мыслителя и развивает учение о пяти видах половой любви, высшей формой которой является соединение не внешнее, а внутреннее, духовное. Не отвергая, не уничтожая телесности, а, наоборот, способствуя «воскрешению природы для вечной жизни, что является восстановлением «цельного» человека» [5, с. 62]. В работах В.С. Соловьева индивидуальная любовь-эрос понимается как могущественная сила, призванная помочь человеку совершить метафизический прорыв за «грубую кору вещества», восстановить в себе образ Божий. Согласно Соловьеву, чувство влюбленности – это знак из другого мира, из лучшей действительности.

София В.С. Соловьева является символом и образом любви, по его мнению, любовь является тем, что объединяет отдельные части нашего мира, не давая им разрушиться и разделиться, для Соловьева она основополагающая точка начала любви. А.Ф. Лосев считает, что ведущий аспект софийности – интимно-романический, который подразумевает стремление к возлюбленной: «вечная женственность – нетленное идеальное сияние красоты» [6, с. 235].

В философском осмыслении христианства, в частности православия, Соловьев развивал нравственный аспект. Христианство, по мнению Соловьева, открыло человечеству особенные моральные ценности, условия нравственного совершенствования. Человечество идет по пути одухотворения и духовного

восхождения. Философия нравственности у В.С. Соловьева переходит в философию любви. Этот аспект представлен в его «Трех свиданиях»

В.С. Соловьев говорил о трех видах половой связи: связь в животной жизни, низшая по природе, связь морально-житейская или под законом, и, наконец, связь в жизни духовной, или соединение в Боге. Последняя лишь для немногих избранных проявляется в своей высшей, чистой духовной ипостаси.

С этой мыслью солидаризируется Эрих Фромм - немецко-американский философ, ведущий представитель неопрейдизма, который утверждал, что способность любить важнейшая черта человеческой личности.

Эрих Фромм отмечал, что любовь это искусство, а не дар свыше. Так же он отрицал, что любовь это всего лишь инстинкт. Основная мысль, развиваемая им состоит в том, что люди заблуждаются, когда думают о любви как независимом от человека и не подвластном ему инстинкте или как о счастливом случае, который подарил ему любимого. Дело, прежде всего в том умеет ли человек любить. Э.Фромм сравнивает способность любить с другими способностями человека, которым всегда необходимо учиться. Любовь и помогает постоянно совершенствоваться.

По Фромму, любовь – это путь преодоления отделенности людей друг от друга. Одинокое существование человека невыносимо для него.

Резюмируя сказанное, можно сформулировать смысл и цели любви по В.С. Соловьеву:

Любовь – это единение

Любовь – преодоление эгоизма

Любовь – духовный рост и возвышение

Любовь – средство постижения истины мира

Любовь – цепь, связующая с Богом

Любовь – матрица человеческого бытия

Любовь – критерий нравственности.

Мысль о диалектическом аспекте любви у В.С. Соловьева подчеркивается Новой Британской энциклопедией: «Для Соловьева этика стала диалектической проблемой, лежащей в основе морали, что определило его вклад в мировую интеграцию с предельным божественным единством, теорией, выраженной в его «Смысле Любви» [7, с.1].

Любовь, таким образом, всеохватна, она выше писаного человеческого закона, она есть мировой порядок и гармония, и поэтому она становится основой человеческой жизни и деятельности как существа Вселенского масштаба.

Список литературы:

1. Розанов В. В. Уединенное // Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 66.
2. Соловьев В.С. Избранные произведения. Серия «Выдающиеся мыслители», Ростов-на-Дону «Феникс», 1998.
3. Там же.
4. Там же.
5. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х томах. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1999. – С. 62.
6. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время, - М.: Молодая гвардия, 2000.
7. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 11. Micropaedia. Ready Reference / ed. R.P. Gwinn. Encyclopaedia Britannica, 1994. 1 p.

References:

1. Rozanov V. V. Private // Works: in 2 T. M., 1990. Vol. 2. P. 66.
2. Soloviev, V. S. Selected works. A series of "Prominent thinkers", Rostov-on-don "Phoenix", 1998.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Zenkovsky V. History of Russian philosophy in 2 volumes. Vol. 2, Rostov-on-don, 1999.
6. Losev, A. F. Vladimir Soloviev and his time. - M.: Young guard, 2000.
7. The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 11. Micropaedia. Ready Reference / ed. R.P. Gwinn. Encyclopaedia Britannica, 1994. 1 p.

Participation of People in the Islamic State
Analytical Review of the People Role in the System
of Velayat Faqih

Hosein Aliahmadi Jeshfaghani,

*Faculty Member at the Iran University of Science and Technology,
Tehran, Iran*

Abstract: Islam forbids idolatrous and compliance and invited to obey the Islamic State is based on justice. In Islamic culture, Islamic nation with inner decision to change the government by the people is the most important role in transforming the evil governments of the Islamic Ummah and the engine are major developments in the field of power and rule. Islam is a religion of participation, unity, cooperation on goodness, brotherhood, unity, community, tolerance is. But the turnout in the system of velayat faqih and government based on Islam, political participation in systems administration the difference is based on a majority vote. The legitimacy of the government and people of God in Islam based on the standard installation can cause serious operation and acceptance of the role. This Study the Qur'an and Islamic texts to analyze the content of those deals and to the analysis of the role of people in the Islamic state, and the issue in historical texts Islam and the Islamic Republic studies the fundamental rights. This research is devoted to explaining some of the basic functions of public participation in the implementation of power in Islam, to explain and classify the functions of public power in the Islamic state refers to some people's rights Explains and describes the Islamic Republic of Iran. Qualitative research methods and using the library to collect information, pays the plus mix method, content analysis, and content are used to achieve the result. The conventional method of study in seminaries such as ijthihad also used in sentences to the Supreme Leader of the Iranian people in order to explain and describe some of the functions of public participation exercise.

Keywords: people's rights, legitimacy, cooperation and service needs, the Islamic State, unity and brotherhood, Islamic Republic of Iran, Imam Khomeini.

Introduction

By examining keywords idolatrous, participation, unity, cooperation on goodness, brotherhood, unity, community, tolerance in the literature, traditions and people's rights in the constitution of the Islamic Republic of Iran and reviewing Imam Khomeini and Ayatollah Khamenei is known in the field of power and the idea that Islam has been in the area of governance. Verses model Islamic state based on oppression and avoid relying on cooperation based on piety and service to the faithful and the public's role in it is very bold. But this role is not in the vote's quantity. But the religion of justice and enforcement of compliance by the public and the religious leaders to meet human needs. But how can this fact be extracted from among the hadiths and verses of the Quran and the analysis and conclusions?

Research questions

What is the role of public participation for justice in Islamic texts? This model from which concepts and which is extracted from the verses and hadith and sire Islamic leaders? What are the rights of people in the Islamic Republic?

Research Methodology

Methods to achieve the style and the Islamic model of public participation in power on the basis of keywords mentioned in Islamic texts and extract the contents of a deductive method to analyze the content and plus composition is.

The people's role in the formation of the Islamic system

One of the educational goals of the Prophets (AS) is that people are so constructed that justice is this way with his foot travel. "We have already sent our messengers with clear evidence and sent down with them the Scripture and the balance that the people may maintain [their affairs] injustice. And we sent down iron, wherein is great military might and benefits for the people, and so that Allah may make evident those who support Him and His messengers unseen. Indeed, Allah is Powerful and Exalted in Might." (Hadid, 25) Bringing people to justice and facing Queen Justice in them, so that people brought to justice and that it can be one of the main goals of the mission of the Prophet, he said. Quran justice and goodness of its publication. Is justice in the verse, "A Indeed, Allah orders justice and good conduct and giving to relatives and forbids immorality and bad conduct and

oppression. He admonishes you that perhaps you will be reminded."(An-Nahl, 90) is interpreted to social justice. (Move Vati, and Zayne Vand, 2014)

Islamic state without the will of the people proved not to be the fundamental difference between Islamic state governments Jabber point is that the Islamic government, government of the people and based on force and coercion, but by love and interest in religion and Islamic ruler for the accepts all people of moral and religious education and the religious orders to behave more and whatever the unity and fellowship divine have more, Islamic government is also stronger and achieve its goals more successful. (Javadi Amole, 1999)

"What is expected to build life and builders of the future, will not be reached without the participation of the people. So in addition to the management authorities should be doing, the people in both is necessary, both the economic sphere, the sphere of culture. People will not go ahead without the presence and purpose will not be realized.

People in different groups of people with the will and determination of their national role can be. Officials also advance to be able to work properly, we need to support people. They need to trust in God and with the help of success and divine approval and help of the people, become combative enter the field, both in the economic field and in the field of culture. "(Khamenei, 2014)

Jamaat in the Islam

Muslims and believers to keep the relatives, have been assigned to each stamp nearest and respect one another's rights. Keep the congregation and accompanied by a five-thing which the God has commanded him to do them. The sense of intimacy, in rows of ten pillars of Islam, and the Muslim community to attend one of the three ways described with that hatred does not provoke Muslims.

Divide among Muslims in row sins. The congregation, the meaning of Hadith refers to preserve the solidarity of the Muslim community, and word meaning groups of people. Congregation opposite division. Congregation concerning the unity and brotherhood of Islam.

The word in chapters' crops, fifth, Hajj, waste reduction, Hudud and qisas is used in Islamic jurisprudence. Congregation word in the Quran is not used. However, in some Quranic verses on the concept of solidarity and urged Muslims not sporadic,

based on the teachings of Scripture and tradition. It emphasizes (Al Imran, 103 and 105; gratuities, 159; Anbiya, 92; It becomes clear, 52; and salinity, 13-14)

In verse 103 of Surah Al 'Imran, Muslims are commanded to clearly grasp the rope of Allah and not to disperse. Commentators have noted that different views on the interpretation of their rope of Allah are the meaning of Allah in this verse Grab the cord, which together gathers (Congregation) and the coalition. In a hadith of the Prophet (PBUH) community of believers to build likened individual believers in the formation and strength are involved (Bokhari, Saheeh Al Bukhari, vol. 1, p. 123) in another tradition the bodies of the unit such that if a member of the damage occurs, its effect on the other members of the charts. (Koline, Osule Kafi, vol. 2, p. 166)

Islamic Ummah unity

"And hold firmly to the rope of Allah all together and do not become divided. And remember the favor of Allah upon you - when you were enemies and He brought your hearts together and you became, by His favor, brothers. And you were on the edge of a pit of the Fire, and He saved you from it. Thus does Allah make clear to you His verses that you may be guided? "(Al Imran, 103) "Mankind was [of] one religion [before their deviation]; then Allah sent the prophets as bringers of good tidings and warner's and sent down with them the Scripture in truth to judge between the people concerning that in which they differed. And none differed over the Scripture except those who were given it - after the clear proofs came to them - out of jealous animosity among themselves. And Allah guided those who believed to the truth concerning that over which they had differed, by His permission. And Allah guides whom He wills to a straight path. "(Baqarah, 213)" They have been put under humiliation [by Allah] wherever they are overtaken, except for a covenant from Allah and a rope from the Muslims. And they have drawn upon themselves anger from Allah and have been put under destitution. That is because they disbelieved in the verses of Allah and killed the prophets without right. That is because they disobeyed and [habitually] transgressed. "(Al Imran, 112) According to Quran, the Alliance "great blessing" and asked the faithful to the bitterly divisive era to not forget and to know how God established familiarity between them. "And hold firmly to the rope of Allah all together and do not become divided. And remember the favor of Allah upon you - when you were enemies and He brought your hearts together and you became, by His favor, brothers. And you were on the edge of a pit of the Fire, and He saved

you from it. Thus does Allah make clear to you His verses that you may be guided? "(Al Imran, 103) in five verses of the Quran has said: If it was expedient for God with the will of self-knowledge, all the people together and put a nation. (Ma'idah, 48; Annam, 35; Hood, 118; Nahl, 93, Shura, 8)

Imam Ali (AS) in the spoken term, the fate of nations previously pointed out that the unity and integrity, how has the honor and the glory and the world of domination; however, when they were scattered, humiliated and debased them turned and each side was looted. (Nahj al-Balaghah, Sermon 192)

The Union of victory, and he says: And when the people have the right leadership matters, and the ruler of the people to pay, right where the self is and how religion emerged and symptoms of justice and the Sunnah of the Prophet (PBUH) (Jamali, the fall of the in the Quran and Nahj al, pp. 143-142) is stable after corrected time and people continue to be frustrated the hopes and dreams of the enemy. (Nahj al-Balaghah, Sermon 216)

Imam Ali (AS) by inserting "sedition" against the congregation, invited the congregation to hold fast to the rope. (Nahj al-Balaghah, Sermon 151) Imam Sajjad (AS) also stated meaning. (Al Sahyfah Al sjjadyh, p. 421) Imam Sadiq (AS) against dropping out of the congregation of the Muslims is Islam. (Bar Qi, Book Mahasin, Vole. 1, p. 219)

Cooperation and participation in religious texts

"O you who have believed, do not violate the rights of Allah or [the sanctity of] the sacred month or [neglect the marking of] the sacrificial animals and garlanding [them] or [violate the safety of] those coming to the Sacred House seeking bounty from their Lord and [His] approval. But when you come out of ihram, then [you may] hunt. And do not let the hatred of a people for having obstructed you from al-Masjid al-Haram lead you to transgress. And cooperate in righteousness and piety, but do not cooperate in sin and aggression. And fear Allah; indeed, Allah is severe in penalty." (Ma'idah, 2)

Cooperation, based on the Koran and the Hadith religious-themed word moral. Cooperation literally means to assist each other and cooperate with them. The concept in Islamic texts and moral resources literally not much different. (Farabi, votes from Al-Medina Al Fazelah, Vole. 1, P. 117 -118)

In verse 5 of Surah Al-believers are commanded to do good deeds and piety helper each other and refrain from cooperation in sin and transgression. Some commentators, offering a broad sense of Quranic concepts, the meaning of these commands work together to pave the way good and evil and the enemy was a close way.

What is meant by "Odvān" cooperation in the abuses of human rights and insecurity of life and property and honor? According to some authors, this verse form of corporate social responsibility and collective solidarity has taken the responsibility of all believers; therefore, say scholars and the rich and powerful against the poor and the weak, the ignorant and responsibility. (Hakimi, Al Hayat, vole. 6, p. 93)

The concept of cooperation, both in the right way or the wrong way, in some other verses as well. (Sanctions, 4, light 62) According to some traditions, co-believers in the worship of God from the base of the brothers is (efficacy, Ghurar Al Hekam VA Dorr Al-Kalam, vol. 1, p. 422; Majlesi, Behar Ol Anwar, Vol. 75, p. 236) and religious leaders have emphasized the need for it.) And Leaders Religion on Necessity It Emphasis Have.

In the hadiths, the cooperation means a set of rights is incumbent upon the servants. In the Hadith, the department in a good recommendation, including cooperation in the mosque, and cooperative emphasis on sin and do wrong, is to blame. In the Hadith, the effect of cooperation in good works, not reaching the Islamic Ummah and the consequences of non-cooperation, domination of some over others and the loss of the blessings. (Majlesi, Behar Ol Anwar, Vole. 75, pp. 236-237, Vole. 34, p. 185- 184, vole. 41, p. 153, vole. 74, p. 358, vole. 27, p. 252)

Even the states some sources, the needs of every believer who need help must be fulfilled before asking him (Naraqī, Vole. 2, P. 229- 232) help the man who helped him, the signs faith. (Majlesi, Behar Ol Anwar, vole. 58, p 150, vole. 64, p. 272)

The Prophet Muhammad (PBUH) and the Imams (AS) as well as numerous cases of aid to those in need and meeting their needs and assist people in doing good deeds be seen. (Hakimi, Al Hayat, Vole. 2, P. 217- 221)

Lack of attention to the affairs of others and not to help the believers of immoralities and considered a sign of weak faith and spiritual and worldly influences are considered. (Naraqī, Vole. 2, pp. 228-229), according to the famous hadith of the

Prophet (PBUH) who is not concerned about the affairs of Muslims is not a Muslim. (Koline, Kafi, vole. 2, pp. 163-164)

"Condition first company public is; all come. ... All must enter be." (Khamenei, 2015) point of view imam Khomeini about people this is that they about people role special and full care consider are that from it single cannot the interpretation to people you have done but can be said "the will nations, a will that consequently will God . A will that to god other possible. "(Imam Khomeini, 1982, vole. 11, p. 323), but legitimation government must from area god is and in this area people to government legitimation do not and to phrasal must said legitimation government on basis votes people were not and legitimation it divine is. But government legitimate at the same now with votes people research fellow is a "for affairs Muslim and formation government on has it to votes majority Muslims". (Imam Khomeini, 1982, vol. 20, p. 459) "Backing one governmental people is, if one nation bankroll governmental is not this government cannot right reduction, this cannot be established." (Imam Khomeini, 1982, vole. 11, p. 459)

"It's important this is that you standing to be an upright to order be and government and from yourselves apart know and do not sit down to this that all the works and must government do" (Imam Khomeini, 1982, vol. 15, p. 115) also they believing were that people until the scene ready this country damage will not see. (Imam Khomeini, 1982, vole. 16, p. 68)

People, by accepting the religion, the religion of Allah in the community and such people if they realized how little they Nasr Allah to lead them in a battle against the aliens, all mathematical equations and disrupts political and military:

"And when Saul went forth with the soldiers, he said, "Indeed, Allah will be testing you with a river. So whoever drinks from it is not of me, and whoever does not taste it is indeed of me, excepting one who takes [from it] in the hollow of his hand. "But they drank from it, except a [very] few of them. Then when he had crossed it along with those who believed with him, they said, "there is no power for us today against Goliath and his soldiers." but those who were certain that they would meet Allah said, "How many a small company has overcome a large company by permission of Allah. And Allah is with the patient." (Baqarah, 249)

"Some prophets with particular rose, although not all of the financial and material resources were enemies of them all, as believers, as far as possible, on the orders of God, served god tin health oppression and falsehood to destroy the

building, some of them for " so we took him and his soldiers and threw them into the sea. To see how the end of the wrongdoers was. "(Qisas, 40)" And we caused the earth to swallow him and his home. And there was for him no company to aid him other than Allah, nor was he of those who [could] defend themselves. "(Qisas, 81) and some «which Allah imposed upon them for seven nights and eight days in succession, so you would see the people therein fallen as if they were hollow trunks of palm trees. "(Al Haqqah, 7) and a host of other divine eliminated. The prophet (PBUH) and the muslims, minimum necessities of war material they had, but the war unequal, god help them, and now the Islamic revolution theocracy has established, if the people on the ground are not as serious presence not even if their leaders Imam Ali (AS), the Islamic regime falls. (Javadi amole, 1999)

Within nations decide the fate of governments

Divine blessing and grace and help of God, when the nation is that they want their own happiness. (Javadi Amole, 1999) "Sovereignty over the world and man belongs to God and He, The man has his own social destiny. This can be one of the right to deprive the man of God or serve the interests of certain individuals or groups, and the nation, rights of God-given in the manner specified in the following articles apply. "(Constitution law of Islami Republic of Iran, principle Fifty-Six) 'Fate each nation to hand himself is. "(Imam Khomeini, 1982, Vole. 6, P. 11) and" any Nation must fate himself and, Himself Certain A. "(Imam Khomeini, 1982, Vol. 5, P. 37)" Today fate Islam and fate Muslim at Iran and fate country we to hand people "(Shafiee Imam, vol. 12, p. 182)" country must with hand own people, with hand own people office reducers. "(Imam Khomeini, 1982, vole. 10, p. 337) "Today responsibility to responsibility people is "(Imam Khomeini, 1982, vol. 12, p. 181)

All must attention have are that with existence responsibility legal and official some from people at office country, one should not about office country without attention is and from way and ways legal people role and interference responsibly own and play and ratio to office affairs country without difference not and even at the face deviation people duty have log in find their (Imam Khomeini, 1989) "a state when damage sees that nation without difference is." (Imam Khomeini, 1982, vole. 13, p. 160)

Avoid the rule of a tyrant in the Qur'an

"Taghi" And "Toqyan" to meaning assault and passage from limit is; some that reason and or sharia moon it. Willing to simple substances the writes: "idolatrous" phrases from each transitive and each god other from God. At idiom religious the "idolatrous" to meaning outbreaks and assault from limit is. (Esfahani, Al Mofradat, p. 305)

At language Arabian to evil, priests and leaders straying and a missing way "idolatrous" shed by is. (Ibn Manzoor, Lesam Ol Arab, vole. 15, p. 9)

Convention al-Bahrain too material "Taghi" and to meaning assault the and at idiom, same meaning and mentioned the slow that at Lesam Ol Arab and simple substance swilling is. (Torayhy, vole. 3, p. 50) the term idolatrous eight bar at Quran mention by is. (Baqarah, 256) Quran, following from idolatrous at front side worship and following from god (Nahl, 36) and even blasphemy knead to it prior on the faith to god (Baqarah 256) and an invitation to deism with an invitation to avoid from idolatrous along been is.

At references anecdotal Shia, term idolatrous versatile from references from tradition is and speech from idolatrous and revived to meanings and subjects contemporary with issuance traditions close is and mostly on kings tyrant match data by is (Koline, Osule al-Kafi, vole. led 1, pp . 262, 261, 319, 477)

At narrative, follower's imams (AS) order have that watchful sedition tyrants and followers they are. (Koline, soul al-Kafi, vol. 8, p. 15) Sometimes from governors and judges and kings with the subject idolatrous name a slave by and any recourse to idolatrous and judgment ask her, even if to catch right own is, prohibited and unlawful is. (Ansari, al Qaza VA Al-Shahadat, vole. 1, pp. 61 -64)

Traditions many of chapters sanctity and abomination recourse to judge, governor and king ruthless seen a. (Hurr Ameli, Wassail Ol Sheah, vol. 27, P. 11 -16)

Necessary legitimacy government in Islam

Ibn Babawayh, at tradition from Imam Honest (AS) one of six property discussed Shias and innocence from tyrant's enumerated (Ibn Babawayh Qomi, Vole. 1, pp. 29-30) and even cause absence imam time (as) and existence tyrants Considered is. (Ibn Babawayh Qomi, Vole.1, p. 26)

Traditions other also transport by that about to signs appearance and era absence is and according to it, each the flag that ago from uprising imam time up

against be, owner it idolatrous is. (Fazel Hindi, Vole. 10, pp.7-8), but according to research, just faqih rule in the absence of a legitimate government is in Islam. (Aliahmadi Jeshfaghani, 1989) (Imam Khomeini, province faqih, p. 40; Montazeri, foundations juridical government Islamic vole, 1, p. 171)

A. The definition of legality

Legitimation that in philosophy politics proposed it is the possible concept the expression there. Legitimation to meaning submission voluntary and the reception knowingly people from decisions the power political governor and on right to be or truth is. (Kavakebian, "Republic, legitimation and acceptability" republican and the revolution Islamic (set articles), p. 477) but word legitimation at jurisprudence to present shed is that performance gives it, allowed is. This word in the area of political and juridical has fund unique is. This fund different are from:

1. Legitimacy political has more numerous and questioned are, that's mean each satisfaction to a government more, system legitimation more will there but at legitimation legal, system or legitimate is and or illegitimate, that's mean questioned vector not.

2. Legitimacy political two next one is that to behavior people at face commandments government dates, but legitimation juridical imperative normative and worth.

3. Legitimacy political has references (a traditional, legal and charismatic), but legitimation juridical single one source (text) is that to hand jurists and experts religion discovery;

4. In legitimation political business satisfaction people one principle basics, what at the level established and what at levels next one, but legitimation juridical prior to establishing government is. (Aqua Bakhshi, culture sciences political, p. 185)

"Legitimacy" this is that one right sovereignty and at hand catch the power and governance and have is and people duty will from it ruling obedience them. (Mesbah Yazdi, 2002, vol. 1, p. 22)

B. The definition of acceptance

Acceptability to meaning the reception, acceptable and selection kings from the side people to actions sovereignty and implementation of commands one system political is. (Kavakebian, "republic, legitimation and acceptability" republican and the

revolution Islamic (set articles) p. 496) the intended purpose of acceptance "acceptance people» is. If people to applying for man or group to the government, inclination sign day and demanding actions rule from the side it man or group is and at result according to demand and will people government formation, is said to be it the government has accepted; and at other this if no appeal is. To the other rulers and governments and can to two category general division the:

1 - Governments that people from on willingness to rule and acts of domination they are;

2 - Rulers and governments that people obey them from on coercion and reluctantly. In general, it can be two roles and function and to acceptance outlined: 1) participation at creating a rule and preparing to transfer power; 2) participation at in order to effectively building, maintaining observance and the reliability of government.

C. Functions acceptance of the Islamic State

One of the functions acceptance of the public, the establishment and continuation of government and efficiency, but should never imagine that the mutual relations and requires the establishment and maintenance of any rule means acceptance of the government because, even governments that despite the acceptance using mechanisms such as exercise coercive power, force, and pressure, have created and perpetuated. The continuation of such states is not because of the popularity. (Naderi Qomi, 1999, p. 53)

Check the validity of the religious majority vote

If people do not accept Islam, the Islamic Immah empty opinion of the infallible and all nations not to deviate. Relying on the majority of the people, especially the majority of the infidels, one from features and characteristics important the governments of the Salar and of democracy, is. But the Quran majority of numerical public vote and review and conjugation the majority of the "right" and knows not valid. But criteria and the criterion of other such as faith, virtue and correct action believe it is necessary.

From opinion Quran majority of people throughout history, has this features are: majority of the elusive (Mum noon, 70), at sin the beat is (Ma'idah, 63), the unfaithful are (Al Imran, 110), spendthrift are (Ma'idah, 34), property, forbidden to eat (Tube, 36), from suspicion and I follow no from science and knowledge (Yuns, 36),

shaker they (Baqarah, 249), ungrateful blessings they (Isra, 89), are heedless (Yuns, 92), to meet the lord and believe not (Rome, 8) the covenant and treaty own adhere not. (Annam, 102)

From opinion Quran, the reason mislead many from right and indeed, much to be incentives mundane than (senses appearance and backend) and low to be motive right and religion (god) is that at the reason and nature is; from thus, only a majority case confirmation is that at way right and indeed step forward and from attributes higher than are. at verses of the Quran only to such a majority of attention was is no conjugation the majority numerically, so what the majority case praise god the and to lady Mary recipe data was until the with the majority of bowing out: «o Mary, be devoutly obedient to your lord and prostrate and bow with those who bow [in prayer].» (Al-Imran, 43)

From thus, minority numerically case confirmation Quran is not but a minority from for properties that noted that and traits and that have been case note that: the faithful are, remember God and Thank God Him (Aaraf, 3 and 10), the devil do not (Nisa', 38), and the function of science and recognition are (Baqarah, 89)

This minority from opinion Quran same prophets (PBUH), the apostle of Allah, siddiqin, martyrs and the righteous are. Thus, the Quran credit minority and majority features:

1. Majority and minority value sideshow lord and the reason truth is not;
2. Compliance from the majority on base suspicion and guess to right to be misleading is.
3. So at of the way and right, need to argument necessary and it is.
4. It a place that the majority and select them on by argument and logic is not the majority and characteristic right and truth on the count, so what minority own to loneliness also cannot measure correctly is.
5. If by lack of and the multitude of things the unit is, a plurality at opinion custom and rationally value more there; and if in any two something bad and abominable is, a plurality of evil more there.
6. Ali (as) to the most pious and believing this to the attention of the that the performance more from own show off; from thus says: always with populations grew up; why that hand of God with congregation is and from sow fear, why that man maverick bait of Satan is; as that sheep maverick prey wolf is (Sobhi Saleh, Nahj al-Balaghah, sermon 1, p. 287)

The prerequisites for participation in public

The existence of important partnerships achieve practical it always with challenges faced is. Some of this challenges to due to the lack of context and bed appropriate to the participation of the people is, therefore, to fulfill participation requirements need to be. Some of these prerequisites are:

1. There is believing and according to the firm for officials at levels different to on the most important and the most basic procedures and safeguards in production, the participation of the people. Participation is primarily associated with administrative decentralization. Managers tend to focus and direct oversight, the contributions are appearing, but inwardly and practically are not able to create a collaboration platform.

2. Communicate a strong and sustained by participants.

3. Promoting the spirit of cooperation and participation of the people.

4. Depending lack of administrative bureaucracy, the system should be a place for public participation.

5. Providing public participation in planning and decision-making.

6. On this basis, we can say that emphasize the importance of participation does not necessarily mean there continued participation. Participation in the presence of suitable conditions is realized. (Monazzami Tabar, 2006)

Patterns of political participation theories of velayat faqih

If political participation in general, sharing of individuals at multiple levels in the political system to consider, according to the theory of velayat faqih, the type of relations between the individual and the state in discussions of political participation theoretically, the agents are. Indicators to political participation in this phrase is analyzed here are as follows: the right to choose, the right to dissent and the right to monitor and criticize.

A. The right to elect

Thought to be due to the installation and divine legitimacy, people may only accept the supreme leader and to submit; acceptance by the people and the legitimacy, legality, and legitimacy of God.

"Allegiance to the Islamic regime's legitimacy of ruler condition. If the people rule, he did not swear allegiance to the ruler did not accept that it will be forced to

stay home and legitimacy of the province and the government is the people's allegiance." (Khamenei, met with members of the Assembly of Experts, 1988)

With the will and choice, and according to the law are working on the establishment of a religious state and government chooses to govern your favorite. So forced and compulsory religious state in this view basically not possible. The leader of the situation from the perspective of law that the installation has been chosen, in all political, religious and provincial jurisdiction, but such actions and the establishment of the province on the basis of a majority interest Moslems.

"According to Islam, who is the ruler of a king, not a right or a position that the province and the administration of the Muslims of attention. The concept of despotism, autocracy or to your liking and to the detriment of the people to decide, to Islamic province in no way means that there due to poor values are."(Khamenei, met with military leaders, 1991)

Indeed, some scholars believe that this is because "if people are not on the scene and do not have a serious presence, even if their leader is in the presence of Imam Ali, the Islamic regime falls." (Khamenei, sermon Friday Prayers in Tehran, 1987)

B. The right to monitor and criticize the government performance

"No one is not monitored. Self-leadership is not monitored, let alone the devices associated with leadership, so everyone should be monitored. Monitoring those who govern."(Khamenei, meeting with students and professors Amir Kabir University, 2000)

"None of us is immune and innocent of corruption are not even righteous and pious in which the narrative is" sincere and are in big danger "when the faithful are at risk, what we know. Always have to take care of ourselves. (Imam Khomeini, meeting with representatives and staff of parliament, 1999)

"The important work of experts in the first place, the choice and secondly, to monitor the situation and present leaders who recognize that and see if the candidates left in him? Is his knowledge, his piety, his leadership, his wisdom, his purity, and truth left him, or the limit is fallen down? Should monitor."(Khamenei, 2006) (Shah Rochi, 2011)

C. Role Monitor public and forbidding the evil people in the Islamic state

In principle viii of the constitution, the right of public scrutiny and the right of enjoining good and forbidding wrong with the government has been established between people. Monitor all people can to the subject role fundamental them country and from many deviations safe there. Country when damage finds that people it without the difference are. People of all must we are at issues political and with growing awareness on the monitoring will. 'Nation must now all their regulatory affairs, they said opinion do at issues political, at issues social, at issues that action the state "(Imam Khomeini, 1982, vol. 13, p. 193)"the nation must supervisor is to Emory that at government passes. "(Imam Khomeini, 1982, vole. 15, p. 17)

D. The people's role in the fate of livelihoods and resilience in the face of sanctions

Cum livelihood at expression traditions by means of restraint at living material and movement at along with so that any person caught not be interpreted and commentary by is. At time imam Sadiq (AS) at medina dry year is and wheat and barley that from needs basic people is low is and majesty to instead of being at the queue to buy wheat go until the needs own and meet, they move quite contrary this order performance the day that needs is people we also it and frontispiece own the day. "Imam Sadiq against as to valid that Ghulam they were said that price and at city top gone is, to what amount food at for us there? I said that to the size of one the moon and more food there. The prophet said, that go out and it and retails and i said that at medina food is not.

The prophet said, that it and retails and time that it and sell, like people every day, wheat buy. Then the prophet said, that valid food family I half of wheat and half atmosphere the give, to integrity that God knows that I can be to it and what is, but the will that lord me while he that the size of supplies at livelihood and to as well performance data i. "(Koline, Kafi, Vole. 5, p. 166)

This hadith indicates it is that imam (AS) at case consumption to requirements time own attention did have and at conditions hard, respect the others and other people and do have. They to instead of being to follow increase up the own are all reserves and at terms barely sold are until the needs of high -reducers and like other people are. That's mean imam (AS) from up the owner in terms of famine conjugation opinion done have and to set market and companionship with people, all reserves of

own and to market focus done have until the both other remember to take and to adjusted market up there and to market focus they and to follow the warehouse out and ... not and with invasion to market cause increase demand and increase to price and not and both the prophet at this terms of day to day shopping the done have until the to others problems occur not and shortage at market creation is not.

If Muslims two duty own at about cum livelihood of resistance, at next to the patients at boycott to means disaster economic and to integrity performance day, this the revolutionary, understanding the great and correct grow at the people make will do and cause growth officials and sections society will be, as a believer no single owner and to conditions of peace and easily ready done is, but own and to conditions difficult and resistive also ready the a. (Qaza be far Zhad, 2014)

E. The role of social security

Although one of the most common ways to provide social security in Third World countries the use of force is but experience has proved to be very fast in spite of security of this type, stability, and durability, low and insignificant. Stability and security stability only through the institutionalization of a community and a sense of participation and public responsibility for social security is achieved. This principle attempts to point out the obstacles to public participation, any of participation and participation requirements to explain and interpret the social security concept to be addressed. The purpose of this section shows the result of the interaction of the fact that social security and social actors and public participation in social production is a result of that with the sense of responsibility and community involvement is closely linked. In this sense, social security is something that is created by the people and for the people (Monazzami Tabar, 2006)

Participation in social life and security of the most pressing needs of human society is. This is required when a human walks into the arena of life, there is. Today, the issue of the participation interest of many national organizations, regional and the national (governmental and nongovernmental) is. According to most scholars is that although security is the responsibility of the government. But according to recent centuries Security developments with the participation of citizens is the possibility of survival and sustainability.

Weber believes that one of the distant past, always looking for security, for the security condition for survival, but one day it was personal safety, but since

urbanization was expanded to serve the industry and nation-states there was security is a collective concept found. So, from where security is a primary need for social life and is an important component of citizens' rights, providing security for the citizens of the tasks and duties of the counts. Security not only of the main tasks of the government and its representatives in various regions of the country but in the context of the implementation of government policies in the country.

At the same time and in the current conditions, some believe that, given the complexity of the societies, the development of large cities and numerous other factors of security to the population of a community divided is that if the government wants to single-handedly create safe, to be sure, will fail was, because the nation must be volunteers. (Monazzami Tabar, 2006)

The role of the people in the constitution of the Islamic Republic of Iran

Plan the government of the Islamic on base province leader that at peak suppression and repressive regime of tyranny by Imam Khomeini presentation was motivated identified and integrated new and at the Muslim cause and solution original fighting school of Islam and opened that trying fighters Muslim and engaged and at inside and outside country compact construction.

At such linear movement continuation found until the discontent and the intensity of the anger of the people on effect pressure and repression is increasing at inside and reflection fight to by clergy and student activists at level worldwide, the foundations of the rule of the regime and to severely shaken out and to forced regime and masters have to reduce from pressure and strangulation and to idiom open the atmosphere of political country until the own valve safety to order to prevent from fall imminent own open. But people angry and informed and determined to leadership decisive and porous non-imam, rising victorious, and integrated own and to how widespread and global started out. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, 1989)

A. In determining the role of leader during absence

"On the basis of the Province of And Imam continued, legal basis underlying realization led by jurist qualified And That From the side People To As a leader known to for the until the Sponsor Lack Deviation organizations Different From duties Original Islamic Own Are. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, 1989)

"After the reference marks and supreme leader of the revolution, the Islamic world and the founder of the Islamic Republic of Iran Imam Ayatollah Khomeini" Quds pure Sharif "that the overwhelming majority people are known to the authority and leadership and were accepted, determined leader with the experts elected by the people.

Experts all qualified jurists in the fifth and one hundred and ninth of review and consultation that, whenever one of them knows the rules and jurisprudence or issues of social and political or public acceptance or meet certain prominence in one of the traits mentioned in Principle IX led him to choose to recognize and otherwise one of them as the leader of their choice and present. Elected leader of Experts, the Guardianship and all liability arising from the charge will be. The leader of the country is equal before the law with other people. "(Constitution of the Islamic Republic of Iran, Principle of seventh)

B. In determining the role of officials

"Head of the president for a period of four years with votes directly elected would be and selection second he has to be a row only for a period permitted is." (Constitution of the Islamic Republic of Iran, Principle of the hundred and fourteenth)

Branches of government in the Islamic Republic of Iran are as follows: executive, legislative, executive and judiciary under the supervision of the supreme command and leadership of the Ummah in accordance with the principles of the future the constitution. These forces are independent. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, Principle of the fifty-seventh)

Legislative acts of parliament by the people's elected representatives will be formed and its decisions after going through the steps in the following principles are to run the executive branch and the judicial notification of the result. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, repeals and the beat)

On many issues important economic, political, social and cultural possible legislative acts of the referendum and go directly to the vote of the people there. Asked referring to public opinion must be approved by two-thirds of the total members of the house of reach. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, Principle of the fifty-ninth)

Enjoining good and forbidding wrong public "in the Republic of Iran invite to goodness, is the famous and forbidding the evil task of the public and mutual on the

people with respect to each other, the government of the people and the people of the state. Conditions and about and quality of and constitution cannot."(Islamic Republic of Iran's constitution, principle of eighth)

Reciprocal rights of the people and the rule

Imam Ali (As) in this case such the says: "the lord to I to cause that it would and the governor you're right on you the data is and to you also on I same size right is that from ion you, indeed, the vast wet things that description it says and opportunity it tight is to action the and fairness now. Right to profit who streaming the will save him also current is and right from others on responsibility his fixed be. Right on hurt, someone current is not that to profit her also current is. "(Dashti, Nahj al-Balaghah, sermon 216)

At this expression all words from god right and duty is but no to this shape that god to come from people only the right conferred upon is and they and single at equal own responsible the data is and some other and from rights denied done is and they and at front side own and the owners of the rights of the and border charge the data island at result of justice and oppression of the ruling and convicted of no is. (Information base areas, 2001)

Ali (AS) also says: "by me it way that with oppressors talk the say, epithets filled with pomp me to do not use, it see agreements convenience that at against tyrants stated the have at as i said persons, with i to light compromise socialize not, I do not that if to the right word to I told the on my heavy comes, action to right and justice on his heavy wet is so from speak right or opinion justly refused to do not (Dashti, 2006, Nahj al-Balaghah, sermon216) ".

In this sermon referred to the tasks of the government. Al interpretation of Imam Ali (AS) is quoted as saying that: "Imam is among the people as the government does god command it sent down and trust that God has given him say that if this is the people it is necessary to listen to his command and obedience to assume they know and accept this invitation."(Tabatabai, 1981, vole. 4, p. 385)

A. Equality of rights of all people

"People of Iran from any people and tribes that are of rights equal and color, race, language and as these results points will be. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle XIX)" all people, including from woman and man the same at

protection law the and from all rights human, political, economic, social and cultural with compliance with Islamic criteria are. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twentieth)

B. Liberty and security of all people

The dignity, life, property, rights, housing and business people from shop safe unless at where the law prescribes it. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and second)

"Audit opinions ban is and no one and it is possible to spend the opinion of case offensive and accountable. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, the twenty and Third)

Supplies and press at expressed in principles are free unless they violate the principles of Islam or rights uncle is. Length of and the law determines the will. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and fourth)

Inspection and the failure to deliver a and record and disclose the conversations by phone, exposing contacts telegraph and telex, censorship, lack of communications and failure to deliver them, eavesdropping and any such investigation ban is only on the order of law. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and fifth)

Parties, population, and power by political and guild and Islamic associations or minority religious have known to be free, subject to the principles of independence, freedom, the unity of the national standards of Islamic and according to the president of the Islamic and not violate. No one and this can be from the company at prohibiting or the company at one of them had to build. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and sixth)

Formed communities and the march and without carrying weapons, a condition that is detrimental to the fundamental principles of Islam is not free is. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, the twenty and seventh)

No one and this can be caught out without a warrant and ensure that the law given to them. At if arrested, is charged must with the reasons immediately in writing to the accused communicated and understand the and the maximum within a period of twenty and four hours to file a preliminary to the authorities competent judicial post and preliminary trial as soon as possible to provide me. Offending from the principle

of the law, penalties can be. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of thirty and second)

C. The right to appropriate and sustainable employment

Each one has the right to work and that they are willing to and against Islam and the interests of public and the rights of others is not a choice. State duty is with meeting the needs of the business variety, for all people the possibility of employment to work and equal conditions and to obtain jobs created are. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and eighth)

Having from providing social from opinion retirement, unemployment, old age, disability, lack of supervision, at the decline, events and resumes, need the services of health and therapeutic and care medicine in the form of insurance and etc., a right for all. State responsible is in accordance with the rules from place revenues general and earnings results from involvement of people, services and support financial of the above and for a one people country providing them. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the twenty and ninth)

D. Islamic education and the right to free education

The government must end free education for all nations to provide secondary school and higher education to the extent of self-sufficiency for free expand. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of the thirtieth)

E. The criminal justice

Litigation right course every person is and each one can be in order to appeal to a court of competent accept them. All people have the right to such court and at available to be and no one and this can be from the court in accordance with the law the right to refer to it and is forbidden to be. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of Thirty-Fourth)

At all court and both sides claim to have for own lawyer choosing it and if the ability to choose a lawyer and there are must for those facilities to determine the lawyers provided be. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of Thirty-Fifth) warrants to punish and performance it must single from the court competent and under the law is. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of Thirty-sixth)

The principle of presumption of innocence is and no one from opinion the offender is not, but this is the offense heat court Saleh fixed be. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of Thirty-seventh) no one and this can be from a place of residence own exile was or from a stay in place case interest has banned or to stay at local to build, except in cases where the law provides for them there. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of Thirty-eighth)

Any kind of torture to get confessions and or business information is prohibited. Forcing a person to testify, confessor swear, authorized not and such testimony and confession, the sacrament has no value and reputation is. Offending from the principle of the law, the punishment will be. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of Thirty-eighth)

Violate the sanctity and dignity of the person that the decree law, arrested, detained, imprisoned or exile was, in any manner that is prohibited and under penalty is. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of Thirty-ninth)

In order to investigate the complaints, grievances, and protests of the people against government officials, units or regulations and the rights of the court called "the court" established by the head of the judiciary is. The powers and mode of operation of this court will determine the law. (Islamic Republic of Iran's constitution, the principle of one hundred and seventy-third)

F. The right to economic justice

At profit -taking from resources natural and use from revenues national level provinces and distribution activities in the economy among provinces and regions of the country should have discrimination at labor not to so that each area according to needs and potential growth, investment and facilities required at available to be. (Constitution of the Islamic Republic of Iran, principle of forty-eighth)

Have the right to adequate housing: housing fits with need, the right of every person and the family is Iranian. State duty is in compliance with priority for those that need is in the rural and workers in the context of the implementation of this principle and provide it. (Islamic Republic of Iran's constitution, principle of thirty-first), and the government has no right to be deported people for no reason and without legal warrant, or be forced to reside in a specific location or transfer to another place.

Conclusions

Tolerance is. Islam forbids idolatrous compliance and invited to obey Islamic power legitimately is. Quran people and to performing installment under province and leadership Khalifa human and divine infallible (AS) and at time absence under help the supreme command the make and people to contribute to the realization of justice invited to come. Invite to implement the religion of God's call to justice in the world is the goal of an Islamic state. In Islamic culture, community, unity, sympathy, affection, kindness, cooperation and brotherhood bold and division, separation and isolation is prohibited. People have to pay the participation and cooperation.

At culture, Islam regards special to people and duties and rights of by is. Rule of no demand and will the researcher not be. The duties and rights in the Islamic system and the enormous role. Highlighting the most role people and can in the formation of the government of knowing. By emphasizing your imams (AS), Imam Khomeini (RA) and Khamenei, preserving the Islamic and protection and support from it are one of the leading most role people in the Islamic state is. At total the beds' role creation people and to the face under the definition was:

Help to the administration of the country and determine the political, social, military and economic destiny of the country, designated head of the president, members of parliament, representative's council city and the village. Office of the village, ward, town, city or state oversight council to name the village, ward, town, city or province face is that members of the and the same place of choice to live. On many issues important economic, political, social and cultural possible legislative acts of the referendum and go directly to the vote of the people there.

Legislative acts of parliament by the people's elected representatives will be formed.

Role making people at the rule of Islam, to create and strengthen the popularity of e faqih at vole. The absence of the imam of the infallible (AS); contribute to the realization of justice at the Islamic, monitoring, and criticism compassionate managers and the rule of the jurisprudent, to the famous and injunction from denied officials at the Islamic, support from government and help to rule.

Role making people at preserve the rule of Islam and fight the enemies of Islam, jihad against the enemy's resistance to vandalism and presence on the political scene of psychological security for government, wait at the tragedy of the economic (sanctions enemy), assisting the government in consumption and devise

livelihoods, participation at production, modification pattern consumption; securing people in political, social and cultural rights.

Invite to goodness, is the famous and forbidding the evil task of the public and mutual on the people with respect to each other, the government of the people and the people of the state.

Some people's rights in the Islamic republic and the Islamic republic's constitution has referred to. But people's rights in Islam over the matter which is always recognized by law. Some people have rights enshrined in law are as follows:

1. The rights of equality in all rights, humanitarian, political, economic, social and cultural with compliance with Islamic criteria are:

2. People equal rights for all human rights, political, economic, social and cultural rights, in conformity with Islamic criteria.

3. The dignity, life, property, rights, residence, and occupation of the individual is inviolable.

4. Inquisition is prohibited and Publications and the press have freedom of expression.

5. Inspection and failure to deliver letters, recording, and disclosure of telephone conversations, the disclosure of telegraphic and telex communications, censorship, willful failure to transmit them, eavesdropping and any surveillance is prohibited.

6. Parties, societies, political or professional associations and societies, whether Islamic or recognized minority religious groups are free.

7. Public gatherings and marches, no weapons, provided they do not violate the principles of Islam is free.

8. Everyone wants a job that does not infringe contrary to Islam and the public interests and the rights of others.

9. Benefit from social security with respect to retirement, unemployment, old age, disability, orphanage, homelessness, accidents, the need for health services and care for medical insurance, etc., a universal right.

10. A housing according to need, is the right of every Iranian individual and family.

11. No one may be arrested and justice is the right of every person and everyone can refer to appeal to the competent courts. All citizens have the right to have access to such courts.

12. Any torture to extract a confession or acquiring information are forbidden. Belittled and who are arrested, detained, imprisoned or exiled, in any form is forbidden and liable to punishment.

13. Right complaints, grievances, and protests against government officials, units or regulations and the rights of the "court" under there is head of the judiciary.

14. Determined leader with the experts elected by the people and the president is elected by direct popular vote. Important things are done for the people in a referendum.

15. People have a legal security, intellectual freedom and the public's rights violations can be avoided.

16. According to Islamic teachings, people have the right supervision, guidance and enjoining good and forbidding wrong with the power and the Islamic State.

References:

1. Ab Doll Baqir, M. (1984) Al Mu'jam, Istanbul.
2. Aliahmadi Jeshfaghani, H. (1989), comparison of the conditions, rights, and duties of leadership and authority, Tehran, Barahmand.
3. Ali bin Hussein (AS) 2001, Al Sahyfah Al sjjadyh, printing Mohammad Javad Hosseini Jalali, Qom.
4. Ashtiani, MH. (1983), Ktab Ol E-Al Qaza', Qom.
5. Amide, M. (1987) Ghurar Al Hekam VA Dorr Ol Kalam, Qom, Al Alam Ol Islami.
6. Ibn Babawayh Qomi, M. (1994), Kamal Uddin VA Tam am Al name, Ghaffari, Qom.
7. Ibn Man Zoor, M. (1983), Lis an al-Arab, Beirut, Dar Sadder.
8. Ibn Babawayh Qomi, M. (1994), Sefat Ol Shieh, Tehran.
9. Esfahani, R, (1983), Al Mofradat Raqeb, Desktop Publishing.
10. Imam Khomeini, RO. (1999), velayat faqih, Tehran: Institute set and publishing works of Imam Khomeini.
11. Imam Khomeini (1982). Sahyfah Noor, the Ministry of Culture and Islamic Guidance - Printing & Publishing Organization.
12. Information Base Areas (2001), the role of the government in the eyes of Nahj al Balaghah, Journal Pasdar e Islam, No. 234.
13. Dashti, M., (2006), Nahj al-Balaghah, Qom, Partisan Publications, First Edition.

14. Javadi Amole, A., (1999), Province Velayat faqih and justice, Qom, published by the prisoners.
15. Qa Zan Far Ne Zhad, M. (2014). The people's role in the economy of resistance. Treasures of Education.
16. Fazel Hendy, H., Kashf Ol Lesam, Qavaed Al Ahkam, Qom.
17. Hurr Ameli, (1993), Wassail Ol Shieh, second edition, Qom, publishing Jama Modarresin.
18. Koline, Y. (2014), Al Kafi, Qom, Ah Yā Al Turas,
19. Torey HI, F. (1987), Maj Ma Ol Bahrain, Al Saqafah Islamiyah.
20. Kavakebian, M. (1998), republicanism, legitimacy and acceptance, republicanism and Islami revolution, Tehran: Ministry culture and guidance of the Islamic.
21. Aqa Bakhshi, A. (1995) Dictionary of Political, Tehran: Center for information and documents scientific Iran.
22. Montazeri, HA. (1988), Foundations of jurisprudence Islamic government, Exposition by Salivate, M., Tehran: Kayhan.
23. Jamali, N. 1999, Factors fall of governments in the Quran and Nahj, Nahavandi, Qom.
24. Hakimi, MR, Hakimi, M, Hakimi, A, (2015) Al Hayat, Qom, Dalila Ma.
25. Farabi, M. the votes of the people of Al-Medina Al Fazelah, Qom, Ahlul Al Bayt (AS).
26. Bokhari, M., Saheeh Al Bokhari, Stumble, Afandi.
27. Constitution law of the Islami Republic of Iran approved 1979.
28. Majlesi, MB. (1983), Behar Ol Anwar, Beirut, Institute enforceable.
29. Mesbah Yazdi, MT (2002). Questions and Answers, Qom, Education and Research Institute of Imam Khomeini.
30. Movvati, S. and Zayne Vand, M, (2014). Analysis of the role of people in the realization of social justice in the Holy Quran. Cultural Engineering, (8) 79, 10 - 25 .
31. Monazzami Tabar, J. (2006). Strengthening the role of public participation in social security. Knowledge of law, (8) 28, 7 - 33.
32. Naderi Qomi, MH. (1999), looking at the vela at faqih, Qom, Publishing Imam Khomeini Education and Research Institute (RA)
33. Naraqi, M., Jama Al Saadat, Beirut, Al Aalami Institute.
34. Naraqi, M., Jama Ol Sadat, Beirut, Al Aalami.

35. Shah Roche, SH. (2011). The people role in the Islamic government from the eyes of the supreme leader and martyr Sadr. *Journal Pasdar e Islam* (0) 121-39.
36. Sobhi Saleh (2008) *Nahj al-Balaghah*, Qom, Offset.
37. Tabatabai, MH. (1981) *Al-Mizan fi Tafsir al-Qur'an*, Beirut: Al Aalami Institute.

Monetary System of Georgia in XI-XII Centuries¹ and Its Effect on Economic Activity

George Abuselidze,

Doctor of Economics, Professor,

Head, Department of Finance, Banking and Insurance,

Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

Abstract: This work covers peculiarities of formation of Georgian monetary system in XI-XII centuries and their effect on the international financial and economic relations. In this work we have researched the matters of formation of monetary policy of feudal age and their effect on development of foreign trade, methods of money formation important for the present world, which correct choice may provide increase of production volume and economic activity. Currency policy, geopolitical and geostrategic localization proved the country to turn into one of the economically strong economic states with high standard of life, developed system of socioeconomic relations approached to the international standards and democratic institutions.

Keywords: history of economy; economic development; monetary policy; monetary system; economic activity.

Jel Classification: E42, E52, N13, N15, O1

1. INTRODUCTION

As is known, Georgian feudal state in Tamara epoch achieved the highest level of its political, socioeconomic and cultural development. Multiethnic Georgia stretching for the wide territory of 505 000 sq.km was one of the few strongest civilized countries of that period determining progress of mankind.

Of course it would be naively to tell of capitalism in Tamara epoch Georgia, but it is obvious, that the country was developing just in this direction and the appropriate trends in the life of the country were evident.

---

¹ This is the epoch of Queen Tamar, Shota Rustaveli, Tbel Abuserisdze

Politically integrated and economically strengthened foreign policy of the Georgian feudal state of Tamara's epoch aimed protection of the economic interest of the country. General direction of its Caucasian and Middle East policy was conditioned by the economic factors as well, as necessity of entering and capture of the main trade routs. The throne took control over the East and West Transcaucasian trade routs, namely, Dvin-Erzurum and Damuban-Shamakhi trade routs which played the important role in general economic development of Georgia. These routes were the main arteries connecting Georgia with the neighboring and other countries.

So, overland, river and sea routs have formed foreign trade routes since ancient times. Georgia was not only transit basin for western and eastern goods, but participated in the foreign trade both inside and outside its territory maintaining brisk trade with the other courtiers. Both domestic and foreign trades were developed, that is proved with finding of the foreign coins of that period.

Resulted archeological excavations, apart of the Georgian coins, the Tamara's epoch Arabian-Armenian, Byzantine, Orthikidian, Halibi Atabags', Anatolian Seljuk Sultanate silver dirhams and Trebizond aspres were found.

It is also important that Georgian coins were spread beyond the territory of Tamara's Georgia. They have been found southward, in the former kingdom of Armenia and northward, up to Kuban lowland, eastward - in Sharvan with which Georgia had the tight economic and political relations (Abuselidze 2004, p. 31).

The large-scale merchants in the Tamara's kingdom took active part in the political and economic life of the country. Just from their circle were elected city envoys who were aware of the routs directions, owned transportation means and funds. Apart of trading, the large-scale merchants were good in diplomacy.

That epoch Georgia maintained the brisk trading with the Arabia, Iran and Greece. From the East they imported expensive cloths: strings, gold cloths, fragrances, aromas, sweets, rock crystal etc. From Greece and Byzantium they imported icons, pictures, dishes, parchment books, writing tools etc. In the Tamara epoch wool was imported from such far-located places as Alexandria.

According to this information, it becomes clear that sale of handicrafts and generally, agricultural products was maintained both in the domestic and foreign markets. Sale of handicrafts, generally, agricultural products and their monetary or natural incomes played the significant role in the trading relations of the population and increase of families' budgets. Foreign marketing and seasonal domestic markets

promoted establishing of cultural and economic relations between concrete regions and their further development and stabilization.

It shall be noted, that Georgian money circulated in the market. In the reign of Queen Tamar (1184-1214) copper coins were produced. On one side they bore writing "Tamar", on the other – "Queen of Queens, Glory of the World and Faith, Tamar, daughter of George, Champion of the Messiah."

First of all, it shall be noted, that this period Georgia had a money control system. The feudal government produced money, determined metal, money unit, standard of price, weight of pure metal and alloy for the moment, order of money production and collection.

Existence of money control system is unshakeably proved with founding of the foreign coins in this epoch excavations.

No legislative act related to money circulation control has come down to us. This complicates solving of the matter of money system of Queen Tamar epoch. We may discuss of money circulation system only based on coins and literary monuments of that epoch. Besides, we shall remember that "factual system of money circulation does not often coincide with the formal system proclaimed by government" (Koiava 1938, p. 89).

2. LITERATURE REVIEW

The well-known Georgian Historian Ivane Javakhishvili wrote: "In ancient Georgia foreign golden money had circulated, until in III-IV centuries Sasanian kings started to produce silver coins in Persia. After that Georgia began to use silver money, it even produced silver coins of the same appearance as Persian ones. From V century to the period of reign of David the Builder silver money was spread in Georgia. In the period of sway of Arabians Arabian silver dirhams, i.e. drams were spread. David the Builder started to produce copper coins and after that, during XII and earlier XIII century, in the periods of reign of George III, Tamar the Great and Lasha-George silver coins were not produced. Change of money unit was undoubtedly caused with some deep economic reasons. It shall be noted that in the other Eastern countries in the same period silver money was gradually replaced with the copper coins. That is why, disappearing of silver money shall be considered general phenomena for the whole Middle East and must be caused with the same

reason in all those countries. Unfortunately, this matter has not been thoroughly researched (Javakhishvili 1925, p.48-49).

Opinion by the other researcher, E. Pakhomov is also remarkable. He wrote in his book, that “before XII century we dealt only with silver coins and no cooper ones made by Georgians or Muslims before XII century have been found. But from earlier XI century this condition sharply changed and during one hundred years we find only cooper coins. Before XII century cooper money might be produced, but probably much less... We cannot tell the same about silver money in XII century: we cannot even hope, that we find silver coins, as in that period silver money was not produced not only in Georgia, but in many other countries of the Western Asia” (Pakhomov, 1910). Then he writes: “In the first years of XI century, when Seljuks attacked Persia and neighboring regions, exportation of Muslimanic dirhams northward sharply ceased, resulted this, amount of silver money circulating in the Muslimanic East did not increase. In opposite, we observe that in the second half of XI century silver coins are gradually rejected: coins become smaller and of low standard and in earlier XII century even low standard silver coins are found very rarely. At the same time, in the first half of XII century very original types of cooper coins appear... on these new types of coins the Arabic word “fels” , which before that period meant copper money missed and instead appears “dirham”, which earlier was used only for silver. Naturally, the new cooper “dirham” was a credit coin which circulated at much higher price, than real cost of its metal and which might replace the missed silver coins (Pakhomov 1910, p.79-80).

In respect of Georgia Pakhomov writes: “Georgia did not escape silver crisis and we can see such sequence: Sasanian-Georgian drachm weighted approximately 3 grams. Imedian, Abasilian and Jafasidian dirhams with rare exceptions did not exceed 2.75-3.50 grams, David Kuropalates’s coins weighted 1.78 g. His successors, Bagrat IV and George II brought it down to almost 1 g, but silver coins produced in the reign of David II did not achieve even such weight (0.82-0.87g). In the earlier XII century, similarly to neighboring countries, Georgia stopped to produce silver coins and began to produce cooper ones.” (Pakhomov 1910, p.79-80).

Such conditions lasted during the whole XII century. Only in 1230, in the reign of Queen Rusudan production of silver coins was recommenced.

Georgian coins of XI century and the first quarter of XII century are very rare. Especially remarkable is one coin kept in the British Museum, which was published

by the English scientist D. Lang in the hard-to-reach organs (Lang, D., 1957). As this coin inscription require some explanations, it shall be published repeatedly.

This coin is made of silver, its weight is 10.73g, diameter – 35mm. According to Acad. N. Berdzenishvili, it bears the following inscription: “Christ! David, King of the Abkhazians, Kartvelians, Arranians, Kakhetians and Armenians”, what shall be considered due, as the royal pot (kept in the State Museum of Georgian Art) bears almost the same writing, namely: “Holy Cross! Magnify Unconquerable David, King of the Abkhazians, Kartvelians, Arranians, Kakhetians and Armenians” ... (Abuselidze 2004, p.40)

As we think, we will not make a mistake connecting the time of production of this coin with liberation of Ani city from sway of Seljuks. After the king liberated Ani, the capital of Armenians in 1123 and joined it to Georgia, he assumed the title of king of Armenians. As David died in 1125, it becomes clear that this remarkable coin was produced during the last two years of the reign of David.

Upon beginning of XII century, type, appearance and shape of coins sharply changed; they lost their regular shape – roundness; from that time they began to produce money in kind of cooper plates of casual form and shape. That is why, in often cases, due to small size of this plate, siki (side inscription) cannot fit into it. First, Qina was intriduced in the other neiboughring eastern countries and this order became firmly established in Georgia as well. David the Builder’s cooper coins have been found and it may be declared that this order was introduced in the reign of Demetre the First. From the period of reign of Demetre the First to the money reform implemented in the reign of Queen Rusudan, i.e. for more than one century such “irregular shape” coins were permanently being produced in Georgia.

Images and inscriptions of that period Georgian coins were changing: first, there were mainly Arabic inscriptions and the Georgian ones occupied inconsiderable place, later images were replacing with the ornaments etc.

3. SURVEY

From these cites it is clear that in XI century deficient coins were produced, but their nominal value was much higher than the real value. Besides, such difference between nominal and real values was growing more and more. In XII century they began to produce copper coins. Were such cooper coins of full value or not? Was transfer to production of cooper coins caused with the intention of issuing

of full value coins, even cooper ones? No! In this respect Iv. Javakhishvili wrote: "It is interesting that the governors of that period fixed for such cooper coins the price of silver money of previous period. Cooper coins bore inscription: "This is dirham". As usually, dirham or dram were made of silver and they became synonyms of silver money, such inscription meant that a cooper coin shall have silver dram price. Georgian government did the same... As the Georgian government named cooper money "silver", it wanted to point that cooper money producing by it had the price of silver money, or dram. So, such way the government fixed the obligatory price for cooper money." (Javakhishvili 1925, p. 99).

Cooper coins had enforced rate (Kapanadze, 1947). These coins functioned as credit money. As K. Marx explains, "Money based upon credit implies on the other hand conditions, which, from our standpoint of the simple circulation of commodities, are as yet totally unknown to us. But we may affirm this much, that just as true paper money takes its rise in the function of money as the circulating medium, so money based upon credit takes root spontaneously in the function of money as the means of payment" (Marx 1887, p. 83).

So, we can confirm that cooper money produced in XII century instead of silver money had not full value, its nominal exceeded its real.

So, in the golden age of Georgia copper money circulated. Then how can we explain that in XI-XIII centuries Georgia stopped production of silver money and cooper coins took the place of silver ones, but at silver's obligatory rate?

"It is clear that the strong and progressing economic potential of Georgia required substantial change of existing money. Money was needed to operate not only in Georgia, but abroad as well. Just that is why, in XI-XIII centuries monetary type significantly changed. Surface finish and content of inscriptions changed" (Metreveli, 1990).

So, as we can see, in the first quarter of XII century the royal court implemented the significant financial arrangements, namely: changed coin type, exchange rate was fixed simultaneously with change of coin type.

Some historians explain replacing of silver coins with cooper ones with exhaustion of Asia Minor silver mines.

Proceeding from this, the question arises: could exhaustion of Asia Minor silver mines cause disappearing of silver money in Georgia and the whole Western Asia or not? No, it could not. Why? Because silver was mined not in Asia only, but in

Europe. Exhaustion of silver mines would be compensated with intensification of its mining in Europe and it was just done so. "In XI-XII centuries in Europe the new mines opened for exploitation, namely in Maasmunster, Schwarzwald, Mansfeld. In XII century Freiburg mines started to work as well" (Lexis, W., VII).

Intensification of silver mining in Europe was, of course important for Western Asia and Georgia, as these latter maintained brisk trade with the European countries. Resulted such trade, silver would started to overflow from Europe to Asia.

At the same time, "existence of silver money circulation in a country does not require existence of silver mines therein or even in the vicinity thereof. Whole history of money circulation clearly proves this principle. Many great countries maintained silver money circulation, but they did not have silver mines at all or have such mines, which produced less silver than it was required for money circulation" (Koiava 1938, p. 95).

Queen Tamar did not produce silver money due to certain political reasons. Due to crusading wars, the neighboring Muslim countries did not produce silver money for fear of exportation of silver stocks to the foreign countries. Georgia did not produce silver money due to the same reason, although, it had great stock of silver and precious metals, what is proved with plenty of silver icons, church dishes and precious jewelry of Tamar's period.

At the close of XII century and at the beginning of XIII century Georgia was very rich: there were plenty of jewels and pearls; royal treasury was full of gold. The Georgian Chronicle (Kartlis Tskhovreba) tells that, no silverware was used in the royal palace, but only gold and crystal ones (Kartlis Tskhovreba, II, 1959).

So, there was no deficit of silver. Absence of silver money in XIII century cannot be explained with silver deficit.

The reason may be quite different. Namely, in XI-XIII centuries paper money was not known neither in Europe, nor in Asia. It appeared in Europe only in XVIII century, in Asia - even later. That is why, in this epoch the wars were not financed with paper money. It was not produced for covering of treasury deficit, increasing of state incomes, gaining of emission taxes, but this period the way for increase of royal incomes was already found. It was the easy way for financing of the endless mediaeval wars, covering of deficit, for filling of incomes which were very insufficient for covering of treasury costs; such way included falsification of coins. It was known in the antique world and restored in the mediaeval centuries. The coins which real

value was less than nominal circulated. The difference made the state income, because such money was the legal mean of settlement of unlimited quantity. It has forced exchange rate, due to which state gained significant incomes. "Falsification of coins, if they have not forced exchange rate is pointless. Deficient money is a symbol of money, i. e. token money (Koiava 1938, p. 100).

The information of historians and numismatists cited by us proves that in Western Asia and, namely, in Georgia just token money circulated.

"In XI-XII centuries in Georgia, as well as in the European and Western Asia countries we deal with coins falsification, mainly as a financial arrangement aiming enrichment of feudal lords" (Koiava 1938, p.100) As for Marx, in respect of value he writes as follows: "... Name and substance, nominal weight and real weight, begin their process of separation. Coins of the same denomination become different in value, because they are different in weight. The weight of gold fixed upon as the standard of prices, deviates from the weight that serves as the circulating medium, and the latter thereby ceases any longer to be a real equivalent of the commodities whose prices it realises. The history of coinage during the middle ages and down into the 18th century, records the ever renewed confusion arising from this cause" (Marx 1887, p. 82).

Georgian wars in XI-XII centuries, consolidation of Georgia in XII century required great means and such means were found by the way of falsification of coins.

In the period of circulation of full value silver coins the contaminated silver money was produced. Such contaminated silver coins had compulsory exchange rate; compulsory rate did not guarantee constancy of commodity prices.

Marx writes: "The natural tendency of circulation to convert coins into a mere semblance of what they profess to be, into a symbol of the weight of metal they are officially supposed to contain, is recognised by modern legislation, which fixes the loss of weight sufficient to demonetise a gold coin, or to make it no longer legal tender. The fact that the currency of coins itself effects a separation between their nominal and their real weight, creating a distinction between them as mere pieces of metal on the one hand, and as coins with a definite function on the other – this fact implies the latent possibility of replacing metallic coins by tokens of some other material, by symbols serving the same purposes as coins" (Marx 1887, p. 82-83).

Involuntarily a question arises, if in XI century we deal not with falsification of coin, but change of prices scale or decrease of such scale or monetary unit without

any gap between nominal and real values? As Prof. N. Koiava thinks, we shall rule out such a version, as a constant change of scale from king to king and in the whole Western Asia during over one hundred years would be impossible. No, the situation of the named period in whole proves that we deal with falsification of coin by the above way (Koiava, 1938).

David the Builder introduced the new method of falsification of coins. He mobilized copper money which declared as silver money. Simultaneously with starting production of copper coins the last contaminated silver coins vanished from circulation. Copper money circulation caused all the related inconveniences: large volume of small value, low portability of money, rejection of copper money from international circulation, drop of money value and, thus, of its purchase power etc.

Prolong falsification of coins should have the following results: taxation was unsuccessful, price raised, this caused long worsening of economic state of workers; it worsened state of the persons who had fixed earnings, made the additional profits for creditors, circulation flooded with contaminated, deficient money; falsification of money caused messing of trade relations, complicated international trade. State could not constantly deceive and rob its population such way. Georgia was the important trading country, taking active part in the international trade. But trading interests required return of coins of full value which would be used in the international circulation. Return of the coins of full value, i.e. silver ones became required. Just in 1230 we can see return to the silver coins of full value in Georgia (Koiava, 1938,).

So, we can tell that falsification of coins was caused not with deficit of silver, but on the contrary, falsification of coins caused removal of silver from circulation. Falsification of coins financed the arrangement aiming consolidation of Georgia, powerful wars of Georgia. That is why, circulation of copper coins coincides with full blooming of feudal Georgia.

According to the sources, in the Rustaveli epoch copper money circulated with representation value of silver money. In the Rustaveli's poem "drachm" is mentioned (quatrains 585, 918, 1078, 1097). Our poet represents his present-day reality and it is clear that in his poem "silver money" means copper one. There are no place therein which directly proves existence of silver money, except 157-163th quatrain, where the author writes:

"...Give to the poor my treasure--gold, silver and copper." (Rustaveli 1912, v. II, p.27).

We should think that precious metals were mainly imported to Georgia from the other countries. Just in “The Knight in the Panther’s Skin” we can see the indication thereof:

“...They set up a couch of gold, of red of the Occident...” (Rustaveli 1912, v. XXXV, quatrain 1166, p.189)

“Occident” means “western” (Koiava 1938, p. 103). So, gold was imported from the west or not only from the west. Precious metals were imported to Georgia before Rustavelian epoch and even during the same. Gold and silver were transported from the places of their production to various countries including Georgia.

Precious metals were imported to Georgia and transited through it resulted international trade, as the riches were exported in form of precious metals.

So, we may think that in the named period the considerable part of silver was exported from Georgia, what is quite possible to be the reason of introduction of cooper money.

In the first fourth of XII century money reform played the important role in the economic strengthening of Georgia.

It is the accepted truth that money plays the important role in a country’s economy. Money expresses spirit of the epoch and life of society.

Coins of Queen Tamar epoch really correspond to political and economic state of this period. Besides, such type of coins was achieved that due to the economic strength of the country (money had real value) and shape of coins (Arabic and Persian inscriptions) they were freely convertible in the whole Middle East. The country was rich and money exchange rate – stable. It provided stable and intensive circulation of money. Active financial policy provided successful development of economy and all above mentioned rose Georgia to the high level of cultural life.

In short, in XII century Georgia was in the brilliant economic state. Its population fully protected from foreign enemies greatly upsurged, state treasury had large revenues, trade and industry expanded and grew, people became rich, a good deal of money circulated in Georgia.

In this period the kingdom income consisted from state taxes, military duty and tributes of conquered countries.

External duties and internal taxes formed total revenue of the kingdom.

Numerous fiscal staff was employed for the purpose of tax collection and belonged to the officers entitled to enter king's hall and finely reported to the concrete departments viziers.

The concrete names of the fiscal officers are described in part 2 of "Favnela Sigeli", which proves that the list of fiscal officers entitled to enter king's hall included cashier, equerry etc.

All villages or larger administrative units had their tax-collectors reported to each other in the same hierarchy as the respective administrative units.

General names of the fiscal officer originated from the respective kinds of taxes they collected (Megrelishvili 1963, p. 131-132).

The main state tax included tributes and they were collected by the tribute-collectors. Such position is referred in several documents of XIII century, namely in "Istorian and Azman". Queen Tamar exempted church from tributes and taxes" (Zordania 1986, p. 63). This tribute reflected natural tax, i.e. tax of land.

Save the land tax, there were activity taxes, namely urban population tax. These people - traders and craftsmen - were considered villeins of state and were obliged to pay a part of their earnings in favour of state. That is why, the state gained large revenues from towns.

But tax revenues were not always equal. The king exempted from taxes some monastery lands or concrete feudal lords, so tax-originated revenue paid to state treasury reduced. Besides, something Georgian kings exempted the conquered states from tribute (Kartlis Tskhovreba, 1959).

In XII-XIII centuries Georgia received enough large annual tributes from many conquered countries, approximately:

from Gurgan – 4.000.000 dirham;

from Kazvan (Zanjan) – 1.628.000 dirham;

Azerbaijan (Masaga, Ardavel) – 4.500.000 dirham;

from Gilan – 5.000.000dirham;

from Armenia (Karnu town, Erzurum, Gelakun) – 9.100.000dirham;

from Iraq – 13.000.000dirham;

from Khiorasan – 38.000.000 dirham.

Totally 75.228.000dirham (Javakhishvili 1930, p.51-52).

The tributes also provided the great revenue. Although its size depended on the wars and riches of the conquered countries, such way our country gained large

amount of valuables, goods and wood. The fifth part of tributes belonged to the king, the rest part was divided between the warriors.

The largest amount was spent for maintenance of the army and wars, as power of feudal monarchy based thereon. Besides, wars provided rich booty a part of which was taken by the kings, but the rest part was divided between the warriors. That is why, just the warriors were interested in wars being always ready to attack far countries.

But integrity and strengthening of the Georgian feudal monarchy was possible not by the booties in wars and attacks, but development of monetary economy what economically and social-politically united all parts of the state.

CONCLUSION

So, as we see, the Georgian monarchy in the reign of the XI-XII centuries implemented the significant financial arrangements, namely: change of type of coins; contemporarily with change of coins the rate became stable.

It is general truth that money plays important role in economy of country. Money reflects sole of epoch and social life.

Coins of XI-XII centuries reign really reflected political and economic state of the epoch. Besides, the coins were of such type, that due to economic strength of Georgia (money had real value) and coins appearance (Arabic and Persian inscriptions) they were freely converted all over the Middle East. The state was rich, its money rate - stable. This provided stable and intensive circulation of money. Active financial policy preconditioned successful development of economy and all above rose Georgia to the high level of political and economic life.

References:

1. Abuselidze, G. (2004). South-western georgia of tbel abuseridze epoch (economical situation). *Georgia: Publishing House of Science.–2004.*
2. Berdzenishvili, M. (1963). Peasants' Taxes in Georgia of XI-XII centuries, Proceedings of the Iv. Javakhishvili Institute of History under Academy of Science of Georgia, v. VII.
3. Javakhishvili, Iv. (1925). Georgian Numismatics and Metrology, Tbilisi.
4. Javakhishvili, Iv. (1930). Economic History of Georgia, Tbilisi.
5. Lang, D. (1957). Notes on Caucasian Numismatics. Numismatic Chronicle, XVII

6. Lexis W., Silber und Silbergeld. H.d.W. d. st. Bd. VII (Lexis, W., silver, and silver money. H. d. W. d. st. Bd. VII).
7. Kapanadze, D. (1947). For study the issue of unknown Georgian Coins and Mints. The works of The Georgian State Museum, XIV-B.
8. Kartlis Tskhovreba, (1959). Volume II, Tbilisi.
9. Koiava, N. (1933). Money circulation if Georgian of Rustaveli epoch, Tbilisi.
10. Marx, K. (1887). Capital, A Critique of Political Economy, Volume I, Book One: The Process of Production of Capital <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-I.pdf>.
11. Metreveli, M. (1990). David the Builder, Tbilisi.
12. Pakhomov, E.A. (1910). Georgian Coins, v 1, Pre-Mongolian Period. Saint-Petersburg, p. 79.
13. Rustaveli, S. (1912). The Man in the Panther's Skin (also known as 'the Knight in the Panther Skin') by Shot'ha Rust'haveli, translated by Marjory Scott Wardrop <http://www.sacred-texts.com/asia/mps/>.
14. Zhordania, T. (1896). Historical documents of Shiomghvime Monastery and "Monument of Gahkhan caves, Tbilisi, Gory Bishop and Georgian Vicar Alexander.

***Foundation of Katerynoslav High Mining School
as Manifestation of the Cultural-Educational Policy
of Tsarism in the Dnieper Ukraine
(The Late 19th and Early 20th Centuries)***

Peretokin Andriy Gennadiyovych,

Oles Honchar Dnipro National University,

Doctoral Student of the Department of History of Ukraine,

Prydniprovska State Academy of Civil Engineering and Architecture,

Associate Professor of the Department of the Ukrainian Studies

Abstract: The paper is devoted to the foundation of Katerynoslav High Mining School (KHMS) and the role of the outstanding scientists, whose activities were connected with it in the late 19th and early 20th centuries. A. V. Minenkov, V. V. Kurylov, O. M. Terpygorev, M. O. Pavlov, P. G. Rubin and Y. I. Tanatar were well-known people in the mining and metallurgical branches of industry. Contribution of these outstanding scientists into the industrial development is analyzed. The foundation of KHMS is regarded as manifestation of the cultural-educational policy of tsarism in the Dnieper Ukraine at that time. The tsarist government paid much attention to the industrial development and modernization of the region rich in coal and iron ore deposits. At that time the Dnieper region was in need of educated specialists able to propose new scientific ideas and to learn and introduce experience of highly developed capitalist countries. The decision of the tsarist government to found KHMS was an important step in providing development of the industrial city of Katerynoslav and the Dnieper Ukraine region.

Keywords: Katerynoslav High Mining School (KHMS), foundation, outstanding scientists, mining and metallurgical branches of industry, tsarism, cultural-educational policy, the Dnieper Ukraine, the late 19th and early 20th centuries.

Трансформаційні процеси сучасної української економіки спрямовані на забезпечення сталого розвитку країни. Наддніпрянській Україні належить особлива роль у цьому перетворенні. Як індустріальний центр українських земель, що входили до складу Російської імперії, Наддніпрянська Україна

почала формуватися ще в пореформені часи XIX ст. 16 червня 1899 року був заснований попередник Національного гірничого університету (далі НГУ) — перший вищий гірничий навчальний заклад нашої держави. 20 грудня 2017 року наказом Міністерства освіти і науки України НГУ перейменований в Національний технічний університет «Дніпровська політехніка». Більш ніж столітня історія університету яскраво відображає не лише економічний розвиток Наддніпрянського регіону держави і науково-технічний прогрес, але і його суспільно-політичне та культурне життя. Національний технічний університет славиться багатопрофільністю, висококласністю підготовки спеціалістів для народного господарства, науковим потенціалом професорсько-викладацького складу, багатством традицій суспільно-політичного і культурного життя. Своїм науковим і кадровим потенціалом Національний гірничий університет поклав початок більш ніж двом десяткам вищих навчальних і науково-дослідних закладів у Дніпрі, Києві, Москві та Тбілісі.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Історія Катеринославського вищого гірничого училища (далі КВГУ), життя та діяльність видатних учених КВГУ привертала увагу істориків. Дані про роль видатних учених КВГУ на початку XX ст. частково висвітлена в роботах, присвячених історії сучасного Національного гірничого університету (це колективні монографії та дослідження П. Г. Рубіна, Г. К. Швидько, В. С. Савчука, І. М. Єлінова) [2; 3; 5; 15; 4; 24; 26; 27], історії наукових товариств Катеринослава (роботи В. С. Савчука, П. О. Чорнобая) [28; 40], а також у монографіях та статтях про життя та діяльність відомих учених, гірничих інженерів, підприємців, технічної інтелігенції (дослідження Б. А. Розентрета, В. В. Крутікова, Г. К. Швидько, В. С. Савчука, Ю. М. Чекушиної, А. Г. Перетокіна) [22; 6; 42; 43; 29; 41; 38]. Особливе місце належить мемуарній літературі й архівним матеріалам НГУ (спогади П. Г. Рубіна, О. М. Терпигорєва, М. О. Павлова, архівна справа Й. І. Танатара) [23; 34; 18; 1]. На початку XXI ст. в українській історіографії постало питання про розширення джерельної бази. Особливо важливим джерелом інформації для вивчення наукової діяльності вчених, їх внеску в розвиток гірничої та металургійної галузей промисловості є періодична галузева преса того часу, яка недостатньо використовувалася дослідниками. Це періодичні галузеві видання, які виходили в Харкові та Катеринославі: «Южно-русский горный листок» (далі ЮРГЛ), «Горнозаводской листок» (далі ГЗЛ), «Горнозаводское дело» (далі ГЗД),

«Южный инженер» (далі ЮИ), «Новости техники и промышленности» (далі НТП). Матеріали цих друкованих органів було залучено до наукового аналізу.

Формування цілей статті. Метою статті є дослідити роль культурно-освітньої політики царського уряду в заснуванні Катеринославського вищого гірничого училища, проаналізувати наукову діяльність видатних учених, які працювали в КВГУ на початку ХХ ст. Згідно з метою необхідно вирішити такі завдання: розглянути, які постанови приймав царський уряд стосовно заснування та функціонування КВГУ, проаналізувати життя і наукову діяльність видатних учених КВГУ в гірничій і металургійній галузях; з'ясувати їх внесок у розвиток гірничої та металургійної промисловості; визначити роль і місце в науковому процесі видатних особистостей, які працювали в КВГУ на початку ХХ ст. Об'єктом дослідження є постанови царського уряду стосовно заснування та функціонування КВГУ, а також наукова діяльність видатних учених, які працювали в КВГУ. Предметом дослідження є визначення ролі культурно-освітньої політики царського уряду в Наддніпрянщині наприкінці ХІХ — на початку ХХ ст., значення заснування КВГУ і внесок видатних учених КВГУ в розвиток технічної науки та промисловості в гірничій та металургійній галузях.

Виклад основного матеріалу дослідження. 16 червня 1899 р. Державна Рада отримала "высочайшее утверждение" Положення про Катеринославське вище гірниче училище, в якому було доручено Міністру Землеробства і Державного майна відкрити перший курс навчального закладу у вересні 1899 р. Церемонія відкриття Катеринославського вищого гірничого училища відбулася 30 вересня (12 жовтня за н. с.) 1899 р. в Потьомкінському палаці (нині Палац студентів). Першим директором КВГУ було призначено гірничого інженера С. М. Сучкова (1899–1908, а другим — професора геології М. Й. Лебедева [2; 4].

Після заснування училища почалося будівництво перших навчальних корпусів. Проектування нових корпусів було доручено академіку архітектури О. М. Бекетову. На початковому етапі все здійснювалося винятково на добровільно пожертвовані кошти. Керівництво закладу при підтримці місцевих органів влади і громадських організацій клопотало про розширення навчальних курсів та отримання випускниками диплому не техника, а інженера. У березні 1902 р. клопотання КВГУ було розглянуто у Гірничому вченому комітеті та було передано далі для обговорення у відповідних законодавчих інстанціях. 25 травня 1903 р. цар Микола ІІ затвердив постанову Державної Ради про термін

навчання в КВГУ 4 роки та присвоєння випускникам звання інженера. Таким чином, жодного випуску техніків не відбулося [2; 5].

19 червня 1912 р. Державна Дума прийняла "Закон про перетворення Катеринославського вищого гірничого училища в гірничий інститут" з 1 липня 1912 р. Першим ректором став професор М. Й. Лебедев. Згідно з законом з 1 липня 1912 р. з Державного казначейства виділялися кошти в сумі 1125370 рублів на добудову й остаточне облаштування інституту. У 1912 р. кількість викладачів Катеринославського гірничого інституту (далі КГІ) становила 44 особи, з них 14 професорів [2; 4].

Технічна думка на рубежі XIX–XX ст. розвивалась інтенсивніше, ніж за часів майже столітнього промислового перевороту. Бурхливий розвиток світової науки та техніки наприкінці XIX ст., визначений сучасниками як "електротехнічна революція", змінив енергетичну базу виробництва. Розпочалася електрифікація, були винайдені трансформатори для передавання електричної енергії на відстань, електродвигуни, електрична залізниця (трамвай), лампа розжарювання, електрична плавильна піч, електричне зварювання металів тощо. Наприкінці XIX ст. технічний переворот відбувся в енергетиці: був винайдений паровий двигун нового типу – турбіна. Велику роль відіграло винайдення двигунів, працюючих від енергії, яка утворювалася при згорянні газів нафти та бензину.

Науково-технічний прогрес суттєво змінив технологію металургії й обробки металів. Були впроваджені нові засоби виробництва сталі в конвертері та у спеціальній печі (мартені). Під час плавлення сталі почали застосовувати залізну руду навіть із домішками, зокрема фосфору. Виникло сучасне сталеливарне виробництво. Запровадження нової сталеливарної технології забезпечило перехід до повного металургійного циклу на одному великому заводі. Застосування електроприводу зняло обмеження площі цехів і таким чином дозволило збільшувати розміри промислових підприємств. Передавання електроенергії на відстань дозволило будувати великі підприємства незалежно від розташування джерел енергії.

На початку XX ст. Наддніпрянська Україна стала не тільки важливим промисловим регіоном, а також освітнім і науковим центром, який готував високоосвічених спеціалістів для гірничої та металургійної галузей промисловості та проводив наукові дослідження. Важливу роль у розвитку гірничої та металургійної галузей промисловості й у підготовці кадрів для цих галузей відіграли видат-

ні вчені КВГУ, які внесли вагомий внесок у цей процес на початку ХХ ст. Вивчення місця та ролі видатних вчених КВГУ в розвитку гірничої і металургійної галузей промисловості, аналіз їх внеску в науку, безперечно, становить інтерес для сучасних дослідників.

В останню чверть ХІХ ст. для підприємців і працівників південної гірничо-заводської промисловості найважливішим було довести індустріальну перспективність і вагомість регіону. Розвиток вугільної промисловості Донбасу вимагав нових знань про залягання вугілля. Без відповідей на запитання про розміри його запасів і територію поширення вугільних пластів неможливо було організувати масштабний видобуток палива. Дослідниками було складено карти пластів Донбасу та Області Війська Донського [16; 17; 21; 37].

Експериментально було підтверджено положення про значний потенціал і перспективність покладів вугілля Донецького басейну. На сторінках спеціальних науково-технічних видань і галузевої преси фахівці висвітлювали ці проблеми [44, с. 6-8]. Гірничі інженери здійснювали кількісний і якісний аналіз місцевого вугілля та залізної руди, доводили їх промислове значення, а також робили розрахунки вартості будівництва кам'яновугільних копалень і собівартості одного пуда вугілля.

Значний внесок у дослідження надр Донбасу зробили вчені Харківського університету, в якому сформувалася авторитетна геологічна школа. Засновниками наукової школи були професор І. Ф. Леваковський і його учень О. В. Гуров, магістр геології. До роботи геологів долучалися гірничі інженери, які досліджували поклади корисних копалень у межах своєї професійної діяльності. У 1881 р. гірничий інженер Аркадій Васильович Міненков повідомив фахівців галузі про результати своїх досліджень покладів кіноварі у великій статті під назвою "Месторождения киновари", яка була опублікована в галузевому виданні ЮРГЛ. А. В. Міненков пригадував, що це відкриття він зробив майже випадково, коли очікував на потяг і помітив, що будинки на станції побудовані із піщаника, на якому проявилася кіновар у вигляді зернистих вкраплень характерного кольору. Геологічна розвідка показала, що у наділах селян сіл Микитівки і Залізного Бахмутського повіту Катеринославської губернії, у верхоріччі двох балок, знаходилися поклади ртутних руд. Лабораторні експерименти підтвердили, що в рудах містилося до 12,5 % чистого металу. У своїй статті А. В. Міненков навів дані про відкриті ним три поклади ртутної руди, описав геологічні особливості залягання та

результати аналізів [12, с. 114–118]. Пізніше А. В. Міненков став упорядником першої в Росії ртутної копальні. У 1885 р. до справи долучився гірничий інженер О. А. Ауербах, відомий на ті часи підприємець, керівник Богословського гірничого округу на Уралі, за проектом і на кошти якого був побудований завод із виробництва ртуті на базі копальні А. В. Міненкова. Згодом А. В. Міненков став директором правлінь «Русско-Донецкого» та «Алексеевского горнопромышленного общества» [38, с. 48–50].

А. В. Міненков брав участь у діяльності з'їздів гірничопромисловців Півдня Росії. У 1898 р. та 1899 р. був головою Ради з'їзду. Він обирався уповноваженим з'їзду в Петербурзі, був виборним та уповноваженим Харківського комітету з перевезень гірничозаводських вантажів. Входив до складу редакції галузевого видання «Горнозаводской листок». У 1906 р. його обрали почесним членом Ради з'їзду. А. В. Міненков був членом ради КВГУ [13, с. 6660–6661]. А. В. Міненков належить до видатних представників інженерного підприємництва, талановитих учених, які зробили вагомий внесок у розвиток вітчизняної гірничої науки, та громадських діячів свого часу.

Рис. 1. Павло Германович Рубін

У гірничозаводській промисловості актуальними стали технологічні питання, проблеми механізації виробництва та безпеки праці. Професор КВГУ Па-

вло Германович Рубін розробляв вуглепідйомні пристрої, які можна було використовувати на великій глибині. Серія публікацій, присвячена цій проблемі, з'явилася в ГЗЛ у 1901 р. [25]. Наприкінці ХІХ ст. – на початку ХХ ст. актуальним стало питання покращення якості процесу коксування вугілля [10; 7]. П. Г. Рубін багато працював над цією проблемою, його з повагою називали піонером коксохімії. Розробки П. Г. Рубіна стали базовими в галузі коксохімії, основою для подальших досліджень [23].

Рис. 2. Павлов Михайло Олександрович

На сторінках галузевої преси регулярно друкувалися матеріали, які були присвячені досягненням у галузі будівництва доменних печей і способам збільшення плавлення чавуну. Наприклад, статті видатного металурга М. О. Павлова, діяльність якого була пов'язана з КВГУ. Його статті були присвячені питанню будівництва нових доменних печей, а також використанню колошникових газів коксових печей у газових двигунах [19, с. 4869; 20, с. 5076] .

Наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. вчених та інженерів зацікавила проблема створення різних сплавів. Питання про зміни фізичних і хімічних властивостей різних сортів заліза в залежності від складових виникло давно. Раніше це питання вивчалось з практичного боку, а на початку ХХ ст. почали більше уваги приділяти теоретичному аспекту. Виникла така наука, як фізична хімія, до якої в Росії долучився професор С.-Петербурзького гірничого інституту, заснов-

ник наукової школи фізико-хімічного аналізу М. С. Курнаков. У 1899 р. на засіданні хімічного відділу Технічного товариства в Петербурзі він запропонував заснувати спеціальну комісію для більш ефективного вивчення сплавів. Подібні комісії існували на той час у Великій Британії та Франції. В країні знайшлося багато прихильників його теорії сплавів та розчинів і справа із заснуванням відповідної комісії була вирішена досить швидко [9, с. 4171].

Рис. 3. Курилов Венедикт Вікторович

У зв'язку з організацією такої спеціальної комісії для вивчення сплавів учень Д. І. Менделєєва видатний учений В. В. Курилов, який викладав у КВГУ, опублікував статтю про температури плавлення сплавів заліза з вуглецем. Автор публікації стверджував, що шлях, який базувався на теорії, а не на власному досвіді ливарників, значно спрощував завдання і викликав більший інтерес у фахівців. Він проаналізував наслідки зміни лише однієї властивості – температури плавлення, яка залежала від відносної кількості складових сплаву. Без цього гарантувати однорідність сплаву було складно і навіть неможливо [8, с. 4171-4172].

В. В. Курилов надавав перевагу науковому підходу до металургійного процесу. Ім'я В. В. Курилова було добре відоме в С.-Петербурзькому та Казанському університетах. Доктор хімії й ординарний професор, він із 1899 р. по 1909 р. працював у КВГУ. Був першим головою Катеринославського наукового

товариства (1901–1909 рр.), пізніше став професором університетів у Варшаві та Ростові-на-Дону [15, с. 51; 29, с. 49 – 53].

На той час вітчизняні металургійні заводи конкурували між собою та з іноземними виробниками за показниками якості. Вітчизняні вчені пропонували декілька засобів підвищення якості металу. Багаті й чисті руди Криворіжжя та Донецького басейну забезпечували загалом високу якість південних чавунів. При цьому ситуація з ливарним чавуном була складнішою. Технологічне обладнання південних заводів дозволяло виробляти чавун, багатий на вуглець і кремній. Вміст фосфору можна було змінювати за бажанням на основі практичного досвіду. У цей час виникла необхідність створювати хімічні лабораторії на кожному підприємстві, тому що без хімічних аналізів не можна було встановити правильні норми вмісту фосфору для різних відливок.

Належне місце в технічному прогресі посіла наука, в тому числі фундаментальна. Відомі вчені запрошувалися на засідання з'їздів гірничопромисловців, на яких вони виступали з науковими доповідями, повідомленнями та практичними рекомендаціями.

Рис. 4. Терпигорєв Олександр Митрофанович

У 1903 р. в Катеринославському відділенні Товариства гірничих інженерів виступив із доповіддю вчений у галузі гірничої науки Олександр

Митрофанович Терпигорев. Він розповів про те, що будь-який рудник обслуговували щонайменше дві шахти, одна з яких була призначена для вентиляції. Чисте повітря поступало через підйомну шахту до найглибшої частини рудника, а зіпсоване повітря всмоктувалося через іншу шахту за допомогою вентилятора чи інших пристроїв. Над шахтою будувалося спеціальне приміщення, в якому знаходився вентилятор. Одна з шахт могла використовуватися також для того, щоб подавати в шахту різні матеріали чи піднімати видобуте вугілля. Як зазначив О. М. Терпигорев, аналогічна технологія була поширена не тільки за кордоном (у Рурському басейні), а й на Півдні Росії [36, с. 5924; 35, с. 5857–5860]. Уже в той час О. М. Терпигорева вважали засновником наукової школи гірничої майстерності. У радянський період він став ректором КВГУ (1919 р.), академіком АН СРСР. Основні наукові праці О. М. Терпигорев присвятив проблемам експлуатації вугільних покладів, механізації гірничих робіт, гідромеханізації та підземній газифікації вугілля [15, с. 90].

Рис. 5. Танатар Йосип Ісаакович

Видатний вчений Й. І. Танатар широко впроваджував закордонний досвід у КВГУ. Після закордонного відрядження до Фрайбурзької гірничої академії (Німеччина) та після навчання під час літніх семестрів у Мюнхенському університеті (1906–1911 рр.) Й. І. Танатар упровадив на гірничому та металургійному відділеннях інституту навчальний курс кількісного та якісного аналізу мінералів за

допомогою полум'я паяльної лампи й опублікував статтю на цю тему в журналі ЮИ [33, с. 255 – 258]. У 1912 р. міністр торгівлі та промисловості затвердив гірничого інженера Й. І. Танатара на посаді викладача випробування мінералів перед паяльною трубкою [1, арк. 110]. При мінералогічному кабінеті КГІ була створена спеціальна лабораторія для проведення аналізу мінералів. У галузевих журналах НТП та ЮИ Й. І. Танатар (редактор видань) публікував статті науковців із проблем геології, мінералогії, гідрогеології. Так, наприклад, у 1913 р. в НТП була опублікована стаття Й. І. Танатара про водопостачання м. Тіфліса, у 1915 р. в ЮИ – про доломіти Бахмутсько-Слов'янської котловини, про причини різноманітності вивержених гірничих порід, а також переклади статей видатних німецьких фахівців [30; 32, с. 155–167]. У цей час Й. І. Танатар зацікавився проблемами Криворізького залізорудного басейну та радіоактивністю мідяних піщаників Бахмутської котловини та походженням мідних руд [31, с. 157–161]. У своїй доповіді на Першому Всеукраїнському з'їзді з вивчення виробничих сил України в 1925 р. Й. І. Танатар зазначив, що він зацікавився питаннями генези криворізьких залізних руд у 1914 р., коли його обрали завідувачем кафедри прикладної геології КГІ. Від проф. М. І. Лебедева кафедра одержала колекцію порід і руд, яку подарував навчальному закладу дослідник Криворізького залізорудного басейну Е. К. Фукс. Багато часу Й. І. Танатар приділив вивченню походження залізних руд Криворізького басейну, одержав багато цікавих результатів. Й. І. Танатаром і його учнями було відкрито більше 80 гірничих порід. Його теорія не збігалася з теорією походження криворізьких залізних руд, яка панувала в наукових колах, тому результати його досліджень викликали полеміку серед геологів-науковців [31, с. 47–51].

Про напружену наукову й організаційну роботу в цей період свідчать дані про проведення різних галузевих конференцій і виставок. Публікувалися матеріали про проведення всеросійських з'їздів із практичної геології, гірничої справи, металургії та машинобудування, південноросійського з'їзду представників промисловості та торгівлі, міжнародних геологічних конгресів, а також про міжнародну виставку в Турині, на яких були представлені наукові доповіді, різні експонати від фахівців гірничої та металургійної справи КВГУ (пізніше КГІ) та регіону [11, с. 4129–4130; 14, с. 4566–4567].

Висновок. Заснування Катеринославського вищого гірничого училища в 1899 р. є важливим заходом культурно-освітньої політики царського уряду. КВГУ

відіграло значну роль у розвитку міста Катеринослава й усього Наддніпрянського індустріального регіону. КВГУ забезпечувало підготовку освічених інженерних кадрів для Наддніпрянщини, багатої на корисні копалини. Потреби гірничозаводської галузі вимагали вирішення таких питань: дослідження покладів донецького вугілля, руд металів та їх всебічний науковий аналіз; заснування нових галузей (коксохімії, електроенергетики тощо); вдосконалення металургії чавуну та сталі; вивчення рудникових газів і запровадження запобіжних заходів; удосконалення безпеки виробництва. Видатні вчені КВГУ на початку ХХ ст. приділяли багато уваги дослідженню цих проблем і успішно їх вирішували

Стан гірничопромислового комплексу Наддніпрянщини в значній мірі залежав від упровадження у виробництво досягнень науки і техніки. Вагомий внесок у розвиток світової науково-технічної думки зробили вчені та інженери, життя, творчість і практична діяльність яких були пов'язані з КВГУ, з індустріальним регіоном Наддніпрянщини. Безпосередньо в КВГУ працювали: В. В. Курилов, учень Д. І. Менделєєва, перший голова Катеринославського наукового товариства, ординарний професор КВГУ, А. В. Міненко, гірничий інженер, дослідник покладів кіноварі, один із засновників ртутного виробництва на Півдні Росії, член Ради КВГУ; М. О. Павлов, автор наукових праць із теорії доменного процесу, професор, один із перших викладачів КВГУ; П. Г. Рубін, металург, професор КВГУ; О. М. Терпигорєв, засновник наукової школи гірничої майстерності, професор, один із перших ректорів КВГУ, а також Й. І. Танатар, відомий вчений у галузі геології, мінералогії та гідрогеології, дослідник криворізьких залізних руд.

Матеріали про досягнення цих та інших науковців, фахівців із гірничозаводської справи публікувалися на сторінках галузевої преси – у виданнях ЮРГЛ, ГЗЛ, ГЗД, ЮИ та НТП. За даними галузевої преси, до безперечних досягнень науковців КВГУ можна віднести технічні та технологічні зрушення в металургії та гірничій справі. Були засновані нові галузі промисловості: металургія сплавів та коксохімія. Промислові досягнення Наддніпрянського регіону були б неможливі, якби не відбувалися механізація й електрифікація виробництва та не вдосконалювалася безпека праці. На міжнародних конгресах гірників і металургів та на виставках досягнень гірничозаводської промисловості зусилля вчених КВГУ і фахівців галузі були високо оцінені.

Джерела та література:

1. **Архів Національного гірничого університету, м. Дніпропетровськ** оп. 1, спр. 1363. Особиста справа Танатара Йосипа Ісааковича, 1912 р., 326 арк.
2. Днепропетровский горный институт. Исторический очерк в двух книгах. Кн. 1. История и развитие (1899-1989) – М.: Недра, 1990. – 345 с.
3. Днепропетровский горный институт. Исторический очерк в двух книгах. Кн. 2. Кафедры (1899 – 1992). – К.: Техніка, 1995. – 408 с.
4. **Єлінов І. М.** Нариси з історії Національного гірничого університету / І. М. Єлінов. – Дніпропетровськ: НГУ, 2006. – 125 с.
5. Історія і сучасність Національного гірничого університету (1899 – 2009 рр.): [за ред. проф. Г. К. Швидько] – Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, "Ліра", 2009. – 504 с.
6. **Крутіков В. В.** Буржуазія України та економічна політика царизму в пореформений період / В. В. Крутіков. – Дн-ськ, Вид-во ДДУ, 1992. – 172 с.
7. **Крушевский К. С.** О коксовых печах / К. С. Крушевский // ГЗЛ. – 1900. – № 7. – С. 4207–4208.
8. **Курилов В. В.** Температура плавления сплавов железа с углеродом / В. В. Курилов // ГЗЛ. – 1900. – № 5. – С. 4171– 4172.
9. **Курнаков М. С.** Доклад на заседании химического отдела Технического общества в Петербурге / М. С. Курнаков // ГЗЛ. – 1900. – № 5. – С. 4171.
10. **Мевуис А.** Новейшие успехи коксования угля / А. Мевуис // ГЗЛ. – 1892. – № 18. – С. 1333 – 1335; № 19. – С. 1341– 1342.
11. Международная выставка в Париже // ГЗЛ. – 1900. – № 23. – С. 4629 – 4630.
12. **Миненков А. В.** Месторождение киновари / А. В. Миненков // ЮРГЛ. – 1881. – № 6. – С. 114 – 118.
13. Миненков А. В. Некролог // ГЗД. – 1913. – № 4. – С. 6660 – 6661.
14. Награды на Парижской выставке // ГЗЛ. – 1900. – № 21. – С. 4566 – 4567.
15. Національний гірничий університет. Професори. – Дніпропетровськ; НГА України, 2002. – 131 с.
16. Об очерке русских каменноугольных месторождений к XII Международному геологическому конгрессу // Изв. Геолкома. – 1911. – Т. XXX. – С. 191–192.
17. О 3-хверстной геологической карте Донецкого бассейна // ГЗД. – 1909. – № 47. – С. 11491.

18. **Павлов М. А.** Воспоминания металлурга / М. А. Павлов – [3-е изд., сокращ.] – М.: Metallurgizdat, 1953. – 237 с.
19. **Павлов М.** Новая доменная печь Общества “Marcinelle et Couillet” в Couillet / М. Павлов // ГЗЛ. – 1901. – № 7. – С. 4869.
20. **Павлов М.** Применение колошниковых газов доменных печей в газовых двигателях / М. Павлов // ГЗЛ. – 1901. – № 15. – С. 5076.
21. Работы геологического Комитета по составлению геологической и горно-промышленной карты Донецкого бассейна // ГЗЛ. – 1904. – № 37. – С. 7154 – 7155.
22. **Розентретер Б. А.** Александр Митрофанович Терпигорев / Б. А. Розентретер // Проблемы механизации горных работ. – М.: Наука, 1963. – С. 3 – 22.
23. **Рубин П. Г.** Записи. Воспоминания профессора – пионера коксохимии / Рубин Павел Германович. – Днепропетровск : НГУ, 2009. – 77 с.
24. **Рубин П. Г.** Исторический очерк возникновения Екатеринославского Высшего горного училища и его деятельности за первое десятилетие (1899 – 1909 гг.), / П. Г. Рубин. – СПб., 1909. – 145 с.
25. **Рубин П. Г.** Углеподъемные устройства для большой глубины / П. Г. Рубин // ГЗЛ. – 1901. – № 17. – С. 5135-5137; № 18. – С. 5161 – 5162; № 20. – С. 5223 – 5224; № 23. – С. 5311 – 5313; № 24. – С. 5344 – 5345.
26. **Савчук В. С.** Біля витоків Національної гірничої академії: від Катеринославського вищого гірничого училища до Гірничого інституту (1896-1912) / В. С. Савчук // Бористен. – 1999. – № 12. – С. 8.
27. **Савчук В. С.** Біля витоків Національної гірничої академії: від Катеринославського вищого гірничого училища до Гірничого інституту (1896-1912) / В. С. Савчук // Бористен. – 2000. – № 2-3. – С. 4 – 5; 13 – 14.
28. **Савчук В. С.** Естественнонаучные общества Юга Российской империи: вторая половина XIX – начало XX ст. / Савчук В. С. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1994. – 469 с.
29. **Савчук В. С.** В. В. Курилов – віхи життя і діяльності / В. С. Савчук // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Історія та археологія. – 2005. – №1/1 (вип. 16). – С. 49 – 53.
30. **Танатар И. И.** К вопросу о водоснабжении г. Тифлиса / И. И. Танатар // Новости техники и промышленности (далі НТП). – 1913. – № 3.

31. **Танатар И. И.** К вопросу о генезисе Криворожских железных руд / И. И. Танатар // ЮИ. – 1917. – № 2 – 3. – С. 47 – 51.
32. **Танатар И. И.** О доломитах соленосной толщи Бахмута-Славянской котловины в связи с геологическим строением по шахте № 1 Терещенковской соляной копи / И. И. Танатар // ЮИ. – 1915. – № 5. – С. 155 – 167.
33. **Танатар И. И.** О пламени паяльной трубки / И. И. Танатар // ЮИ. – 1915. – № 9. – С. 255 – 258.
34. **Терпигорев А. М.** Воспоминания горного инженера / Терпигорев Александр Митрофанович. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 256 с.
35. **Терпигорев А. М.** К вопросу об устройстве испытательной станции для гремучего газа в Донецком бассейне / А. М. Терпигорев // ГЗЛ. – 1902. – № 22. – С. 5857 – 5860.
36. **Терпигорев А. М.** О поверхностных устройствах над вентиляционными шахтами при применении последних для подъема добытого материала / А. М. Терпигорев // ГЗЛ. – 1903. – № 1. – С. 5924 – 5926.
37. **Терпигорев А. М.** Описание Донецкого бассейна в 2-х т. Т. 2. Разработка месторождений / А. М. Терпигорев – Вып. 1.
38. **Чекушина Ю. М.** Промисловий розвиток та інженерне підприємство Донецько-Придніпровського регіону (1880 – 1917 рр.): Монографія. / Ю. М. Чекушина, А. Г. Перетокін; Нац. гірн. ун-т.– Д. : НГУ, 2013. – 119 с.
39. Чествование Аркадия Васильевича Миненкова. 25 лет службы // ГЗЛ. – 1897. – № 2. – С. 3132.
40. **Чорнобай П. О.** Катеринославське відділення Російського технічного товариства і діяльність у ньому вчених Катеринославського вищого гірничого училища / Чорнобай П. О. – Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, 2009. – 76 с.
41. **Чорнобай П. О.** Формування технічної інтелігенції на Катеринославщині наприкінці XIX – на початку XX ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 07.00.01 „Історія України” / П. О. Чорнобай. – Дніпропетровськ, 2010. – 18 с.
42. **Швидько Г. К.** Життя чесне і вагоме. До 125-річчя з дня народження О.М. Терпигорєва / Г. К. Швидько // Бористен. – 1998. – № 11. – С. 1 – 3.

43. Швидько Г. К. Криворізький Галілей (До 125-річчя професора Й.І. Танатара): Монографія. / Г. К. Швидько – Дніпропетровськ: НГУ, 2005. – 120 с.
44. ЮРГЛ. – 1880. № 1.

Sources and literature:

1. Archive of the National Mining University, Dnipropetrovsk. List 1.
2. File 1363. The personal record of Tanatar Yosyp Isaakovich, 1912, 326 sheets.
2. Dnipropetrovsk Mining Institute. Historical essay in two volumes. Vol. 1. History and Development (1899 – 1989) – Moscow: Nedra, 1990. – 345 p.
3. Dnipropetrovsk Mining Institute. Historical essay in two volumes. Vol. 2. Chairs (1899 – 1992). – Kyiv: Tekhnika, 1995. – 408 p.
4. Yelinov I. M. Essays on the history of the National Mining University / I. M. Yelinov. – Dnipropetrovsk: Publishing House of the National Mining University, 2006. – 125 p.
5. History and contemporaneity of the National Mining University (1899 – 2009): [ed. prof. H. K. Shvydko] – Dnipropetrovsk: National Mining University, "Lira", 2009. – 504 p.
6. Krutikov V. V. The bourgeoisie of Ukraine and the economic policy of tsarism in the post-reform period / V. V. Krutikov. – Dnipropetrovsk, Publishing House of Dnipropetrovsk State University, 1992. – 172 p.
7. Krushevsky K. S. About coke ovens / K. S. Krushevsky // Gornozavodskoy Listok (GZL). – 1900. – No. 7. – P. 4207 – 4208.
8. Kurilov V. V. Temperature of melting of iron alloys with carbon / V. V. Kurilov // GZL. – 1900. – No. 5. – P. 4171 – 4172.
9. Kurnakov M. S. Report at the meeting of the Chemical Department of the Technical Society in St. Petersburg / M. S. Kurnakov // GZL. – 1900. – No. 5. – P. 4171.
10. Mevius A. Modern Progress in Coal Coking / A. Mevius // GZL. – 1892. – No. 18. – P. 1333 – 1335; No. 19. – P. 1341 – 1342.
11. International Exhibition in Paris // GZL. – 1900. – No. 23. – P. 4629 – 4630.
12. Minenkov A. V. The Cinnabar field / A. V. Minenkov // Yuzhnorusskiy Gorniy Listok (YuRGL). – 1881. – No. 6. – P. 114 – 118.

13. Minenkov A.V. Obituary notice // Gornozavodskoye Delo (GZD). – 1913. – No. 4. – P. 6660 – 6661.
14. Awards at Paris Exhibition // GZL. – 1900. – No. 21. – P. 4566 – 4567.
15. National Mining University. Professors – Dnipropetrovsk: National Mining University, 2002. – 131 p.
16. About the essay of Russian coal deposits to the XII International Geological Congress, News of Geolcom. – 1911. – T. XXX. – P. 191 – 192.
17. About the 3-verst geological map of Donetsk basin // GZD. – 1909. – No. 47. – P. 11491.
18. Pavlov M. A. Memoirs of a metallurgist / M. A. Pavlov – [3rd ed., abridged] – Moscow: Metallurgizdat, 1953. – 237 pp.
19. Pavlov M. New Blast Furnace of the Company "Marcinelle et Couillet" in Couillet / M. Pavlov // GZL. – 1901. – No. 7. – P. 4869.
20. Pavlov M. Application of blast furnace gas of blast furnaces in gas engines / M. Pavlov // GZL. – 1901. – No. 15. – P. 5076.
21. Works of the Geological Committee on the Geological and Mining Mapping of Donetsk Basin // GZL. – 1904. – No. 37. – p. 7154 – 7155.
22. Rosentreter B. A. Aleksandr Mitrofanovich Terpigorev / B. A. Rosentreter // Problems of mining mechanization. – Moscow: Nauka, 1963. – P. 3 – 22.
23. Rubin P. G. Records. Memoirs of professor – pioneer of coke chemistry / Rubin Pavel Germanovich. – Dnipropetrovsk: National Mining University, 2009. – 77 p.
24. Rubin P. G. Historical essay of the emergence of Yekaterinoslav High Mining School and its activities during the first decade (1899 – 1909) / P. G. Rubin. – St. Petersburg, 1909. – 145 p.
25. Rubin P. G. Coal-lifting devices for a large depth / P. G. Rubin // GZL. – 1901. – No. 17. – P. 5135 – 5137; No. 18. – P. 5161 – 5162; No. 20. – P. 5223 – 5224; No. 23. – P. 5311 – 5313; No. 24. – P. 5344 – 5345.
26. Savchuk V. S. At the origins of the National Mining Academy: from Ekaterinoslav High Mining School to the Mining Institute (1896 – 1912) / V. S. Savchuk // Boresthen. – 1999. – No. 12. – P. 8.
27. Savchuk V. S. At the origins of the National Mining Academy: from Ekaterinoslav High Mining School to the Mining Institute (1896 – 1912) / V. S. Savchuk // Boresthen. – 2000. – No. 2 – 3. – P. 4 – 5; P. 13 – 14.

28. Savchuk V. S. Natural-science societies of the South of the Russian Empire: the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. / V. S. Savchuk. – Dnipropetrovsk: Publishing House of Dnipropetrovsk State University, 1994. – 469 p.
29. Savchuk V. S. V. V. Kurilov – milestones of life and activity / V. S. Savchuk // Visnyk of Dnipropetrovsk University. History and archeology. – 2005. – №1 / 1 (issue 16). – P. 49 – 53.
30. Tanatar I. I. On water supply in Tiflis / I. I. Tanatar // News of Technology and Industry (NTP). – 1913 – No. 3.
31. Tanatar I. I. On the question of the genesis of Krivoy Rog iron ores / I. I. Tanatar // Yuzhnyi Inzhener (Yul). – 1917. – No. 2 – 3. – P. 47–51.
32. Tanatar I.I. About dolomites of the salinity layer of Bakhmut-Slavyansk hollow in connection with the geological structure of the mine No. 1 of Tereschenkovsky salt mines / I. I. Tanatar // Yul. – 1915. – No. 5. – P. 155 – 167.
33. Tanatar I. I. About the flame of a soldering tube / I. I. Tanatar // Yul. – 1915. – No. 9. – P. 255-258.
34. Terpigorev A. M. Memoires of the Mining Engineer / A. M. Terpigorev. – Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. – 256 p.
35. Terpigorev A. M. On the question of the arrangement of a test station for detonating gas in Donetsk Basin / A. M. Terpigorev // GZL. – 1902. – No. 22. – P. 5857 – 5860.
36. Terpigorev A. M. On surface devices over ventilation shafts when using the latter for extracted material lifting / A. M. Terpigorev // GZL. – 1903. – No. 1. – P. 5924 – 5926.
37. Terpigorev A. M. Description of Donetsk Basin in 2 volumes. Vol 2. Exploitation of Deposits / A. M. Terpigorev. 1st issue.
38. Chekushina Yu. M. Industrial Development and Engineering Entrepreneurship of Donetsk-Pridneprovsky Region (1880 – 1917): Monograph / Yu. M. Chekushina, A. G. Peretokin. – Dnipropetrovsk: National Mining University, 2013. – 119 p.
39. Celebration in honor of Arkadiy Vasilievich Minenkov. 25 years of service // GZL. – 1897. – No. 2. – P. 3132.
40. Chornobay P. O. Katerynoslav branch of the Russian Technical Society and activities of the scientists of Katerynoslav High Mining School / P. O. Chornobay. – Dnipropetrovsk: National Mining University, 2009. – 76 p.

41. Chornobay P.O. Formation of technical intelligentsia in Katerynoslav region in the late nineteenth and early twentieth centuries: author's abstract of thesis for obtaining degree of Candidate of Sciences: Speciality 07.00.01., "History of Ukraine" / P. O. Chornobay. –Dnipropetrovsk, 2010. – 18 p.
42. Shvydko H. K. Honest and weighty life. To the 125th anniversary of O. M. Terpigorev / H. K. Shvydko // Boristhen. – 1998. – No. 11. – P. 1 – 3.
43. Shvydko H. K. Galilei of Kryvyi Rih (To the 125th anniversary of Professor Y. I. Tanatar): Monograph / H. K. Shvydko. – Dnipropetrovsk: National Mining University, 2005. – 120 p.
44. Yuzhnorusskiy Gornyi Listok (URGL). – 1880. No. 1.

Famine of 1932-1933 and Students of Pedagogical Educational Establishments in Soviet Ukraine

Olexander Komarnitskyi,

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Ukraine,

Doctor of Sciences in History, Associate Professor,

Department of History of Ukraine,

Olexander Fedkov,

Kamianets-Podilsky Ivan Ohienko National University, Ukraine,

Doctor of Sciences in History, Associate Professor,

Chairman of the Chair of Archival Studies,

Special Disciplines of History and Law

Abstract: The paper shows the situation of students of pedagogical educational establishments in Ukrainian SSR during the Holodomor (Famine) of 1932-1933. The norm of bread supply decreased twofold and the cost of food increased twofold during the period. The authors state that the food was low calorie and poor in quality in the majority of canteens which were unsanitary and overcrowded. Poor nutrition had a negative impact on the attendance and productivity of students' work, and resulted in the youth's crimes. The paper indicates that quite a lot of the students died, their withdrawals from the study grew considerably. The authors claim that meanwhile, at the difficult the students time, there were numerous cases of the officials' and canteens staff's malversation. Nutrition hardships caused grievance and opposition moods among the students.

Keywords: students, institute, canteen, nutrition, food.

Голодомор 1932-1933 рр. І студентство педагогічних навчальних закладів радянської України

Олександр Комарніцький,

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
Україна, доктор історичних наук, доцент кафедри історії України,*

Олександр Федьков,

*Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
Україна, доктор історичних наук, доцент,
завідувач кафедри архівознавства, спеціальних історичних та
правознавчих дисциплін*

Анотація: У статті показано становище студентства педагогічних навчальних закладів УСРР у роки Голодомору 1932-1933 рр. У цей час удвічі зменшили норму видачі хліба, зросла вартість харчування. Зазначається, що у більшості їдалень, у яких панувала антисанітарія і тіснява, їжа була малокалорійною, неякісною. Незадовільне харчування негативно відбивалося на продуктивності праці студентів, відвідуваності занять, штовхало молодь до вчинення злочинів. У статті йдеться про те, що частина студентів померли, значно зріс їхній відсів. Водночас, автор констатує, що у цей важкий для студентів час з боку посадових осіб, а також працівників їдалень траплялися зловживання. Труднощі з харчуванням викликали опозиційні настрої серед студентства.

Ключові слова: студенти, інститут, їдальня, харчування, їжа.

Анотація: Проблема Голодомору 1932-1933 рр., незважаючи на низку праць, що з'явилися у добу державної незалежності нашої держави, на сьогодні продовжує бути актуальною і потребує свого подальшого дослідження. Зокрема, не достатньо вивченим є становище студентства педагогічних навчальних закладів у ці роки. Окремі аспекти життєдіяльності молоді містяться у працях С.В. Кульчицького¹, В.М. Даниленка², О.Л. Рябченко³, О.М. Завальнюка⁴,

---

¹ Станіслав Кульчицький, *Голодомор 1932-1933 рр. як геноцид: труднощі усвідомлення* [Київ: Наш час, 2007], 202.

² Віктор Даниленко, «Науково-педагогічна інтелігенція в роки голоду», Укр. іст. журн. 5 [2003]: 145-155.

³ Ольга Рябченко, *Студенти радянської України 1920-1930-х років: практики повсякденності та конфлікти ідентифікації* [Харків: ХНАМГ, 2012], 320.

⁴ Олександр Завальнюк, «Більшовики приймають рішення, щоб їх виконувати», Голод на Поділлі: книга свідчень, ред.-упоряд. В.Мацько [Кам'янець-Подільський, 1993], 23-33; Олександр

А.І. Гринька⁵, С.В.Воловника⁶, І.Г. Шульги⁷, В.А. Нестеренка⁸ та ін. Водночас, комплексно дана проблема не вивчалася. Наше дослідження ґрунтується на низці архівних джерел і матеріалів тогочасної періодики, які вперше введено у науковий обіг, і присвячене висвітленню становища студентів-педагогів у драматичні 1932-1933 рр.

Студентство педагогічних навчальних закладів відчуло на собі лихоліття голоду 1932-1933 рр. Вже навесні 1932 р. фактично удвічі зменшили норму видачі хліба. Для студентів Кам'янця-Подільського ІСВ упродовж року норми постачання хліба скоротили з 400 гр⁹ до 150-250 гр¹⁰. Взимку по 150 гр. хліба отримувала молодь Зінов'євського¹¹, Уманського¹² та Черкаського ІСВ¹³, Бердичівського педтехнікуму¹⁴; по 200-300 гр – Бердянського¹⁵ і Преславського болгарського педтехнікумів¹⁶. Водночас з цих же закладів повідомляли, що цієї мізерної пайки чекали по 2-3 дні. У січні 1933 р. студентство Маріупольського грецького педтехнікуму на хліб чекало 4 дні¹⁷. У Калініндорфському

Завальнюк, «Кам'яниччина і Всеукраїнський голодомор 1932-1933 рр.» Кам'яниччина в контексті історії Поділля 2[Кам'янець-Подільський: б.в., 1992]: 46-48.

⁵ Андрій Гринько, «Вищі навчальні заклади Хмельниччини в роки голодомору 1932-1933 рр.», Освіта, наука і культура на Поділлі 9 [Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2007]: 287-300; Андрій Гринько, «Діяльність закладів середньо-спеціальної, професійно-технічної та партійної освіти Хмельниччини під час голодомору 1932-1933 р.» Освіта, наука і культура на Поділлі 10[Кам'янець-Подільський: Оіюм, 2007]: 307-321; Андрій Гринько, «Становище науково-педагогічної інтелігенції, студентства та учнівства Хмельниччини під час Голодомору 1932-1933 рр.», Геноцид 1932-1933 рр. на Хмельниччині: причини, жертви, наслідки: матеріали конф. [Кам'янець-Подільський: Сисин О.В., 2008]: 127-136.

⁶ Семен Воловник, Николай Крылов, *Мелитопольский пединститут: страницы истории* [Мелитополь: изд. дом Мелитоп. городс. типографии, 2014], 42.

⁷Ілля Шульга, *Голод на Поділлі. До 60-річчя голодомору 1933 р.* [Вінниця: Континент-ПРИМ, 1993], 147.

⁸ Валерій Нестеренко, «Кам'янець-Подільський в 1933 році» Голод 1932-1933 років на Хмельниччині: причини, наслідки, уроки: матеріали конф. [Хмельницький, 1993]: 39-40; Валерій Нестеренко, «Технікуми Кам'янця-Подільського в 1920-і – в першій половині 1930-х рр.» Кам'янець-Подільський у контексті українсько-європейських зв'язків: історія і сучасність: зб. наук. пр. за підсумками II міжнарод. наук.-практ. конф. [Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Поділ. держ. ун-т, 2005]: 45-48.

⁹ Гринько, «Вищі навчальні заклади», 294.

¹⁰ Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО України), ф. 166, оп. 10, спр. 1495, арк. 61; оп.11, спр. 150, арк. 92; Державний архів Хмельницької області (ДАХМО), ф.р. 302, оп. 1, спр. 1574, арк. 112; оп. 4, спр. 55, арк. 50; Руслан Пиріг, упорядн. *Голодомор 1932-1933 рр. в Україні: док. і матер.* [Київ: вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007], 25; Завальнюк, «Кам'яниччина», 46.

¹¹ Постолатій В.В., *Педагогічна освіта на Кіровоградщині (1865-1965 рр.)* [Кіровоград: Нашвидав, 2006], 70.

¹² ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 19; спр. 150, арк. 23 зв.

¹³ Там само, спр. 150, арк. 142.

¹⁴ Там само, оп. 10, спр. 1521, арк. 25.

¹⁵ Там само, оп. 11, спр. 148, арк. 74, 142.

¹⁶ Там само, оп. 10, спр. 825, арк. 8.

¹⁷ Там само, оп. 11, спр. 326, арк. 9.

єврейському педтехнікумі на весь день студентам видавали по 100-180 гр крупи¹⁸. У грудні 1932 р. студенти Новомосковського ІСВ отримували 300 гр хліба і ще 100 гр. їм додавали у їдальні¹⁹, Вінницькому – відповідно 200 і 100 гр²⁰. Молоді Артемівського²¹ і Глухівського ІСВ давали по 300 гр²², Київських ІСВ та ІПО – по 250-300 гр.²³ У січні 1933 р. київський студент Бучак, описуючи тогочасне студентське життя, зазначав: «Студент отримує на день 200-300 гр. хліба. Студенти, отримуючи хліб на 2 дня, з'їдають це на сніданок і на обід, вечерю і протягом всього наступного дня вже нічого не бачать»²⁴. Водночас, у міських жителів становище було ще гіршим. Були випадки коли прямо під магазином на студентів нападали зголоднілі люди і відбирали мізерні пайки. Голод примушував деяких юнаків віднімати хліб у тих, хто його отримував. «Боротьба за існування, – говорили вони, – по-нашому – це боротьба за хліб»²⁵.

Порівняно кращим було становище у Мелітопольському ІСВ, де наприкінці 1932 р. студентам видавали 375 гр хліба²⁶, Чернігівському ІСВ²⁷ і Хортицькому німецькому педтехнікумі – по 400 гр²⁸. У Чернігові студентам, хоч і нерегулярно, але ще й видавали цукор. Студенти Ніжинського ІСВ отримували по 500 гр хліба²⁹, Харківського – 400³⁰. У Харкові у січні 1933 р. у справу харчування студентів втрутився міськком КП(б)У, який через ЦК просив різні відомства допомогти потребуючій молоді³¹. Можемо припустити, що міськкому вдалося досягнути своєї цілі. Студенти Харківського педтехнікуму політехнічної освіти у 1932-1933 н.р. харчувалися у робітничій їдальні «Водоканалізації»³².

Навесні 1933 р. становище у деяких закладах поліпшилося, але не

---

¹⁸ Там само, арк. 1.

¹⁹ Там само, спр. 150, арк. 7.

²⁰ Там само, оп. 10, спр. 1499, арк. 9.

²¹ Там само, оп. 11, спр. 149, арк. 135.

²² Там само, арк. 114; спр. 150, арк. 28.

²³ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні: місто Київ* [Київ: Фенікс, 2008], 253, 291.

²⁴ *Польща та Україна у тридцятих-сорокових роках ХХ століття: невідомі документи з архівів спеціальних служб т.7 Голодомор в Україні. 1932-1933* [Варшава, Київ: б.в., 2008], 445-446.

²⁵ Шульга, «Голод на Поділлі», 147.

²⁶ Воловник, «Мелітопольський пединститут», 42.

²⁷ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 20.

²⁸ Чирко Б.В., *Національні меншини в Україні (20-30 роки ХХ століття)* [Київ: Асоціація «Україна», 1995], 108.

²⁹ Дудченко В.С., *«Ніжинський педагогічний інститут у 1930-40-х рр. Спогади»* Література та культура Полісся: зб. наук. пр. 63 [Ніжин: Ніжин. держ. ун-т ім. М.Гоголя, 2011]: 276.

³⁰ Рябченко, «Студенти радянської України», 320.

³¹ «Голодомор 1932-1933 рр. в Україні», 599-600.

³² Державний архів Харківської області (ДАХО), ф.р. 1431, оп. 1, спр. 5, арк. 44зв.

суттєво. Наприклад, у Бердичівському педтехнікумі хлібний пайок зріс до 400 гр³³. У Бердянському ІСВ кожний студент отримував 400 гр хліба, 200 гр різних круп. Крім того, молодь постачали рибою з власного господарства³⁴. Водночас, студенти Конотопського педтехнікуму до червня 1933 р. отримували лише 200 гр хліба³⁵.

Їжа була малокалорійною, неякісною, зокрема, у Київських ІСВ та ІПО. 1 січня 1932 р. у газеті «Пролетарська правда» повідомлялося, що меню одноманітне (переважали страви з гороху та пісний борщ), а порції не відповідали нормам³⁶. Навесні того ж року завідувач відділу Ленінського райкому партії м. Києва Заволока у своєму щоденнику занотував наступне: «На обід одна лише соєва похльобка, а на сніданок, вечерю кожний мусить собі організувати, що Бог дасть...»³⁷ У березні інструктор Херсонської міськпрофради Адрюшин доповідав, що в ІСВ «якість обідів дуже низька, в борщі крім капусти нема нічого». У їдальні замість 100 гр видавали 70-75 гр хліба³⁸. У червні з Кам'янець-Подільського ІСВ повідомляли, що їжа була «одноманітною, низькокалорійною, не смачною»³⁹ До 1 грудня 1932 р. у виші закінчили обладнання власної студентської їдальні, однак харчування не поліпшилося⁴⁰. Студенти отримували в їдальнях лише мамалігу з соусом та борщ, калорійність яких була надзвичайно низькою⁴¹. У Вінницькому ІСВ у жовтні 1932 р. страви в їдальні готувалися з капусти чи буряка, тому студенти, «пообідавши», шукали, де б ще поїсти⁴². У Бердянському ІСВ були дні коли давали лише одне блюдо – буряк. Мав місце випадок, коли два тижні підряд їли лише огірки⁴³.

Особливо важкою для студентів стала зима 1932-1933 р., коли замість хліба видавали малай, а в їдальні перші страви готували переважно з молодого

³³ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 1521, арк. 25.

³⁴ Там само, оп. 11, спр. 148, арк. 145.

³⁵ Державний архів Сумської області (ДАСО), ф.р. 4307, оп. 1, спр. 141, арк. 229.

³⁶ «Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні: місто Київ», 309.

³⁷ Там само. – С.253.

³⁸ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Херсонська область* [Б.м., б.р.], 412.

³⁹ ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1631, арк. 106зв.-107; ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 1488, арк. 62.

⁴⁰ ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1841, арк. 6.

⁴¹ Нестеренко, «Кам'янець-Подільський в 1933 році», 40.

⁴² Державний архів Вінницької області (ДАВО), ф.п.136, оп. 6, спр. 20, арк. 60.

⁴³ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 142.

бур'яну⁴⁴. 20 грудня 1932 р. санінспектор м. Києва у листі до райспоживінспекції інформував, що калорійність обідів становила лише 126-155 ккал⁴⁵. У їдальні Житомирського ІСВ, за словами кореспондента Ялачової, «суп – це як тут називають його, смажена вода. Велике диво, коли попадеться яка картоплина»⁴⁶ У Херсонському ІСВ студенти звично на сніданок споживали сині баклажани або ікру; в обід – борщ з олією або каву без цукру, інколи кашу; на вечерю – помідори чи баклажанну ікру⁴⁷. У Миколаївському ІСВ готували лише перші блюда⁴⁸.

Незадовільною калорійність їжі була у Глухівському⁴⁹, Ніжинському⁵⁰, Новомосковському⁵¹ і Полтавському ІСВ⁵²; Кам'янець-Подільському⁵³ і Польському педінститутах⁵⁴; Кам'янець-Подільському⁵⁵ і Куп'янському педтехнікумах⁵⁶.

Незадовільне харчування негативно відбивалося на продуктивності праці студентів, відвідуваності занять. Зокрема, директор Уманського ІСВ в листі до НКО УСРР повідомляв, що 10 червня 1932 р. через незадовільну «харчову базу» завчасно припинили навчальний рік і відпустили студентів додому⁵⁷. Студентів Кам'янець-Подільського ІСВ через важке матеріальне становище відпустили на канікули передчасно з 20 червня (планувалося з 1 липня), через що виконання навчального плану у 1931-1932 н.р. склало 83,5%. Недовиконані години перенесли на вересень⁵⁸. У Преславському болгарському педтехнікумі, який 15 листопада 1932 р. зняли з постачання хліба, припинили заняття 27 грудня⁵⁹.

Констатуємо низьку відвідуваність занять заочниками. Студенти-заочники, насамперед сільські учителі, масово не з'являлися на сесії оскільки

⁴⁴ Суровий А.Ф., Петляк Ф.А., «З історії Кам'янець-Подільського інституту соціального виховання» Освіта, наука і культура на Поділлі: зб. наук. пр. 1 [Кам'янець-Подільський: Оіюм, 1998]: 47.

⁴⁵ «Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні: місто Київ», 181.

⁴⁶ Ялачова Г., «Справа в їдальні» *Студент революції* 16[1932]: 25.

⁴⁷ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 106.

⁴⁸ *Миколаївський державний університет: іст. нарис (1913-2003 рр.)* [Київ Златографт-дизайн, 2003], 18.

⁴⁹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 28; Спр.150, арк. 28.

⁵⁰ Дудченко, «Ніжинський педагогічний інститут», 276.

⁵¹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 7.

⁵² Олександр Єрмак, Галина Білик, «Полтавський державний педагогічний університет імені В.Г.Короленка: з історії перших десятиліть діяльності» Альманах Полтавського державного педагогічного університету – «Рідний край» 2 (21) [Полтава: Полтав. нац. пед. ун-т ім. В.Г.Короленка, 2009]: 18.

⁵³ ДАХМО, ф.п.12, оп. 1, спр. 73, арк. 87.

⁵⁴ Державний архів м. Києва (ДАМК), ф.р. 920, оп. 11, спр. 18, арк. 77.

⁵⁵ Нестеренко, «Технікуми Кам'янця-Подільського», 47.

⁵⁶ С.Г. «На обід – чай» *Студент революції* 16[1932]: 25.

⁵⁷ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 9, спр. 1800, арк. 81.

⁵⁸ Там само, оп. 10, спр. 1488, арк. 58; ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1631, арк. 81.

⁵⁹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 825, арк. 1.

не було за що їхати. Восени 1931 р., тобто напередодні голодної вакханалії, 92 студенти заочної форми навчання Київського ІСВ не завершили навчання, оскільки не мали матеріальної змоги⁶⁰. У червні 1932 р. на літню сесію у педагогічні навчальні заклади Київської області з'явилися від 22 до 30% студентів-заочників, Харківської – 34%, Вінницької – від 35 до 46%, Дніпропетровської – 51,6%, Донецької – 61%⁶¹. До Миколаївського ІСВ не зуміли дібратися 37% студентів, Зінов'євського – 39%, Одеського – 43%. На зимову сесію 1932-1933 н.р. прибули 69% заочників Бердянського, 68% – Новомосковського, 42% – Мелітопольського, 34,4% – Нікопольського ІСВ; літню – 22% – Черкаського, 28% – Уманського, 29,8% – Київського польського, 30% – Житомирського, 30,1% – Київського українського, 35% – Вінницького, 36% – Кам'янець-Подільського, 46% – Бердичівського ІСВ. Тоді ж у Гадяцький, Куп'янський, Кременчуцький, Лебединський та Лохвицький педтехнікуми приїхали лише 34% студентів заочної форми навчання⁶². У січні і червні 1933 р. із 63 другокурсників Кам'янець-Подільського педтехнікуму на сесію прибули 26. Це ж стосується і першокурсників: з 435 студентів заняття відвідували лише 182⁶³.

Становище переважної частини молоді добре відбиває заява студентки технічно-математичного відділу Кам'янець-Подільського ІСВ Г.Г.Корнелюк, яка була подана керівництву закладу 25 травня 1933 р.: «Я ще раз звертаюся до дирекції, аби дали мені безповоротну допомогу в сумі 46 крб, щоб купити хоч два верхні плаття для зміни, бо цього місяця мусила продати обіди і тепер сиджу на одному фунті хліба, а за ці гроші купила собі нижню білизну, щоб воші не заїдали». Дирекція видала Корнелюк допомогу в розмірі 60 крб⁶⁴, але подібних прикладів були одиниці. Один із студентів Проскурівського польського педтехнікуму просив надати позику в розмірі 10 крб, яку зобов'язувався повернути зі стипендії, бо йому просто не було за що харчуватися⁶⁵. У Миколаївському педтехнікумі видавали переважно допомогу у розмірі 3-6 крб (обід у їдальні коштував

⁶⁰ Даниленко, «Науково-педагогічна інтелігенція в роки голоду», 149.

⁶¹ *Національна книга пам'яті жертв Голодомору 1932-1933 років в Україні* [Київ: вид-во О.Теліги, 2008], 584.

⁶² Білоконь С.І., Веселова О.М., Вронська Т.В. та ін., авт. кол. *Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки* [Київ: Наук. думка, 2003], 715.

⁶³ ДАХМО, ф.р. 300, оп. 1, спр. 56, арк. 10, 22-23.

⁶⁴ ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1945, арк. 22.

⁶⁵ Гринько, «Діяльність закладів», 315.

1 крб 20 коп.)⁶⁶. Студенти Зінов'євського ІСВ, щоб придбати хліб, продавали цінні речі, знімали золоті зуби⁶⁷.

Покращене харчування мали випускники і студенти-ударники, яким видавали талони на додаткові порції, наприклад в Артемівському⁶⁸, Мелітопольському⁶⁹ і Новомосковському ІСВ⁷⁰, Проскурівському польському педтехнікумі⁷¹. Звідси, був стимул для навчання.

У 1932-1933 рр. зросла вартість харчування. Так, у Черкаському ІСВ у середині лютого 1933 р. ціна за сніданок, обід і вечерю зросла з 85 коп. до 1 крб 50 коп.⁷² Студентство Житомирського єврейського педтехнікуму харчувалося за 1 крб 30 коп. в день⁷³, Новомосковського ІСВ – 1 крб 20 коп.⁷⁴, Артемівського – 90 коп⁷⁵. Наприкінці 1932 р. у Кам'янець-Подільський ІСВ обід коштував 40 коп., а сніданок і вечеря – 20 коп.⁷⁶. У Преславському болгарському за обід треба було заплатити 80 коп.⁷⁷

Ще більше погіршало становище студентства після заборони продажу хліба на приватному ринку. Зокрема, про це йшлося 25 жовтня 1932 р. листі директора Кам'янець-Подільського ІСВ Четверикова до органів ДПУ. Він зазначав, що студенти, не отримавши хліба по розподілу, практикували купівлю його на ринку⁷⁸.

Незадовільне харчування штовхало молодь до вчинення злочинів. Наприклад, у Глухівському ІСВ мали місце крадіжки хліба⁷⁹. Частина молоді Проскурівського польського педтехнікуму підхарчувувалася в саду військкомату, що знаходився поряд з технікумом. Кількох студентів зловили і віддали до райвідділу міліції⁸⁰. Студент Одеського ІПО Мордухович користувався чужими хлібними картками, за що йому оголосили сувору догану. Таке ж стягнення наклали на

---

⁶⁶ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Миколаївська область* [Миколаїв: вид-во «Шамрай», 2008], 19.

⁶⁷ Постолатій, «Педагогічна освіта на Кіровоградщині», 70.

⁶⁸ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 149, арк. 133.

⁶⁹ Воловник, «Мелітопольський пединститут», 42.

⁷⁰ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 7, 178.

⁷¹ Гринько, «Діяльність закладів», 315.

⁷² ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 142.

⁷³ Там само, спр. 326, арк. 69.

⁷⁴ Там само, спр. 150, арк. 7, 178.

⁷⁵ Там само, спр. 149, арк. 133.

⁷⁶ ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1574, арк. 112; ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 92.

⁷⁷ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 825, арк. 8.

⁷⁸ ДАХМО, ф.р. 302, оп. 4, спр. 55, арк. 50.

⁷⁹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 27.

⁸⁰ Гринько, «Діяльність закладів», 315.

його колеги Шполянську і Фрідмана, які підробили картки, але не встигли ними скористатися⁸¹. Крали хлібні і продуктові картки в Харківському ІНО. У наказі директора Подольського від 7 грудня 1932 р. зазначалося, що студенти, у яких вкрали чи вони загубили картки, неодноразово зверталися до адміністрації за отриманням нових. Керівник вишу нагадував молоді, що нові картки видавати заборонялося⁸².

Частина студентів не мали змоги знайти харчі. Вони опухали і помирали. У «Книзі пам'яті про жертви голодомору 1932-1933 н.р. в Україні» зафіксовано прізвища десятків студентів, які померли в 1932-1933 рр., ймовірно від голоду. На жаль, складно ідентифікувати цих студентів щодо належності їх до певного навчального закладу, оскільки такі дані відсутні. Наприклад, серед померлих у цей період згадуються прізвища 69 студентів нинішньої Одещини⁸³, 37 – Донеччини⁸⁴, 21 – Миколаївщини⁸⁵, 19 – Херсонщини⁸⁶, 12 – Хмельниччини⁸⁷, 6 – Житомирщини⁸⁸ і т.д. Звісно, серед них були і студенти інститутів та технікумів педагогічного профілю, матеріальне становище яких були гіршим ніж, наприклад, в індустріально-технічних навчальних закладах.

У більшості їдальень панувала антисанітарія, тіснява, внаслідок чого вишиковувалися великі черги. У їдальнях Куп'янського⁸⁹ і Ніжинського педтехнікумів виникали черги через відсутність ложок, у зв'язку з чим студенти змушені були витратити на обід близько 3 годин, що не могло не позначитися на навчальному процесі⁹⁰. 17 грудня 1932 р. у газеті «Радянська Волинь» дописувач Соп сигналізував, що їдальня Житомирського ІСВ «нагадує своїм видом не ку-

⁸¹ Державний архів Одеської області (ДАОО), ф.р. 1647, оп. 1, спр. 26, арк. 147.

⁸² Відомчий архів Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С.Сковороди, ф.р. 1427, оп. 1, спр. 5, арк. 82.

⁸³ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Одеська область* [Одеса: Астропринт, 2008], 19, 21, 37, 38, 40, 42 і т.д. (всього вказано 69 сторінок).

⁸⁴ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Донецька область 1* [Донецьк: СПД Бледнов, 2008], 123, 125, 126, 130, 136, 169, 201; *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Донецька область 2* [Донецьк: вид-во КП «Реґіон», ФОП «Колесніченко», 2009], 34, 38, 52, 63, 67, 78, 85, 86, 89, 119, 127, 153, 156, 240, 246, 255, 268, 300, 327, 367, 385, 400, 406, 494, 549, 609, 709, 743.

⁸⁵ «Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Миколаївська область», 37, 38, 40, 61, 71, 85, 89, 110, 131, 132, 171, 183, 186, 193, 201, 221, 236, 243.

⁸⁶ «Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Херсонська область», 37, 38, 40, 61, 85, 89, 131, 132, 171, 183, 186, 193, 201, 221, 236, 243.

⁸⁷ *Книга пам'яті про жертви Голодомору 1932-1933 років в Україні: Хмельницька область 2* [Хмельницький: ТОВ «Поліграфіст-2», 2008], 265, 267, 274, 275, 280-282, 284.

⁸⁸ *Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні. Житомирська область* [Житомир: Полісся, 2008], 40, 42, 93, 102, 149, 159.

⁸⁹ Галицький, «З їдальнею не все гаразд» *Студент революції* 4 [1932]: 33.

⁹⁰ Дешко І., «Черги через ложки» *Студент революції* 19-21 [1932]: 30.

льтурну радянську їдальню, а якусь занедбану середньовічну корчму, вогкий, брудний льох»⁹¹ Крім того, вона потребувала розширення⁹². У листопаді 1933 р. повідомлялося, що столи після кожної зміни не витиралися, на них не було кле-йонок, довго йшла видача обідів⁹³. З Кам'янець-Подільського педінституту у жо-втні 1933 р. інформували, що у їдальні були «щоденні черги й повний антисані-тарний стан.»⁹⁴ Тоді ж у Польському педінституті мали місце «бруд і відсутність культурності, великі черги»⁹⁵ Подібне спостерігалось і в інших студентських їда-льнях міста⁹⁶. Зокрема, не дотримувалися санітарних вимог у Київських ІСВ та ІПО⁹⁷. Уманський студент Лукашевич у своїй замітці звертав увагу на те, що зі стелі капала вода⁹⁸. Про це ж йдеться у ще одній публікації анонімного автора⁹⁹. Невдовзі їдальню закрили. Студентство змушене було користуватися послугами загальноміської, вистоюючи у чергах по 2-3 години. Обладнано їдальню було погано, не вистачало ложок, панувала антисанітарія («у харчах часто можна знайти комах») ¹⁰⁰. Один із дописувач журналу «Студент революції» інформував, що майже всі випадки «дезертирства» з Корсунського педтехнікуму «поясню-ються, головню, зовсім незадовільною постановкою громадського харчування... Санітарний стан харчів поганий...»¹⁰¹ У Шепетівському педтехнікумі мали місце випадки, коли «одержали олію, але вона чомусь-то наполовину [була] з га-сом»¹⁰²

У цей важкий для студентів час з боку посадових осіб, а також працівників їдалень траплялися зловживання. З Ніжинського ІСВ повідомляли, що голодно-го 1933-го року завідувач крамниці Руф і продавці Роговинський і Кобзистий ви-писували хліб на студентів, яких насправді не існувало, а потім ділили його між собою і спекулювали. Шахраїв заарештували і їхню справу передали до проку-ратури¹⁰³. У Житомирському ІСВ персонал їдальні приховав частину продуктів.

⁹¹ Соп П., «Покращити культурно-побутові умовини студентства. Боротись за культурний інтернат, за культурну студентську їдальню» *Радянська Волинь* Грудень 17, 1932, 2.

⁹² ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 93.

⁹³ Державний архів Житомирської області (ДАЖО), ф.п. 211, оп. 1, спр. 46, арк. 23.

⁹⁴ ДАХМО, ф.п. 12, оп. 1, спр. 73, арк. 87.

⁹⁵ ДАМК, ф.р. 920, оп. 11, спр. 18, арк. 77.

⁹⁶ Там само, ф.р. 716, оп. 1, спр. 21, арк. 37-39.

⁹⁷ «Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932-1933 років в Україні: місто Київ», 309.

⁹⁸ Лукашевич О., «Штучний дощ» *Студент революції* 1 [1932]: 25.

⁹⁹ Г-ка, «Уманські помії» *Студент революції* 4[1932]: 33.

¹⁰⁰ «Справа була в Умані» *Студент революції* 2-3[1932]: 33.

¹⁰¹ «Чому дезертують у Корсуні» *Студент революції* 2-3 [1932]: 33.

¹⁰² Помернюк О.Д., «Тікають з технікумів» *Студент революції* 2-3 [1932]: 33.

¹⁰³ «Слідом за листом» *Студент революції* 5 [1933]: 28.

Зокрема, замість отриманого від коопхарчу на 400 осіб масла в казан попадав лише 1 фунт. З «вермишелевого супу вермішель куховари витягають і жарять для свого споживання, а студенти їдять – саму воду». На ці недоліки профком уваги не звертав¹⁰⁴. Директор цього ж вишу В.П.Гоца у грудні 1932 р. в зв'язку з продовольчими труднощами на загальних зборах студентів заявив, що у виші буде вчитися той, хто привезе з дому продукти¹⁰⁵. У Вінницькому ІСВ завідувача студентською їдальнею за махінації з харчами зняли з роботи і віддали до суду¹⁰⁶. У цьому виші становище ускладнювали також не достатня кваліфікація і безвідповідальність персоналу їдальні. Мали місце часті запізнення з видачею їжі, невміла організація самого процесу її видачі, внаслідок чого скупчувалися великі черги, що повною мірою відбивалося на ході навчання¹⁰⁷. Малокваліфікованим був персонал їдальні Кам'янець-Подільського ІСВ. Її керівництво не звітувало про свою роботу, що призводило до крадіжок¹⁰⁸. До згадуваної вже нами Кам'янець-Подільської їдальні №5 часто заходили знайомі завідувача їдальні і він наказував давати їм обіди без талонів¹⁰⁹. Зловживання допускали і студенти. У лютому 1933 р. студент III курсу Миколаївського ІСВ Сербенко у гуртожитку спекулював борошном та мануфактурою¹¹⁰.

З точки зору історичної правди маємо зазначити, що влада намагалася надавати допомогу голодуючому студентству. Так, 5 травня 1932 р. політбюро ЦК КП(б)У розпорядилося повністю забезпечити харчами студентів м. Кам'янця. Це сталося після того, як наприкінці квітня сюди навідався секретар ЦК КП(б)У П.П. Любченко¹¹¹. 5 лютого 1933 р. Народний комісаріат постачання УСРР ухвалив встановити гарантійне постачання студентів першого списку за нормами, що встановлені для робітників першого списку. Студентів, які проходили по другому списку, забезпечували так: у Харкові і Дніпропетровську – по 500 гр хліба на одну особу, у Києві та Одесі – по 400 гр. Їм надавали також крупи або макарони – 500 гр, цукор – 600 гр, консерви – 2 коробки, кондитерські вироби – 1 кг

¹⁰⁴ Ялачова, «Справа в їдальні», 25; ДАЖО, ф.п. 211, оп. 1, спр. 46, арк. 12.

¹⁰⁵ ДАЖО, ф.п. 211, оп. 1, спр. 45, арк. 22; спр.46, арк. 10, 21.

¹⁰⁶ Анатолій Лисий, *Історичний факультет ВДПУ (1930-ті – 1941 рр.)* Освіта на Поділлі: минуле та сьогодення (краєзнавчі дослідження): матеріали XXIII всеукр. наук. іст.-краєзнавч. конф. [Вінниця: Вінниц. держ. пед. ун-т ім. М. Коцюбинського, 2011], 65.

¹⁰⁷ ДАВО, ф.п. 292, оп. 1, спр. 8, арк. 33.

¹⁰⁸ Гринько, «Становище науково-педагогічної інтелігенції», 129.

¹⁰⁹ Там само. – С.131.

¹¹⁰ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 32; Державний архів Миколаївської області, ф.п. 498, оп. 1, спр. 89, арк. 64.

¹¹¹ Завальнюк О.М. «Більшовики приймають рішення», 23-33.

на місяць. Постачання студентів інших міст проводили обласні відділи постачання за рахунок місцевих фондів та відповідних норм і списків¹¹². Студентам Коростишівського педтехнікуму в 1932 р. на випускний вечір райком партії виділив 1,5 пуд. пшеничного борошна¹¹³.

Намагалися надавати допомогу студентам і дирекції навчальних закладів. Наприклад, у Черкаському ІСВ завдяки додатковим фінансовим вливанням, які провело керівництво вишу, з 15 січня 1933 р. у їдальні покращилися якість харчування, гігієнічні умови, зменшилося чекання у чергах¹¹⁴. У Житомирському педінституті в 1933 р. весь врожай зібраний у допоміжному господарстві, крім посівного матеріалу, передали у їдальню. Близько 80% продуктів закупляли у колгоспах, прикріплених до інституту. Завдяки цьому студенти отримували 3 рази на день гарячу страву середньої калорійності (15 гр. жирів на особу)¹¹⁵. Для студентів Вінницького ІСВ харчування покращало з 24 лютого 1933 р. Щоправда, його вартість зросла з 85 коп. до 1 крб 50 коп. Щоденно студенти почали отримувати 300 гр. хліба. Для покращення харчування з городу міського робітничого кооперативу, який у 1932 р. був оброблений силами студентів, по собівартості передали для їдальні 427 пудів картоплі, 137 пуд. столового буряка, 183 пуд. капусти, 56 пуд. огірків, 6 пуд. цибулі, 68 пуд. моркви¹¹⁶. В Уманському ІСВ для хворих із стипендіального фонду виділяли кошти для покращення харчування: їм щодня додатково давали 1 стакан молока¹¹⁷.

Все ж ці заходи не могли суттєво допомогти студентству¹¹⁸. Крім того, часто постанови, які виносилися владними та партійними органами, накази дирекції закладів залишалися лише на папері і не виконувалися (наприклад, у Бердичеві не виконали постанову пленуму партійного комітету про збільшення норми хліба для студентів і поліпшення громадського харчування взагалі)¹¹⁹.

Труднощі з харчуванням викликали «нездорові настрої» серед студентства, яке особливих перспектив на поліпшення становища не бачило, наприклад,

---

¹¹² «Про поліпшення постачання студентів вишів та втишів: Постанова Народного Комісаріату постачання УСРР №59 від 5 лютого» *Студент революції* 5 [1933]: 29.

¹¹³ Писарська Г.В., «Педагогічне училище в 1917-1941 роках» Актуальні проблеми історії і літератури Волині та Київщини: зб. наук. пр. 1 [Житомир: Волинь, 1999], 66.

¹¹⁴ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 142.

¹¹⁵ Там само, спр. 149, арк. 149.

¹¹⁶ Там само, спр. 150, арк. 160.

¹¹⁷ Там само, арк. 23зв.

¹¹⁸ Гринько, «Становище науково-педагогічної інтелігенції», 128.

¹¹⁹ ДАВО, ф.п. 136, оп. 6, спр. 20, арк. 82.

у Херсонському ІСВ¹²⁰. Студент Київського ІПО Бурсов дивувався, що «на селі голодують, а говорять про успіхи п'ятирічки»¹²¹. У грудні 1932 р. студент Уманського ІСВ Мусидрай, звітуючи про свою роботу у якості уповноваженого райкому ЛКСМУ, зазначав, що «люди не мають, що їсти і помирають». Він свідчив і про те, що частина відповідальних працівників колгоспів дбали лише про своє благополуччя, а за своїх односельців турбувалися лише формально. Побачене змусило студента зробити висновок, що «ми погналися за кількістю, не звертаючи увагу на якість колгоспного руху, внаслідок чого занепад сільського господарства ... Ми взяли непосильні темпи, а якщо ми взяли такі темпи, то треба було забезпечити їх відповідним керівництвом колгоспів». Це ж саме стосувалося і «25-тисячників, яким дуже важко переорієнтуватися від праці робітника до сільського господарства»¹²² Студент Бердянського ІСВ Панченко зазначав, що радянська влада «весь хліб вивезла, а люди голодують.»¹²³ Навесні 1933 р. студент Житомирського ІСВ Лашкул на вимогу подати звіт про педпрактику заявив: «Що я Вам напишу, про те, як селяни пухнуть з голоду на селі»¹²⁴ У 1933 р. студент Ржищівського педтехнікуму Кармазин заявив, що «зараз на селі голод і що партія з колективізацією зайшла в глухий кут»¹²⁵ В Уманському педтехнікумі студент II курсу Чорний висловився, що «партійці не вміють працювати, вони кажуть, що хліб є, а на селі опухлі лежать... Коли б селяни згуртувалися та зробили повстання, може було б краще». Цю думку поділяв і студент Васенко¹²⁶. Цікаво, що у Київському ІСВ в 1932 р. абсолютна більшість студентів проігнорували урочисті збори, приурочені Жовтневій революції, які мали відбутися 6 листопада, оскільки стояли у черзі за пайком. Тому святкування змушені були перенести на 10 листопада¹²⁷.

Опозиційність викликало і, власне, складне становище самих студентів. Навесні 1933 р. студент Житомирського ІСВ Зайченко організував групу для переїзду в «хлібну» Донеччину. Деякі студенти старших курсів агітували першоку-

¹²⁰ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 9, спр. 1801, арк. 54.

¹²¹ Гогохія Н.Т., Головки В.В., Гудзь В.В. та ін., авт. кол. *Українське радянське суспільство 30-х рр. XX ст.: нариси повсякденного життя* [Київ: Ін-т іст. України НАН України, 2012], 674.

¹²² Дергач В., Жук П., Захарченко В. та ін., авт. кол. *Жорна: Нариси. Спогади. Документи: про політичні репресії на Черкащині в період тоталітарного режиму 2* [Черкаси: б.в., 2001], 63-64.

¹²³ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 73.

¹²⁴ ДАЖО, ф.п. 211, оп. 1, спр. 71, арк. 101.

¹²⁵ Скриженко Ф., «У Ржищеві потрібна перевірка» *Студент революції 7-8[1933]: 39.*

¹²⁶ Прилуцький В.І., *Молодь України в умовах формування тоталітарного ладу (1920-1939 рр.)* [К.: Ін-т іст. України НАН України, 2001], 232.

¹²⁷ Центральний державний архів громадських об'єднань України, ф. 1, оп. 20, спр. 5567, арк. 22.

рників: «Ми ще помучимося трошки, нам залишилося недовго, а ви тут пропадете, скоріше кидайте»¹²⁸. Студент Вінницького педінституту Білик намалював плакат з написом «Призрак ходить по Європі – призрак голоду»¹²⁹. У Кам'янець-Подільському ІСВ поширювалися вислови, що «студентство пропаде, бо нема їжі», «це не їдальня, це вівіска»¹³⁰. Студент II курсу хімічно-біологічного відділу Геренчук у розмові з товаришами говорив, що «в інституті дуже гарно прибрано, але студенти голодні ходять»¹³¹. З Бердичівського ІСВ у 1932 р. повідомляли, що серед студентів траплялися «занепадницькі» настрої: «Хліб нам не дають, ми пропадемо, будемо скоро лаятися на вулиці, як коні... Треба спочатку забезпечити, а потім вимагати соцзмагання та ударництва»¹³². Низку заяв зробили студенти Ніжинського ІСВ. Ось тільки деякі з них: «Люди мруть, гроби заказують у чергу і я вже в чергу записався» (Іваненко), «В Ніжині мруть і пухнуть, що скоро не вистачить дошок ховать» (Патрикей, Стрикун, Єременко), «Що це за будівництво соціалізму, коли люди помирають... Хіба будеш учитися, коли ти голодний» (Муха). Студенти Середюк і Масюк висловлювалися, що бригади, які відряджалися у села, «об'їдали селян». Водночас, вони запитували, «де подівається той хліб, що [ми] заготов[ляли]. Нам він щось не попадає. Все йде в провалля»¹³³.

Невдоволення студентства викликала і та обставина, що педагогічні навчальні заклади гірше забезпечувалися ніж заклади, які належали до інших відомств. Так, у Харкові студенти педінституту отримували 400 гр хліба, хіміко-технологічного – 600, авіаційного – 800¹³⁴. У Глухівських ІСВ та педтехнікумі норму забезпечення молоді знизили до 300 гр, натомість молоді коноплярського інституту видавали по 700 гр¹³⁵. У Бердянському педтехнікумі студентам видавали 300 гр хліба, у той же час студентство індустріального і медичного технікумів отримувало по 600 гр. Крім того, у технікумі закрили їдальню, внаслідок чого молодь змушена була харчуватися у коридорі¹³⁶.

¹²⁸ ДАЖО, ф.п. 211, оп. 1, спр. 71, арк. 101.

¹²⁹ ДАВО, ф.п. 136, оп. 6, спр. 493, арк. 2; ф.п. 292, оп. 1, спр. 25, арк. 20зв.

¹³⁰ ДАХМО, ф.п. 4, оп. 1, спр. 35, арк. 13зв.

¹³¹ Там само, ф.р. 302, оп. 1, спр. 2216, арк. 83-83 зв.

¹³² ДАВО, ф.п. 136, оп. 6, спр. 20, арк. 76.

¹³³ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 60-61.

¹³⁴ Рябченко, «Студенти радянської України», 320.

¹³⁵ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 149, арк. 114.

¹³⁶ Довгополов, Огульчанський, «Обід на вікні» *Студент революції* 31-32 [1932]: 26.

У голодний 1932-1933 н.р значно зріс відсів студентів. Так, Уманський ІСВ покинули 42,9% студентів¹³⁷, Дніпропетровський ІПО – 37,2%¹³⁸, Житомирський ІСВ – 36,6%¹³⁹, Херсонський – 29,7%¹⁴⁰, Чернігівський – 29,3%¹⁴¹, Бердянський – 26,2%¹⁴², Новомосковський – 25%¹⁴³, Криворізький ІПО – 24,8%¹⁴⁴, Сумський ІСВ – 23,1%¹⁴⁵, Зінов'євський – 21,4%¹⁴⁶, Мелітопольський – 12%¹⁴⁷. З Кам'янець-Подільського ІСВ у першому семестрі відсіялися 20,4% студентів¹⁴⁸, у другому – 37%¹⁴⁹, з Вінницького – з 1 січня по 15 березня 1933 р. – 16,3%¹⁵⁰. Студентський контингент Одеського ІПО скоротився на 100 осіб¹⁵¹, Лубенського ІСВ – 56¹⁵².

Великий відсів спостерігався і в педтехнікумах. Так, у Тульчинському педтехнікумі лише за два місяці (у грудні 1932 – січні 1933 рр.) навчання покинули 59,5% студентів¹⁵³, Київському російському – понад 50%¹⁵⁴, Кам'янець-Подільському – 33%¹⁵⁵. В інших закладах цей показник був нижчим. Зокрема, у Маріупольському грецькому педтехнікумі він становив 25,9%¹⁵⁶, Конотопському – 23,5%¹⁵⁷, Хортицькому німецькому – 18,7%¹⁵⁸, Харківському педтехнікумі політехнічної освіти – 14,7%¹⁵⁹, Проскурівському польському – 14%¹⁶⁰, Київському польському – 10,6%¹⁶¹.

Таким чином, у 1932-1933 рр. студентська молодь відчула катастрофічні наслідки голоду. У цей час удвічі зменшили норму видачі хліба, зросла вартість харчування. У більшості їдалень, у яких панувала антисанітарія і тіснява, їжа

¹³⁷ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 15.14.

¹³⁸ Державний архів Дніпропетровської області, ф.р. 1506, оп. 1, спр. 8, арк. 10.

¹³⁹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 91.

¹⁴⁰ Там само, арк. 213.

¹⁴¹ Там само, арк. 199.

¹⁴² Там само, арк. 74.

¹⁴³ Там само, спр. 150, арк. 8.

¹⁴⁴ Там само, спр. 148, арк. 238.

¹⁴⁵ Там само, арк. 238зв.

¹⁴⁶ Там само, арк. 11.

¹⁴⁷ Там само, арк. 108.

¹⁴⁸ Там само, арк. 92; ДАХМО, ф.р. 302, оп. 1, спр. 1841, арк. 38зв.

¹⁴⁹ ДАХМО, ф.п. 12, оп. 1, спр. 73, арк. 83.

¹⁵⁰ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 150, арк. 160.

¹⁵¹ ДАОО, ф.р. 1647, оп. 1, спр. 29, арк. 7.

¹⁵² ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 148, арк. 134.

¹⁵³ Кліцаков І.О., *Педагогічні кадри України (1917-1937 рр.)* [Донецьк: Юго-Восток, 1997], 218.

¹⁵⁴ ДАМК, ф.р. 359, оп. 1, спр. 67, арк. 82.

¹⁵⁵ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 1521, арк. 3.

¹⁵⁶ Там само, оп. 11, спр. 326, арк. 30.

¹⁵⁷ ДАСО, ф.р. 4307, оп. 1, спр. 141, арк. 192.

¹⁵⁸ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 11, спр. 326, арк. 38.

¹⁵⁹ ДАХО, ф.р. 1431, оп. 1, спр. 5, арк. 43зв.

¹⁶⁰ ДАХМО, ф.р. 2597, оп. 1, спр. 2, арк. 57.

¹⁶¹ ЦДАВО України, ф. 166, оп. 10, спр. 1529, арк. 15 зв.

була малокалорійною, неякісною. Незадовільне харчування негативно відбивалося на продуктивності праці студентів, відвідуваності занять, штовхало молодь до вчинення злочинів. Частина студентів померли, значно зріс їхній відсів. Водночас, у цей важкий для студентів час з боку посадових осіб, а також працівників їдалень траплялися зловживання. Труднощі з харчуванням викликали опозиційні настрої серед студентства.

The American Historical Review

Issue 5 (2), December 2018

VOLUME 123

